

Юлия Гай

**ОДИН
ЗА ДВОИХ**

2017

Будь осторожен, докапываясь до истины, иначе выроешь себе могилу. Бывший десантник спецподразделения «Вепрь» Дан Райт, пытаясь разобраться в обстоятельствах гибели старшего брата — подполковника военной разведки империи, находит базу, где готовят террористов-смертников. Ему предстоит война против всего мира и собственного безумия.

Юлия Гай
Один за двоих

*Господи, помилуй
И наставь раба,
Для кого постылой
Сделалась судьба.*

*Остуди мне рану
Или смерть пошли.
Не убьешь — я стану
Ужасом Земли.*

Грушко П.

Штормзвейг. 23 августа 974 года Нового Времени.

Раннее утро. В распахнутое окно гляжу на пылающую нитку горизонта. В зеленоватом небе облака медленно розовеют, их края делаются пурпурными или желтыми. Только здесь, в междумирье, рассвет может быть столь причудливо многоцветным. Вдыхаю прохладный ночной воздух. Еще не скоро опустится утомительная липкая жара, и эти утренние часы у окна примиряют меня с наступлением очередного бессмысленного дня.

— Дан, милый, ты уже проснулся?

Лина радостно влетает в комнату, тискает меня, запускает пальцы в волосы на макушке. Все это вызывает во мне глухое раздражение, и хочется послать ее подальше, но я терплю, потому что у меня нет никакого желания снова объясняться с ней. Она всегда умудряется переспорить меня, так зачем же выставлять себя идиотом?!

— Закрой окно, дуэт, — говорит она, но вскакивает и сама бросается к створке.

— Нет! — я хватаю ее за руку и оттягиваю от окна. — Не прикасайся ни к чему в моей комнате.

Не могу находиться в закрытом пространстве, мне нужен кислород.

Лина удивленно моргает.

— Ты простудишься, — с обидой обещает она.

— Не твоя забота, — огрызаюсь я и возвращаюсь в кровать.

Она пожимает плечами и тут же, будто ничего не случилось, заводит новый разговор:

— Чего бы тебе хотелось на завтрак? Я специально встала пораньше, чтобы побаловать моего мальчика.

— Все равно, — отворачиваюсь к окну, там из-за горизонта показался край солнечного диска.

— Ну, тогда поджарю хлебцы и намажу абрикосовым джемом, как ты любишь, — говорит Лина.

Так и не дождавшись ответа, она выходит. У меня есть полчаса одиночества и покоя. Откидываюсь на подушку и прикрываю глаза, сквозь смеженные веки проникает розовый

свет, мне на короткий миг становится... терпимо. Отступает бессонница, глухая тоска, нытье в груди. Наступающий день должен чем-то отличаться от других, от целой вереницы пыльных жарких дней в междумирье, где давно прекратились бои и начались переговоры.

— Дан, спускайся завтракать, — кричит Лина.

Не выйти нельзя — придет сама и опять будет зудеть про полезность завтрака для моего драгоценного здоровья.

Натянув джинсы и майку, спускаюсь. Лина суетится у стола. Самая красивая девушка в Штурмзвейге, дочь лидера Умано, отважная и умная. Перекинув за спину каштановую косу, в шелковом халатике, она ни на секунду не останавливается, порхая по большой кухне. Когда-то я до смерти влюбился в нее, увидев в штабе командора Рагварна.

— Дан, милый, а у нас гости, — подняв на меня взгляд, улыбнулась Лина, она любит гостей.

Ларсен и Оскар, бывшие бойцы отряда «Вепрь», а нынче просто приятели, уже расположились за столом и жадно поглядывают на жареные хлебцы с джемом и клубникой. Оба поднялись мне навстречу, крепко пожали руку.

— Давно не виделись, Дан.

— Мы только из штаба и сразу к вам, услышали новость... все просто ошеломлены!

Не понимая, о чем речь, я посмотрел на Лину. Она широко улыбнулась.

— Садитесь скорее за стол, горячий шоколад уже готов.

Ребята уселись и отдали дань стряпне Лины, болтая о новостях в штабе, о жарких схватках в Ходхольме, куда их забросила судьба после расформирования моего отряда. Оскар женился, Ларсен купил поместье в пригороде Оримы — столицы империи.

— А как ты, Дан? — спросил Оскар, когда мы вышли в сад покурить.

— Как обычно, — пожал плечами я.

— Отпустило?

— Что отпустило?

Оскар наморщил лоб.

— Я про Корда.

— Отпустило.

Он улыбнулся одними губами, а я отвернулся. Чего им всем надо? Какая им разница? Неужели думают, что расплачусь и стану изливать им душу? Расскажу, как меня тошнит от междумирья и от назойливой заботы Лины и ее семейства? Расскажу, как уже год ничего не хочу, ничего не делаю, почти не ем, почти не сплю? Как мне не хватает тебя? Неужели они думают, что хоть чуть-чуть меня понимают?

На улице переполох: говор, свист, какие-то крики. Жара навалилась, как обычно, в одно мгновение, дышать стало тяжело. Но извилистая улица полна народу, над заборами повисли шелковые ленты и поднялись разноцветные шары. Что-то не припомню, чтобы сегодня был праздник. Но, может, в Штурмзвейге какое-то местное торжество, а значит, покоя не будет не только днем, но и ночью.

Когда Оскар и Ларсен уходят, Лина тянет меня на диван в гостиной, где усаживается, не выпуская из цепких рук. Ее горячее дыхание щекочет шею.

— Я так довольна, Дан. Наконец-то наша работа увенчалась успехом, — шепчет на ухо Лина, — вечером прибудет посольство нарьягов, а завтра будет подписан договор о столетнем мире между нашими народами.

— Что?!

У меня темнеет в глазах.

— Договор о мире?

— Ну да, война закончилась, и завтра будет подписано соглашение о мире. Ты же всегда этого хотел, Дан!

— Разве я когда-то об этом говорил?

— Но я думала, что ты... — растерянно говорит Лина, — ты должен быть рад, что война, унесшая столько жизней, закончилась...

Она думала!!!

— Она не закончилась! — вырвавшись из ее объятий, отвечаю я. — Не может быть мира с этими тварями, они вцепятся вам в глотку, едва вы отвернетесь!

— Дан, все не так! — говорит Лина. — Нарьяги не станут нападать на своих партнеров, мы заключим торговый договор, который принесет и нам, и Нарголле большую прибыль. Торговая федерация одобрила проект и дала согласие...

Я молчу, что я могу сказать ей? Лина — дипломат, а не воин, но как Рагварн допустил подобный поворот дела? Сейчас, в двух шагах от победы, отдать все завоевания врагу и заключить с ним мир!

— Командор Рагварн прибыл вчера из штаба, — сообщает Лина, — и будет присутствовать при встрече посольства, после чего войска покинут междумирье.

Она снова обвивает руками мою шею, а кажется, что меня душат две змеи сразу.

— Дан, ну чем ты опять недоволен? Только не говори, что хочешь вернуться в Ориму! Иногда я даже рада, что ты послушался приказа...

Лина целует меня в губы, пытаюсь повалить на спину. Она хочет, чтобы я разделил с ней ее триумф.

— Послушай, давай в другой раз, — выворачиваюсь я, — у тебя наверняка много дел, а мне пора на пробежку.

— Конечно, милый, — охотно соглашается Лина и поправляет прическу, — я первая в душ.

Бегу. Бегу по тропинке среди знакомых холмов, и жаркий воздух раздирает грудь. Если бы можно было убежать от памяти. Вон там, слева у леса, знакомый сторожевой пост — поднятая на сваях будка среди моря разнотравья. Здесь я в последний раз видел тебя живым...

Падаю в траву с бешено бьющимся сердцем, рву руками толстые, с острыми краями стебли, скрипя зубами от злости. Мир с нарьягами! Неужели кто-то уверен, что он возможен?! Это дикие звери, единственная сила которых в обладании реликтовой магией. Обитатели странного темного мирка, донельзя чужого; у них общинный строй, где пещерный шаман приравнен к богу, а высшей доблестью считается растерзать врага живьем, как можно дольше не давая ему умереть. Что культурные штормзвейгцы могут предложить человекообразным хищникам и что получают взамен? Почему никто не видит очевидного?! Рагварн не имеет права выводить войска из-под Нарголлы.

Травы шумят, на бреющем полете промчалась какая-то птица, поднимаюсь и направляюсь к сторожевому посту. Кто-то машет мне из окна, и на мгновение кажется... нет, не может быть! Каска мелькнула и исчезла. Остановливаюсь, глядя вдаль. Там, в чаще леса, проход в Нарголлу, слабо защищенный магнитным полем.

Шорох за спиной, обернулся — пусто. Как глупо! Тебя нет,... я — никто, и больше ничего не могу изменить. Впрочем, и тогда не мог, ты мне сразу это сказал. И снова твой

голос звучит в шелесте трав.

— Зачем ты ушел, Дан? — ты стоял вполоборота и не смотрел мне в глаза.

— Тебе нужен мой ответ?

— Нет, я слишком хорошо тебя знаю. Ты поступил по совести, но не по уму.

— Ты пришел читать мне мораль, Корд? — засмеялся я. Ты пожал плечами:

— Нет, я принес приказ командования вернуться и сдать табельное оружие.

— Вот как?!

— А чего ты хотел, Дан? — обернулся ты, черные глаза метнули молнии, — ты не просто ушел сам на вражескую территорию, нарушив приказ командора Рагварна, но и увел с собой отряд: тридцать бойцов с полными боекомплектами. Думал, тебя за это по головке погладят?

— А ты! — заорал я. — Ты сидел в штабе, когда здесь убивали, и молчал, когда Рагварн решил повременить с десантированием!

— Дан!

Я сел на траву, положив на колени винтовку.

— Ты всегда учил меня быть честным, Корд, — проговорил я, — скажи, разве на моем месте ты сделал бы по-другому?

— Да, — кивнул ты, — ты отвечаешь за свою группу и обязан был подождать разведанных.

— Но здесь убивали, убивают, ты понимаешь это?

— Конечно.

В тот момент мы оба вспомнили наших родителей. Они были военными хирургами, однажды в палатку госпиталя попал снаряд, мне было тогда десять, тебе — восемнадцать.

— Я не хочу, чтобы с ней было так же! — сжав кулаки, выкрикнул я.

Ты улыбнулся, взгляд стал теплым и заинтересованным.

— Тебе понравилась Лина? Красивая девушка, вот только думать командир отряда должен головой, а не другим местом...

— Ну хватит уже! — вспыхнул я. — Даже если с меня сдерут погоны и отправят к шустам драить палубы миноносцев, я не уйду отсюда до прихода Рагварна. Это мой долг перед самим собой!

Ты усмехнулся над моей пламенной речью. Мой уход станет причиной не только моих, но и твоих неприятностей — у знаменитого Корда Райта, Стального Сокола, как тебя называют, младший брат — предатель.

— Надеюсь, тебя не расстреляют за развязывание войны, — холодно промолвил ты, устремляя взгляд вдаль.

Да что ты там выглядываешь в этом проклятом лесу?

— Главное, я смогу защитить местное население, — хмыкнул я, пытаюсь вспомнить свод законов и найти хоть какую-нибудь зацепку, утереть нос тебе, всезнайке, — в районе боевых действий командир свободной боевой единицы имеет право действовать согласно обстоятельствам.

— Ты не все знаешь, Дан, — устало сказал ты, — мы должны собрать больше данных перед тем, как бросать сюда войска. Местное население...

Грохот далекого взрыва похож на раскат грома. Сердце подпрыгнуло, отбивая чечетку о ребра.

— В городе!

Я вскочил, перехватывая винтовку удобнее.

— Корд...

— Иди! — велел ты. — В боевой обстановке командир отряда действует согласно обстоятельствам. Я останусь здесь, на сторожевом посту.

— Здесь?

Ты улыбнулся, от темных строгих глаз разбежались лучики морщинок.

— У меня полный магазин и две светошумовухи... Дан!

— Что? — я обернулся уже на бегу.

— Не геройствуй, продержитесь немного — Рагварн уже на подходе.

Я вскинул руку и побежал. В Штормзвейге горели дома и склады с припасами. Когда я добрался до своих, поднялся ветер такой силы, что мог содрать мясо с костей, и я увидел нарягов. Длинные костлявые фигуры, обвешанные всякой всячиной: бусами, кожаными лентами, металлическими кольцами; из одежды лишь порты и безрукавки, ногти намазаны чем-то алым — отвратительное зрелище!

Я разделил бойцов на пятерки и раздал приказы.

— Заходим сзади. Оскар, светошумовуху, идем по сканеру.

Странная магия расщепляла наши пули, у меня расплавился в руках подаренный тобой цехимский нож. Но я лично сломал в том бою две длинные шеи, остальных взяли в плен, тщательно изолировав от мирного населения. Рагварн вломился в Штормзвейг в разгар боя, имперский десант гнал нарягов до того самого поста, где остался ты.

Я потерял четверых убитыми, трое были взяты в плен, в том числе, и ты. Рагварн при всем строе сорвал с моего кителя золотые нашивки и разжаловал в рядовые. Когда начались переговоры об обмене пленными, ты уже был мертв.

Возвращаюсь домой по украшенным к празднику улицам, лица людей так и расплываются в улыбки, от разноцветных шаров рябит в глазах.

— Дан, здорово! — приветствуют меня ребята из патруля, — заходи вечером в «Баллабуа», отметим.

Киваю и поспешно прохожу мимо. Дома Лина и ее родители радостно встречают меня, а я шарахаюсь от них, как от чумы, ухожу к себе и запираю дверь на защелку. Сейчас будут ломиться.

Так и есть.

— Дан, милый, ты здоров?

Зарываюсь лицом в подушку — я не могу больше сегодня никого видеть, зажимаю уши, чтобы не слушать глухие удары в дверь и обеспокоенные голоса. Солнце за окном палит ужасно, не спасает даже сад. Хоть капельку, хоть глоток свежести и тишины!

В детстве я любил солнце, а тебе нравился дождь. Я не мог понять, как можно любить слякотную хмарь вместо неба и мир, разукрашенный во все оттенки серого. Теперь я пресыщен солнцем, миром, спокойной и размеренной жизнью, а в Ориме сейчас дожди стучат по крыше нашего старого дома, по подоконнику твоей комнаты, где мальчишками мы умещались вдвоем.

Наконец меня решают оставить в покое, наступает тишина, глаза слипаются, и я погружаюсь в тягостный сон. Просыпаюсь на закате, комната, постель — все будто в крови. Кровь солнца разлита по миру, где предательство и глупость всегда идут рука об руку. Лина сидит на краешке, с тревогой заглядывая мне в лицо.

— Как ты вошла?

— Перепилила защелку ножовкой. Ты спал, как убитый, и ты все-таки заболел, горишь весь.

Неужели? Голова действительно раскалывается, горло будто выдраили скребком.

— Посольство прибывает через час, а я боюсь оставить тебя одного.

— Я пойду с тобой, — приподнявшись на локте, объявляю я. Лина глядит на меня, как когда-то мама — с искренней уверенностью, что только ее ласка и волшебные примочки смогут спасти мою жизнь.

Она прикладывает ладонь к моему лбу и тут же отдергивает.

— Я пойду с тобой, — с нажимом повторяю я.

— Хорошо.

Через час мы стоим на площади, зарево бьет в глаза. Я и сам не понимаю, зачем пришел смотреть на этот балаган. Тишина, ровные колонны имперских войск, командующий здесь, в междумирье, полковник Логерфильд и рядом с ним сам Рагварн, огромный, с густыми седыми бакенбардами. Логерфильд аж зеленеет от злости, что приходится отдать нелюдям завоеванные позиции. Но посмей спорить с командором — лишат заслуг и отправят воевать на самый дальний кордон.

В любопытной толпе пронесся вздох — посольство прибыло. Знакомые до рези в глазах тощие фигуры нарьягов, их шаркающая походка, полуприкрытые глаза на костлявых лицах, слышно только брнчание бусин и колечек да какие-то легкие шорохи. Лина сжимает мой локоть, шепчет:

— Дан, тебе надо полежать, иди домой.

— Где их поселят?

— В «Грандкарине», наверное, где всех. Да какая разница? Пойдем домой, ты бледный, как смерть.

В последний раз оглядываюсь на Рагварна, который выступил навстречу нарьягам и о чем-то беседует с главным шаманом. Лина тащит меня домой, укладывает в постель и подает какую-то большую твердую таблетку. Я послушно пью гадость, потом беру ее за руку, она замирает, ожидая вопроса.

— Лина, ты утром говорила, что договор с нарьягами будет выгоден обеим сторонам. Что вы получали от дикарей в обмен на огнестрельное оружие?

Мне показалось, что Лина побледнела. А может, это последний алый луч канул за черту междумирья, и стало темно.

— О чем ты, Дан?

— Лина, не лги мне! Вы давно торгуете с нарьягами. Что случилось год назад? Вы не выполнили условия сделки и бросились к нам за помощью?

— Дан, ты бредишь! — испуганно вскрикивает она. — Ты не понимаешь, что говоришь! Какая торговля?

Прижимаю руки к вискам. Ну, и зачем я говорю это ей? Да, я давно догадался, еще тогда, когда мы нашли тела пленных с набитыми свинцовыми пулями животами.

— Уходи, Лина.

— Дан, послушай...

— Убирайся!

Она выскакивает за дверь, я впиваюсь зубами в подушку, чтобы умерить ярость. Лина не виновата, вернее, виновата не она одна. Лидер Умано лгал имперцам, чтобы использовать наше оружие и солдат. Не знаю, кого я ненавижу больше: нарьягов, которые замучили тебя,

или штормзвейгцев, обманувших меня.

— Прекрати, Дан! В кого ты превратился?

Поворачиваю голову, ты сидишь в кресле, подставив лицо догорающему закату. Спокойный и безмятежный, будто и не умирал долго и страшно со вспоротыми внутренностями. На губах легкая мечтательная улыбка. Если бы я не знал точно, что ты умер и похоронен, бросился бы к тебе, как маленький мальчик, и схватил в объятия. Закрыв глаза, открыл — ты по-прежнему глядишь в окно, больше не обращая на меня внимания. Меня начинает трясти, видимо, все-таки лихорадка.

— Неужели ты спасся, Корд? — хрипло шепчу я.

— Не обманывай себя, Дан, конечно же, нет, — отвечаешь ты.

— Но почему я тебя вижу?

— Наверное, потому что хотел меня увидеть.

Я сошел с ума! Когда видения начинают разговаривать — это типичный признак шизофрении, или от жара мутится в голове.

— Хватит, брат, — резко оборачиваешься ты, глядишь в упор, сощурившись, — ты хотел спросить совета — спрашивай.

Вскакиваю с кровати и оказываюсь возле тебя, у окна. Ветер холодит разгоряченную спину. Мгновение поколебавшись, хватаю тебя за руку: она теплая и вполне похожа на человеческую плоть, погоны на сером кителе мерцают в темноте. Как хочется верить, что это ты, настоящий ты, даже если всего на полчаса вернувшийся из-за незримой грани!

— Они заключают мир, завтра, на рассвете.

— Все возвращается на круги своя, да? — с усмешкой говоришь ты.

— Если бы не я, ничего бы не было...

— Возможно, — охотно соглашаешься ты, — а может, и было бы. Тебе не в чем винить себя — ведь ты поступил по совести.

— Но не по уму. Я не послушал тебя, когда ты пришел меня предостеречь. Ты знал про договор между нарьягами и Штормзвейгом?

— Конечно, ведь в моем распоряжении были разведданные.

Судорожный вздох, грудь раздирают рыдания, хочется прижаться к твоему плечу и самозабвенно жаловаться на свою никчемную жизнь, покотившуюся под откос из-за единственной, фатальной ошибки.

— Я виноват в твоей смерти.

— У тебя мания величия, брат, я не твой подчиненный, — смеешься ты.

— Расскажи, как это было, — сдавленно прошу я, усаживаясь на подоконник и дрожа от холода.

— Не так страшно, как ты думаешь, — пожимаешь ты плечами, — у меня была капсула пиралгезина. Я почти ничего не чувствовал, хотя до конца находился в сознании.

Сейчас, в твоём нынешнем состоянии, тебя, конечно, не волнуют подобные мелочи. Ты отмахиваешься от вопроса, как от надоедливой мухи.

— Корд, я устал, — откинув голову, я прикрываю глаза. Мне кажется, тебе надоели мои жалобы, и ты сейчас уйдешь. — Я ничего не могу изменить.

— А ты хотел бы изменить что-то? — заинтересованно спрашиваешь ты.

— Если бы можно было вернуть все назад...

— Что бы ты сделал?

— Остался бы с тобой на сторожевом посту.

— И поступил бы неверно, — назидательно произносишь ты, — Впрочем, изменить прошлое ты все равно не можешь, только будущее.

— Разве можно еще что-то изменить? — нервно дергая плечами, спрашиваю я.

— Жаль, что я так и не научил тебя видеть сквозь внешнюю шелуху. Ты по-прежнему не замечаешь очевидное, — печально улыбаешься ты, твой голос отгоняет боль и тоску, влажный ветер за окном теребит кроны абрикосовых деревьев.

— Нам не хватило времени.

— У нас его будет еще много, — обещаешь ты, — не торопись, иначе вновь ошибешься.

Срываюсь с подоконника, наконец, набравшись смелости. Ты встаешь навстречу, протягиваешь руку, рукопожатие выходит крепким, в твоих глазах нет ни боли, ни сожаления, лишь теплота и... одобрение.

— Я буду ждать тебя в нашем доме, в Ориме...

От тихих шагов в коридоре замираю — Лина. Что будет, если она войдет и увидит тебя?

— Дан, — шепот сливается со скрипом двери.

Приподнимаюсь с постели, опираясь на локоть, провожу ладонью по вспотевшему лбу. Померещилось! Сон! Но я проснулся почти здоровым, голова свежая, мысли спокойны и кристально чисты.

— Ты прости меня, Дан, — Лина с опаской присела на краешек кровати, — я слишком много думала о работе и слишком мало о тебе. Ты расстроен, что корпус Логерфильда покидает Штормзвейг? Конечно, расстроен, ведь ты солдат, ты брат Стального Сокола. Если хочешь, давай поедem в Ориму, может быть, там тебе станет легче?

Я молчу. Темные шелковые прядки волос покачиваются, Лина ежится, она привыкла к их вечной иссушающей жаре.

— Я очень люблю тебя, Дан, даже больше, чем Штормзвейг.

Мгновение подумав, протягиваю к ней руку. Лина хватается, как утопающий за соломинку, нежно целует в глаза, брови, как всегда перехватывая инициативу. Ей не нужно много времени, чтобы распалиться. Она хрипло дышит, крепко обвивая мое тело руками, ногами, губы оставляют на коже горячие, как клеймо, поцелуи. Потом, когда все заканчивается, обессиленная, падает мне на грудь и забывается в глубоком сне человека, выполнившего свой долг.

Отвожу прядку с ее умного, волевого лба; наверное, ей придется трудно, когда я уйду. Но наступило время исправить ошибку, совершенную мною.

Голова работает четко и ясно, встаю, стараясь не разбудить Лину, одеваюсь.

Странные звуки доносятся с улицы: дождь шумит в кронах деревьев. Свежесть разлилась по междумирию, наполнила его кислородом и свободой. Теперь дождь зарядил надолго, в Штормзвейге всегда так бывает.

Бегом по лужам я добираюсь до памятного сторожевого поста. Боец без каски спит, по дежурке раскиданы пустые бутылки дешевого контрабандного портвейна с окраинных мирков. Отперев потайной ящик, достаю припрятанное обмундирование, облачаюсь в бронекостюм, в подсумок — гранаты, запасной рожок патронов, за спину — штурмовую винтовку. Так же бегом достигаю города — счет идет на минуты.

Передо мной громада отеля «Грандкарина» — самое высокое здание междумирья, изящное, из металла и стекла. Настраиваю тепловой сканер, каску, цепляю датчики, винтовку в руки. Вперед!

Портье не спит, начал в испуге сползать со стойки. Едва я схватил за ворот рукой в

бронированной перчатке, тут же назвал номера посольства и Рагварна. Третий этаж налево. Разбив прикладом пульт охраны, бегом поднимаюсь вверх, там неясно мерцает коридорная лампа. Кто-то бежит по длинным лестницам, глупо было бы полагать, что меня не заметят. Светошумовуху — в узкий зев коридора. Первая дверь, вторая, вот и нужная. Выбиваю ногой. Это они: четверо нарьягов — алые фигурки на сканере. Защитное излучение вцепилось в ноги, если бы не костюм, судорога сломала бы мне кости. Автоматная очередь разорвала тишину, криков не слышно, аппаратура шлема настроена на улавливание имперской речи. Половина пуль расплавилась на лету. Бросок, под ногами горячие гильзы, нарьягов, ошеломленных скоростью нападения, остается только добить. Жаль, я не могу бросить их недобитыми в каменистой пустыне!

Последний вцепляется мне в руку, на миллиметр не дотянувшуюся до горла. В сканере его глаза отливают ядовито-изумрудной зеленью. Разбиваю башку прикладом и отбрасываю обмякшее тело.

— Рядовой Дан Райт.

Широкая алая фигура — командор собственной персоной, вокруг него охрана с «зубрами». Я медленно отступаю к окну.

— Брось оружие, предатель! — приказывает он. — Хоть пальцем шевельнешь, стреляем без предупреждения.

— Стреляй, Рагварн, — отвечаю я, поднимая руки. Магазин автомата пуст, даже приклад погнулся — все равно меня ждет расстрел, днем раньше, днем позже.

— Ты второй раз развязал войну! — гаркнул Рагварн. — Опозорил мундир имперских войск, опозорил память брата...

Руки опускаются, сердце рвется из груди, дождь колотит по подоконникам, как в старом доме, в Ориме...

— Я исправляю свою ошибку.

Резкий рывок с пояса — граната полетела в толпу, «Зубры» выплюнули короткие злые очереди. Бросаю непослушное тело в высокое окно. Две пули рикошетом достали меня: одна — в плечо, другая попала в сканер. Звон, взрыв. Группируюсь в полете. Хорошо, что под окнами «Грандкарина» растут роскошные кусты акации. Боль в лодыжке — кажется, растянул связку, — боль в плече. Спасительная боль! Жив! Дождь хлещет по плечам, смывая кровь и пот, я избавляюсь от «слепого сканера» и снова бегу.

Тяжелыми шагами преодолеваю последние метры до сторожевого поста.

Вот и все. Рагварн мертв, а Логерфильд не успокоится, пока не оставит от Нарголлы камня на камне, полковник — человек редкого упорства. Союзу диких шаманов и современных технологий не дано сложиться, как бы к этому ни стремились штормзвейгцы, слишком опасна и непредсказуема подобная коалиция. Я же положу все силы, чтобы уничтожить корни чуждых, темных сил нарьягов.

Тебе придется еще подождать, Корд.

Там, в чаще, узкий, почти незаметный портал. Без колебания я шагаю в его темную жадную глотку, дождь затихает где-то вдали вместе с родным голосом:

— Не торопись, Дан...

=== Часть первая ===

Мятежник

Если от судьбы удалось уйти, значит, не судьба...

Синее небо заливают светом взлетную полосу, облака скользят легкими тенями по серой дорожке. Кругом поля с сочной зеленой травой — солнце, лето. Возле хищного матово-серебристого истребителя «Chort» виднеется высокая широкоплечая фигура офицера имперского флота. На форменном кителе сияют шестиконечные звезды. Сердце наполняется радостью, куртку на спине будто прорывают крылья. Я бегу и, хохоча, прыгаю на спину офицеру, обнимая за шею. А что? Ведь это же мой старший брат!

— Дан, — вскрикивает он, — ты... куришь?

Стряхивает меня с плеч и выдергивает изо рта мятый окурочок.

— Ну... да, курю.

— На летном поле курить запрещено.

— А ты зануда, Корд!

Брат давит окурочок носком ботинка и смеется.

— Откуда ты здесь?

— Вернулся полчаса назад. Хотел поскорее тебя увидеть, пришлось порасспросить...

Есть у тебя время?

Корд внимательно смотрит мне в глаза.

— Для тебя, конечно, есть.

Лежим в траве, как на перине, а над нами проносятся снежные перья облаков. Ветер шумит где-то в вышине, ветер — для самолетов, для нас — тишина: война закончилась.

Поднимаюсь на локте. Брат лежит, закинув руку за голову, во рту травинка, взгляд совсем не такой, как обычно: мечтательный, рассеянный.

— Забавно, — говорит Корд, глядя в небо, — оседлали «Черта» в самом конце компании, он бесподобен.

— Жалеешь, что закончились бои?

— Прикуси язык! — прикрикивает брат. — Нет, конечно, жалею, что не прокатил на нем тебя.

— А ты хотел? — на миг от радостного детского предвкушения сделалось жарко в груди.

— Еще бы... — он грызет травинку и улыбается, — показать Ориму с высоты в десять тысяч.

Падаю рядом, зарываясь лицом в траву. Зачем мне Орима? Зачем мне твой «Черт», пусть он будет самым-самым бесподобным истребителем?! Главное, война закончилась, и мы оба живы! Вот за это благодарю и небо, и облака, и «Чертей», поднимающих в облачное небо пилотов имперского флота...

Темное окно портала осталось за спиной. Дьявол, дьявол, ну почему? Почему ОНИ всегда показывают такое, норовят задержать в своей глубине, дарят эфемерное, призрачное счастье, ломают волю? Тысячи тренировок и тестирований впустую, я едва не остался там, в ледяной пустоте... в траве на летном поле.

Стаскиваю шлем, отираю ладонью мокрое лицо, размазывая слезы, пот и кровь из разрезанной брови. Ждите меня, нарьяги, я иду по ваши души, если они у вас есть.

Помню эту дорогу. Вырубка в старом мертвом лесу, белые скрученные стволы, почти без ветвей, кора тоже обкрошилась. Не пойму, на что они похожи: на зубы гигантских монстров, на руки мифических горгон? Рыжая земля усеяна щепой, изрыта гусеницами боевой техники. Здесь мы шли, до капища еще три дня пути... Мне снова темно и душно от ярости. Весь этот гнусный мирок следует разнести ракетами, не оставить ничего живого, лишь голую дымящуюся землю.

Иду, спотыкаясь, по вырубке, дыхание схватывает, рука онемела ниже локтя. Пуля попала в щель между щитками, кость вроде не перебита — значит, заживет, да и лодыжка не болит, расходил. Все путем, Дан, — утешаю себя. Порталов в междумирье много, а меня никто не видел, потому они будут обыскивать все. Если Рагварна все-таки удалось убить, полковнику Логерфильду вскоре будет не до меня, да и нарьягам, ха-ха, тоже. Поэтому в Нарголлу я соваться не стану, а обойду ее десятой дорогой, пусть имперцы громят столицу (столицу? большое село) нелюдей, а мой путь пройдет по краю... Мне нужна правда и только правда — я должен узнать, кто и для чего развязал войну.

Забирая чуть влево, я иду по лесу. Помнится, невдалеке должна быть река, грязный желтый ручей, но мне сойдет и такой.

Рассвет вызолотил горизонт, когда я набрел на воду. Узкая темная полоска прорезала глинистую жесткую почву, давая влагу каким-то уродливым колючкам. Спускаюсь с невысокого обрыва, морщась от боли в лодыжке. Теперь можно отдохнуть и заняться раной, не хватает только загнуться в этой дыре от банального столбняка. Усаживаюсь на круглый валун (предварительно осмотрев на предмет пустынной живности) и скидываю с плеча ранец и ствол. Я основательно выгреб схрон, в поход отправился во всеоружии и с провиантом, которого хватит на месяц, если не жрать в три горла.

Сдираю щиток с плеча, вытаскиваю руку из рукава, зубами рву пакет первой медицинской помощи. Все проделываю автоматически. Пуля застряла в правом бицепсе, рана уже не кровит, но я не рискнул оставить все, как есть. Ковырнул ножом, скрипя зубами. Рядом сосудистый пучок, если повредить артерию, будет худо. Взял левее, под другим углом, и наткнулся на пулю. Дьявол! Кусочек свинца звякнул о камень, из раны хлынула кровь. Накладываю дезинфицирующую салфетку и затягиваю эластичный бинт, теперь инъекция анатоксина и можно заняться ногой.

Через полчаса я уже готов продолжать путь. Солнце еще не слишком высоко, но палит уже крепко, что ж тут творится в полдень? Иду вдоль ручья, здесь прохладнее, хотя компас на руке показывает, что отклонился от нужного направления. Капище на востоке, Нарголла южнее, а на северо-востоке по слухам дикие земли. Впрочем, теперь все земли севернее Нарголлы дикие: поселения разрушены, выжжены войной, лишь столица нарьягов еще держится, да в капищах прячутся безумцы, одержимые жаждой человечины.

В первое и единственное свое путешествие сюда я накрепко запомнил голую серую равнину, безжалостно выжженную солнцем, сухую, как глотка умирающего от жажды. Этот унылый пейзаж стал постоянным спутником моих кошмаров.

Ничего не изменилось, даже вблизи ручья жарко, тонкие пыльные ивы безжизненно свешивают ветки к воде.

Ботинки утопают в крупном, тяжелом от влаги песке, я стараюсь представить, что это тренировка, марш-бросок через цехимский перевал в полной выкладке, что в наушнике гремит хриплый голос старшины: «Вперед, ленивые свиньи, беременные черепахи! Шевелите окороками, припадочные суслики»... В наушнике тишина, во всем мире тишина.

Иду быстрым шагом, спеша добраться до кромки леса, пока солнце не скрылось за горизонтом. В случае погони легче затеряться в глухой чаще, даже если Логерфильд пошлет на поиски целый отряд, в чем лично я сомневаюсь, в лесу им ничего не светит. Спасибо старшине Гаррису...

День клонится к вечеру, запланированный маршрут пройден, углубившись в лес, я отыскал небольшую сухую полянку с густым кустарником. Надеюсь, крупного зверья здесь нет, а от змей и насекомых надежно защитит бронекостюм. Сквозь сплетенный узор корявых ветвей пробилась последняя багровая лучина. Они слепят глаза, окрашивают чащу огнем, но, несмотря ни на что, это красиво. Интересно, тебе бы понравилось?

Мысли о том, что подумал или сказал бы брат — моя любимая личная пытка. Я отдаю ей десять минут, смакуя раздирающую сердце боль, как что-то живое, еще оставшееся во мне. Тебе непременно понравился бы здешний закат, ты даже, возможно, рассказал бы историю о дальних-дальних краях, где когда-то бывал.

Лучина опускается до самой земли, запутывается в длинных мягких травах (флора здесь почти идентична междумирской).

Я осматриваю рану, пока есть хоть чуточка света — не кровит и уже почти не болит. Достая и вгрызаюсь зубами в питательный концентрат — гадкого вида и запаха брикет, почти безвкусный, но позволяющий легко подавить голод и восстановить силы. Водичка, набранная в ручье, даже пропущенная через химический фильтр имеет металлический вкус и странный запах, но другой нет, и я, давась, пью.

Стемнело. Разрывая тишину хлопаньем крыльев, взмывает вверх ночная птица, в траве заговорили сверчки.

Заворачиваюсь в одеяло, удобнее устраиваясь среди корней старого дуба: ранец под головой, винтовку в обнимку. В просвете крон висит тусклая крошечная звездочка. В детстве я верил, что звезды — это ангелы, кротко вззирающие на наш грешный земной путь. Они ведут запись всех хороших и дурных дел, чтобы потом отчитаться в небесной канцелярии. Без шуток — наверняка, мой сегодняшний поступок перекрыл все добро, что я когда-либо совершил. Но я не жалею, совсем, то есть жалею, ... что не сделал этого раньше.

За весь прошедший год я не думал, наверное, так много, как за эти два дня, что пробирался сквозь чащу нарского леса. Неоформленные поначалу образы и предчувствия превращались в четкую картинку. Как много мы не замечаем за людьми, которых знаем слишком долго.

«Я так и не научил тебя видеть очевидное».

Почему во время нашей последней встречи у меня не возникло даже мысли, что ты прилетел в междумирье НЕ ТОЛЬКО для того, чтобы вытащить неразумного младшего братишку из той задницы, в которой я оказался? Я привык видеть тебя в форме имперского флота, а в тот день на тебе был десантный комбинезон с усиленной броней и полный комплект оружия. Но я списал это на боевую обстановку в междумирье.

Что ты собирался мне сказать? Почему Рагварн решил-таки атаковать нарьягов, несмотря на явную вину Штормзвейга? Что заставило его столь же неожиданно прекратить боевые действия и вывести войска из Нарланда, оставив лишь небольшой гарнизон в Крикхе для осады столицы?

Пока я не знаю, где и как буду искать ответы на все эти вопросы. Один, в чужом мире, среди равно враждебных нарьягов и солдат империи. Я даже не знаю языка этих земель, а ведь тут живут и люди, но решительно стискиваю зубы — отступить некуда! Я или найду правду, или умру, постаравшись забрать с собой в ад как можно больше обряженных в бусы нелюдей, и гори все синим огнем!

На третий день лес неожиданно кончился обрывом. Внизу золотится ломаная линия порожиистой речки, веет свежестью и прохладой, радужные блики бьют в глаза. Я сощурился, но не стал опускать щиток шлема.

Насколько я помню, на другой стороне начинаются те самые дикие земли, остается решить — куда топтать дальше? Однако сей животрепещущий вопрос пришлось оставить, что-то в дальнем блеске показалось мне подозрительным.

Повинуясь инстинктам, я грохаюсь на пузо, и вовремя: пуля с чавканьем ввинчивается в ствол столетней сосны у меня за спиной. Черт! Тысяча чертей на одной сковородке! Как же они меня нашли?

Перекатившись на спину, перевожу винтовку в режим одиночной стрельбы. Вскакиваю и одним прыжком преодолеваю расстояние до пышного куста ежевики. Еще одна пуля прошла в опасной близости от плеча. Залег в кустах, опустив-таки забрало шлема. Вот он, гад, на той стороне, за скалой! Как же его достать?

Настраиваю оптику на ствол, умный прицел отыскивает цель и фиксирует с точностью до миллиметра. Шорох. Хорошая реакция спасает меня и на этот раз. Снова вскакиваю и перебежками ухожу уже от второго — того, что стрелял из чащи. Обложили меня грамотно, подобрались совсем близко, а я и не заметил. Приходится вламываться в самый бурелом, чтобы уйти с линии снайпера на том берегу. Несусь, как дикий лось, ветки остервенело хлещут по шлему. Тот, второй, бежит за мной, я чувствую его. Так лиса, должно быть, чует догоняющую свору собак и ищет отнорок, чтобы скрыться, оторваться от погони.

Падаю плашмя. Пуля ударила в бронежилет. Слава Богу, не разрывная! Лежу, не дыша, не двигаясь и даже не думая, уткнувшись лицом в серый мох. Несколько минут ничего не происходит. Шлем никак не реагирует, значит, противник не пользуется передатчиком. Чего

он ждет? Не стреляет, не кидает гранату, не связывается со своими по рации. Мгновения медленно накручиваются на клубок времени. Я жду, постепенно сходя с ума.

Наконец, шаги; хрустнула сухая ветка. Перекатываюсь и стреляю, не целясь, на звук, в своего стреляю — на парне форма имперского десанта! Он дергается от попадания, но не падает, и тоже разряжает мне в грудь штурмовую винтовку. Броня выдерживает и в этот раз, но боль сгибает меня пополам, вырывается из груди кашлем. Мне фантастически везет — с такого расстояния попадание почти всегда смертельно. Бросаюсь на парня, выбивая ногой винтовку из его рук, удар локтем в голову. Калечить, а тем более убивать его, я не хочу. Может, мы с ним вместе в бой ходили в шестой штурмовой, сидели в соседних окопах... Лица не разглядеть сквозь забрало, ни он, ни я не узнаем друг друга. Я преступник, но это не повод убивать своих в нарских лесах.

— Друг, не надо, я свой! — крикнул я, прижимая его к земле.

Солдат дернул головой, пытаюсь вывернуться из моего захвата. Я проследил за его рукой и рванул в сторону. Надрывая связки, убираюсь прочь из бурелома. Взрывная волна швыряет меня в сухой куст, из глаз брызжут искры. Куски дерна, какие-то ветки летят в разные стороны, стучат по спине, сзади бушует пламя.

Встаю, меня чуть ведет в сторону, из носа сочится кровь. Нырря в жаркое злое пламя, отыскиваю останки несчастного десантника. Почему, для чего он подорвал себя? Кто отдал настолько бесчеловечный приказ?

Сбивая с одежды пламя, пытаюсь найти жетон с личным номером погибшего, но безуспешно. Я так и не узнаю, кто пытался убить меня, не жалея собственной жизни.

Однако расслабляться некогда — на том берегу меня поджидает второй номер. Я не придумал ничего лучшего, чем дожидаться его здесь. Залег в кустах неподалеку от места трагедии, уповая на чудо, и оно свершилось. Не успел я по-настоящему соскучиться, как номер два появился в чаще. Этому обстоятельству я обрадовался вдвойне — значит, где-то поблизости есть мост на ту сторону.

Из пламени вырисовалась фигура: невысокий гибкий человек, в такой же форме, как у первого, но похожий отчего-то на подростка, наверное, из-за длинной снайперской винтовки за плечом.

Снайпер занялся тем, что только что делал я, но отыскать среди пепла и остатков плоти жетоны — мой и его товарища — разумеется, не смог.

Прыгаю ему на спину, сжимая горло одной рукой, пытаюсь скрутить ему руки. Парень, хоть и мелковат, ловко перебрасывает меня через плечо. Рухнув, тяну его за собой. Главное, фиксировать руку и не дать дотянуться до пояса. Кто знает, какой приказ отдал этим придуркам Логерфильд.

Легко перехватываю инициативу, вжимаю снайпера в пепел. Мне страшно хочется заглянуть ему под забрало. Тяну руку к его лицу и чувствую, как рука противника дергается вниз. Черт! Ну что за...!

Снова бросаюсь в сторону, на этот раз с задержкой. Снайпер сигает в другую сторону, и я, скрипя зубами от злости, понимаю, что на земле валяется обманка. Что за игры?

Бегу сквозь чащу, преследуя ловкую фигуру в камуфлированном комбинезоне. Бежать со всей поклажей не так легко, я отстаю, но упустить гада нельзя. Вскидываю винтовку и целюсь от бедра — извини, парень, ты сам виноват. Пуля ударяет в спину снайпера, но он не успеваает еще упасть, как я всаживаю вторую, третью. Бегу к распростертому телу и уже понимаю, что сейчас будет. От грохота взрыва закладывает уши, аппаратура глушит, а

гудящая волна пламени несется на меня, будтовестница апокалипсиса. В который раз уже припадаю к земле, в груди будто засел осиновый кол. Сдавленно кашляю, поднимаю забрало и со стоном выплевываю кровь. Огонь ревет, жадно обгрызает стройные стволы елей, пережевывает ломкий кустарник у их подножий. Мне горько и больно.

Как я и ожидал, среди останков снайпера жетона не нашлось. Приходится признать, что против меня послали не рядовой десант, а смертников, значит, охота развернулась нешуточная. Ни о каком походе в Нарголлу речи быть не может, чтобы выжить, мне придется превратиться в маленькую мышку и затеряться среди диких земель.

Три недели блуждания в лесах диких земель показались тридцатью годами кошмара. Мой жетон остался на месте гибели солдат-смертников, а сам я долго плутал, стараясь сбить возможную погоню.

Наступила осень, я чувствовал ее бессонными ночами в хрустящих инеем листьях и промозглом тумане, наползающем из чащи. Никто больше не преследовал меня. Я вообще не видел ни одной живой души, даже птицы и зверье, кажется, покинули лес. Чем дальше, тем больше отличалась флора лесов от междумирской. Привычные ели сменились кряжистыми деревьями с жесткими скрученными листьями. Подножие леса устилало густые серо-коричневые мхи. На редких колючих кустах горят огнями ярко-красные ягоды, подозрительно смахивающие на клюкву.

Я устроился на ночлег в небольшом овражке, без страха развел костер. Теперь мне уже грезится встреча хоть с одной живой душой, даже посланной по мою грешную душу. Скоро закончатся плитки концентратов, и голод возьмет меня за горло.

Темнеет. Ворошу угольки сучковатой палкой, заставляя искорки танцевать в прохладном синем воздухе. Страшно быть одному в вымершем, выжженном войной мире. Мне кажется, эта проклятая земля — отражение меня самого, пустая и одинокая, звенящая неутолимой болью и ненужностью.

— Если бы ты знал, как мне не хватает твоего совета, брат, — шепчу я в ночь.

Ты знаешь. Ты всегда знал, о чем я думаю. Ты знаешь, что я сошел с ума...

Странный звук разорвал унылую, уютную тишину, заглушил треск костра. Крик! Живой человеческий крик, потом какое-то урчание, причмокивание, и снова наполненный мукой и ужасом вопль. Снимая на ходу предохранитель, бегу наверх по склону. Вглядываюсь в темную чащу, но долгое сидение у огня сыграло злую шутку — перед глазами танцует пламя. Стреляю на звук и только потом соображаю, что мог ранить жертву неведомого зла.

Зло кидается на меня из чащи и едва не сбивает с ног. Рука сама выдергивает клинок из ножен на предплечье и коротким без замаха ударом пронзает бок тяжелой мохнатой туши. Коротко взыв, зверь чуть разжимает стиснутые на локте (сустав спас щиток брони) челюсти. С разворота ударяю им о ближайшее дерево. Раненая зверюга — волк? — падает в мох, скулит. А я скидываю винтовку и, уже разглядев стаю, расстреливаю ее на подступах. Ну и твари; если это волки, то какие-то мутировавшие — размером с пастушьей овчарку и такие же волосатые. Кого же они рвали? Не слышно ни крика, ни стонов — неужели не успел?

Иду в чащу, напрягая зрение изо всех сил, раненых зверей добиваю ножом. Хоть одна радость — вместе гадкого брикета будет у меня на ужин шашлык, и тут слышу даже не стон, глухой всхлип. Бросаюсь на звук, как ненормальный. Дьявол! Неужели первая бездумная очередь подрезала и хищника, и его жертву? Зверь с перебитым хребтом яростно ворочает мордой, клацает зубами, пытаясь достать мою ногу, с длинных — в два ряда?! — зубов сочится слюна, глаза фосфоресцируют, как два фонаря. Скидываю ствол и всаживаю пулю твари прямо в глаз, ее башка тяжело бухается на землю, но уцелевший глаз не перестает сверкать. Перешагиваю через тушу и приподнимаю голову жертвы. В темноте ничего не разглядишь, но по пальцам размазывается теплая жидкость. Скидываю на плечо легонькое, будто детское, тельце и тащу к костру — жив или нет, разберусь там.

В овраге у костра укладываю на мягкий мох и замираю, пораженный двумя интересными открытиями: во-первых, вытщенный мною хоть и без сознания, но жив, а во-вторых, он нарьяг. Рука тянется к рукоятке ножа — добить тварь, которая наверняка ничем не лучше рвавших его плоть волков... И все-таки останавливаюсь; сажусь на траву, обхватывая голову ладонями. Нарьяг, лежащий передо мной, спасенный мною, еще мальчишка лет тринадцати, не старше. Тонкое хрупкое тело, лишенный волос череп, кожаные лоскуты и бренчащие деревянные бусы. Голова безвольно откинута, рот приоткрыт, худые руки раскинуты.

Нет! Я не зверь добивать ребенка, даже принадлежащего к проклятому роду убийц. Осматриваю раны — пулевых нет, две рваные от когтей на спине — разодрали основательно, до мяса. Инъекция противошокового, антисептический гель на раны, перевязывать пришлось своей рубашкой. Парень стонет, но не открывает глаз. Накрываю его одеялом и сажусь у костра.

Снова ворошу палкой костер. Предчувствие близких перемен заставляет сердце биться чаще. Мальчишка неспроста возник здесь, где-то поблизости должны быть поселения, а мне понадобится надежный проводник. Вот только положиться на нарьяга — все равно, что лично связать и затянуть на своей шее петлю.

Чуть позже вспоминаю о намерении поесть шашлыка, после месяца на брикетах от одной мысли о жареном мясе рот наполняется слюной, а желудок сладко сжимается. Потрошу труп неведомой зверюги, вырезаю грудинку и нанизываю куски на выстроганный прут. Огонь радостно лижет свежее, недавно рычавшее и бегавшее мясо; кровь и жир, шипя, падают на угли. Одурающий запах, почти забытый запах другой, прошлой жизни, проникает в ноздри. Медленно поворачиваю прут на распорках.

Раненый шевельнулся, судорожно вздохнул. Вскликаю, отбрасывая оружие с колен — против этих шаманов пули бесполезны, расплавят в полете, а вот броня композитная, с ней нарьяги справиться не могут, и все их сторожевые и боевые заклятья не пробьют мой костюм.

Парень открыл глаза и поднял голову, пальцы вцепились в мягкий мох, отыскивая что-то вокруг себя. Безумный взгляд шарит по темноте, останавливается на моем лице... Что-то мелькает в дрожащих зрачках нарьяга, непонятное, одинаково чуждое и ненависти, и благодарности за спасение. Медленно, рывками он откидывает одеяло, садится, подбородок дрожит, будто мальчишка силится что-то сказать. Мне стает не по себе, холодок пробирается под рубашку. Безумен? Только бы не стал колдовать! В следующий миг нарьяг вскакивает и хватает меня за руку, от неожиданности я отступаю, но длинные тонкие пальцы с отвратным алым маникюром крепко держат меня. Глаза парня снизу вверх ловят мой взгляд, он будто чего-то ждет, губы дергаются от невысказанных слов.

— Вернулся! — хрипит, наконец, простужено, с кошмарным акцентом, так что я едва понимаю, но на имперском. — Нар-одар, живой!

Он ждет, восхищенно глядя на меня, какого-то подтверждения, и я понимаю, что вот он — мой шанс. За кого бы меня ни приняла эта нелюдь, если я смогу завоевать доверие, у меня будет проводник в нарских землях. Киваю с улыбкой, худое, скуластое лицо озаряется радостью, будто свершилась мечта всей его жизни. Сердце тревожно екает — вдруг не смогу оправдать надежды страшного существа. Силы нарьягов непонятны и тем опасны для людей.

— Я знать, что Нар-одар вернуться, — быстро заговорил он, коверкая непривычную для него чужую речь, — за мной вернуться! Я быть готов!

Он указывает на нож и себе на грудь; на жалостливо выпирающих ключицах несколько ниточек деревянных бус. Я сдвигаю брови.

— Это позже, — говорю я, — сядь, поешь.

Мальчик распахивает глаза, на лице только они и выглядят живыми, хлопает изумленно ресницами, совсем как моя племянница Анж. Послушно кивает и снова ждет чего-то. Я сажусь у костра, кивком указывая место рядом с собой, нарьяг с готовностью хлопается рядом, подбирая под себя длинные, голые ноги. Худой-то какой! Не кормят их что ли?

— Вот, ешь.

Он берет палку с нанизанными на него кусками мяса, осторожно прикусывает, не переставая на меня глазеть. Внимательный, по-собачьи обожающий взгляд бесит меня; по коже у меня пробегают мурашки, я почти уверен, что мне ничего не грозит, меня признали каким-то Нар-одаром, но подсознательный страх перед неизвестным, чуждым сильнее здравого смысла.

— Нар-одар убить локхи? — спросил нарьяг.

— У Нар-одар есть имя, — огрызаюсь я. Мальчишка кивает, явно готовый к знакомству.

— Меня Дан зовут.

— Шиккорахир тор Ардир, — отвечает он.

— А покороче никак? Язык ведь сломаешь.

— Шику.

Киваю и протягиваю руку. Шику смотрит на мою ладонь, как на ничейный кусок золота, валяющийся на дороге, потом благоговейно приникает к ладони губами. О, мой Бог! За кого меня принимает этот фанатик!

— У нас принято знакомиться так, — сжимаю его ладонь своей и чуть встряхиваю, нарьяг послушно повторяет жест.

— Как ты ожить? — вдруг спрашивает он, сжимая кулаки. — Ты умереть на мои глаза! Я не верить! А ты... не солгать, вернуться...

— Я ожил? — переспрашиваю в изумлении. Шику взволнованно кивает, по его напряженному лицу прыгают отблески костра.

— Тебя забрать твои товарищи, так мне сказать Камфу и Алвано, я говорить, что ты — Нар-одар, а они говорить — человек. Пустой. Я... я... скучать.

— Меня забрали товарищи?

— На большие машины, да. А потом прийти человеки, много-много, машины, на небо, на земля... Я знать, они мстить за свой Нар-одар...

— Когда и где мы виделись с тобой, Шику? — с бешено стучащим сердцем я хватаю мальчишку за плечи, сжимаю и, наверное, делаю ему, раненому, больно.

— Один поворот назад, капище в красная пустыня, — не задумываясь, отвечает нарьяг, будто сотни раз возвращался мыслями в это место. Как и я. Потому что там, в том самом капище, подобные Шику твари растерзали тебя, ровно один год — поворот — назад.

Я отпускаю его плечи, в груди горит, будто сердце превратилось в горстку углей. Мы с тобой похожи, очень похожи... Были.

Я так и не осмелился спросить о подробностях «моего» пленения и гибели. Вопрос засел во мне тупой раскаленной иглой, мне противна собственная слабость.

Во сне меня терзали кошмары. Я висел, распятый цепями, на шершавой горячей стене, а страшные, голые, в одних лишь побрякушках люди, гримасничая, ковыряли в свежих ранах ржавыми железяками. Лица их расплывались в дурнотном мареве, внутренности горели, но тело скручивал холод.

Проснулся на рассвете с тяжелой башкой, комбинезон покрыт инеем, пальцы занемели — одеяло пришлось отдать спасенному от волков нарьягу. Он, конечно, отказывался, пришлось применить свою власть Нар-одара. Сижу, дыханием отогревая замерзшие пальцы, полжизни отдал бы сейчас за сигарету. Мальчишка спит, до самого носа закутавшись в отвергнутое поначалу одеяло. Протягиваю руку и с удовлетворением замечаю, что лихорадка не началась, несмотря на жуткую худобу, пацан крепок и здоров.

Встаю и бреду по замерзшему лесу к маленькому озерцу (или большой луже, как посмотреть), где вчера набирал воду. От моих шагов по гладкой поверхности бежит рябь, в воде отражается бело-розовое небо проклятого мира, черные точки птиц бесцельно кружат над лесом, дожидаясь, когда люди уберутся из чащи и можно будет полакомиться мясом локхи.

Набираю полную фляжку воды, кидаю внутрь таблетку абсорбента, через пять минут можно будет пить. Что-то толкает меня взглянуть в водное зеркало, наклоняюсь и замираю, ошеломленный увиденным. Из озера на меня глядишь ты: черные глаза, тонкие губы, подбородок с ямочкой. Я никогда не видел тебя таким измученным, но это, несомненно, ты — только волосы чуть длиннее, да темные круги под глазами. Покачнувшись, чуть не падаю в воду, тупая игла в сердце проворачивается штопором. Неудивительно, что Шику обознался — восьмилетняя разница будто стерлась, я сделался копией Стального Сокола.

Возвращаюсь в лагерь. Не знаю, чем ты завоевал сердце странной нелюди, но воспользуюсь твоим последним подарком и пройду твоей дорогой и дальше, пока не доберусь до правды.

Скрюченную фигурку нарьяга вижу издалека. Шику сидит ко мне спиной и тоже дует на пальцы, на бритом затылке жуткое багровое клеймо в виде странной руны, лопатки выпирают даже сквозь одеяло.

— Нар-одар! — вскакивает парень мне навстречу, и я, наконец, могу его разглядеть.

Ростом Шику мне до плеча, заморыш заморышем, побрякушки дурачки болтаются на обтянутых кожей косточках. Зато светло-голубые глаза живые, умные, не то что пустые гляделки встречавшихся мне прежде нарьягов. Не красавец, конечно, но если откормить...

— Нар-одар! — он протягивает мне руку.

— Зови меня Даном.

После рукопожатия он заглядывает мне в лицо с надеждой, словно ребенок, ожидающий прогулки в парк аттракционов.

— Расскажи, Шику, откуда ты здесь взялся?

В прозрачных глазах шамана отражается розовеющее небо, он кусает обветренные губы.

— Я быть... охранять рабы... Мы идите от арвана... — он задумался, подыскивая подходящее слово в имперском, — селение, нет?

— Понял, от селения вы шли куда?

— На Грот Ферро... там мммм... железо?

— Рудник, — догадался я, и мне в голову пришла удачная мысль, — что было дальше?

— Они напасть... стрелять, все умереть, а я не смочь... Они увести рабы...

— Они — это кто?

— Бунторы... бунтовщики...

— Мятежники?

— Да, мятежники. Всех убить... — горестно резюмировал он.

— Как же ты спасся? — любопытствовал я.

— Расплавить пули.

Шику дергает плечом и кривится от боли.

— Дай-ка осмотрю твои царапины, а потом поедим, а то живот уже подводит.

Осторожно сдираю повязки с располованной спины нарьяга, он шипит, и того и гляди укусит. Раны мне категорически не нравятся, я безжалостно колю парню антибиотик и, залив царапины гелем, заматываю остатками рубашки. От «одежды» моего нового приятеля меня передергивает, надо бы переодеть в человеческое, да где тут купишь?

— Снимай свои побрякушки, — решительно требую я.

— Нар-одар шутить? — изумленно хлопает светлыми ресницами Шику.

— Нар-одар не шутить...тьфу! Не шучу я, понял?

Нарьяг медленно кивнул. Я рискую, не так уж мне режут глаза эти дурацкие бусы, но нужно проверить, насколько мальчишка готов подчиниться своему Нар-одару (знать бы еще, что значат эти слова). Он подчиняется, сдирает с запястий и шеи ритуальные украшения.

— Брось в костер.

Бусы летят в кострище, я разжигаю огонь, Шику невозмутимо глядит, как пламя лижет его побрякушки. Что-то выгаивает, выгорает из деревянных бусин, какие-то кусочки, как капельки ртути, лежат на алых углях.

— Нар-ода... Дан, взять Шиккорахир в долина Душ? — уточняет парень.

— Куда?

Я раздумываю. Что ты мог пообещать мальчишке, Корд, чего Шику теперь настойчиво требует от меня? Не понимаю! Ты всегда лучше ладил с детьми, и со своими, и с чужими: Анж обещал кукол, Киму — конфеты, Шику пообещал забрать с собой... куда?

С просветленным лицом нарьяг указал глазами на небо. Черт! Ты не мог сказать ему ТАКОЕ! Простодушный шаманчик наверняка не так понял...

— Я жив, Шику, — со всей убедительностью, на какую способен, говорю я и протягиваю руки. Он опускается на колени и прижимается щекой к моей ладони. Стыд от обмана жгучим перцем жжет мне глаза и горло.

— Мне нужно кое-что доделать здесь, понимаешь? — шепчу вмиг охрипшим голосом. — Я пока не могу туда, — указываю на небо.

Шику улыбается, обветренная губа лопнула, показалась капелька крови.

— Я пойти одна дорога с Нар-одар-Дан, — заверяет он.

Облегченно выдыхаю и непреклонно выдергиваю руку.

— А теперь завтракать и в путь, кстати, далеко тот рудник, куда ты провожал рабов?

— Семь день и семь ночь.

— Отлично.

До горной цепи мы добрались к вечеру пятого дня, протопав не меньше семидесяти миль.

— Шику, как будет по-вашему река?

— Каррахим, — с готовностью отвечает нарьяг.

— А озеро?

— Карраши.

— Облако?

— Тенгарр.

— Карраши арркем тенгарр, правильно?

— В озере отражаться облака, — кивает Шику, — Нар-одар-Дан прав.

В детстве и юности я ненавидел учиться. С равным отвращением относился к математике и биологии, физике и механике, но языки всегда давались мне легко. Грубое каркающее наречие нарьягов запоминается легко и естественно, будто я долгие годы живу в этих, забытых богом, краях.

Идем сквозь прогретый солнцем лес, красивый, прозрачный и безжизненный: ни птиц, ни мелкого зверья не видно, да и крупное не суется. Зверюги, напавшие на Шику, по его словам, вовсе не дикие, мятежники специально выводят псов, с дурацким названием локхи. Разглядев их утром после бойни, я изумился фантазии местных доморощенных генетиков: крупные, твердолобые черепа снабжены четырьмя ноздрями, глаза близко посажены, широкая пасть сверкает двумя рядами зубов — за первым, массивным, прячется ряд поменьше. Шерсть длинная, скатавшаяся в твердые колтуны, а под шерстинками мелкие роговые чешуйки — прямо броненосец, а не собака.

К счастью, больше мы не встречали локхи. Мятежники, видимо, посчитали, что расправились с мальчишкой нарьягом, и ушли.

— Против кого они бунтуют, Шику?

— Против верховный Харру, правитель Нарголлы, — объясняет Шику. Мы то и дело переходим с нари на имперский и обратно, довольно хорошо друг друга понимая. Правда, парень, наверное, уже стер язык отвечать на мои вопросы, но все равно отвечает, поясняет, рассказывает и при этом смотрит так, как не смотрела ни одна влюбленная девушка — с обожанием и восхищением.

— Чем он не угодил им?

— Харру — мудрый и справедливый правитель, — отвечает Шику, — но могущество нарьягов вызывать зависть у людей. Когда рабы на рудниках стали самовольно покидать Грот Ферро, нападать на детей Звезды, Харру решить собрать охрану. Заключение договора с чужаками.

— Ты имеешь в виду междумирье? — удивляюсь я. Шику озадаченно пожимает плечами.

— Земли, что за окном... Там живут похожие на Нар-одар, но сердца их черны.

— Харру покупал у междумирья оружие и людей?

— Нарьяги не уметь воевать, — переходя на имперский, печально кивает парень.

— А что вы отдаете взамен? Ну, тем, чьи сердца черны?

— Ферро, у нас много рудников...

— А как же ваша магия? — восклицаю я. Шику смотрит большими глазами.

— Нар-одар шутить? Что есть магия?

Глотаю застрявший в горле ком. Черт! Едва не выдал себя! Надо быть осторожнее.

До сих пор я не видел, чтобы нарьяг пользовался своими шаманскими свойствами. Шику разрушил мое представление о смертоносной нелюди: обычный мальчишка, сообразительный, простодушный, легкий на подъем. К великому моему удивлению, на его лысом меченом черепе стали пробиваться волосы.

— Зачем нарьяги бреют головы? — меняю тему разговора, и опять он удивляется безмерно. Потерев щетину на подбородке, демонстрирую, как я бреюсь по утрам. Чуть подумав, Шику качает головой:

— Я не бриться, нет...

Теперь удивляюсь я:

— Ты сказал, что расплавил пули, как ты это сделал?

— Меня научить Камфу.

— Я понимаю, что тебя научили, но как ты это делаешь?

Он напряженно думает.

— Как Нар-одар дышать?

Все понятно, Шику не может объяснить механизма действия магии, это на уровне рефлексов.

— Ну, а показать можешь?

Нарьяг кивает, закусывает губу и, хмурясь, смотрит куда-то в центр моей груди. Мгновение ничего не происходит, а потом... описать такое невозможно. Мне кажется, что меня затащило в портал помимо воли, вокруг закручивается воздух, и я, будто внутри огромного персонального смерча, не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть, грудь горит, легкие плавают от натуги.

— Хватит!

Шику моргает и, кивнув, отпускает меня. Я почти падаю, лицо мальчика плывет перед глазами — впечатляющая демонстрация! Похоже, магия нарьягов направлена на дестабилизацию пространства. То же они проделывают и с металлами: разрушается структура кристаллической решетки, ножи словно плавают, но при этом температура не повышается ни на градус.

— Нар-одар не сердится? — с тревогой спрашивает Шику, я натягиваю на лицо улыбку.

Ты просто кладешь информации, мой мальчик, воистину мне подфартило встретить именно тебя!

— Нар-одар не сердится, — протягиваю руку к его голове таким привычным родным жестом, игла в сердце впивается еще на один оборот.

Вечерами я почти забываю, что Шику нарьяг. Без бус, в моей рубашке и со смешным ежиком волос, он кажется обычным пацанчиком. Мы сидим рядом и смотрим на огонь, крутя прутья с нанизанными на них тушками цакв. Брикетты концентрата давно закончились, и Шику наловчился ловить странных волосатых существ, похожих на змею с лапками ящерицы. На вид они ужасны, но есть вполне можно, мясо на вкус напоминает курицу.

— Расскажи о своих родителях, Шику.

— Я плохо помню, только маму... Но лицо не помню, только голос, песни...

Киваю. Я тоже смутно помню родителей, наверное, потому, что их все время не было дома.

— Мама пела о прекрасный мир, где жить наши предки, о бесстрашный герой, кто несет свет звезды туда, где темно... Она ждать, но не успеть... дождаться, да?

— Верно.

— Нар-одар, — вдруг спрашивает Шику, — Расскажи о тот прекрасный мир, где ты жить.

Что я могу ему рассказать? Что пришел из мира, где живут люди с черными сердцами? Что родился в этом мире, рос, воевал, играл в футбол в дополнительном составе оримской сборной, а потом подставил брата и развязал войну? А еще и перебил посольство его соплеменников?

Качаю головой.

— Я ничего не помню о том мире, Шику. Извини.

Еще через два дня мы достигли горной цепи. Подножия гор облепили дохленькие серые елочки, а верхушки — седые облака.

— Сможем миновать перевал до темноты, Шику?

— Опасно.

— Тогда переночуем здесь.

Нам попалась маленькая пещерка, наверное, в таких же наши дремучие предки устраивали свои семейные гнездышки. Шику убежал в лес ловить ужин, а я развел костер и наломал лапника — спать на земле становится холодно.

Сидим у костра друг против друга в ожидании ужина, цаква мирно подрумянивается, потрескивая на пруте. Шику кугается в мою рубашку, подтянув к себе босые, исколотые хвоей ступни. В пещеру заглядывают далекие искорки звезд. Цаква начала дымиться, снимаю ее с огня, подношу ко рту и заставляю себя вонзить зубы в жареную тушку. Тонкие косточки противно хрупают.

— Шику, не лови больше этих змей, от них изжога одна. Аутотренинг, что цаква вкусная и полезная, уже не помогает.

Нарьяг сокрушенно кивнул, всем видом выражая скорбь.

— Далеко еще твой Грот Ферро?

— За перевалом. Нар-одар будет дорогой гость, Наару встретить с хорошее угощение.

Сильно сомневаюсь, что неведомый Наару так уж мне обрадуется, но мальчику о моих сомнениях знать не следует.

Шику склоняет голову к плечу, думает о чем-то невеселом, хмурит светлые брови совсем по-взрослому.

— Нар-одар опасно идти рудник, — наконец встревожено говорит он, — там быть Камфу.

По его тону понимаю, что Камфу я должен вспомнить.

— Ты наказать Камфу за нарушение обряд? — спрашивает Шику.

Его вопросы застают врасплох, мальчик будто проверяет меня на вшивость.

— Как Камфу нарушил обряд?

— Он не дать молить об одарении, он вырезать ррицу не от святость... Он... Ты не помнить? — вскрикивает пораженный до глубины души нарьяг. — Про ррицу?!

Качаю головой:

— Шику, я плохо знаю ваш язык. Что такое ррица и причем тут святость?

Шику в отчаянии смотрит на меня. Он указывает на живот и начинает объяснять, как по-нарски звучат печень, почки и селезенка, как происходит обряд «обретения души».

У меня темнеет в глазах.

— Камфу взять ррицу, — моргая от набегающих слез, поджимает губы Шику, — он вырезать у Нар-одар печень и жарить ее для Алвано. Как ты не помнить?!

Мои нервы не выдерживают. Едва выскакиваю из пещеры, желудок без сожаления избавляется от остатков цаквы. Падаю на колени, упираясь руками в покрытую колючей хвоей землю, меня колотит озноб, живот скручивают спазмы тошноты, хотя желудок уже пуст. Отплевываюсь тугой желчью, свесив голову до земли. Мне хочется умереть или заплакать, внутри будто свернулся, растопырив иголки, дикобраз.

Теперь больше не получится делать вид, что ничего не произошло. Я готов узнать правду о последних часах твоей жизни, какой бы она ни была. Иду в пещеру к Шику, хватаю за грудки и подтягиваю к себе.

— Быстро рассказывай, что эти нелюди сотворили с Ко... со мной!

Губы мальчишки трясутся, отплясывая ту же пляску, что и мои колени.

— Нар-одар совсем не помнишь?

— Нет! Говори!

Глаза у него делаются на пол-лица, он затравленно кивает и начинает рассказ. Я слушаю, боясь пропустить даже звук.

Однажды наставник Шику Камфуххир арк Умшир объявил ему, что берет с собой в красные пески. Шику покинул Нарголла с ним и большим отрядом «пустых» (так нарьяги называют наемников из междумирья, название, в общем, говорит само за себя). Возглавлял отряд некто Алвано, командор, человек приближенный к верховному Харру. Его присутствие вызывало в Шику необъяснимый трепет. Если остальные были просто «пустые», Алвано носил в груди самое черное из сердец.

Отряд по пути проводил зачистку мятежных поселений, карательные операции проводились быстро и жестко, повстанцев убивали после жестоких пыток, в которых даже хладнокровный Камфу не видел смысла. Шику оставляли сторожить пленников. Мальчик подозревал, что Камфу его проверяет. Зная, как незавидна участь ослушников, он старался изо всех сил, ни стоны мятежников, ни слезы и мольбы их жен и дочерей не разжалобили его сердца. Кто они ему, эти люди, безмолвный скот, посмевавший пойти против детей Звезды, против верховного Харру, который знает обо всем, что творится в его землях. Шику привык спокойно смотреть на кровавые ритуалы шаманов Нарголлы. Не равнодушно, а именно спокойно, ибо люди, как и скот, не имеют души, но соответствующий ритуал способен возродить духовное начало, и у престола Нар-шина они, прозревшие, будут благодарны своим мучителям.

Ехали долго внутри жутких железных коробок, наполненных спертым и раскаленным воздухом. Их трясло на всех колдобинах, что-то все время дребезжало, пищала аппаратура, ругались наводчики. Когда Шику с «пустыми» добрались до красной пустыни, мальчик был совершенно измучен дорогой.

К счастью, лагерь в красных песках был раскинут вокруг бывшего капища. В прохладе темных мраморных стен Шику вознес молитву и благодарение всевидящему Нар-шину. Он там и уснул, а проснувшись на другое утро, увидел, что весь лагерь едва не ходит ходуном: «пустые» облачаются в уродливую броню, проверяют свое странное оружие, моторы боевых машин надсадно воют. Шику обеспокоился — неужели снова в дорогу, но Камфу, увидев ученика, лишь махнул рукой и ничего не произнес.

В полдень на площадку перед капищем, рыча, ворвалась одна из машин. «Пустые» выпрыгнули из нее, как тушканы, следом вытащили мертвые тела в странной пятнисто-серой форме. Шику поглядел и скривился — люди. Что творится? Бездушные существа со своим глупым оружием и дурно пахнущими машинами рвут на части его прекрасный мир, отравляют своим присутствием, будто имеют на это право, а верховный Харру и Камфу потворствуют им в этом. Затем из бронированного нутра машины показался человек в военной форме и броне, он легко спрыгнул навстречу Алвано и Камфу. Шику вздрогнул. Он, словно локхи, почуял исходящий от этих двоих панический страх. Человек, несмотря на

принадлежность к бездушной расе, был примечательным, даже Алвано терял всю внушительность и горделивую статью рядом с ним. «Офицер имперского флота», — шептались «пустые».

Шику вздохнул. Мало нарядгам хлопот с междумирьем, зачем ссориться еще и с Империей? Болтают, что Империя — это страшная сила. Алвано, видно, боялся, так он лебезил перед чужаком, приглашая к себе на разговор. Камфу тоже трясся, и это удивило и напугало мальчика, ведь наставник до сих пор казался абсолютно хладнокровным. Шику не стал ломать себе голову, его мнения никто не спрашивал, и его не касались дела Камфу. На ночь мальчик устроился в капище, долго молился перед сном, на душе было тягостно. Ночью его разбудили голоса. Протерев глаза, он увидел, как двое солдат тащат того самого офицера, что прибыл днем, третий идет за ними, дуло его винтовки упирается чужаку меж лопаток. Следом шли Камфу и Алвано. Наставник заметил Шику и подозвал к себе.

— Шику, удачно, что ты оказался здесь, — сказал он, — останешься охранять пленника, никому ни слова о том, что здесь увидишь и услышишь.

Мальчик послушно кивнул.

— Запомни главное: этот чужак — враг, враг самого верховного Харру и всех нас.

Тем временем пленника спустили в ритуальное помещение, когда Шику оказался там, «пустые» вставляли в пазы крепления цепей. Чужака вздернули и распяли на цепях.

— Давай! Вставай! — орали солдаты, дергая за цепи, заставляя пленника встать на ноги, — чего скалишься? Вот тебе! Мало, да?

— Все вон! — вдруг рявкнул Алвано, и солдат словно ветром сдуло. Шику тоже попятился, он боялся Алвано, боялся Камфу, но еще больше боялся пленника, даже безоружного и прикованного.

— Шику, — скомандовал наставник, — останься тут.

Мальчик не посмел отказаться, забился в угол, где стоял большой старый сундук, и присел на корточки. Ему хотелось закрыть глаза и заткнуть уши, не видеть, не слышать, не знать того, что сейчас здесь случится, но это было невозможно. Шику видел, как к пленнику приблизился Алвано и коротко, без замаха ударил по лицу. Голова чужака дернулась, из разбитой губы побежала струйка крови.

— Теперь ты скажешь мне, кто тебя послал, — гаркнул Алвано.

— Меня никто не посылал, — раздался спокойный голос имперского офицера, — я сам пришел, по делам.

— Мы взяли вашего человека, я все знаю.

— Если знаешь, зачем спрашиваешь?

— Сколько вас тут? Чего вы лезете в наши дела? Думаете, вам, имперцам, все можно?

Пленник пожал могучими плечами.

— Не понимаю, о чем ты, командор?

— Не понимаешь?!

Алвано выхватил из-за пояса револьвер и приставил ко лбу имперца.

— Может, это сделает тебя догадливее?

Чужак снова пожал плечами. В свете лампад лицо Алвано налилось краснотой, на лбу выступили капли пота. Никогда прежде Шику не видел командора в таком бешенстве. Алвано чуть сдвинул прицел и нажал на курок. Громыкнуло так, что заложило уши, удушливо запахло порохом. Мальчик спрятался за сундуком, боясь пошевелиться.

Убил? Нет! Пленник поднял голову. Алвано оскалился в усмешке.

— Освежилась память?

Молчание. «Он, верно, сумасшедший», — подумал Шику с недоумением. Снова выстрел, брызги крови, страшная, неживая тишина.

— Молчишь? — спросил Алвано. — Молчи, посмотрим, что ты завтра запоешь.

Алвано развернулся и буквально вылетел из капища. Камфу с отвращением глянул на пленника, подошел к Шику.

— Перевяжи ему раны и гляди в оба. Он должен есть и пить, не доживет до завтра — Алвано тебя расстреляет.

Шику понял, что это не шутка.

Воду и бинты ему принесли солдаты, охраняющие капище снаружи. Шику сидел на сундуке и оттягивал, сколько мог, момент, когда ему нужно будет подойти к чужаку. Страшно! Люди всегда уступают силе, люди боятся боли, темноты и смерти. Они — слабые существа, озабоченные лишь инстинктом продолжения рода, но этот...

В нем было что-то неправильное. Шику понял это особенно остро в тот миг, когда негнущихся ногам подошел к пленнику, чтобы перевязать его раны. Имперский офицер поднял безвольно опущенную голову и... улыбнулся ему. Его блестящие черные, как капли смолы, глаза смотрели тепло и ободряюще.

— Перевязать, — хрипло сказал Шику.

Пленник кивнул. Мальчик взялся за скрутку бинтов. Алвано прострелил чужаку предплечье и бедро, серая ткань пропиталась кровью, став коричневой. Пленника надо было раздеть, но Шику не осмелился и как смог намотал бинты поверх одежды.

— Спасибо, — негромко проговорил пленник, — как тебя зовут, мальчик?

— Шику.

— Не бойся, Шику.

— Я не боюсь.

На самом деле он очень боялся, у него тряслись колени и руки, бинт дважды падал на пол. Потом он напоил пленника и снова забрался в угол, решив, что до утра офицер имперского флота точно доживет.

День тянулся бесконечно. Пленник молчал, Шику тоже не хотелось заводить с ним разговора. Вечером пришел Камфу, поглядел на пленника и велел Шику вытащить из сундука одеяло и лечь у ног чужака. Это мальчику не понравилось. Ему было неудобно и неуютно, резкий запах крови бил в ноздри. Он долго вертелся на твердом полу, но все же задремал, и уже сквозь дрему услышал тихое пение.

— Дальняя дорога вьется на закат, потерпи немного, раненый солдат...

Шику распахнул глаза от какого-то смутного чувства, его будто окатило теплым воздухом. Что-то светлое и хрупкое затрепетало в груди мальчика, но что, он не мог понять, и просто лежал, притворяясь спящим, и слушал.

Он хорошо пел, этот чужак с дырой вместо души. Нарьяг даже на минуту усомнился в ее отсутствии, уж больно цепляла его собственную душу эта мелодия. Она царапала, выжимала слезы, хотя слов Шику почти не понимал.

Алвано снова краснел и снова орал, пытаясь вытащить из пленника хоть какие-то сведения. Шику, который пугался его пуще смерти, даже испытал ощущение удовлетворения от того, что усилия Алвано были напрасными. Камфу не пришел, и мальчик снова забился в свой угол. К счастью, Алвано даже не вспомнил о его присутствии. Он зверел от спокойствия пленника, его молчания и упрямства.

— Значит, бесполезно, говоришь?

Командор грубо, рывками разодрал пропитавшиеся кровью бинты.

— Посмотрим, как ты сейчас запоешь, сокол ты мой!

Алвано всунул в свежую, едва затянувшуюся рану на бедре длинный, зубчатый нож и провернул. Шику показалось, он оглох от скрипа собственных зубов, или это пленник стискивал свои, чтобы не издать ни стога. Мальчик зажмурился, сердце стучало в груди, как запутавшаяся в силках птица. Он ждал крика, стога, хоть какого-то звука, но пленник молчал.

Зато орал и бесновался Алвано:

— Разрежу на куски! Паскуда! Говори! Кричи! Проси о пощаде! Я отпущу тебя!

Тишина.

— Кто тебя послал? Сколько вас здесь? Какая связь? Отпущу, понимаешь? А иначе — ты не представляешь, что с тобой будет!

Молчание. Шику не выдерживает и открывает глаза, от увиденного кружится голова. Стены забрызганы алым, струйки медленно сползают вниз. Тело пленника бессильно обвисло в цепях, пальцы побелели.

Мальчик вскочил. В нем бушевала непонятная неуместная ярость. Вот сейчас...сейчас в руках Алвано распадется, расплзется, как гнилушка, его нож.

— Чего тебе? — резкий окрик командора отрезвил его, окатил с головы до ног ледяным страхом.

Алвано повернулся к нему, глаза его дико горели. Шику показалось, что «пустой» сейчас убьет его.

— Проваливай, Алвано! — вдруг окрикнул пленник. — Мне нечего сказать, хочешь убить — убей.

Командор замер, будто его ударили по голове, затем снова повернулся к своей жертве.

— Нет, не надейся, что умрешь легко и быстро, сокол. Будешь умирать столько, сколько нужно, чтобы развязать твой поганый язык.

Он ушел, но вернулся через пару часов и снова кричал, требовал, грозил. Он словно свихнулся от упрямства и стойкости имперского офицера. У Шику ныли виски от крика Алвано и гнетущего молчания пленника.

Командор испробовал все, на что была способна его извращенная фантазия садиста. Пахло кровью и паленой кожей, пленник бессильно болтался в цепях, так и не проронив ни стога. Устав от бесплодных попыток, Алвано выволок мальчика из угла, где тот прятался, закрыв глаза и уши, и рывкнул:

— Перевяжи, чтоб к утру был жив!

И ушел.

Шику тоскливо поглядел ему вслед, потом с опаской подошел к пленнику. Тот выглядел совсем плохо. И вокруг столько крови! Мальчик вздохнул и взялся за бинты. Кое-как ему удалось унять кровь, но в голове занозой засела мысль: если бы Шику так не боялся Алвано, он помог бы чужаку умереть или бежать, потому что происходящее в ритуальной зале меньше всего походило на ритуал. Верховный Нар-шину не одобряет бесцельного мучительства и непременно строго накажет и Алвано, и Камфу.

Шику зачерпнул ковшом воду из ведра и поднес к губам пленника. Тот жадно припал к ковшику, пил, струйки текли по лицу, размывая кровь.

— Спасибо, Шику, — еле слышно сказал он потом, — ты не волнуйся, ... я продержусь до утра... а потом — лучше беги.

— Почему? — сдавленно спросил мальчик.

— Потому что... больше ждать... не будет смысла.

Ошеломленный этими странными словами, нарьяг поспешил забраться в свой угол. Пленник задремал или потерял сознание, а Шику поджал коленки и задумался. Что крылось за словами чужака о каком-то ожидании, в котором больше нет смысла? Что с ним самим случилось сегодня, неужели он действительно мог спорить с Алвано? А этот пленник, «пустой», проявил заботу о нем? Мир сошел с ума!

Вечером, когда Шику поднялся наверх за ужином, его позвал Камфу.

— Как там этот?

— Без сознания, учитель, — ответил мальчик, борясь с накипающим внутри раздражением.

— Он что-нибудь говорил?

Шику покачал головой.

— Плохо, Шику, — костлявые пальцы до боли сжали плечо, — ты должен расспросить его. Это очень важно, постарайся втереться в доверие.

— Но как? Он все время молчит! Даже под пытками молчит! Что он за существо?

— Обыкновенный «пустой», мой мальчик, — пугающе ледяным тоном ответил Камфу.

Шику вырвался.

— Не верю! «Пустые» визжат, как свиньи, и лебезят, чтоб спасти свои шкуры! А этот чужак не такой! Он, он...

— Шику! Это враг! Страшный и непредсказуемый враг! Такого врага надо уничтожить, если не можешь сломать.

Он сказал это так громко, что Шику стало неловко. Вдруг услышит пленник внизу! Хотя, будто это секрет! Мальчик поежился.

— Он знает, что умрет, — промолвил наставник, помолчав, — умрет скоро и страшно. Понимаешь, каково у него на душе?

Оба вздрогнули от этой внезапной оговорки.

— Я понял, учитель.

— Иди.

Шику спустился вниз с подносом, пленник никак не отреагировал на его появление. Шику поставил поднос и опасливо приблизился к человеку.

— Эй! — окликнул он. — Поешь, иначе ослабеешь совсем.

Пленник поднял обескровленное лицо, кажется, он дремал. Шику отступил на шаг

назад.

— Поешь.

— Дай воды, — попросил пленник.

Шику дал ему напиться, потом опустил ладонь в ведро и провел по лбу человека. Голова его была горячей, начался жар. Что-то непонятное заворчалось, запульсировало внутри и потянуло за язык:

— Почему ты молчишь, чужак? Разве стоит твоя тайна жизни, которая дается вам, людям, лишь однажды?

— Я ничего... не скрываю, — ответил пленник, — мне... нечего сказать.

— Тогда солги, люди всегда лгут!

— Если я солгу, прикрывая себя,... пострадают невинные.

— Тебя убьют!

— Я... знаю, — спокойно ответил человек.

— И тебе не страшно? — недоверчиво сощурился Шику.

Пленник поднял бровь и скривил разбитые губы.

— Так надо,... чтобы спасти других.

Он выбился из сил, голова снова безвольно упала на плечо. Шику, мучительно сомневаясь в своих намерениях, ослабил цепи, позволяя пленнику встать на колени и опустить руки.

— Шику, тебе... попадет, — сказал пленник. Мальчик покраснел, словно сделал что-то стыдное, но дернул за цепь, еще больше ослабляя ее.

— Я не боюсь! — с вызовом бросил он.

Чем нарыг, дитя Звезды, хуже какого-то пришельца из чужого мира, где живут люди с черными сердцами?

Он завернулся в одеяло, прислонившись к стене рядом с пленником. Его тревожили злые мысли, он сердился на Алвано и Камфу, на упрямого пленника, который своим поведением перечеркивал все, что Шику внушали в Нарголле. И еще в голове вертелась мелодия, которую напевал вчера имперский офицер. Шику уснул. Проснулся глубокой ночью, в ритуальном зале осталась лишь одна невыгоревшая лампада.

Тишина. Шику подскочил и затряс пленника за плечи, ему показалось, что тот не дышит.

— Что,... Шику? — раздался измученный голос.

— Спой песню, которую вчера пел.

Чужак посмотрел на мальчика, как на сумасшедшего.

— А...эту...

Долгая дорога

Вьется на закат.

Потерпи немного,

Раненый солдат.

В горькую годину

Мир горит огнем,

Потерпи, родимый,

Скоро отдохнем...

Шику пробрала дрожь. Смутные образы возникали у него в голове, сменялись другими,

становилось все непонятнее и непонятнее. Глухой голос проникал в самое сердце, разбивал скорлупу холода, тоски и обреченности. Шику всегда знал, что он — избранный, он — нарьяг, принадлежащий к высшей касте. Он умел терпеть лишения, постоянные занятия со строгим наставником, боль в костях после очередного «рывка» и одиночество.

Но память! Память взяла свое, растревоженная знакомой мелодией, она запутала Шику в пелену давно забытых событий.

Темный узкий барак, свет из щелей пробивается в многолюдное помещение. На треноге в котле булькает постная похлебка, в пыли возятся дети. Вокруг суетятся женщины, но их серые лица напоминают покойницкие. Шику сидит на коленях матери, она что-то шьет, тихонько бормоча под нос песню. Вдруг в барак врывается женщина, волосы ее растрепаны, она кричит что-то страшное, и мама до боли сжимает Шику в своих объятьях. Потом появляются нарьяги. Люди падают перед ними на колени, расстилаются на земле, а они забирают детей. Забирают и его, Шику, вырывают из уютных объятий матери. Она истошно кричит, не пускает, мальчик пищит от боли и страха. Кто-то вступается, отталкивает нарьяга, закрывает мать Шику спиной. Мальчик знает его, он был сильным и храбрым, он пришел из дальних земель, где все свободны и счастливы. Его зарубили, а Шику отняли у матери и с другими детьми забрали в Нарголлу.

Звездная дорога
Вспыхнет серебром.
Потерпи немного,
Будем мы вдвоем.

В облаках усталых
День уходит прочь.
Нам чуть-чуть осталось —
Скоро будет ночь...

В эту темную долгую ночь Шику не спал. Убедившись в отсутствии собственной души, в рабском прошлом и бессмысленном будущем, он провел ее возле раненого имперского офицера, стирая пот, текущий по его горячему лицу, меняя промокающие повязки и напевая под нос вспомнившуюся песню.

— Шику, — очнувшись под утро, сказал пленник, — беги.

— Мне некуда бежать, — ответил мальчик, — и незачем. Никто не ждет меня ни в одном месте на всем свете...

— Если бы я был свободен, ... я забрал бы тебя с собой... в большой прекрасный город, ... в Ориму.

— Если бы ты мог бежать, — сказал Шику, — я отпустил бы тебя и пошел за тобой, а так... я останусь с тобой до конца.

— Спасибо, Шику.

Утром в капище вошли Алвано и Камфу. Командор оглядел пленника и тряхнул Шику за шкуру.

— Как ты посмел ослабить цепи, уродец?

— Вы велели, чтобы он дожил до утра, — ответил трясущийся мальчик. После ночного озарения он понял, что даже Камфу не заступится за него, учителю нет дела до какого-то раба без души. Он ничуть не дороже этого пленника, даже дешевле, он не знает ничего такого, что представляло бы ценность для командора.

Он из рода рабов — человек, как и Алвано, как и пленник. Нет, пленник не такой. Шику видел и рабов, и «пустых» из чужого мира за окном портала. Никто из них не вел себя так, как имперский офицер.

Алвано еще раз тряхнул мальчика и отшвырнул под ноги пленника.

— Разбуди его.

Шику воззрился на окровавленного офицера, потряс его за плечи, как ночью — толку совсем чуть.

— А вот так? — взревел Алвано и, схватив ведро с водой, окатил пленника с головой.

Тот дернулся, вода ручейками стекала по осунувшемуся скуластому лицу, по черным коротким волосам.

— Проснулся, сокол? Настроен побеседовать? Нет? Жаль! Сегодня мы возвращаемся в Нарголлу, так что времени у тебя в обрез. Скажешь по-хорошему — отпущу с миром, нет — пойдешь в расход, возиться с тобой некогда.

Пленник вздохнул и опустил голову. Алвано взревел, как раненый локхи, и ударил его по лицу, еще раз и еще, потом, не останавливаясь, ударил ногой по колену, в бок, и снова уже, видимо, плохо понимая, что творит.

Шику сжимался в комок при каждом ударе, словно обезумевший командор избивал его самого. Наконец, Алвано выдохся.

— Говори, у меня нет времени.

— Пошел ты, Алвано! — четко выговорил пленник.

Командор затрясся, глядя в лицо упряма, которого не смог сломать.

— Ты будешь умолять прикончить тебя, скотина! — взвыл он. — Камфу, он твой.

Наставник выступил вперед. Его высокая и тощая, как жердь фигура, возвысилась над пленником, как десница правосудия. Шику пробрал холодный пот. Нет! — кричало все у него внутри, — не может быть! Они не посмеют! Это же не просто человек, а настоящее дитя Звезды! Он (не нарьяги, которые произошли от рабского рода), он — посланник Наршина в землях наров. А его убивают ни за что!

— Шику, разведи священный огонь.

Нет! Нет, нет, нет! На подкашивающихся ногах мальчик побрел к алтарному камню, где в центре шестиконечной звезды лежал камень-пламень. Над ним возвышалась тренога с крючком для котла. Пока Шику возился с камнем, раздался треск материи — Камфу разорвал на пленнике рубаху, обнажая торс. Он действовал спокойно и быстро, будто и в самом деле проводил обряд. В этом была жестокая, чудовищная фальшь, потому что Шику знал — никакой это не обряд, это страшная месть Камфу и Алвано тому, кого они не смогли понять и сломить. Месть настоящему Нар-одару, посланнику Звезды.

Камфу деловито и бестрепетно взял изогнутый ритуальный нож и вонзил пленнику в пах, потянул вверх, распарывая внутренности. Шику зажал обеими руками рот, чтобы не закричать. Тело пленника выгнулось, рот раскрылся в беззвучном крике... Все потеряло

очертания, скрылось в дымке слез. Мальчик ничего не слышал из-за отчаянно колотящегося сердца и собственных всхлипов. Пленник не кричал, Камфу и Алвано тоже молчали. Потом Шику, скорчившийся возле алтаря, услышал шаги. Камфу подошел и подвесил на крюк над огнем истекающее кровью мясо. Печень.

Нарьяги — мастера продлевать мучения еще живой жертвы, вырезая постепенно все органы, пока не дойдет очередь до сердца.

Шику тоже владел секретами мастерства. Он пообещал себе, что вырежет черные сердца Алвано и Камфу и зажарит их на священном огне.

Ритуальное помещение наполнилось запахом горячей плоти. Пленнику оставалось жить от силы несколько минут. Шику не мог заставить себя поднять глаза и увидеть истерзанное тело имперского офицера.

— Вот и все, — засмеялся вдруг Алвано, сумасшедший смех эхом разнесся по капищу, — скоро ты сдохнешь, как последняя собака... Я все равно найду и уничтожу всех твоих шпионов! Открой глаза! — он грубо схватил пленника за подбородок и повернул к себе. — Что ты там шепчешь?

— Вернусь... ты сам... сдохнешь, как собака..., - выговорил умирающий и потерял сознание.

Шику бросился в свой угол, забился за сундук, пряча лицо в коленях. Рыдания душили его, крупная дрожь колотила тело.

— Эй, пацан! — с издевательским смешком крикнул Алвано. — Чтоб дожил до утра, понял?

Мальчик крепко сжал виски ладонями, и милосердное забытие вскоре распахнуло ему объятия.

Он очнулся спустя несколько минут и поднялся за водой. Поставив ведро на пол, зачерпнул немного ковшиком и поднес к губам пленника. Тот не шелохнулся. Шику щедро смочил ладонь холодной водой и приложил к пересохшим, покрытым корками губам умирающего, умыл его, бережно проводя двумя мокрыми ладонями по изможденному лицу.

— Очнись, — умоляюще шептал он, слегка тряся за плечо. Пленник поднял веки.

— Нар-одар! — вырвалось у мальчика.

— Не бойся, — шепнул он, — это не страшно...

Шику еще раз сумел привести умирающего в чувство. Пленник уже не мог говорить, изо рта текла кровь. Шику, давясь от слез, снова смочил его губы водой, имперский офицер открыл уже стекленеющие глаза. Он и Шику встретились взглядом, словно последнюю частичку жизни отдал странный упрямый пленник чужому мальчишке из рабского рода.

— Забери меня с собой! — попросил Шику.

Губы шевельнулись, но последних слов мальчик так и не расслышал.

Просидев остаток ночи у ног мертвого пленника, наутро Шику ждал жестокой расправы, но Алвано и Камфу не обратили на него внимания. Тело Нар-одара расковали и выволокли на площадь, где бросили рядом с телами других мертвых солдат. Алвано приказал набить им животы свинцовыми пулями. Задыхающийся от рыданий Шику безмолвно наблюдал за глумлением над погибшими и все сильнее ненавидел командора, но еще больше — пляшущего под его дудку Камфу.

После этой истории наставник решил, что Шику ненадежен и отправил мальчика на охрану рудника.

Я читал заключение медэксперта и сам, обливаясь слезами, готовил тело к похоронам. Но догадываться и знать вовсе не одно и то же.

Шику говорил долго, половину слов в его горестном рассказе я не понимал, но это неважно. Я будто прожил те дни в проклятом капище с вами.

Внутри тугая струна гудит тупой, ноющей болью. Опускаю взгляд на огонь: угольки покрылись пестрым пеплом.

Шику с мокрым лицом и красными глазами минуту смотрит на меня и вдруг срывается с места, выскакивает из пещеры. Сижу, протянув заледеневшие ладони к огню, держу их долго, так что пальцы начинает щипать. Зато в голове сложилась мозаика. В ней не хватает всего нескольких кусочков, но я вижу — картинка совсем не такая, какой я ее себе представлял. Я многого не знал о тебе, и о нарядгах тоже, но уж теперь точно докопаюсь до правды.

Где же мальчишка? Выхожу из пещеры. Звезд слишком мало, и они далеко; в лесу темно, как в черной дыре.

— Шику!

Не отзывается.

— Шику, хорош дурить! — кричу в темноту. — Иди сюда!

Все, — обреченно думаю я, — до перевала пара шагов, приведет ко мне Алвано и этого своего наставника. Вот только я им живым не сдамся, у меня же нет пиралгезина. Да и у тебя его не было... Это мне в бреду померещилось.

На душе камень весом в тонну. Приваливаюсь к скале, курить хочется до невозможности. Достая кремниевую зажигалку и щелкаю, представляя, как беру сигарету, сую в рот, затягиваюсь...

В памяти всплывает песенка, что так понравилась Шику. Ты напевал ее, когда бывал в мрачном расположении духа.

Дальняя дорога
Вьется на закат.
Потерпи немного,
Раненый солдат

В горькую годину
Мир горит огнем.
Потерпи, родимый,
Скоро отдохнем!

Нам до перевала
Дотянуть чуть-чуть,
Но стальное жало
Раздробило грудь.

Вот за тем пригорком
Будет медсанбат.
Не сдавайся только,
Раненый солдат...

Далека дорога
Под стальным огнем.
Потерпи немного -
Скоро отдохнем.

Шику появляется из темноты, бросается ко мне, вписываясь в живот лбом, как футбольным мячиком.

— Нар-одар! — всхлипывая, шепчет он, — ты простить Шику?

— Ну чего ты? Я же ничего... Шику, прекрати!

Плечи его трясутся от старательно сдерживаемых рыданий, он обнимает меня так, словно хочет раздавить.

— Все, все, успокойся, лучше скажи, там, на руднике, будут эти твои Алвано и Камфу?

— Только Камфу, Алвано сейчас далеко.

Ну что ж, спасибо и на том. А теперь спать, завтра будет трудный день.

Шику сладко сопит во сне. Костер погас, я сижу, прислонившись к стене и обхватив колени, вспоминаю тот день.

Внеочередной дозор моего взвода. Дождь накрапывает, в клубе музыка, танцы, но мы мокнем, глядя в туман. Запищала рация, голос Ларсена звучит весело:

— Дан! Тут девушка!

— Какая еще девушка?

— Красивая, — со смешком, не по уставу отозвался солдат.

— «Феечка» что ли?

— Сам ты «феечка»!

Девушка, которую привели Ларсен и Стоун, плакала. Неброско одетая, не накрашенная, она была красива, как Белоснежка. Ее хотелось подхватить на руки и унести подальше от имперских позиций, куда-нибудь в Пансилию, на золотые пляжи.

Лина-Линочка, девушка-Белоснежка, неужели ты знала обо всем, когда плакала передо мной? Или тобой, как игрушкой, играл отец? Лидер Умано точно замешан в этой истории, и кто-то из старших офицеров штаба.

Что же ты такого узнал, Корд? Кого защищал своим молчанием? Зачем вообще прилетел из Аргонны на базу Рагварна? Мы так и не успели толком повидаться...

Едва небо над лесом становится серым, я расталкиваю не выспавшегося Шику, и мы выдвигаемся навстречу моим кровным врагам.

К вечеру выходим к горной деревушке. Нас встречает тишина. Бараки для рабов зияют открытыми дверями, цепи ворот порваны, земля изрыта грубыми протекторами колес и траками гусениц.

Шику оглядывается на меня, его глаза сверкают в темноте, потом бросается вперед, смешно размахивая руками, и замирает перед телом нарьяга.

Можно не сомневаться, что живых мы здесь не встретим — мятежники перебили охрану, а рабов увели.

— Нар-одар!

Подхожу ближе. Нарьяг в странных одеждах из красной шерсти лежит, раскинув руки в пыли, бусины раскатились по земле, грудь разворочена разрывной пулей. Хочется плюнуть в ненавистную рожу нелюди, но замерший рядом Шику говорит:

— Его имя Наару, он быть добрый, делать бусики.

Мне стало стыдно, ведь именно этот нарьяг не сделал мне зла, жил себе, бусики мастерил.

Идем по улице к дому начальника. Дом словно воткнут на площади и смотрится среди барачков так же, как войлочная шляпа среди цилиндров. По дороге Шику останавливается.

— Это Закри, а вон там Шангу, им быть по пятнадцать поворотов...

Война не щадит никого, ни на нашей стороне, ни на чужой. Идем дальше по мертвому селению; там и тут лежат тела наров и людей, защитников рудника.

Дверь особняка вывернута из петель.

— Шику, видишь где-нибудь своего Камфу?

Мальчик отрицательно трясет головой.

— Где же он?

Буквально влетаю в дом, там все перевернуто вверх дном, но нет ни живых, ни мертвых. Я вою волком от ненависти — мой враг ушел. Пока я осматривал дом, Шику стащил все трупы на площадь и сложил в жуткую поленницу. В руках мальчишки запылял факел.

— Зря ты это, Шику.

Нарьяг поджал губы. Знаю, иначе он не может, в Нарголле ему основательно задурили голову всякими обрядами. Сидя на крыльце, я терпеливо жду, когда Шику закончит. Огонь неохотно вцепляется в одежду мертвецов, в доски, откуда-то принесенные мальчиком.

Шику садится рядом, вопросительно заглядывая мне в лицо — не сердится ли Нар-одар? Нет, не сердится.

Запах по селению идет отвратный, темный, густой дым заполнил площадь. Огонь разгорается все сильнее, и постепенно становится неважно, что горит в нем. Из огня мы выходим и в огонь возвращаемся...

Знакомый звук заставляет вскочить. Шику не понимает в чем дело, но тоже вскакивает. На площадь с ревом врываются две боевые машины пехоты. Я стою спокойно — все равно не уйдешь, если пустят пулеметную очередь. Шику кидается вперед, пытаюсь закрыть меня своей тощей спиной.

Я стою, хотя изображать спокойствие под двумя пушками не слишком комфортно. Крышка люка откидывается, несколько человек покидают БМП, рассредоточиваются по площади. Все они хорошо вооружены — винтовки, разглядел даже с подствольником, — но на военных не похожи. Мятежники, — догадался я. Вот с кем судьба свела.

Люди приближаются к нам, берут на прицел. Поднимаю руки, шипя мальчишке, чтобы убрался подальше. Шику похож на ощерившегося пса под дулом охотничьего ружья.

— Кто такие? Чего здесь бродите? — спрашивает, перекрикивая рев огня, худощавый человек лет сорока в замызганной куртке и камуфляжных штанах.

— Неместные мы, проездом тут, — не успев прикусить язык, несую я околесицу. Больно нелепы эти доморощенные вояки. Хотя рудник-то разорили, и шутить с ними не стоит.

— Да, вижу, что не местные, — хмыкает командир бригады, — особенно пацан твой.

— Пацана не тронь, — с угрозой делаю шаг вперед, короткой подсечкой отправляю Шику на землю, — он не из этих.

— А ты сам из которых? Одет, как ориман, да только кто вас разберет.

— Бывший командир десантно-штурмового отряда «Вепрь».

— О, как! — изумленно вскидывается главарь мятежников. — А чего ж бывший?

— В бегах.

— О как! — восклицают уже трое. — Чего натворил?

Равнодушно пожимаю плечами. Мятежники переглядываются.

— Серый, да он дурит нас, из живодеров он, погляди на его рожу! — выступает рослый рыжебородый мужик (про таких говорят — поперек себя шире). — Глаза нелюдские, как у тех, что детишек да баб...

— Заткнись, Гера! — сощуривается главарь и кивает мне. — Ступай в избу, побеседовать надо.

Но винтовку не опускает. Я усмехаюсь:

— Милости прошу, только ты вперед, а то еще запрешь меня и подожжешь дом.

— А ты непрост, — одобряет главарь, — пошли.

— Мальчик останется на крыльце, — говорю я, кивая Шику, чтобы не смел спорить. Тот глядит глазами брошенного щенка, но не спорит, всецело доверяя своему Нар-одару.

Командир повстанцев первым входит в дверной проем, за ним я и еще трое мятежников. Рыжий Гера любовно поглаживает подствольник, накрученный на новехонькую штурмовую винтовку, еще двое молчаливо демонстрируют готовность стрелять по первому сигналу командира.

Главарь мятежников устраивается на уцелевшем диване, я придвигаю себе стул.

— Сергей, — протягивает руку главарь. У него умное волевое лицо, высокий с залысинами лоб и колючие глубоко посаженные глаза. Подбородок пересекает выпуклый багровый шрам.

— Дан.

— Рассказывай, — велит Сергей, — от того, насколько ты будешь убедителен...

— Зависит моя жизнь, — заканчиваю я.

Гера зло оскаливается, поглаживая пальцем спусковой курок винтовки. Я улыбаюсь.

— Мое имя Дан Райт, я бывший командир шестого взвода десантно-штурмовой бригады аргоннской дивизии. Вне закона.

— Что же ты натворил, Дан Райт? — интересуется Сергей.

— Уничтожил посольство нарьягов в Штормзвейге и убил командора Рагварна.

В комнате повисло нехорошее молчание.

Гусеницы траками вспарывают мягкую лесную землю. Мы трясемся на броне, спина Шику прижимается к моему боку. Парнишка напряжен и внимателен, он думает, что нас тащат в плен и полон решимости не допустить второй смерти своего Нар-одара. Повстанцы — умный народ, не лезут к мальчишке, но зыркают злобно, для них он — отвратительная нелюдь. Да и я — подозрительный чужак, веры которому нет.

А я и не спорю.

Караван — две машины пехоты и допотопный фургон ползут до безобразия медленно. Места внутри нам не досталось, да и не больно хотелось. Снаружи свежо, темно и беззвездно, нескончаемые леса. А куда еще могут забраться партизаны?

Наутро показалось селение. Оборона поставлена, что надо: замаскированные ямы, мины, растяжки. На первой линии окопов нас окликнули, высунулся Гера и завопил: — Сами с усами, — и нас пропустили.

Селение мятежников довольно большое: приземистые каменные дома под черепичными крышами, псы на цепях, подозрительно напоминающие локхи, длинные бараки, чтоб разместить вновь прибывших. С размахом живут, но видно, что в любую минуту они готовы сорваться с места и прятаться по бесконечным лесам диких земель.

Навстречу выбегают люди: кое-кто с оружием, женщин мало, детишек и вовсе не видеть. На нас с Шику глядят с опаской, как на диких зверей.

Сергей и его бойцы выбирают из люка. Командир бросает короткие распоряжения, куда расселить бывших рабов, кому оказать помощь. Потом, не оглядываясь, обращается ко мне:

— Иди за мной.

Спрыгиваю с брони и иду за ним, а Шику — за мной, как приклеенный. В спину нам недвусмысленно упираются вороненые дула винтовок Геры и седого хмурого мужика Матвеича.

Сергей приводит нас в штаб: полуподвальное помещение с керосинкой на столе, лавки, на заплесневелых стенах карты местности.

— Садись.

Шику он игнорирует, не понимая, зачем я тащу за собой опасного парня. Мои слова о безоговорочной преданности и послушании нарьяга не произвели на командира повстанцев впечатления, но пристрелить мальчишка он не осмелился.

Сажусь на лавку, приваливаясь к стене, спина ноет после долгой дороги. Гера устраивается напротив, демонстративно укладывая винтовку на колени, Матвеич, наоборот, садится за стол, вытаскивает из нагрудного кармана очки с толстыми линзами и сломанной дужкой и погружается в изучение какой-то карты.

Сергей придвигает стул поближе ко мне. Его поза, напряженная, со скрещенными на груди руками, мне не нравится.

— Так, значит, охотишься за Алвано? — уточняет он.

Киваю. Шику взъерошивается, я кожей чувствую исходящий от него страх.

— А если мы тебе поможем, согласишься кое-что сделать взамен?

— Отчего не согласиться, — пожимаю плечами, — у нас на добро отвечают добром.

— Да, брешет поди, собака! — ухмыляется Гера.

Сергей тоже не очень-то мне верит. Молчу, чего с ними спорить?

— Ладно, — не спуская с меня глаз, роняет он, — оставайся у нас пока. Алвано сейчас далеко, но ему придется вернуться сюда. Живи, только за пацаном своим приглядывай. Узнаю чего, с нелюдем у нас разговор короток.

Я соглашаюсь, хотя и не очень уверен в Шику.

Тут дверь распахивается, и в штаб влетает девушка. Да какая девушка, девчушка, с белокурыми кудрями и глазищами на пол-лица, в пехотной военной форме на три размера больше. Она с визгом кидается на шею сразу смутившегося Сергея.

— Папочка, папочка! Вернулся, родненький! — тараторит она.

Я опускаю глаза.

— Это Танюшка, дочка моя, — неохотно представляет ее командир, отдирая от себя детище, — Таня, погоди. Как ты себя ведешь, у нас гости.

Взгляд украдкой в нашу сторону; ресницы, как крылья диковинных бабочек, хлопают медленно и удивленно.

— Ну, все, за мной, ребята, — направляется к двери Сергей. — Да сиди ты, рыжий, — добавляет он, обращаясь к вскочившему было Гере.

Мы с Шику безропотно следуем за командиром. Селяне таращатся на нас. Сергей, чем-то довольный, насвистывает незамысловатую мелодию. Сворачиваем в тихий дворик, командир стучит в ставень и тут же открывает дверь.

Дом, как каменный валун, врос в землю, окошки едва виднеются над обомшелым фундаментом. Три ступеньки вниз, и мы оказываемся в небольшом помещении. Здесь тепло и светло, в середине стоит удивительное сооружение из беленых кирпичей, от него идет уютный жар. В кухне по локоть в муке хлопочет женщина, высокая и статная, в длинной юбке и растянутой домашней кофте, волосы убраны под платок.

— Здравствуй, Вера, — наклонив голову в низком проеме, входит Сергей, — не приютишь ли жильцов?

— Отчего нет? — женщина бросает короткий взгляд в нашу сторону. — Втроем веселее.

— Ну, тогда распорядись, а я пойду. Да, и накорми гостей.

— Когда я, Сереж, гостей не кормила? — усмехается мятежница.

Командир повстанцев ушел, а хозяйка, отряхнув муку, протягивает руку в знак приветствия.

— Меня Верой звать.

— Я Дан, а это Шику.

У нее жесткое скуластое лицо с большим, но изящным носом и поджатыми тонкими губами. Под испытующим взглядом темно-синих глаз мне как-то неловко, будто я обманываю гостеприимную хозяйку.

— Мальчика устрой на печи, а сам будешь спать на лавке, вон там, — говорит Вера, — скидывайте вещи и мойте руки, завтракать будем.

Сложив ранец и оружие, повожу затекшими плечами. Шику жметя ко мне, приходится отправить его за шпорку. Надо раздобыть ему человеческую одежду, наверняка у них тут есть, может, тогда вид мальчика не будет резать окружающим глаза. Кто знает, сколько нам тут жить до появления Алвано.

Вера показала, как пользоваться допотопным алюминиевым умывальником. Мою руки, хозяйка подает грубое, расшитое петухами полотенце и приглашает к столу. Из отверстия в беленой громаде — печке — Вера вынимает лист с румяными горячими пирогами, ставит

перед нами, наливает из глиняного горшка в стаканы ледяное молоко. После плиток концентрата и мерзкой цаквы Верины пироги становятся для меня райской едой. Беззастенчиво набиваю живот под внимательным взглядом хозяйки, в ее глазах прыгают смешинки. А когда я, объевшийся, не могу сдержать зевок, она кивает на приготовленную — и когда только успела — на лавке постель.

— Отдохните с дороги, ребята, вечером Матвейч на танцы приглашает.

Сил удивляться уже не осталось, я засыпаю, едва голова касается подушки.

Вечером меня, расталкивая, будит Вера. Сажусь на лавке, не сразу понимая, где нахожусь.

— Дан, тебя Сергей зовет.

— Куда идти? — озираюсь я в поисках Шику.

— К Матвейчу. По улице прямо, у колодца направо свернешь. Да ты сразу увидишь.

— Где Шику?

— Мальчик спит.

Смотрю в ее спокойное лицо.

— Ты не испытываешь ненависти к нарьягам?

— Здесь все их ненавидят, — холодно отзывается она, — но мы не нападаем первыми.

Мой совет тебе — смотри в оба. Если что-то насторожит, ребята пристрелят твоего парня без колебаний.

— Он ребенок.

— Он — опасная тварь.

Оглядываюсь на печь, где в тепле сопит Шику.

— Вера, мальчика надо переодеть, ты найди ему что-нибудь... А я потом расплачусь, чем смогу.

— Ладно, — усмехается хозяйка, — иди, Серега ждать не любит.

После теплой избы от вечерней прохлады чуточку знобит. Сумерки сделали лес непроглядным; ароматно пахнет хвоей и дымом. Иду на свет и попадаю туда, где меня ждут.

Дверь большого дома с низкими, как амбразуры, окнами распахнута настежь. Гомон, музыка и смех несутся из ярко освещенных комнат, в воздухе витает запах сигаретного дыма, от которого в вожделении сводит скулы. Вхожу, и смех затихает. В избе много народа, занятого разными делами: обсуждают новости, играют в домино, три женщины, видно жены мятежников, снуют с выпивкой и закуской. На колченогой табуретке сидит сам Матвейч в очках и с гармошкой в руках. В углу я заметил Сергея с дочерью и двумя мужчинами в мятых штормовках и десантных штанах с карманами.

В воцарившейся тишине командир машет мне рукой, я иду к нему. Меня рассматривают, как верблюда в зоосаде.

— Ребята, это Дан Райт, — представляет меня Сергей. — Дан, знакомься, Костя. — Мне протягивает руку невысокий белобрысый парень. Руки у него, как две кувалды.

— И Федор, — этот выше ростом и смуглее кожей, уши торчат, как две спутниковые антенны.

Знакомлюсь, жму ладони. Еще какой-то чернявый парнишка подбегает ко мне, тянет руку, заглядывая в лицо снизу вверх.

— Аркашка, брысь, — сдержанно рыкает Сергей, и Аркашка — несуразный парень, ровесник Шику — уносится по своим делам.

— Садись, Дан, чего мнешься, — велит командир повстанцев, Костя двигается, освобождая мне место.

Сажусь на лавку между Костей и Таней, изба снова наполняется разговорами, переливами странной мелодии, на меня перестают коситься.

— Звал меня? — спрашиваю Сергея.

— Не по делу, просто так, узнать поближе, показать, как мы живем.

— Я думал, есть новости об Алвано, — помимо воли вырывается у меня.

Сергей качает головой.

Матвейч растягивает гармошку, мелодия заглушает разговоры. В центр просторной залы мужчина с седыми висками выводит женщину в простом платье. Нежно придерживая за далеко не хрупкую талию, кружит в вальсе, а чуть погодя, к ним присоединяется вторая пара.

Смотреть на танцующих приятно. Но женщин мало, поэтому многие украдкой заглядываются на Танюшку, и только присутствие Сергея их останавливает.

Мне мучительно хочется курить. Спрашиваю сигарету у командира повстанцев, тот усмехается, мол, не курю, и тут же Костя с Федей с двух сторон протягивают мне картонки ужасной контрабандной «звезды», которую курят только прожженные шусты. Разжившись вожделенным куревом, выхожу на крыльцо. Небо почернело, слилось с темными еловыми стенами леса. С удовольствием раскуриваю папиросу, втягиваю в легкие ароматный дым и впервые за долгое время чувствую себя на вершине блаженства.

И тут по закону подлости появляется Гера, с торчащей бородой, в расстегнутой на волосатом пузе куртке, он приближается вразвалочку, что-то насвистывая под нос. Я гляжу в темноту, делая вид, что его тут нет. Гера тоже старательно игнорирует меня, но у самых ступенек с размаху наступает мне на ногу. Только надежные десантные ботинки спасают меня от перелома. Я хватаю его за шею и резко бью под пятку, Гера падает на спину плашмя и грозно воет. Не выпуская папиросу из зубов, смотрю, как бородач поднимается, бросается ко мне с кулаками, каратэк недоделанный. Хук в голову он встречает с поистине боксерским спокойствием и снова бросается в атаку.

— Морда имперская! — орет Гера. — Предатель, лазутчик!

Машет кулаками, попадает вскользь мне по скуле. В голове взрываются искорки, я уже плохо соображаю, кто передо мной, бью ногой в живот. Гера с уханьем сгибается и тут же бросается на меня, пытаюсь по-медвежьи обхватить руками.

— Георгий! Прекрати!

Дворик быстро заполнился людьми, а из дома все выбегают любопытствующие. Сергей хватает за локти Геру; кто-то, вроде Федор, оттаскивает меня. Гера пинается и дергается, но щуплый командир довольно легко удерживает бородача.

— Серега, этот гад первый на меня набросился! Кому ты поверил? Он же засланный! Ну че ты лыбишься, че лыбишься, говорю?!

Смешно. Народ галдит, женщины ахают, Таня блестящие глазищи распахнула, — испугалась, видно.

— Гера, заткнись, — вполголоса велит Сергей, и бородач неохотно успокаивается.

— Он первый полез, — бурчит он.

— Блин горелый, — вставляет Костя, — что за сопли: первый, второй... Ты мужик или нет? Соберись!

Гера сопит и вытирает разбитый нос.

— Значит так: еще раз поссоритесь, пойдете на пару на болота клюкву собирать. Ясно? — строго бросает Сергей.

Рыжий кивает, недовольно кривя рот, шмыгает носом.

— Теперь обнялись и пожали друг другу руки.

Видно, у них это какой-то ритуал. Приходится-таки вытерпеть объятья Геры, даже похлопать его дружески по спине.

— Герка, баня-то готова? — спрашивает Костя. — Покажем гостю баньку, да по-черному.

Спустя пятнадцать минут я лежу голый на длинной лавке в горячей бане. Куда там элитным саунам Оримы: жарко, но не душно, свежий аромат дубовых листьев щекочет ноздри. Пот пробирается сквозь поры, мускулы расправляются, становятся упругими, наливаются приятной расслабленностью.

На соседней лавке Сергей мычит от удовольствия. Входит Гера, босой и обмотанный ниже пояса куцей простыней.

— Ну, держись, проходимец, сейчас я тебя попарю так, что позабудешь мать родную.

Окатывает меня из шайки горячей, но не обжигающей водой и шлепает меж лопаток густым дубовым веником. Еще раз, и еще, бьет, как гладит — неужели и правда не затаил злости? Окатывает водой снова и берется за Сергея. Я лежу, голову туманит от приятной жары. Здесь, среди странных повстанцев, я чувствую себя на удивление спокойно, а ожидание появления Алвано наполняет мою жизнь смыслом.

За полночь, когда все гулянья закончились, и самые стойкие расползлись по домам, мы с Сергеем расположились в штабе.

— Выпьешь? — спрашивает командир повстанцев, откручивая крышку походной фляжки.

Качаю головой. Сергей наливает себе и опрокидывает рюмку, занюхивая рукавом. Потом без слов бросает мне на колени потрепанную папку.

— Что это?

— Читай.

В Ориме все данные давно на электронных носителях. Открываю папку и читаю досье. На фото темноволосый человек с крупным переломанным носом, выразительным ртом и большими черными глазами. Ничего особенного, кроме родинки над бровью.

«Ромари Алвано, 37 лет. Родился в Полле-Монти, в семье оримских эмигрантов. Закончил филфак Оримского университета, преподавал описательные науки в школе для мальчиков.

В 956 году участвовал в локализации междоусобного конфликта в Буцалло. Проявил себя дисциплинированным и инициативным служащим, получил чин сержанта. В 958 году окончил курсы подготовки младшего офицерского состава и был направлен для подавления восстания в Шерли. В 960 году в чине лейтенанта в составе 4-ой моторизованной дивизии направлен в Арбе. В ходе боев проявил храбрость и выучку, награжден «Серебряной звездой Оримы». В 964 году участвовал в подавлении второй волны буцалльского восстания. Проходил подозреваемым по делу о нарушении прав военнопленных в Ходхольме, однако военно-полевой суд не доказал вину. В 966 году дезертировал из вооруженных сил империи и присоединился к террористической организации «лефтхэнд». Замешан в нескольких международных конфликтах. Подозревается в организации терактов в Лоу и Дермене.

С 969 года возглавляет оборону Нарголлы в чине командора войск, имперскими спецслужбами объявлен в международный розыск».

— Вот человек, которого ты ищешь, — говорит Сергей, — скажи, ты уверен в своих силах?

— Уверен.

— Будь по-твоему. Скоро он не сможет оставаться в стороне, ему придется перебросить сюда войска. Надеюсь использовать твой опыт на полную катушку.

— Я согласен.

Месяц тянется бесконечно долго. Я болтаюсь по окрестностям, изнывая от безделья и злости, Шику всюду ходит за мной. Видеть его нестерпимо, но оставлять в лесной деревушке невозможно. Повстанцы, с легкостью привыкшие ко мне, нарьяга на дух не переносят. Не знаю, за кого мне страшно больше. В случае стычки Шику может натворить бед, но скорее найдет пулю в голову.

Впрочем, нарского в нем почти не осталось: Вера перешила на мальчишку камуфляж, сидит одежда мешковато, но неплохо. Волосы на его голове отрасли и почти прикрыли жуткую руну на затылке. Стряпня нашей хозяйки тоже пошла на пользу. Шику хоть и кажется щупленьким, но уже не напоминает больного запущенной формой дистрофии. От нечего делать я показал ему несколько приемов рукопашного боя, и мальчишка с упорством бультерьера взялся их отрабатывать.

Шло время, а в селении мятежников ничего не происходило, было от чего остервенеть.

— Нар-одар, — в очередной раз заводит вольтку Шику, — давай уйдем отсюда.

За месяц он выучился говорить по-имперски вполне сносно.

— Шику, ты опять?

— Нар-одар... — заставляя его называть меня по имени — бесполезное занятие, я привык к забавной кличке, — чего мы ждем? Алвано никогда не сунется в эти леса, ему легче запустить как их...

— Ракеты? — подсказываю я.

— Да, ракеты.

— У Алвано есть авиация?

— Есть. В Нарголле нельзя летать на ваших железных птицах, они падают и разламываются на куски, но ракеты у командора есть такие...

— ПРЗК? Противоракетный зенитный комплекс?

Шику трясет головой, откуда ему знать названия. Но неужели у Алвано такая военная мощь? Что же тогда мы сможем с горсткой плохо обученных лесных мужиков?

Только отступить мне некуда.

— Шику, мы остаемся до прихода командора, и все, точка. Вставай, устал что ли?

— Нет.

— Тогда смотри сюда. Наносишь прямой удар кулаком в лицо, я уйду с линии атаки, захват, потом за локоть и поворот корпуса. Попробуй теперь сам.

Уставшие и веселые к вечеру мы возвращаемся в деревню. По мере приближения глаза Шику тускнеют, плечи опускаются — он среди врагов, снова жметесь ко мне и молчит. Вера выходит нам навстречу в куртке и штанах, заправленных в высокие походные ботинки, в руке — винтовка, на плече — ранец.

— Где бродите? — сердито бросает она. — За мной, к Сергею.

— Что стряслось?

— Почему я знаю? Там услышим.

Сердце колотится от радостного предчувствия. Наконец-то! Возможно, скоро я увижу Алвано, черт, я жду его, как невеста жениха. Нам хватает минуты, чтобы забрать вещи и оружие.

В штабе тесно, отыскиваю знакомые лица: Гера, Костя, Федор, Матвейч — все

необычайно серьезны.

— Ребята, Вера, идите сюда, — зовет Сергей. Мятежники пропускают нас; Веру — с особенным уважением. Наша хозяйка, к моему изумлению, вынимает из ранца настоящий современный ноутбук, выводит на экран спутниковую карту местности и приближает настолько, что видны мельчайшие детали. Сергей усмехается моему удивлению:

— Что, думал, мы тут лаптем щи хлебаем?

Пожимаю плечами и гляжу на карту.

— Рудник Кин-Крид, — поясняет командир повстанцев, — охрана находится здесь и здесь, — указывает стрелкой на сторожевые вышки с двух сторон узкого ущелья. Спутниковая связь с базой осуществляется отсюда, — курсор замирает на квадратике здания. Высаживаемся ниже по тропе, разбиваемся на тройки. Костя, вы идете первыми и блокируете связь боевиков с базой. Матвейч и компания — на вас сторожевые вышки. Мы с Даном выводим людей, остальные прикрывают.

— Сколько человек охраны на руднике? — деловито почесывает переносицу Костя.

— Немного, — отвечает Вера, — десятка два да пять нелюдей.

Кажется, все понятно и добавить уже нечего, но вечно недовольный Гера орет:

— Уйдут, как пить дать, уйдут! У гаденышей везде ходы и отнорки!

— Ну и что мы можем? В первую очередь надо вывести людей...

— А потом разнести все к чертям, — не успокаивается Гера.

— Только придется перекрывать тракт с другой стороны тоже, — встречается Федя.

Сергей качает головой:

— Не пойдет, Герка прав — уйдут шахтой.

— Заложим тротила в штольни, и все дела, — уперся Георгий.

— Исключено.

— Серега! Я сам останусь, понял? Ни одна крыса нарьягская не прошмыгнет!

— Да это бред сивой кобылы! Там так долбанет, что мама не горюй! Если бы ты, твою мать, своими мозгами ...ыми подумал, может, дошло бы! — Сергей не выдержал и грохнул кулаком по столу. Сразу, как по волшебству, воцарилась тишина.

Я пытаюсь вычлнить из явно ругательной фразы крупицу смысла. Колоритные высказывания русов в который раз ставят меня в тупик. Шику тоже напряженно хмурится, не понимая, причем тут лошадь, о которой печалится мать Сергея. Вера тихонько кладет руку мне на плечо:

— Стойкое лексическое сочетание, — шепчет на ухо, видя мое замешательство. — Означает, что оппонент произнес нечто, лишённое смысла.

Оглядываюсь и замечаю легкую улыбку на тонких губах женщины.

— Сергей прав, — громко и уверенно говорит она, — горный массив сложноструктурный. В Кин-Криде добывают никель и кобальт — глубоколежащие пласты. Взрывы могут привести к сильным разрушениям.

Гера стоит багровый, даже борода, кажется, покраснела. Спорить с командиром никто из мятежников больше не решается. Вера принялась складывать ноутбук в набитый аппаратурой ранец.

— Все, ребята, по машинам, трястись долго, мы должны добраться до рассвета.

На пороге Сергей придержал меня за плечо.

— Дан, погоди.

Мы остаемся одни.

— Пацаненок твой уж больно внимательный, не шпион ли?

— Шику при мне все время. Как, по-твоему, он может сливать информацию? Телепатически? — с усмешкой говорю я.

— Если бы нелюди еще и телепатией владели, я б сам себе веревку потуже затянул, — кривится Сергей, — и чем ты так его пленил?

— Спас от локхи, которых ваши натравили, — пожимаю плечами.

— Ладно, пусть так, — кивает командир повстанцев, — но ты все ж присматривай за ним.

«А я буду смотреть за тобой», — заканчиваю его мысль. Для меня эта вылазка будет своего рода экзаменом, а их я страсть как не люблю.

На площадке возле колодца выстроились все двенадцать человек, участвующих в походе.

— Оружие к смотру, — командует Сергей, и разношерстная орава, наконец, становится похожа на маленький отряд. Я гляжу на Шику, тот поджимает губы, делает серьезный вид, как взрослый. Подтягиваю на нем броню, пришлось повозиться, чтобы подладить щитки под мальчишку.

Грузимся в БМП: мы с Шику, Сергей и Марат — оператор-наводчик. Во второй машине — Костя, Матвейч, Вера и еще какой-то рослый парень. Броневого фургончик заняли Георгий с Федей. Взревев моторами, наша колонна покинула лесное селение.

Пока трясешься по лесным кочкам, лучше всего спать. За час до высадки проверяю оружие, связь и функции шлема. Датчик выдает координаты, внешнюю температуру и сигнализирует о наличии радиоактивного излучения в 40микрорентген в час.

Водитель умело выкруливает на горный серпантин и глушит мотор, мы выбираемся и дальше идем пешком. Легконогий Шику идет рядом, он больше не жмет ко мне, не похоже, что ему страшно.

Скала нависает темной громадой, воздух хрустит морозцем. Сергей останавливается и командует в передатчик:

— Костя, пошел. Времени вам пять минут.

Ждем у скалы, за поворотом торчат две сторожевые будки, к которым подобралась группа Матвеича. В наушниках тишина. Холодно. Хочется курить. Пять минут истекло.

— Костя, что там у вас?

Тишина.

— Можно, я пойду?

— Нет, Дан, ребята справятся.

Не хочет отпускать от себя, проверяет, ладно, не буду спорить. Через девять минут от начала отсчета раздаются один за другим три взрыва: чуть пораньше — центральный пункт, потом сторожевые посты.

— Пора! — жестом показывает Сергей, и мы втроем устремляемся к руднику.

Ворота сорваны и искорежены взрывом. Группа Матвеича пропускает нас в огонь и прикрывает сзади. Сергей врывается на закрытую территорию рудника.

— Бараки за складами, — кричит в микрофон.

Мы несемся по объятому огнем периметру, без сканера трудно ориентироваться в черно-красном пространстве. Кто-то выскакивает прямо на меня, жму на спусковой крючок, очередь срезает охранника. Рядом Сергей тоже поливает во все стороны очередь из «зубра».

— Туда, — указывает он на длинное приземистое здание, огороженное забором с колючей проволокой поверху.

Дьявол! Под напряжением. Драгоценная минута уходит на то, чтобы перекусить провод, находящийся под током. Просыпается и истошно воет сторожевая сирена. Сергей проскальзывает мимо меня, прикладом крушит замок барака.

— Стой! — ору я.

Распахнутую дверь сносит, рвет с петель резкий порыв ветра, сравнимый с взрывной волной. Нарьяги! Кидаю тело в проем, сшибая Сергея на пол. Икры скручивает судорога, да такая, что звенящие от боли мускулы едва не разрывают кожу. Падаю на колени, понимая, что ничего уже не могу, рядом корчится Сергей.

В искрящейся зелеными точками темноте вижу приближающиеся худые, как скелеты, фигуры нарьягов. Костистое лицо склоняется надо мной. Чертовы бусики! Кто-то орет в наушник, но я не понимаю, кто и что, ненависть и бессилие раздирают меня.

Тут что-то врывается в тощую фигуру, нарьяг опрокидывается навзничь. Ветер воронкой закручивается где-то в пустоте помещения. Костлявые фигуры отчего-то падают, будто их уносит собственный вихрь.

— Нар-одар!

Шику помогает мне подняться. Не теряя ни секунды, поливаю растерявшегося врага длинной очередью, спустя мгновение темноту разрывает и «зубр» командира повстанцев.

— Молодец, Шику! Но что за черт! Куда они дели людей?

— Там ближе к штольням склады, — отвечает не потерявший присутствия духа Сергей.

На выходе нас ждет сюрприз из разряда неприятных — наверху со скал заговорил пулемет, струя разрывных пуль пролегла у наших ног.

— Ложись! — ору я, падая пузом на землю, Шику и Сергей валяются рядом.

Где-то впереди мелькают фигуры наших ребят, но, чтобы устранить невидимого пулеметчика, надо ползти вверх.

— Сергей, я уберу его.

Ползу до барака, там бегом, пробив себе лаз гранатой, выбираюсь к укрепленным штольням. Карабкаюсь по отвесной скале, кошек у меня нет, придется справляться так, на голом энтузиазме. Впрочем, высоко лезть мне не надо — уже отсюда вижу гада, удобно устроился, будто подсказал кто. Навожу оптику — алый луч скользит по черным камням, нажимаю на спуск, гранатомет рывкает, как сердитый пес. Камни сыплются вниз, что-то там догорает.

К моему возвращению наши уже прочно заняли вражеский лагерь. Сергей руководит эвакуацией бывших нарских рабов, мне только кивнул. Зато Шику радостно стиснул мне руку, заглядывает в глаза преданно и с мольбой.

— Ну что еще?

Кивает на опустевший барак. Ах, вот оно что! Он помог мне убить своих соплеменников, теперь я должен разрешить ему выполнить обряд сожжения. Подхожу к Сергею, тот сердито отмахивается: «Давай, только быстро!» Мы с Шику (а куда мне деваться) стаскиваем в кучу тела нелюдей, мальчик приносит откуда-то канистру бензина и дрова, поджигает, огонь вцепляется в красные одеяния нарьягов, как голодный зверь. Что творится в душе мальчишки в этот миг — страшно подумать.

Спустя полчаса мы снова трясемся в десантном отсеке БМП, теперь уже обратно. Сергей смотрит уважительно, но будто с затаенным сомнением.

Сомнения он озвучил на одной из остановок, когда, оставив спящего Шику в машине, я вышел покурить.

— Дан, — втягивая влажный лесной воздух, он вдруг закашлялся, — ты не разочаровал меня, молодец! А уж мальчишка твой — просто клад... при условии, что верен тебе.

— Что за намек? — сдвигаю брови я.

— Никаких намеков, — морщится Сергей, — говорю тебе в лицо — нас ждали, сам-то не заметил?

— Заметил, — неохотно признаю я.

— Как ты думаешь, кто?

Мне не нравятся его вопросы.

— Мы с Шику все время были у тебя на глазах, провалами памяти страдаешь?

Сергей улыбается и хлопает меня по плечу.

— Не обижайся, Дан, я вижу — ты хороший парень, вот только... прежде такого у нас не было.

Я не отвожу глаз, хотя Сергей буквально грызет меня взглядом.

— Понимаю, мы с Шику пришлые и потому подозрительны, чего уж. Я никак не могу

доказать свою невиновность, да и не стану!

Теперь командир повстанцев улыбается светло и открыто.

— Почему-то я верю тебе. Не держи на меня обиды, я в ответе за остальных.

Гашу окурок и забираюсь в машину. Шику крепко спит. А что если... да нет, это бред, как его там, сивой кобылы.

Шику пришлось долго уговаривать сходить к Матвейчу, собственно и не к Матвейчу, а на гулянья по поводу удачного освобождения с рудника Кин-Крид трех десятков человек. Мы разгромили укрепления нарьягов за какие-нибудь полчаса и не потеряли ни одного бойца.

Мальчик медленно шнурует ботинки.

— Шику, поторопись.

— Нар-одар, можно мне остаться?

— Нет. Чего ты боишься? Не съедят же тебя, в самом деле.

Мальчик смотрит на меня с укором. Я, не подумав, ступил на очень тонкий лед.

— Я хочу, чтобы ты пошел, хватит дичиться, пора привыкнуть к людям.

— Здесь враги, «пустые», — огрызается Шику.

— Прекрати, — осаживаю я мальчишку, — никакие они не «пустые», ничем не хуже нас с тобой, ты ж сам Сергея спас в Кин-Криде.

— Я спас Нар-одара.

Медленно выдыхаю, стараясь подавить злость: упрямства Шику хватит на целый караван верблюдов.

— Пойдем, — я выхожу из избы, не оглядываясь. Через минуту нарьяг нагоняет меня, принаравливается к шагу.

Нас встречают, как героев. На этот раз столы вынесли на улицу, широкие столешницы ломаются от пирогов и разносолов, а женщины не перестают таскать все новые блюда. Матвейч на своей колченогой табуреточке растягивает меха гармошки. Замечаю среди суеты Сергея с Костей, командир повстанцев выглядит довольным, и я знаю почему: вместе с рабами мы увели с рудника много оружия и даже старенький БТР.

— Дан, а мы только тебя вспоминали, — крепко пожимает мне руку Сергей, — молодец, что сам явился и мальчика привел.

— Слыхали, с Крикхой третий день нет связи? — озабоченно спрашивает Костя. — Интересно, это политика или диверсия?

— Конечно, политика, Костенька, — вмешивается вынырнувшая откуда-то Вера, — однажды в Оримском дворце правительства вырубился генератор. За три минуты, пока чинили, семь миллиардов фунтов со счета военной корпорации перекочевали в банковские книжки заинтересованных лиц. Думаете, диверсия? Нет, политика, ибо через месяц была объявлена вторая Аргоннская кампания.

Пораженный, смотрю на нашу хозяйку: утром она разбирала и чистила винтовку, как заправский вояка, а теперь иронично рассуждает об особенностях военно-экономической политики Оримы. Женщина из лесного селения!

Вера смеется, стягивая с головы платок, волосы у нее короткие, едва достают до плеч, но густые, гладко-черные, как смола. Где-то внутри заскреблись подозрения: на руднике Кин-Крид нас ждали, единственной, кто мог передать сведения о вылазке мятежников, была она. Не потому ли напросилась с нами...

Мы садимся за длинный стол. Шику от неловкости глядит в скатерть, очерчивая пальцем расшитые цветы. Напротив нас — Таня, наряженная в смешное розовое платье, в накинутой на плечи шубке, гладит толстую серую кошку. Повстанцы и освобожденные звенят рюмками, празднуя свободу, их пламенные речи и взгляды наполняют простое слово

необычайно острым, мучительно-счастливым смыслом. Я пригубливаю водки за свою собственную свободу — за скорое освобождение мира от двух бесчеловечных монстров: Алвано и Камфу.

Потом все наваливается на еду, за разговорами пустеют кувшины и блюда. Наступают ранние осенние сумерки. Сергей негромко беседует с одним из освобожденных. Танюшка, о чем-то шептавшаяся с Матвеичем, вдруг возникает предо мной. Толстая кошка выскальзывает из ее рук и мягко шлепается на землю.

— Я приглашаю вас на танец, Дан, — голосок дрожит, будто девчушка вот-вот заплачет.

Матвеич растягивает меха, мелодия разливается по опустевшему почти двору, и мне остается лишь согласиться. Поднимаюсь, она глядит снизу вверх, маленькая и решительная. Беру ее холодные ладошки, украдкой косясь в сторону командира повстанцев, моя ладонь опускается на девичью талию. Никогда еще я так не смущался, танцуя с девушкой, да и девушек таких нет в Ориме. А я больше не солдат прославленной имперской армии, а разыскиваемый международный преступник.

Танюшка кусает губы и дышит так часто, будто задыхается. Странная какая, за месяц даже не заговорила ни разу, а тут... И что с ней делать прикажете?

Еще одна пара присоединяется к нам — Вера и Сергей. Вальсируют красиво: командир — немного неумело, а хозяйка наша с неувимой грацией светской женщины. Волосы ее свободно спадают на плечи, точеная шея изгибается в такт музыке. За ее домашним обликом я даже не замечал, что Вере едва ли больше тридцати. Сомнения терзают меня все сильнее, забывая даже о Танюшке, но девочка тут же напоминает о себе, доверчиво прижимаясь к моей груди. Черт! Только бы Сергей не заметил!

В лесу темнеет. Музыка все льется, танцующих становится больше. Я смиряюсь с судьбой и, бережно придерживая Таню за талию, думаю о своем.

Истошный крик выдергивает меня из путаных мыслей, как из сна.

— Ты! Поганая нелюдь! Отпусти, твааарь...

Отстраняя Танюшку, бегу на крик, за мной еще кто-то (наверное, Сергей и Вера). Ох, не надо было оставлять Шику без присмотра! Ведь на минуту...

Толпящиеся повстанцы пропускают меня. Возле опустевших, но еще не убранных столов, замер Шику — ссутулившийся, весь какой-то скрюченный, как испуганный котенок. Чуть дальше корчится здоровяк Гера, его тело неестественно выгнуто, руки и ноги вывернуты под невероятными углами. Гера орет благим матом, ярость его сменилась страхом, а ругань нечленораздельным завыванием.

Прыгаю вперед, обхватывая Шику за ноги обеими руками, подминаю мальчишку под себя. Спину, икры стягивает судорога, меня колотит, будто наступил босой ногой на оголенный провод.

— Шику... это я, — выдыхаю с рвущимся из груди кашлем.

Мальчик стонет сквозь стиснутые зубы — я сильно его прижал. Судорога отпускает и меня, и Геру.

— Аааа, урод! — Гера воет, как бешеный пес. Встает с грозным видом, лицо перекошено, но на плечах у него повисают Костя с Федей.

— Серега, эта нелюдь... Надо пристрелить его, че вы все стоите, это же дикий зверь!

— Ты сам как зверь, — Сергей встает между драчунами, — мальчик без повода не полезет.

— Дай, я сам его... — снова рвется Гера, разметав держащих его мятежников.

— Не срамись! — сердито прикрикивает командир. — Мало чести ребенка убить! Иди, проспись, завтра поговорим.

Только тут я понял, что Гера пьян, как говорят русы, «в дупелину». Его налитые кровью глаза бестолково шарят по толпе.

— Да вы че, ребята? — изумленно роняет Гера, в сердцах машет рукой и нетвердой походкой бредет в темноту.

Шику стоит, потупив глаза. Я взъерошиваю короткие волосы на его макушке, он коротко вздыхает. Мы направляемся домой, не оглядываясь, да никто и не пытается нас остановить.

Раскуриваю сигарету, немного успокаиваюсь.

— И чего ты взъелся на дурака этого? Позвал бы меня.

Шику молчит, он кажется таким маленьким и одиноким. Как же ему тяжело тут, наверное, под ледяными ненавидящими взглядами. Не надо было оставлять его одного, знал же, парнишку любой может обидеть, а потом этому любому сильно не поздоровится.

— Нар-одар сердится?

— Да за что? — усмехаюсь я, — всегда хамам морды бил, бью и тебе советую.

Лукавая улыбка озаряет хмурое лицо мальчишки.

На другое утро мы с Шику отправились на стрельбище. Я твердо решил не выпускать нарьяга из виду ни на минуту.

Солнечно. Сосны стоят, как золотые праздничные свечи. Шику бежит вперед, а я не спешу, курю, сунув руки в карманы, и думаю. За два месяца мятежники разорили три рудника и перебили охрану, сопровождавшую караван рабов. Когда, в какой момент лопнет терпение у Алвано? И что будет, когда полки наемников и наргольской нечисти обрушатся на лесное селение? Будет даже не битва — бойня. При всем уважении к Сергею его мятежники не годятся для серьезных военных действий. До сих пор спасала неожиданность, с которой совершались вылазки, но с приходом командора Нарголлы у повстанцев не останется шансов.

Выйдя на полянку, где развешаны деревянные мишени в виде контуров человеческого тела, вижу забавную картину. Шику и Таня что-то разглядывают в жесткой, пожухлой траве, причем девушка все время подпрыгивает, коротко взвизгивая и охая. Интересно, что они там нашли? Наконец Шику достает из травы цакву — длиной с полметра, пушистую, яростно дрыгающую хвостом и лапами. Танюшка визжит и хохочет до слез.

— Ой, мамочки, смешная-то какая! Ой, что ты делаешь? Фу, я не хочу, держи ее сам! Эй, зачем, ну зачем ты ее?

Шику, свернувший шею оказавшейся ненужной цакве, швыряет тушку в кусты и недоуменно пожимает плечами. Не дожидаясь, пока Таня набросится на нарьяга с кулаками (ну все девушки таковы), выхожу к ним.

— Нар-одар!

— Дан!

Оба кидаются ко мне, как щенки к хозяину. Шику удивил: на Таню он реагирует как-то иначе, чем на всех остальных, вроде бы ее присутствие не раздражает мальчишку, даже, напротив, радует. Остается воспользоваться этим наблюдением.

— Танюшка, ты что здесь делаешь?

— Стреляю, — смущенно опускает глазки, щеки наливаются румянцем.

— И хорошо?

— Из десятки выбиваю семь, — с гордостью отвечает она. Я замечаю, что мешковатый камуфляж идет девочке даже больше, чем розовое платье.

— Будешь выбивать девять, — обещаю я.

Утро проходит довольно плодотворно. Шику старательно постигает военные премудрости, в его упорстве видится желание понравиться не только мне, но и девочке столь презируемого им рабского рода. Может быть, это первый шаг к преодолению той пропасти, что разверзлась между ним и людьми. Таня лезет из кожи вон, чтобы показать, какая она смелая и умелая воительница, а мне хочется убить Сергея за то, что потащил девчонку в леса.

Шику плавно, как я учил, нажимает на спусковой крючок. Отдача чувствительно бьет его, парнишка кривится от боли и досады — промазал, сощуривает глаза и с трудом передергивает затвор винтовки. Я знаю, он не уйдет со стрельбища, пока не поразит хотя бы одну мишень. Мы с Танюшкой, сидя на бревне, греемся в ласковых лучах осеннего солнышка. Таня не решается заговорить, мнет рукава куртки и шмыгает носом.

— Скажи, Таня, — осторожно задаю интересующий меня вопрос, — ты Веру давно знаешь?

Она так удивляется, что уже без робости заглядывает мне в лицо. С торчащими в разные стороны светлыми кудряшками девочка похожа на одуванчик.

— Не очень, она не из наших.

Конечно, девочка хочет поговорить о другом, но я развиваю интересующую меня тему.

— Откуда же она?

— Вера — вдова имперского офицера. Она была связисткой при штабе, а когда мужа убили, к нам пришла.

— Ты уверена?

— В чем? — удивляется Таня.

— Ну что все так, как она говорит. Может, засланная?

— Ты что, Дан! — возмущенно восклицает девушка. — Если бы ты видел, как она мучилась, как умывалась слезами...

— Ладно, оставим это.

Мне очень стыдно, но подозрения, хоть и приутихли, совсем не пропали. Шестнадцатилетней девочке так просто запудрить мозги.

— Ну, а ты сюда как попала?

— Я же с папой тут, папочка у меня самый лучший, самый смелый, самый незаменимый...

Знаем-знаем, Анж так же говорила.

— Ну вот, когда у меня братишку забрали нарьяги, а маму убили (она никак Борьку отдавать не хотела), отец сам взрывчатку сделал и тюремщиков убил. Они спали, а потом от них мокрого места не осталось...

Прикрываю глаза: ее слова — будто железо по стеклу. Вера говорила, что здесь все кого-то потеряли. Я не особенный, только ненавижу чуточку сильнее, чем остальные или даже не чуточку.

Шику радостно восклицает — он попал в мишень, еле поднимает тяжелую винтовку, салютуя мне, и снова ложится — разыгрался азарт.

— Почему он называет тебя каким-то народаром, а, Дан? — спрашивает Танюшка. Пожимаю плечами. Она смеется, словно невзначай касаясь рукой моего локтя.

— Он смешной, так защищает тебя, будто зверек.

Она говорит так непринужденно, словно забыла об отнятом брате. Я не забыл.

— Шику — человек, и гораздо лучше многих других, Таня. А теперь хватит отдыхать, бери винтовку, ты еще даже восьмерку не выбиваешь.

После обеда я все же решил поговорить с Сергеем. Командир встретил меня, как старого друга.

— Хорошо, что зашел, Дан.

— У меня к тебе разговор, — бросил я.

— У меня, представь, тоже. Садись.

Я устраиваюсь за столом напротив Сергея, перед ним лежат карты. Значит, планирует очередное нападение.

— Ты опытный вояка, Дан, командовал взводом.

Киваю, интересно, к чему он ведет?

— Хочу отдать в твое распоряжение отделение. Муштруй их, как хочешь, у вас в армии

дисциплина что надо.

Как это русы говорят: не было печали — черти накачали?

— Сергей, ты понимаешь, что все бесполезно? Против Алвано нужны ракетные установки, к тому же в твоём отряде дисциплиной даже и не пахнет.

— Вот и наведи порядок, — с нажимом отвечает командир, — а за ракеты не волнуйся, в нужный момент имперцы поддержат нас.

— Крота не вычислили?

Сергей покачал головой.

— А это не Вера? — напрямую спрашиваю я. Да не привык я ходить вокруг да около!

— Нет, Дан, — тихо отвечает он. — Что смотришь? Я тоже думал о ней, приглядывал... Не она это, так что не наговаривай на девчонку. И еще...

Понимающе киваю.

— Про Шику хочешь спросить?

— Отчего мальчик так привязан к тебе?

— Я спас его от локхи, — терпеливо повторяю я.

— Ты не знаешь нарьягов, — в упор глядит Сергей, — они совсем другие. У них нет страха смерти и боли, их натаскивают, как гончих, на человеческое мясо, им переворачивают мозги безбожными экспериментами. Ты пришел из другого мира, Дан, и думаешь, что Шикю просто благодарный мальчик, но ты ошибаешься.

От его слов мороз меня пробирает до костей, или в штабе так холодно? Сергей продолжает охрипшим голосом:

— Скажу правду: я мечтал заполучить такое оружие — послушный нарьяг, который сможет противостоять своим сородичам. Вы оба — моя невероятная удача. Только, пожалуйста, постарайся, чтобы повторения вчерашнего не было. Не все думают тут так же, как я. Мальчика убьют без колебания, тот же Герка...

Он вдруг сгибается в жестоком приступе кашля, закрывая рот обеими руками, я вежливо отворачиваюсь. Потом Сергей вытирает рот платком, виновато бросает:

— С семи лет на руднике, силикаты, холод... В общем, Дан, бери ребят и муштруй.

— Мы на месте, — докладываю по прибытии. В наушнике шлема глухо раздается голос Сергея:

— Ждите команды.

— Занять позиции, ждать моей команды, — передаю бойцам, и мы залегает в густом ивняке.

На этот раз рудник большой, на холмистой местности, отлично защищенный от атак с земли и воздуха. В бинокль рассматриваю местность — моему отделению выпала почетная миссия уничтожить обнаруженный в лощине ДОТ.

Серо, моросит дождь. Рядом лежит и трясется от холода Шику. Чуть поодаль Федор, двое близнецов с последнего рудника: Йохан и Йорих, долговязые крепкие парни, и Гера, попросившийся ко мне в группу. После драки отношения у нас почти приятельские, Герка из тех людей, что понимают лишь один довод — чужую силу. Думаю, простодушный здоровяк увязался следить за Шику, которого отчего-то до сих пор люто ненавидит. Кроме группы людей Сергей дал нам самоходную гаубицу и артиллерийский расчет в составе трех человек.

ДОТ замаскирован по всем правилам обороны — двухамбазурный, он приник к склону холма, и его сложно разглядеть не то что со спутника, а даже вблизи.

Ждем сигнала командования, Сергей отчего-то тянет время, минуты бегут.

— Дан, че мы ждем? — взрывает тишину несдержанный Гера.

— Разговорчики!

Гера затыкается. М-да, дисциплина...

Наконец отзывается Сергей:

— Дан, мы готовы, начинайте.

— Есть, — связываюсь с оператором расчета и передаю приказ командира. Через секунду длинная пушка начинает плевать огнем, кучно укладывая снаряды в подозрительный холм. Не отрывая глаз от бинокля, наблюдаю, как ужасающе медленно вскрывается огневая точка. ДОТ отзывается трассирующими очередями.

— Лежать! — ору я своим, чтобы не думали даже головы поднять.

В ту же минуту случается то, чего я боялся больше всего — отзывается второй ДОТ. Снаряды с необычайной точностью ложатся почти рядом. Мятажники мои дрогнули — артиллерийский обстрел сильно нервирует даже бывалых солдат.

— Не прекращать огонь! — кричу в микрофон.

— Куда? — растерянный голос наводчика.

— По огневой точке, мать вашу!

— По первой или второй?

Я выдаю замысловатое ругательство.

— По первой!

— Боеприпас на исходе.

Сергей врывается в эфир:

— Что там у вас, Дан?

— Второй ДОТ просмотрели, сволочи!

— Справитесь? — еще издевается, гад.

Огонь оставляет на холме глубокие, дымящиеся воронки. Я быстро объясняю отделению

нашу задачу, надеюсь, меня поняли правильно.

— Шику, останься здесь.

— Нар-одар! А что...?

— Прикрой меня.

Мальчик кивает, глядя в оптический прицел, с его меткостью — только бы не попал мне в спину.

— За мной!

Используя для укрытия ямы и рытвины, пробираемся к ДОТу. Огонь над головами явно не способствует укреплению духа, размытая земля скользит под ногами.

— Вперед! — срываю голос, подбадривая ребят. — Шевелите лапами, бегемоты!

Воздух вибрирует от огромного количества раскаленного металла. Из груди вырывается стон облегчения, когда группа достигает площадки перед огневой точкой, где орудиям нас не достать. Приказываю операторам переключаться на второй ДОТ, а близнецам заминировать дверь. Кидаемся мордой в грязь, взрыв разметает комья земли, клочки дерна и разорванный металл двери.

— Гранаты!

Выдираю чеку, выжидаю две секунды и бросаю в открывшийся проем, ребята повторяют за мной. Закидываем гранатами каземат и ждем. Страшный грохот, земля под ногами ходит ходуном, будто сам Сатана вознамерился выбраться из преисподней.

Врываюсь в очищенное помещение каземата. Бойцы деловито осматривают, есть ли кто живой и целы ли орудия.

— Йохан, Йорих, останься здесь и вести огонь по второму ДОТу, Гера, за мной.

Под прикрытием своих мы пробираемся ко второй огневой точке, спина холодеет при мысли, что могут быть еще скрытые ДОТы и ДЗОТы. Разведка у нас не на высоте, скажем мягко.

И снова по воронкам от снарядов ползем вперед.

— Гера, дверь!

Бородач послушно прикрепляет к замаскированной под скалу бронированной двери кусок пластика. Прижимаю голову к камню, внушительный обломок стены попадает по шлему. В наушнике раздается голос Сергея:

— Как дела, Дан?

Едва открываю рот, раздается стрельба где-то неподалеку. Да что за черт! Сколько их тут?! Отправляю туда расчет, здесь им все равно делать нечего, а сам натягиваю респиратор.

— Гера, прикрой.

Бросаю в рваный зев ДОТа две газовые гранаты и прыгаю следом. Первый же попавшийся получает ногой в живот, сбивает второго. Открываю огонь, очередь косит противника, а те, кто успевает выскочить в проем, попадают в ласковые объятия Георгия. Наконец, все заканчивается. В наушнике что-то трещит, видно, помехи. Над полом, над телами врагов вьется пыль. Осматриваю каземат: артсистемы прошлого поколения, ящики боеприпасов к ним — весьма неплохо.

Выбираюсь наружу, голова будто разламывается на части — здорово меня оглушило.

— Гера!

Ноги едва не подкашиваются от увиденного — здоровяк Гера лежит опрокинутый навзничь, шлем пробит выстрелом в упор, над переносицей черное отверстие от пули, кровь двумя темными струйками растеклась по лицу, заполнила глазные впадины. Рядом валяется

убитый враг. Но не это страшно — возле мертвецов стоит Шику, мой Шику... Я выдергиваю винтовку из так и не разжавшихся рук Геры. Мне не надо даже смотреть, я знаю, что у него просто-напросто заклинило патрон в стволе.

Яростно щелкаю микрофон шлема, пытаюсь восстановить связь, и, наконец, сквозь немыслимые помехи ловлю нужный канал.

— Рядовой Хольд, доложите обстановку.

— Господин командир отделения, — раздаётся голос Йохана, — огонь по цели прекращен, занимаемся погрузкой снарядов.

Остается надеяться, что никто ЭТОГО не видел: артиллеристы расстреливали ДЗОТ, близнецы таскали ящики с боеприпасами.

— Нар-одар! — Шику опускается на колени, прижимая к груди винтовку.

— Заткнись, бестолочь, — устало произношу я, — только попробуй проговориться, нас обоих разорвут на кусочки.

Шику судорожно сплывает, на тонкой, как у гусенка, шее дергается кадык. Кивает, но в убийстве ничуть не раскаивается, его беспокоит лишь то, что он расстроил своего кумира.

Вызываю Сергея:

— Командир, — докладываю я, — приказ выполнен, огневые точки противника уничтожены.

— Потери?

— Один человек. Засада нарьягов, применили магию.

Молчание.

— Ты не ранен, Дан,... у тебя такой голос?

— Чутьочку оглушен.

— Немедленно выводите своих, и присоединяйтесь к нам, тебе окажут помощь.

Оглушило меня не чуток, только я в разгаре боя этого не заметил. Пока шел до наших позиций в рощице, в глазах начало темнеть, и я почти рухнул возле ног Сергея. Меня подхватили, сдернули шлем, липкий от крови, бережно потащили куда-то.

Помню, как болтало в командирской БМД, казалось, что каждый трак вдавливаются не в лесную землю, а в мою несчастную башку. Но нет худа без добра, зато мне не пришлось объяснять про Геру, думал я, то и дело выныривая из глухого беспамятства.

Как прибыли в селение, помню смутно. Были какие-то голоса, целый гул, нет, девятый вал голосов и громкий женский плач (кто же может так обо мне плакать?), отвратная вонь нашатыря и качающееся небо.

Просыпаюсь в избе Веры, в углу, за ситцевой шпорой. У моих ног сидит Таня, лицо бледное, с красными, как у кролика глазами. Что случилось? Кто-то умер? Так и спрашиваю, со стоном приподнимаясь на локте. Она подпрыгивает от моего голоса, смотрит, как на ожившего покойника.

— Ой, мамочки! — восклицает, сложив ладошки на груди. — Очнулся, Господи, спасибо!

— Таня, ты чего такая... Ревешь что ли? Танюшка, не плачь! Не надо же...

Она не слушает мое бормотание, прижимается к груди:

— Все думали, ты умрешь! — навзрыд. — Дан, никто не надеялся... Я так боялааааась...

— Не реви, — смущенно утешаю ее, — пулю для меня еще не отлили, чтоб убить имперского десантника, такой ерунды слишком мало.

Танюшка всхлипывает, но уже успокоенная, просто от избытка чувств. Я падаю на подушку, голова тяжелая, словно внутрь через воронку залили свинец.

— Отец велел позвать его, если ты очнешься, — говорит Таня, — но можно... я попозже ему скажу? А пока посижу с тобой?

— Можно, — шепчу, закрывая глаза, — сиди, а я подремлю.

Я сижу на подоконнике, подтянув колени к груди. За окном настоящий оримский дождь: густая беспросветная пелена мороси, стекающие с крыши, струйки звенят в водосточной трубе. Дую на стекло и вывожу пальцем букву V, пририсовываю к ней двойку и украшаю вензелями.

Корд, я ужасно устал, запутался так, что распутывать нет ни сил, ни желания. Мне не хватает твоих звонков с другого конца света, наших редких ночных разговоров, после которых все непонятное выстраивается в стройную логическую схему. Я скучаю.

— Здравствуй, Дан.

Ты возникаешь рядом, кладешь руку на плечо, и все сразу становится неважно.

— Так, — провожу рукой по лбу, — почему я опять тебя вижу? Снова бред?

— У тебя черепно-мозговая травма.

— Отличный способ тебя увидеть: посильнее долбануться обо что-нибудь твердое, — замечаю я.

— Совсем необязательно, — ты едва сдерживаешь смех, — достаточно просто захотеть.

— Как просто! Взял и захотел! Ты понимаешь, что я ничего на свете не желаю больше, чем оказаться сейчас с тобой! — взрываюсь я.

Ты сжимаешь мои плечи, успокаивая. Тебя, кажется, больше занимает дождь, чем мои метания. Что мертвым до проблем живых?

— Я тоже скучаю, Дан.

— Правда?

— Правда.

Меня переполняет замешанная на боли эйфория, распирает изнутри так, что я не могу сделать вдох. Легкие горят, в горле застревают слова, которых не знаю, которых нет ни в одном языке мира — слов, что передали бы мои чувства. Живому мне нет возврата в Ориму, к тебе. Я будто грешник, перед носом которого захлопнулись врата рая, но музыка и свет еще льются в узкую щелку.

— Как он? — голос надо мной немислимо громкий.

— Утром проснулся, поговорил со мной, а потом снова уснул.

— Плохо, похоже, все серьезнее, чем мы предполагали.

Почему они кричат? Почему голоса дробятся, будто эхо в подворотне?

Открываю глаза.

— Можно потише, мать вашу!

По щекам Тани снова бегут слезы, Сергей встревожен, позади, сложив руки на груди, стоит Вера. Только сейчас до меня доходит, что все говорили шепотом.

— Нормальная реакция при травме — его все раздражает, — сообщает хозяйка. — Дан, голова болит?

Прислушиваюсь к своим ощущениям. Голова туго стянута повязкой, тяжелая, но боли нет.

— Нет.

Лица светлеют от облегчения, ну надо же, какая забота! Через полчаса прогоняю всех от своей кровати и медленно-медленно тащусь на крыльцо покурить. Сергей помогает мне сесть и протягивает пачку сигарет.

— Дан, — глядя в землю, говорит он, — хочу сказать тебе... спасибо. Спасибо, друг! Ты сделал там, на руднике, то, чего не смог бы никто другой.

— Но ведь...

— Жертвы неизбежны на любой войне. В отряде всего погибло четверо, семь раненых, но то, что ты сделал, спасло весь отряд.

— Да ладно, — отмахиваюсь я, выпускаю колечко дыма и смотрю, как оно медленно рассеивается.

Сергей кашляет, вытирает рот рукавом, мне почему-то кажется, что он тоже невыносимо хочет затынуться.

— Для тебя есть еще одно задание, — говорит он, — потом, как отлежишься, поправишься...

— Какое?

— Выяснить местонахождение аэродрома противника. Придется пробираться в глубокий тыл врага, но тебе, я думаю, не впервой.

Киваю, забыв про повязку, виски стягивает от боли, но в груди зарождается искорка радости — в логово Алвано я готов отправиться хоть сейчас.

— Согласен.

— Я не сомневался. Не торопись, подлечись пару дней, а там...

К нам подходит Шиду, молча опускается на колени рядом со мной. Сергей подмигивает

мальчишке и уходит — он ничего не знает о Гере...

На другой день мне полегчало, но Вера не выпустила из дома и заставила лежать. Шику с виноватым видом сидел возле меня, изредка осмеливаясь заглянуть в глаза, весь его пособачьи преданный и скорбный вид выражал глубочайшую степень раскаяния. Я пытался заставить себя вновь относиться к нему, как прежде, но ниточка, протянувшаяся между мной и маленьким нарядом после рассказа о тебе, уже оборвалась, и у меня ничего не получалось.

Танюшка тоже крутилась рядом, они с Шику о чем-то шептались в уголке и наперебой кидались ко мне, если у меня вдруг возникала какая-то потребность. Закинув руки за голову, я размышлял о предстоящей разведке. Ошалев от неизвестности, попросил у Веры ноутбук и углубился в изучение спутниковых снимков местности.

Прошли похороны погибших. Выведенных с рудников людей уже не устраивали в селении, а переправляли куда-то вглубь диких земель. Это был знак, что Сергей ожидает нападения в ближайшее время. Срочно сооружались укрепления, пристреливались орудия, мятежники сновали туда-сюда с мрачными и решительными лицами.

На третий день даже совместные усилия Веры и Тани не смогли удержать меня в постели, голова почти не болела, а времени не оставалось. Мы с Сергеем обсудили план действий.

— Мы встроим тебе в каску микрофон и камеру, так мы сможем получать информацию немедленно. Однако пойдешь ты без прикрытия, и рассчитывать придется только на себя.

— Знаю, не маленький.

— Аэродром хорошо замаскирован, со спутника его не видно, а имперской авиации тот район недоступен, так что все зависит от твоей удачливости.

— На чем туда добираться?

— Скутер тебя устроит? — спрашивает Сергей.

— Ого! — удивляюсь я. — У вас и такое есть?

— Не удивляйся, мы были на снабжении имперской армии, до недавних пор... У нас неплохое вооружение. Скутер «Астра», летает низко, скорость до двухсот километров в час — не много, но тебе хватит.

Еще как хватит. Ни разу не пилотировал скутер в лесу, но подниматься выше нельзя, наряды увидят — костей не соберешь.

Киваю, мы снова склоняемся над картами. Местность, которую предстоит обследовать, обширная, со сложным ландшафтом. Туда бы отряд послать, да некого.

Возвращаюсь домой, Шику ждет меня на крылечке. Он научился чувствовать мое настроение и не кидается ко мне с радостным криком: «Нар-одар!»

— Шику, — зову я его, мальчик вскакивает, — как день прошел?

— Ходил на стреляльную поляну, с Таней, — мне кажется, или на впалых щеках заиграл румянец?

— Я смотрю, вы подружились?

— Таня спрашивать про Нар-одара, — коротко отвечает Шику. Мне становится смешно. Что ты будешь делать с этой девчонкой?

Мы садимся на крылечко. Солнышко ласкает лицо мальчика бледно-золотыми лучами. А на носу — что это? — веснушки.

— Шику, скажи, тебе ведь неплохо здесь? — спрашиваю я.

Мальчишка хмурится, задумчиво ковыряет носком ботинка спутанную корнями землю.

— Что значит «не плохо», Нар-одар? — спрашивает он.

— Ты привык жить здесь, правда?

Шику обреченно кивает, ну да, привык, а куда ему деваться?

— Я отлучусь ненадолго, — говорю, — на несколько дней, не больше, дождись меня здесь, ладно?

Нарьяг вскакивает, раздувая ноздри и сжимая кулаки, еще немного, кажется, и он затопает ногами.

— Нар-одар хочет бросить Шику? У врагов, в плену?

— Нет! — возражаю я. — Ты не пленный, а Сергей и Вера — тебе не враги. Они присмотрят за тобой.

— В гробу я видеть их забота! — срывается Шику, употребляя выражение, подслушанное у русов.

Я беру его за руку, усаживаю рядом.

— Я в разведку, туда и обратно. Найду логово Алвано и вернусь, понимаешь? Потом мы вместе туда пойдем, но сейчас я должен лететь один.

— Но почему?! — звенящим от слез голосом спрашивает Шику.

— Потому что скутер рассчитан на одного, а добираться на наземных машинах нет времени, — убедительно отвечаю я, — только поэтому.

Мальчик закусывает губу, пытаюсь справиться с постыдными рыданиями.

— Нар-одару опасно идти одному, Шику поклялся защитить, но здесь... я ничего не смогу. Шику не нужен Нар-одару?

— Конечно, нужен! — сердито хватаю его за тощие плечи и разворачиваю к себе. — Не болтай ерунды! Я скоро вернусь. А воевать нам еще долго, так что смирись с обстоятельствами и жди...

Пока я говорю, Шику, не мигая, смотрит на мои губы.

— Я буду ждать, — сдавленно шепчет он, и весь расслабляется, будто внезапно обессилев.

С облегчением выдыхаю. Голова ноет, и рана чешется под повязкой. Из Вериной избы выскакивает Танюшка, в расстегнутой куртке, растрепанная.

— Дан, Дан! — кричит она. — О чем тебе говорил папа? Надеюсь, он не отправляет тебя снова за тридевять земель?

Вот так скромница! Недавно боялась глаза поднять, а теперь уже ведет себя, как ревнивая жена при гулящем муже. Мне становится неловко, будто я чем-то обязан и не могу вернуть долг.

— Нет, Сергей всего лишь показал мне план фортификации.

— Если ты ничем не занят, пойдем к Матвейчу вечером, потанцуем, и Шику возьмем.

Танюшка светится от счастья, кажется, что в ней горит лампочка, смех и радость рвутся из ее хрустально-голубых глаз. Будь мы в другом месте и в другое время, возможно, я бы не устоял и поддался ее детскому искреннему обаянию, но нынешний Дан разобьет девочке сердце.

— Татьяна! — на крыльцо выходит Вера и сердито притопывает ногой. — Не приставай к Дану, он ранен, лучше поди, милая, тебя отец, небось, давно ждет.

— Ничего не ждет, он все со своими сооружениями и артсистемами... Скоро спать

будет в сарае, в обнимку с пулеметом, — обиженно говорит Таня, запахивая курточку на груди.

— Как тебе не стыдно, — отвечает Вера, и Танюшка заливается румянцем, как зимнее яблочко, — на вот, отнеси отцу ватрушки, он там весь день голодный сидит. А вы, мальчики, идите в дом, ужинать будем.

Взгляд человека в кадре похож на взгляд загнанного зверя, такое же пронзительное отчаяние прорывается сквозь ярость и боль. Выстрела не слышно, но в миг, когда пуля прошивает кости черепа, по лицу будто проходит тонкая нервная дрожь. Глаза стекленеют почти мгновенно, убитый опрокидывается на спину...

Кадры из фильма... нет, документальные съемки, черно-белые, с пляшущей рябью... Неизвестный корреспондент заснял расстрел оккупантами связанных пленников, горящие дома, женщину, лежащую на обочине с голыми ногами и задранной юбкой, детишек двух и пяти лет, обессиленных от голода, и крупного стервятника, ожидающего неподалеку близкий обед. Монитор снова идет пестрой рябью: видно уже совсем плохо, как имперские войска врываются в дома и выносят оттуда все, что посчитают ценным... На сером асфальте Ходхольма растекаются черные лужи невинно пролитой крови... Запись прерывается, будто кто-то внезапно разбил объектив камеры.

Свет включается так резко, что я на миг слепну. С трудом приходя в себя после чудовищных кадров, деревянной рукой тянусь к стакану воды. Я не узнаю бункера, где нахожусь, людей, сидящих рядом со мной за длинным полированным столом и даже себя в сером мундире имперского флота.

Передо мной на столе подшивка бумаг, рассеяно листаю ее, и постепенно до меня доходит... Военно-полевой суд. Начальник штаба, майор Вильямс, замполит Сото Григория и я (или ты?). Я удивительно спокоен в тот миг, когда моя рука подписывает смертный приговор двенадцати военнослужащим второго десантного батальона империи. Смертный приговор с отсрочкой до окончания боевых действий в Ходхольме.

Вскакиваю в холодном поту, сердце колотится, будто пробежал десять миль в полной выкладке, футболка насквозь мокрая. В избе темно, даже воздух кажется черным и густым, как смог, я никак не могу отдышаться.

— Что с тобой, Дан? — глухо звучит голос Веры из-за шторы. Я вскакиваю, босые ноги леденит мерзлый пол.

— Вера, ты помнишь что-нибудь о Ходхольме? — кидаюсь к ней.

Хозяйка уже сама выходит мне навстречу, завязывая пояс на байковом халате, зажигает свечу на столе.

— Ты имеешь в виду восстание Огненной Девы или черную среду?

— Я имею в виду год, год, когда в Ходхольме базировался второй десантный батальон! — ору я, как припадочный, будто от ее ответа зависит моя жизнь.

— Январь 965-го, первый и второй десантный батальоны, и 4-ая моторизованная дивизия направлены на подавление восстания Огненной Девы в Ходхольме. — Вера вынула откуда-то портативный ноут, нацепила на нос очки. — Конфликт был локализован, но партизанская война продолжалась до августа 966-го, вот, гляди.

Двигаю к себе компьютер и остервенело роюсь в систематизированных военных сводках. Мне нужны все военные действия, в которых принимал участие второй батальон, командиром которого был ты. Двигаю курсор по строчкам: Буцалло — Шерли — Арбе — снова Буцалло — Ходхольм... Я ладонями сжимаю голову с глухим стоном. Неужели все эти годы ты знал Ромари Алвано? Неужели тебя с твоим с убийцей что-то связывало?

Ты ничего мне не рассказывал о нем, впрочем, ты вообще мало что рассказывал, а я

воспринимал тебя безотносительно твоей службы.

Но военно-полевой суд приговорил Алвано к расстрелу... Ты приговорил его (или все-таки я?).

Сажу, тупо уставившись в мерцающий экран. Вера, которую удивительным образом преобразили очки на переносице, с сочувствием кладет мне на плечо мягкую ладонь.

— Кошмар приснился?

— Да, кошмар...

— Бедный мальчик, — тихо шепчет она, — это все контузия.

Я не спорю. Да какая разница, что она там себе подумает, какое мне до них дело?

— Танюшка крепко влюбилась, — невпопад говорит Вера.

— А? — до меня с трудом доходит, о чем она.

— Девочка места себе не находит из-за тебя.

— Я-то тут причем?

— Нравишься ей, вот причем. Ты мог бы начать все с начала, знаешь, ведь время лечит.

— Лечит? — спрашиваю в крик. — Тебя вылечило?

Ее ладонь исчезает с моего плеча. Пусть! Не хочу ничего, хватит, наигрался с Линой в идеальную семью. Кофе с тостами по утрам, воскресные пикники, бильярд в офицерском клубе, фальшь, фальшь, сплошная фальшь...

— Это не про меня, Вера. Моя душа выгорела, я — каратель, и ничего не желаю больше, чем крови! — почти кричу я, а она тихо спрашивает:

— Кто у тебя?

— Брат.

Именно в эту минуту я осознаю, как тяжело мне было молчать, держать все в себе и терпеть разрывающую нервы боль. У меня их, нервов, наверное, не осталось уже. Я начинаю говорить, память захлестывает меня с головой, каждое слово разжигает огонь в груди, плавится свинцом. Говорят, если выговоришься — станет легче. Неправда, мне легче не стало! Все осталось прежним, только о моей беде узнал еще один человек. И, глядя в глаза этого человека, — красивые синие глаза за бликующими стеклами очков — я чувствую себя не столь одиноким, как прежде.

В отличие от остальных, Вера не унижает меня жалостью, наоборот, криво усмехнувшись, говорит:

— Все это очень печально, но объясни, почему ты обвинил себя?

— Я же говорил! — раздражаюсь я, мне кажется, что она невнимательно слушала. — В междумирье...

— Я поняла про Штормзвейг, про Лину тоже... Но, Дан, — она разворачивает ко мне экран, где высвечена сделанная мной таблица дат, — вот оно — твое оправдание.

— Что ты имеешь в виду?

— Если б ты не поддался на провокацию, твоего брата выманили бы другим способом. Не смотри на меня так, я очень хорошо понимаю тебя. Нет, — твердо остановила она мои возражения, — ничего не говори. Он тебя любил... я думаю, и вряд ли хотел бы, чтоб ты лез в логово Алвано.

— А больше некому, Вера, — отзываюсь я, — я один, один за двоих.

Вера Строгова, вдова офицера, смотрит на меня странным задумчивым взглядом. С таким видом можно решать интегральное уравнение, записанное у меня на лбу. Потом встает, и, отодвинув заслонку печки, достает кружку топленого молока и заботливо

завернутые в полотенце ватрушки.

— Выпей молока, и больше никакие кошмары тебя не потревожат. Давай, утром тебе рано вставать.

На рассвете я забираюсь в скутер, меня провожают Вера и Сергей. Кроме них только Шику знает о моем рейде. Если кто-то сольет информацию, вычислить шпиона будет нетрудно.

Солнце показывается из-за кромки леса, превращая его в розовый хрусталь. Шику спит, и я рад, что нарьяг не провожает меня, надеюсь, его никто не обидит в мое отсутствие, об этом я лично просил Сергея.

Вера в последний раз проверяет встроенную в новый шлем камеру. Я подключаю каску к батарее костюма, и умная электроника послушно выдает на сканер параметры среды.

Сергей кивает и стискивает мою ладонь.

— Береги себя, Даня! — говорит он. — Помни, сроку тебе — неделя, не больше.

Улыбаюсь и завожу двигатель — не сомневайтесь, я вернусь.

Путь до Наршинкур — пика Звездного Бога — занял три дня. Никогда еще я не был так внимателен, пилотируя скутер. «Астра» — один из самых совершенных летательных аппаратов своего класса с двумя почти бесшумными винтами, сделанный из особых сплавов, поглощающих радио- и инфракрасное излучения, он практически незаменим в условиях, требующих соблюдения секретности. Размер винтов, объем двигателя, вместимость кабины пилота — все это я мог рассказать среди ночи назубок. Ты, окончивший летный курс при военной академии Оримы, потратил немало часов, вбивая в меня, непутевого, разные премудрости. Можно сказать, штурвал истребителя был моей любимой игрушкой.

Но нынешний полет оказался сложным. Пошел снег, мягкие комья слипшихся снежинок плавно опускались вниз, мгновенно облепляя ветровое стекло. Системы управления не справлялись с навигацией, связь с базой исчезла, но этому обстоятельству я был только рад — мне хотелось одиночества.

Когда впереди показывается пик, — около восьмисот метров в высоту, не заметить невозможно, — я решаю рискнуть и поднять машину над лесом. Как и система скутера, на миг теряю ориентацию. Все вокруг такое белое, что непонятно, где небо, а где земля, будто завис в пенно-белой пелене тумана. Вцепляюсь в штурвал, ладони от напряжения вмиг становятся мокрыми. Система думает и усиливает подогрев и очистку ветрового стекла. Снежные комья превращаются в струйки и тут же срываются в стороны, подхваченные воздушным потоком.

Пик Наршинкур темнеет подножием, вокруг него разбросаны черные треугольники елок. Мерно работают винты моей серебристой машины, я лечу, понимая, насколько сильно рискую. Из-за смены высоты вдруг налаживается связь, сердитое лицо Веры появляется в маленьком мониторе на панели управления:

— Где ты?

— Квадрат шестнадцать — ноль три, высота двести метров, скорость семьдесят миль в час, — рапортуя я. Вера хмуро отвечает:

— Хорошо, ты почти на месте, будь осторожен.

— Твоими молитвами.

Кружу у подножия пика, аппаратура тихонько пищит, стеклоочиститель старательно елозит по ветровому стеклу. Склоны горы покрыты ползучими лиловатыми кустарниками с причудливыми очертаниями.

Отклоняясь вправо, прочесываю квадрат за квадратом, понемногу набираю высоту. На радаре пусто, но у «астры» он слабенький, ловит только большие крейсера, поэтому самым полезным инструментом остаются глаза, в которых уже рябит от снежных танцев.

Темнеет, я решаю спуститься — в темноте скутер практически бесполезен, и тут вижу его: широкофюзеляжный, грузовой самолет R-11, аналог имперского «Горба», медленно и плавно заходит на посадку. Щелкаю пальцами тумблер:

— Вер, я, кажется, нашел его.

В эфире молчание, потом раздается Верин голос:

— Ты уверен?

— Попробую подойти поближе.

— Нет, — ее голос чуть дрожит или это помехи? — не рискуй.

— Не волнуйся, время есть, я дойду до него сам.

Скутер ныряет в белую пелену, скользит между соснами, выискивая удобное для посадки место. Даже хорошо, что скоро ночь — к утру найду воздушную базу нелюдей.

Загружаю в карманный навигатор предполагаемые координаты цели, задаю машине режим ожидания и откидываюсь в кресле — спину ломит от долгого полета. Вытаскиваю из-под сиденья термос со сладким чаем, неизменную плитку концентрата (куда же без них?) и, не особенно торопясь, перекусываю. До цели немногим больше трех миль, правда, по заснеженному лесу, но мне не привыкать.

На душе как-то муторно. Так бывает, когда сталкиваешься с чем-то неприятным, после чего остается гадкое ощущение, хотя причину его уже и не помнишь. Ладно, черт с ним, все равно хуже уже не будет! Пора идти! Открываю люк и выбираюсь из скутера, внезапно осознавая, как соскучился по свежему влажному воздуху, не пропущенному через пластины кондиционера. Снег тут же облепил лицо, буквально окутывая его приятной прохладой. Синие сумерки сделали мою машину невидимой даже вблизи. Маскирую скутер сосновым лапником, чтоб уж наверняка. Ранец на спину, гранаты в подсумок, в руки винтовку, ну что ж, вперед!

Иду по не слишком глубоким сугробам, темнота не смущает, от снега светло и даже уютно. С коротким хриплым криком срывается с ветки потревоженная птица. Сверяюсь с навигатором, от траектории пути не отклонился, но в предполагаемом месте ничего нет. Только лес — такой же густой и непроходимый бурелом, как и возле пика Наршинкур. Делаю самое простое, что возможно в моем положении — забираюсь на верхушку дерева. Вокруг темнота и снег. Дьявол, неужели ошибся? Но я же четко видел «Горб», такую бандуру ни с чем не спутаешь!

Тут некстати вклинивается Вера:

— Дан, что там у тебя?

— А ты не видишь? На дереве сижу!

— Зачем?

— Гнездо вью! Что за идиотские вопросы?

Короткий смешок.

— Спокойно, нулевой результат — тоже результат, возвращайся.

— Вера, я видел самолет, я не псих и доверяю своим глазам.

Она помолчала.

— Я тебе тоже верю, дай мне координаты, где ты видел его.

— А держаться мне чем, зубами за ветку? Погоди полчаса.

Я выключаю связь, собираюсь слезать, и тут вспыхивает небо, подсвеченное с земли десятками прожекторов. Розоватые рыхлые тучи нависают над скалами и лесом, роняют из неумной утробы тучи снежинок. Алый крошечный огонек пульсирует в толще тучи. Как ни смешно, я держусь, чем придется, чтобы только настроить навигатор на нужный курс. Есть!

Остаток ночи провожу в пути. Утром, миновав патрули, надо сказать, весьма неумелые, уже своими глазами вижу серые коробки ангаров, склады и вышку-радар. Аэродром маленький, всего три посадочные полосы, но техники сюда согнали на целый полк.

Снова включаю связь и настраиваю камеру.

— Я на месте, координаты... — навигатор выдает нужные параметры с точностью до десятой градуса.

— Спасибо, Дан, ты умница! Увеличь разрешение камеры, я сниму технику.

Вера что-то колдует, ее дыхание в наушнике странным образом успокаивает.

— Все, я закончила. Дан!

— Ау?

— Немедленно уходи оттуда, у тебя семь часов, чтобы покинуть восемнадцатый квадрат, поторопись.

— Но почему...?

— Райт, ракеты уже наводят, времени мало. Слышишь, что я говорю?

Слышу. Вот только это последнее, что я слышу — аппаратура отказывает. Я поднимаю винтовку, но понимаю, что патрон прирос к патроннику. Ощущаю себя жутко беспомощным, стискиваю ладонь, с хрустом ломая навигатор.

Их трое, наряги. Одежда уже не похожа на нищенские лохмотья — меховые куртки и добротные штаны, заправленные в высокие сапоги, но бритые черепа и костистые лица не спутаешь ни с чем. Один из них делает шаг ко мне. Я никогда его не встречал, однако он — мой давний знакомый, порождение кошмаров, я сразу его узнаю и протягиваю руки с одной целью — задушить, но в тот же миг проваливаюсь в темноту.

Маленький нарьяг, очевидно, сильно преувеличил возможности Камфу. После первой же атаки меня должно было разложить на молекулы (если верить словам Шику), но я прихожу в себя в относительно целом виде. Открыв глаза, понимаю, что лежу на полу в каком-то бункере, даже шлем с меня не сняли, только разоружили. Возможно, Камфу и не собирался меня убивать.

Не шевелясь и почти не дыша, обдумываю положение, в котором очутился. Не припомню, чтобы было хуже, но это вовсе не повод сдаваться. Поворачиваю голову — в небольшом помещении с промерзшими каменными стенами кроме меня находятся трое: сам Камфу и два солдата (не нарьяги!) в безликой форме и шлемах с забралами. Нарьяг немедленно реагирует на мое движение — делает шаг вперед, и я понимаю, что если не остановлю его, он остановит меня.

— Con`o! Сдурели?! — ору я охрипшим после беспамятства голосом. — Где Алвано, maricones?!

Убийца брата замирает в удивлении. Его лицо остается бесстрастным, но блеклые глаза становятся черными от расширившихся зрачков. Я поднимаюсь на локтях и, словами Сергея, кую железо пока горячо:

— Нет, я не нанимался на такую работенку! Три дня ползу по лесам, чтобы нарваться на таких maricones и получить по башке! Не, это не по мне! Дайте мне связь с доном Ромари, у меня для него приятные новости!

— Ты — человек Алвано? — недоверчиво спрашивает Камфу, хоть и на имперском, но лает, как все нарьяги.

— Hijos de puta! Сколько тебе объяснять?! Достали меня разговоры, где дон?

Камфу кривит лицо, и без того похожая на жуткую костяную маску рожа становится вовсе пугающей.

— Командор прибыть за два часа после завтрак, — уже не лает, а скрипит он в отчетливом отвращении к Алвано и таким, как он. Но лучше пусть он ненавидит меня, как прихвостня Ромари, чем как мятежника, перебившего посольство.

— А сейчас сколько? — нетерпеливо спрашиваю я.

— Восемь часов после полуночи, — отвечает он.

Меня охватывает злое ликование, щемящая радость заполняет все мое существо от кончиков пальцев до последнего нейрона головного мозга. Оба моих врага будут здесь, когда на аэродром обрушатся ракеты с ядерными боеголовками. Неважно, сумею ли я выбраться отсюда, главное, месть свершится! Корд, я сделал это!

Продолжаю играть спектакль, деваться-то некуда. Сажусь на полу, но при попытке подняться один из солдат бьет прикладом винтовки мне в грудь. Падаю, разражаясь ругательствами, перекатываюсь на живот и пытаюсь подняться, но меня сбивают с ног, тяжелый десантный ботинок врезается в бок. Не больно, но чувствительно.

— Caramba! Да вы обалдели! Немедленно свяжите меня с доном Алвано, он вам покажет!

— Заткнись! — отчетливо произносит твой убийца.

Подходит ко мне, лежащему, и приседает на корточки. Я вздрагиваю от страшного хруста его коленей, ощущение, будто там что-то переломилось. Видеть лысый, блестящий в

свете ламп череп тоже страшно.

— Что за весть ты нести Алвано?

— Не твое дело! — рычу я, распластанный на полу, как краб. — Ты заплатишь мне за все!

Солдат надо мной поднимает приклад, с молчаливой угрозой занося его надо мной. Сквозь забрало я не вижу его лица, мне кажется, это что-то донельзя механическое, и если нанести ему рану, он истечет машинным маслом.

— Ладно, — неожиданно соглашается Камфу, — пойдем со мной, поговорить с командор.

Такой поворот меня удивил. Я даже растерялся на миг, но карты розданы и приходится играть тем, что есть. Под двумя дулами винтовок и взглядом нарьяга, кряхтя, поднимаюсь, стараюсь незаметно напрячь и расслабить все мышцы, чтобы быть готовым к бою.

Мы идем длинным безликим коридором. Низкий потолок кое-где течет, на полу и стенах круглые бурые разводы, впереди уныло мигает аварийная красная лампа. Мы идем долго, я стараюсь запомнить расположение дверей. У каждой двери чуть сбиваюсь с шага, пытаюсь уловить сквозняк — возможно, где-то есть выход, но пока мне не везет.

Камфу первым входит в полукруглое помещение, где на столах громоздится радиолокационная аппаратура. Интересно, что здесь вообще делают нарьяги? Зачем они оказались на аэродроме? Бункер уж больно напоминает бомбоубежище, здесь вполне можно пересидеть небольшую ядерную войну. Черт! Надо выманить Камфу на поверхность!

Меня грубо вталкивают в аппаратную, я валюсь на колени с очередным потоком колоритной брани. Камфу дает солдатам знак выйти и запирает дверь, мы остаемся одни. Нет, я оказываюсь наедине с кровожадным зверем, растерзавшим тебя.

Камфу пытливо глядит на меня, потом берет трубку телефона и, не отводя глаз, набирает номер, что-то переключает на панели. Аппаратную заполняют громкие гудки.

— Говори, — командует нарьяг.

И тут же в трубке раздается высокий мужской голос:

— Чего тебе надо, Камфу? — Алвано тянет гласные и съедает окончания, в его голосе сквозит неясная извращенность, следы несдержанности и порока. Хотя это, возможно, мое предубеждение.

— Отвечай ему, — шипит Камфу.

Я проглатываю застрявший в горле ком.

— Buenos días, дон! — радостно ору на всю аппаратную, — а этот псих не пускал меня поболтать с тобой! Между прочим, по лесам на пузе ползти холодно и сыро, а тут такой приемчик! Gracias, capo!

Алвано молчит, задумчивое сопение в эфире, мурашки бегут по моей спине. Наконец, командор произносит:

— Кто это? Мммм... Педро?

— Нет, блин, Святая Дева! — бурчу я, с облегчением замечая, что Камфу слегка расслабился.

— Педро, ты зачем там? — голос Алвано становится напряженным.

— Ты же сам сказал, capo, как закончу, идти сюда, — возмущенно отзываюсь я. Топчусь возле стола, стараясь, чтоб движения выглядели бестолково. Надо подобраться к нарьягу на расстояние броска.

— Я такое сказал?! Nino, ты придурок! — взрывается командор. — Я тебе куда велел

топать, а? Nino, Педро...

Я резко разворачиваюсь и запускаю трубкой в лицо Камфу, тот от неожиданности скидывает руки. Прыгаю, стараясь зафиксировать его конечности. Нарьяг настолько легкий, что мы вместе валимся на пол, длинные сухие пальцы впиваются мне в шею. Рыча от напряжения, я сжимаю тонкое хрупкое горло нелюди. Странно, что острый щитовидный хрящ еще не треснул под моими стальными пальцами; зато мне уже трудно дышать.

Шум привлекает внимание охраны, дверь грохочет под ударами. Командор Алвано надрыгается по громкой связи, перемежая общеимперские и новоиспанские ругательства.

Наконец дверь не выдерживает, с отвратительным дребезжанием рвущегося металла выворачиваются петли. Я с остервенением сжимаю глотку Камфу, вскакиваю, поднимая невесомое тело нарьяга, укрываюсь им, как щитом. В нас не рискуют стрелять, ведь Камфу еще слабо дергается. Я не сразу замечаю, на что направлены его усилия, а зря: резкий тычок в бок, между пластинами брони, будто ножом, парализует дыхание. Я не могу ни шевельнуться, ни вдохнуть, все вокруг снова кружится в дикой разноцветной карусели. Только не это! Он успел активировать свою страшную силу и... победил меня.

Я прожил в междумирье больше года, и совсем не скучал по родному дому. Больше того, с ужасом представлял, как войду туда, где мне все напоминает о беззаботном детстве. Я так и не решился съездить домой.

Но здесь, в землях кровожадных наров, я очень скучаю по дому. Изнурительно и бессмысленно тоскую теперь, когда сам для себя закрыл последнюю дверь.

Наш родной дом в старинном стиле, почти не тронут влиянием хай-тека. Он напоминает мне замок древнего короля — высокие потолки, скрипящая деревянная лестница, лампы в виде свечей. Под ногами толстый красный ковер, а вся мебель пузатая, с гнутыми ножками.

Валяюсь на диване в гостиной, кто-то заботливо подsunул мне подушку под голову. Кто-то? Ты, конечно.

Ты сидишь в любимом кресле, закинув ногу на ногу, непривычно домашний в джинсах и футболке, в шлепанцах на босу ногу... странно, я так привык видеть тебя в форме. Ты читаешь «Орима Таймс», как всегда по вечерам, когда бываешь дома.

Я так рад, так рад, что все кончилось. Сон, бред, жизнь — что это было? Наконец мы дома, и теперь уже навсегда, вот только я себя чувствую гадко, интересно отчего?

— Проснулся?

— Черт! — я пытаюсь повернуться, но у меня ничего не выходит, по мне будто проехал асфальтоукладчик. У тебя немного виноватое лицо:

— Извини, ты потерял сознание, и мне пришлось действовать твоими руками.

Поднимаю к глазам ладони: они в засохшей крови, даже под ногтями отвратительные черные каемки.

— Я... убил Камфу?

Ты качаешь головой.

— Нет, его — нет, но ты успел выбраться.

— А как я нашел выход?

— Иногда полезно просто спросить того, кто знает, — пожимаешь плечами ты. Я гляжу на свои руки — да уж, полезно.

— И что было дальше?

— Да ничего особенного, ты добрался до скутера и теперь лежишь в нем.

Значит, не умер, почти с разочарованием понимаю я. Но Алвано и Камфу на базе аэродрома, скоро туда ударят ракеты, и от твоих убийц не останется даже радиоактивного пепла.

— Корд, скажи, а ты желал мести?

— Что? — ты неохотно отрываешься от газеты.

— Ну, мне казалось, это важно — отомстить твоим убийцам?

Ты склоняешь голову к плечу, глядишь задумчиво, будто через меня.

— Здесь не так много вещей, которые кажутся по-настоящему важными. Что мне действительно ценно — это твое спокойствие, хоть один из нас должен быть счастлив — один за двоих.

Я борюсь с подступающим комком слез в горле — при жизни ты никогда не говорил мне ничего подобного. При жизни мы вообще мало времени проводили вместе, но сейчас у

нас есть шанс наверстать.

— Скажи правду, Корд, ты призрак или просто проекция моего сознания?

— А тебе какой вариант больше нравится?

— Ну... не знаю. Мне трудно смириться, невыносимо думать, что тебя нет.

Ты смеешься и меняешь тему:

— Я видел Анж, Вики привозила ее в Ориму делать операцию на глазах. Они были у нас дома.

— У малышки испортилось зрение?

— Да, она много читает. Но сейчас уже все хорошо, Анж здорово выросла.

— Я не видел ее год, — сокрушенно вздыхаю я, — но Вики посылала мне фотографии, ее и Кима, они у меня с собой, сейчас найду...

Начинаю хлопать себя по карманам. Ты укоризненно качаешь головой:

— Дан! Ты не сможешь мне их оставить...

Как все странно, думаю я. Этот дом, мой брат с газетой в руках — все кажется таким реальным, и в то же время ничего этого нет, я лежу без сознания в тесной кабине скутера в заснеженном нарском лесу. Кажется, я начинаю привыкать к раздвоенности и принимать все странности жизни, будто так и должно быть.

— Дан, тебе пора! — ты встаешь и помогаешь мне подняться. — Немедленно заводи винты! Твое время истекло!

Мне не хочется, но я стискиваю зубы.

— Я же смогу сюда еще прийти, да?

— Да, — киваешь ты, — только сейчас спасайся!

Неумолимая сила выбрасывает меня в проклятый мир. Ветровое стекло скутера залеплено снегом, в кабине темнота, включаю аккумулятор и стеклоочистители. Снег неохотно плавится на стекле. Руки у меня действительно в крови — гадость какая! Медленно крутятся, набирая скорость, лопасти винтов, неохотно поднимают легкую «Астру» в воздух. Уверенно поворачиваю скутер к селению мятежников. Навигатор я разбил, но бортовая система вполне способна запомнить простые координаты курса.

Спустя полчаса меня нагоняет взрывная волна. Машину переворачивает в воздухе, швыряет вперед, я тяну штурвал изо всех сил, уворачиваясь от нехстати оказавшегося на пути дерева. Приходится посадить скутер, но это большой риск — ели могут завалить хрупкую машинку так, что потом не выберешься. Жду, руки чуточку дрожат, я закрываю глаза, восстанавливая дыхание. Поистине эта авантюра была опасной, и выбрался я чудом, благодаря тебе. Губы растягиваются в улыбку, в груди теплеет. Шальная мысль возникает в голове: если бы можно было связаться с Вики и узнать, возила ли невестка в Ориму Анжелику, я бы точно знал, сон или явь мои странные видения.

Через час все стихает. Снегом и ветками скутер завалило по самые винты. Я выжидаю пару минут и, натянув маску и наглухо заблокировав шлем, выбираюсь из кабины, очищаю от снега и мусора, осматриваю, нет ли повреждений. Мне везет, с «Астрой» все в порядке, и я продолжаю путь туда, где меня уже не ждут живым. Связь с базой никак не желает восстанавливаться, так что я свалюсь на головы мятежников приятным сюрпризом.

Однако судьба выкидывает очередной финт. В однодневном переходе до убежища горячее заканчивается: то ли Сергей что-то не рассчитал, то ли бак все-таки оказался поврежден. Опустившись на заснеженную поляну, я дожидаюсь ночи и выпускаю сигнальную ракету. Остается надеяться, что меня подберут. Я перекусываю и, слишком

уставший, безо всякой тревоги заваливаюсь спать.

Утром меня нашли Костя и Матвейч, они так крепко обнимали меня, что едва не поломали ребра. Скутер заправили; прежде чем отправиться в путь, я затянулся сигаретой.

— Как там, в лагере?

— Нормально, готовимся, — неуверенно отвечает Костя, а Матвейч отводит глаза. Я не слепой, вижу — что-то случилось. Что?

— Войска перебазированы на юг, — поясняет Матвейч, — нападения ждем оттуда. Имперцы обещали подмогу.

— Нам очень не хватало тебя, Дан, — вставляет Костя, сжимая мне плечо ладонью, и я окончательно убеждаюсь, что дело нечисто. Но оба молчат, как рыбы, и не скажут, если только не применить к ним пытки. Ладно, проживем — увидим.

Поздним вечером я опускаю скутер на площадке перед штабом, там специально для меня не побоялись включить прожектора. Глушу двигатели и выпрыгиваю из кабины. Меня встречают: Сергей, Танюшка, Вера, ребята из моего отделения. Пересчитываю всех по головам — слава Богу, все живы. Таня не дает мне опомниться, кидается на шею, щеки мокрые, из груди, из самого нутра рвется рыдание. Машинально обнимаю девчонку за талию. Тут подходят и остальные, Сергей отдирает от меня дочь, сам скупно улыбается, хлопывает по спине. Минуту принимаю поздравления, тревожно оглядываясь.

— А где Шику?

Ответом мне становится молчание.

— Значит, ушел?

Мы с Сергеем и Таней устраиваемся на лавке в избе Веры. Хозяйка сооружает ужин, выставляя на стол тарелки и плоски, в середину — горшок с ароматными горячими щами.

— Ушел, — сокрушенно отвечает Сергей, — пойми, Дан, мы пытались его остановить.

Остановить?! Да разве можно остановить нарьяга? Надеюсь, он больше никого не убил.

— Ребята догнали его, но подойти не смогли, стали стрелять по ногам... — командир вздыхает, опуская от стыда глаза, будто это он стрелял по ногам тринадцатилетнему мальчишке. — Он расплавил пули, а потом и ружья и ушел.

— Никого не тронул?

Сергей качает головой.

Таня жметя к моему локтю.

— Может, он пошел за тобой? — спрашивает она.

— Нет, — говорю я, — я лгал ему, он посчитал меня предателем и ушел к своим.

— Как так?

Вкратце рассказываю им, как Шику принял меня за тебя, и что я все это время поддерживал его заблуждение. Наверняка мальчик подслушал наш с Верой разговор ночью перед вылазкой. Где были мои мозги?! Лучше бы я откусил себе язык!

Испуганно всплеснув руками, Вера восклицает:

— Боже мой, Дан! Да ведь теперь он станет мстить тебе, причем с таким же фанатизмом, с каким прежде защищал!

Сергей и Таня переглядываются с таким видом, будто мне только что объявили смертный приговор. А я представляю, как мальчишка идет по заснеженному лесу, путаясь в нелепом большом камуфляже. Каково ему возвращаться к своим после того, как убивал их на стороне мятежников? Что творится в его сердце после моего, как он, несомненно, решил, предательства?

— Не будем об этом, — меняю я тему, — Матвеич рассказал, что войска Нарголлы перебазировались на юг?

— Так и есть, — говорит Вера, снова открывает ноут и поворачивает ко мне, — они станут наступать отсюда, — тычет пальцем в нечеткий снимок со спутника. — Здесь сосредотачивается техника противника. Имперцы заняты сейчас у столицы. Зацепить с крейсера мы не можем: там много мирных поселений, так что почти стопроцентная вероятность, что нам придется встать заслоном на пути к диким землям.

— И, Дан, — добавляет она, — командор спасся. Что-то насторожило Алвано, и он развернул эскадрилью.

— Черт! — в сердцах мой кулак опускается на стол, тоненько дребезжат тарелки, — все-таки спасся, мерзавец!

В такой вечер я больше не хочу ни о чем думать. Сергей предлагает сходить к Матвеичу, Танюшка глядит немигающими влажными глазами, и я соглашаюсь. Эта ночь — одна из последних спокойных ночей, скоро на нас обрушится огненный дождь, в котором практически невозможно выжить. Я планировал покинуть лагерь до решающей битвы, где упрямых мятежников, несомненно, разгромят, но теперь понимаю: не могу. Не могу уйти и бросить Танюшку, Веру, ребят, да и некуда мне идти. Алвано сам придет сюда, а уж я

встречу, так встречу!

Нас заждались. В жарко натопленной избе не протолкнуться, но для нас тут же находится место. Меня поздравляют, без конца произносят здравицы, разливая по стаканам мутный самогон. Я быстро устаю от шума, голова начинает ощутимо побаливать.

— Давай, — Сергей предлагает мне рюмку, холодную, запотевшую, аж крупные капельки катятся по прозрачному боку. Вера подносит на блюде ломтики соленых огурцов.

— Ты же знаешь, я не пью, — с отвращением морщусь я.

— За победу! — сурово произносит командир, так что отказаться невозможно. Опрокидываю в себя ледяную жидкость, но по пищеводу словно прокатывается комок огня.

Давлюсь, закусывая хрустящим огурчиком, вытираю рот рукавом и вымученно улыбаюсь:

— За победу!

Все вокруг начинает расплываться, губы не покидает глупая улыбка. Мне совсем нельзя пить, просто ни грамма, я давно заметил. Меня немедленно посещают идиотские мысли, что жизнь прекрасна, а я способен свернуть горы. Залихватски подмигнув Сергею, делаю шаг к Тане и протягиваю руку.

— Потанцуем?

От искрящегося в глазах девочки счастья хочется зажмуриться, я ругаю себя последними словами, но отступить некуда. Матвеич с готовностью растягивает меха гармони. Рядом с ним крутится нелепый парень Аркашка, что-то громко рассказывает, смеясь невпопад. А Шику один в снежном лесу...

— Дан, о чем ты думаешь? — шепчет Таня, прижимаясь ко мне. От ее пушистых волос пахнет хвоей и костром, лучших духов для девушки я не знаю. Сердце пытается вместить новые ощущения, трещит по всем шрамам, не в силах справиться.

— О Шику, да?

— Нет, — отвечаю, чтобы не расстраивать ее.

— Тогда о чем? — допытывается Танюшка.

— О тебе, ты очень красивая.

Бог мой, куда меня несет?! Что она теперь подумает? «Молчи, идиот», — говорю я себе и прикусываю язык. Танюшка млеет, уютно устроив голову у меня на груди.

Скоро женщины окропят слезами могилы, если будет, что окроплять и кому. Пусть радуется, пока есть чему.

Мы вальсируем одни, почти все разошлись, в печи гаснет огонь. Наконец добряк Матвеич сжимает гармошку, она протяжно стонет и затихает.

— Все, ребята, — улыбается он в усы, — спать пора, идите по домам.

Оглядываюсь: все уже разошлись, даже Сергей и Вера. Танюшка берет меня за руку, мы выходим в темноту. Снег хрустит под ногами. Тихонько бредем до ее дома и останавливаемся на крыльце, я чувствую себя подростком, впервые пригласившим девушку в кино.

— Зайдешь к нам? — с надеждой спрашивает Таня. Ей, как и мне, не хочется, чтобы вечер заканчивался.

— Тебе спать пора, Танюшка, — провожу по ее волосам, она кривится:

— Я не маленькая, могу и ночь не спать. Ведь ты же вернулся! Ты вернулся, а они тебя уже не ждали... Я одна ждала!

— Спасибо тебе, солдату важно, чтоб его кто-то ждал.

— Если нужно, — шепчет она, — я готова ждать всю жизнь, ты только возвращайся. Шику говорил, что ты бессмертный.

— Он ошибся.

Девочка качает головой, облачко пара вырывается из приоткрытого рта. Она ж замерзла совсем!

— Нет, ты необыкновенный, ты побеждаешь там, где победить нельзя, и всегда возвращаешься. Ты — настоящий герой!

Я отступаю назад.

— Извини, Танюшка, устал. Перелет тяжелый был... сама понимаешь.

— Понимаю, — серьезно соглашается она, — а завтра погуляешь со мной? Папа, конечно, потащит тебя смотреть укрепления, но хоть на часик приходи ко мне.

Улыбаюсь. Мягкие губы девочки приоткрыты, пар изо рта завивается колечками. В груди щемит, я отступаю на шаг, медленно поворачиваюсь и ухожу. Танюшка провожает печальным и нежным взглядом, за который я сам себя ненавижу.

Дверь не заперта, лишь накрепко закрыта, чтобы из избы не уходило тепло. Нырять в душную темень и сразу прикладываю замерзшие ладони к сухому жаркому боку печи, по всему телу пробегают мурашки удовольствия. Греюсь и окончательно прихожу в себя. Стыдно, Дан, стыдно давать надежду девочке — ничего же не будет, только Танюшка напрасно потеряет покой.

Стаскиваю куртку, рубашку, ботинки. Стоять босиком на прохладном полу удивительно приятно, особенно если спал в обуви несколько суток кряду. Иду к умывальнику и ополаскиваю лицо. Интересно, почему все привычные действия я нахожу сегодня такими новыми, необыкновенными, будто смотрю на вещи под другим углом. Близость смерти так действует? Надыхаться жизнью, наглядеться на дорогих людей, сказать все нужные слова, унести за грань память о хорошем...

Стою у окна, глядя на заснеженный лес. В низкое окошко видны только синие сугробы и гнутые ветки малинника, примыкающего к Вериной избе.

— Дан, ты вернулся? — сонно спрашивает хозяйка из-за занавески. — Ты, наверное, голодный, сейчас встану.

— Нет, не беспокойся, я совсем не голоден.

Но Вера все равно встает. На ней домашнее платье, значит, ждала, легла, не раздеваясь.

— Давай хоть чаю попьем. А хочешь... у меня домашнее вино есть, вишневое?

— Нет, лучше чай.

— Хорошо.

Вера ставит большой закопченный чайник на печь, а сама садится за стол, подпирая щеку ладошкой.

— У тебя челка на глаза лезет, — говорит она, — давай подстригу?

— А ты умеешь?

Она подходит ко мне, касается кончиками пальцев волос, они действительно отросли дальше некуда и сильно мешают. Руки Веры будто ненароком соскальзывают на мои голые плечи.

— Ты очень красивый, Дан, по тебе, наверное, девчонки сохли? Ты же в Ориме родился?

— Да, на Оливер-стрит, старый район.

— Я бывала в Ориме, пару раз. Мне нравятся ваши парки, нигде больше во всем мире нет таких тихих скверов.

Киваю, перед глазами Лонг-парк, в двух кварталах от нашего дома. Мы с тобой совершали утренние пробежки по его безлюдным аллеям.

— И еще оримский стадион — гигантская воронка, я в первый раз боялась идти на игру, мне дали билет с местом на высоте чуть ли не под облаками.

Оримский стадион самый большой в мире, он может вместить до двухсот тысяч болельщиков. Верхний ряд кресел вознесен на высоту десятиэтажного дома, но всем прекрасно видно, что творится на поле, благодаря почти полусотне мониторов.

— Ты болельщица?

— А то! Все любят оримский футбол!

Ее ладони так и лежат у меня на плечах. Это становится опасно: Вера — не наивная

Танюшка, у меня может не хватить выдержки. А она все понимает и будто даже добивается, чтобы я потерял контроль.

— Давай потанцуем, Дан, — прямо просит Вера, совершенно ясно провоцируя меня. Я кладу руки ей на талию, и женщина тут же задает ритм сама, уверенными и привычными движениями хорошей танцовщицы. Странное действо, танец без музыки, захватывает нас. В темноте легко теряется ориентация, лунные блики мелькают перед глазами, только ощущение жара, стук сердца, путанные мысли. Все происходящее не реальнее полузабытого сна. Внутри поднимается темная волна первобытного инстинкта, одного из основополагающих: жажды обладания. Рука скользит по изгибу талии, другая гладит напряженную спину, сильное поджарое тело взрослой женщины чутко отзывается на прикосновения.

— Вера, чайник кипит, — хрипло шепчу я, теряя самообладание.

— Пожалуйста! — неожиданно измученным голосом молит она. — Еще чуть-чуть, я ведь почти поверила...

Я резко отстраняюсь.

— Поверила, что я — это он? — заканчиваю фразу за нее. Вера опускает руки.

— Прости меня... мне было так хорошо... впервые за долгое время, — голос ее сбивается. Передо мной не та Вера, которую я знаю.

— Хватит! — я отворачиваюсь, упираясь руками в подоконник. — Никто и никогда не заменит нам ушедших! Ты предаешь память мужа, представляя себе такое!

Она мгновенно ощетинивается:

— Ты лицемеришь, Дан! Будто не знаешь, как пусто и холодно по ночам! Как потихоньку сходишь с ума от видений! Как слепнешь от слез и согласен на все, лишь бы хоть чуточку согреться!

Я думал, что меня никто не понимает, а оказывается и у других то же самое: неизбежная, сверлящая душу боль. Каково Сергею, потерявшему жену и сына? Танюшке? Остальным...

Вера опускается на лавку и замирает сторбленная, положив руки на колени. Мне хочется обнять ее, но я не могу ТАК! Быть заменой кому-то, заведомо лучшему, напоминать о не случившемся счастье — это выше моих сил.

Чайник разрывается от кипящей воды, снимаю его с печки и ставлю на стол. Вера приходит в себя, зажигает свет и принимается заваривать травяной чай. Будто ничего и не было. По избе плывет нежный аромат мяты и Melissa. Мы оба успокаиваемся, старательно делая вид, что все произошедшее случилось не с нами. Пьем чай, дуя на кружки. Сначала молча, потом болтая обо всем на свете.

— Вот ты давно здесь, Вер, скажи, что думаешь о феномене нарьягов?

— Я думала, ты скажешь «магия», — иронизирует она.

— Ха-ха! Ты мне еще про драконов или эльфов расскажи.

— Без шуток, в штабе есть и такие, кто всерьез считает наров нечистью.

— Глупости, — возражаю я, — Шикун никакая не нечисть, его забрали из человеческого поселения и подвергли каким-то ритуалам, а скорее процедурам. Память мальчик почти потерял, потому и рассказать ничего толком не мог, но я думаю, дело в бесчеловечных манипуляциях, из-за которых нормальные дети превращаются в чудовищ.

— Тебя бы в штаб, — качает головой Вера, — ты явно понимаешь больше, чем тамошние исследователи.

— Если попаду к имперцам, меня расстреляют за измену, — усмехаюсь я.

— Ты ничего не знаешь? Порталы с внешним миром перекрыты.

— Как такое может быть?!

— Понятия не имею, но это факт. Так что вряд ли о твоих подвигах знают в штабе под Нарголлоу.

Вот так новость! Неужели действительно не знают? Нет, не может быть: те двое камикадзе охотились за мной неспроста.

— Дан, у тебя есть какой-то план?

— Есть.

— Какой, можно узнать?

Я улыбаюсь, глядя ей в глаза, дую на горячий чай.

— Идти до конца...

Мой взвод (меня повысили до взводного) упорно долбил подмерзшую землю. Я копал окопы наравне со всеми, находя в работе возможность отвлечься от гнетущих мыслей. Как известно, нет пытки мучительней, чем ожидание.

Даже лес, кажется, замер в предчувствии неотвратимых событий. Птицы и зверье, которого здесь в изобилии, попрятались по гнездам и норам, наступила тишина, за которой придет грохот орудий.

— Дан, к командиру! — кричит кто-то.

Кладу лопату черенком поперек ямы, подтягиваюсь и вылезая из окопа. Бегу, на ходу привычно одергивая и поправляя одежду (никак не избавлюсь от армейской привычки), по дороге, вынырнув из кустов рябины, за мной увязывается Аркашка:

— Дядя Дан, дядя Дан! А ты куда? Можно я с тобой? А тебя Танечка искала, ей-то что сказать?

Смешной парнишка: глаза чуть косят в разные стороны, волосы буйными смоляными кудрями выбиваются из-под кроличьей шапки, падают на плечи.

— Я по делам, Аркашка, скажи Тане, что сегодня не приду.

В штабе уже собрались Костя, Федор и Матвеич, Сергей кивает мне и взглядом указывает на лавку.

— Завтра, — произносит он только одно слово, но всем уже ясно.

— Дождались! — вскакивает несдержанный Федя.

Я смотрю на Сергея, и мне становится не по себе. Командир повстанцев болезненно-бледен, на скулах красные пятна, глаза тоже покраснели и сухо блестят.

— Ребята, — глухо говорит он, — имперцы застряли под Нарголлоу — проклятые нары впервые за много месяцев нанесли массированный удар по имперским частям. Генерал Девория направил нам на выручку полк, но они придут с опозданием... Крепитесь, ребята!

Чего-то подобного я ожидал, но вовсе не рад догадке. Взводные молчат, Сергей заходится в приступе кашля. Я отвожу глаза. Ползание по окопам явно не идет на пользу командиру, и Танюшка от тревоги плачет по ночам.

— Все! — с трудом выговаривает Сергей, — идите к своим. Дан, — оклик застает меня у двери, — останься, надо поговорить.

Я устраиваюсь на краешке стола. Не знаю почему, но мне неловко смотреть ему в глаза, наверное, потому, что шансов у нас нет. Можно лицемерно бить себя в грудь и поднимать собственным примером воинский дух бойцов, но все это не отменит данности: мы остались одни. Последний заслон перед ордой врага, точнее, маленькая заслоночка.

— Мы не выстоим, — говорит Сергей. Я уважаю его за это признание. Бывший каторжник, родившийся на руднике и едва овладевший грамотой, он действительно талантливый командир с горячим сердцем и холодным умом. Но сейчас предо мной просто человек, человек, которому тяжело.

Сергей наливает себе в рюмку из фляжки.

— Будешь?

— Нет.

— Правильно, перед боем не стоит, в другое время — напился бы...

Эк его подкосило! Вливает в глотку алкоголь и сгибается в рвущем легкие кашле, платок

и ладони в крови.

— Даня, — шепчет он, отдышавшись, — на тебя вся надежда. Выведи Таньку, сбереги девочку, Христом Богом прошу!

— Куда? — изумляюсь я. — Поздно уже, мы обложены со всех сторон! Раньше надо было думать, когда в тыл людей отправляли.

— Она уперлась, такая упрямая, вся в мать!

Вид у него — краше в гроб кладут. Он разглядывает свои пальцы, оттирает платком и молчит, наверное, подбирая подходящие слова.

— Ты знаешь, где скутер. Бак починили, горючего хватит на три сотни миль...

— На скутере через кольцо оцепления?! — мне кажется, он бредит. Или нет, просто перебирает варианты и не может найти выхода.

— Что тебе еще надо? БТР? Бери БТР! С твоей удачливостью вы выберетесь! Я давн заметил, над тобой будто крыло ангела...

— Ну-ну, прям ангела, — я начинаю беситься, потому что тоже не вижу выхода. Даже если он даст мне танковую роту, мы не пробьемся через окружение. Единственный шанс — стоять до последнего на огневом рубеже, может кто-то и выживет до прихода имперцев.

— Ты понимаешь, о чем меня просишь, Сергей? Я преступник, за мной охотятся спецслужбы. Я ищу Алвано и не успокоюсь, пока не придушу эту тварь! Из меня никудышный пестун...

Командир сверлит меня глазами.

— Мне больше некого просить, — хрипло говорит он, — Танюшка верит тебе. Обещай, что присмотришь за ней, она — хорошая девочка...

— Да знаю, — в сердцах бросаю я.

Что-то во мне гнется, сжимается, как пружина. Не могу я, не могу ему отказать! А еще не могу бросить глупую, упрямую, влюбленную в меня девочку... Она ж осталась из-за меня.

— Хорошо, тогда попрощайся с Таней, я заберу ее сейчас.

Лицо Сергея светлеет, губы растягиваются в подобии улыбки.

У дверей нас поджидает Аркашка.

— Дядя Сережа! Дядя Сережа! А я с тобой можно пойду?

Сергей кривится, будто надкусил мороженое больным зубом. Дурачок Аркашка — вторая после Тани головная боль командира. Я недоумевал, отчего эту липучку не отправили в тыл? Оказывается, из-за Танюшки, раз она тут, то и Аркашка из лагеря ни ногой. Теперь малец носится по лагерю без дела и отвлекает людей глупыми вопросами.

Перехватив страдальческий взгляд Сергея, я говорю:

— Аркашка, пойдешь ко мне адъютантом?

Парень радостно скачет вокруг нас и размахивает руками, изо всех сил выражая, как счастлив быть мне полезным.

— А как же дядя Сережа? — на минутку огорчается он, как будто дядя Сережа пропадет без него.

— Ничего, дядя Сережа обойдется, — ухмыляюсь я.

Таня, конечно, радуется моему визиту. Прыгает на шею, как котенок, щекочет пушистой шевелюрой, но, когда я предлагаю ей собраться и поцеловать отца, глаза девочки наполняются слезами. Она морщит нос, стараясь сдержаться, как- никак настоящая мятежница, но вскоре уже всю рыдает на плече Сергея.

Я выхожу на крыльцо, предоставляя им возможность поговорить наедине. Затачиваюсь сигаретой — надо же, как быстро привык к гадкому, вонючему табаку... Аркашка болтается рядом, бросает жареные подсолнечные семечки бойким желтогрудым синицам.

Сергей с дочерью появляются через четверть часа. Танюшка уже не плачет, только глаза красные и шмыгает нос.

— Пойдем.

Беру ее за руку. Она оглядывается на отца испуганно и немножко виновато. Аркашка семенит за нами, о чем-то трещит, он не заметил и не понял, что отец и дочь расстались навсегда.

В густых зимних сумерках мы покидаем лагерь, выставив лишь охранение. Бойцы моего взвода действуют спокойно, слаженно, как на учениях. Сказалась ежедневная муштра, которую так ненавидели свободолюбивые повстанцы. Впереди идет Йохан, я замыкаю, не выпуская из виду Таню и Аркашку.

Парень норовил сбежать к Сергею, но я не пустил. Рядом с Аркашкой шагает хмурый широкоплечий Йорих — у него не забалуешь. Таня сосредоточенно топает рядом, устала, ноги увязают в сугробах, но не жалуется. Я сам подтянул на ней щитки брони («Какой ты заботливый, Дан!»), заставил нацепить шлем («Я в нем такая некрасиваяааа!»). Все это лишний вес, я понимаю, как ей трудно, и не сержусь, когда приходится вытаскивать девочку из заснеженных ям.

Наша позиция в овражке у родника. Отлично укрепленная и замаскированная огневая точка, таких по лесам разбросано множество. Нам с Сергеем не давал покоя крот в селении, и настоящую схему укреплений не видел никто, кроме нас двоих.

— Йохан, твое отделение дежурит первым, — говорю я, — в полночь сменит отделение Игоря, остальным отдыхать.

Они даже не разговаривают, занимая койки, настроение у всех подавленное. Танюшка притихла в уголке, только Аркашка возбужден. Он то рвется в лагерь, то начинает что-то напевать себе под нос, то дергает за рукава бойцов, приставая с расспросами.

Наконец, становится тихо. Я подхожу к прикрытой сеткой бойнице — слышно, как снаружи шумит ветер. Порыв ветра холодит разгоряченное лицо. Снова ожидание. Черт, когда же оно закончится? Иди же сюда, дон Алвано, я жажду встречи с тобой!

Ночью началась бомбежка. Грохот раздался прямо над головой, посыпались комья земли, воздух наполнила едкая пыль.

Вскакиваю и кричу:

— Воздушная тревога! Без паники. Взвод, стройсь!

Бойцы выстраиваются в шеренгу.

— Вырубить генератор, провести осмотр оружия.

Привычные действия отвлекают их. Сейчас главное — сохранить холодную голову, не допустить паники. Грохот раздается ближе, земля ходит ходуном, от поднявшейся пыли трудно дышать.

— Респираторы надеть.

Тишина в казарме резко контрастирует с далекими еще разрывами. Лес гудит, воют винты истребителей, холм, будто живую агонизирующую плоть, сотрясает дрожь.

— Дан, мне страшно, — сквозь какофонию шума прорывается голос Танюшки, — нас ведь не заметят?

Внезапно такая злость берет:

— Страшно?! А о чем ты думала, когда отец тебя в тыл отправлял? Думаешь, в игрушки тут играем? Нет, девочка, тут война! А теперь марш в казарму чистить винтовку.

— Но Дан...

— Обращаться ко мне по форме и только в случае необходимости.

Она отпрыгивает от меня, как будто я превратился в тигра или медведя. Глазищи распахнуты, даже в полутьме, освещаемой аварийной лампочкой, видно, как блестят слезы

страха и обиды.

Танюшка забивается в уголок, коленками зажимая здоровенную винтовку, кто-то из ребят кидает ей защитную маску.

Холм снова встряхивает.

— Дан, что эти сукины дети делать? — Йохан не очень гладко говорит по-имперски.

— Вакуумные бомбы, — говорю я, и с усмешкой, — по ложным целям.

Йохан кривит толстые губы в улыбке. Братя Хольд нравятся мне своим неизменным хладнокровием.

Лес стонет, раскуроченный взрывами, с надрывным плачем валятся вековые сосны. Я стою у бойницы, где воздух свежее. С детства не выношу замкнутые пространства, если придется просидеть в этом каземате несколько суток, я окончательно сойду с ума. Тоненькое подвывание слышится даже через грохот. Оглядываюсь: Аркашка забился под стол с переносной радиостанцией, обхватив руками коленки. Вытаскиваю его оттуда за шкурку и бешено сопротивляющегося отправляю в казарму. В боевом отсеке остается только отделение Йохана.

Подхожу к Танюшке, она похожа на испуганного котенка, сажусь рядышком на корточки.

— Умеешь молиться?

— Да... господин взводный, — шепчут припухшие от рыданий губы.

— Молись.

Встаю и ухожу, до утра уже не отхожу от бойниц и радиостанции. Утром разрывы стихают.

— Дан! — хрипло кричит в передатчик Сергей, — Дан Райт!

— Да, командир, — отзываюсь я, стаскивая с лица маску, — докладываю: потерь нет, разрушений нет, взвод готов к бою.

— Понял тебя...

Он хочет спросить про Таню, но сдерживается.

— Потерь личного состава нет, — повторяю я.

— Отдыхайте.

Я передаю приказ отдыхать, а сам иду к Танюшке. Девочка уснула, сидя в углу, спиной к ледяной стене и в обнимку с винтовкой. Аркашка снова подбегает ко мне, довольный, что, наконец, прекратился страшный грохот, который он принял за падающие с неба звезды.

— Дядя Дан! Отпусти погулять! Здесь воздух плохой, совсем дышать нечем.

Бедняга, думаю про себя, у парнишки те же проблемы, что и у меня, запускаю пальцы в невытую кудрявую шевелюру (шлем он давно стащил).

— Нельзя, Аркашка, — говорю, — там снаружи злые, жестокие враги, они убьют тебя.

— Я спрячусь, — хитро подмигивает он, — быстро убегу.

— И приведешь врага сюда! Нельзя, терпи! Ты же мужчина.

Аркашка надувается, как воздушный шарик, но тут же выпускает пар и насвистывает что-то веселое.

На столе уже стоит котелок вареной холодной картошки, черный хлеб, луковицы и соль в бурачке. Завтрак. Бойцы уплетают нехитрое угощение и травят байки.

— И не врите, — сердито возражает кому-то Игорь, с хрустом разгрызая сочную луковицу, — локхи не чудовища, я вырос с этими милыми созданиями. Они добрые, ласковые зверушки...

— ...которые одним легким движением челюстей перекусывают бедренную кость, — хихикает Макс, известный балагур, звякая ложкой в стакане с чаем, — заливай больше, любитель домашних животных.

— Локхи вывели в Нарголле, это дьявольское семя...

Я падаю на койку и забываюсь в коротком сне.

Просыпаюсь от монотонной болтовни. Солдатам в укрытии нечем заняться, свободные от дежурства у орудий играют в замусоленные карты на желание. Вот только что кого-то заставили встать на голову в чем мать родила.

— Макс, слышь... — зовет Марат, смуглый парень с бритой головой.

— Ась? — отзывается тот.

— У тебя девушка есть?

— А то ж.

— И ждет тебя, как думаешь?

— Ждет, конечно.

Потом кто-то достает губную гармошку. В глухой душной казарме раздаются сначала невнятные, потом все более мелодичные звуки.

Зоренька-заря встает,
Золотое солнышко.
Мне покоя не дает
Буйная головушка.

Ах ты, зоренька-заря,
Выходи на волюшку,
Лучик цвета янтаря
Протяни по полюшку.

Как я, молодец, пойду
Вдоль по перелеску,
Может быть, себе найду
Добрую невесту.

Герой долго шлялся по лесам, убивал всяческих чудищ и раздаривал молодильные плоды ведьмам-пенсионеркам, наконец, наступил хеппи-энд — молодец нашел искомую девицу, а я вскочил с больной головой.

— Заняться нечем? Чистить оружие! — ору так, что осевшая пыль снова поднимается в воздух.

Бойцы вскакивают, прячут за спину карты, проигравшие — шмотки. И эти люди пережили бомбежку!

— Так все давно почищено, — оторопело встречает Макс.

— Значит, сапоги и пуговицы! Взвод, равняйся! Смирно! Сто отжиманий! Выполнять приказ! Рядовой Веселков, два наряда вне очереди!

— За что?!

— Три наряда.

— Есть, — вытягивается Макс.

Во мне до сих пор все клоочет:

— Вы что тут развели? Мы в окружении! Война идет! Наши бойцы, возможно, умирают

а вы тут на раздевание играете! Стыдно!

Они стоят предо мной темные, как туча.

— Нечего нас стыдить, мы в бой, как на праздник пойдем, — сощурившись, сжимает кулаки Игорь, плечистый бородатый мужик — самый старший в моем отряде. — А сидеть тут, как мыши в норе, тошно да противно. Это имперцы вон год под Нарголлою торчат, ни мычат, ни телятся, а мы воюем.

Я делаю шаг ему навстречу, Игорь распознает в моем движении угрозу и бросается с такой же грацией и выучкой, как покойный Гера. Пропускаю его и слегка придаю ускорение в плечо, Игорь кувыркается, башкой таранит койку, на которой мирно сопит Танюшка. От грохота девочка вскакивает с постели, испуганно трет глаза; растрепанная со сна, с круглыми глазами, она похожа на совенка.

Кто-то сзади прыгает мне на спину, сжимает горло. Макс! Бросок через плечо, юморист летит следом за Игорем под многострадальную Танину койку.

— Ну, кто еще хочет попробовать?

Желающих больше не находится.

— Взвод, выполнять приказ! — едва разжимая челюсти, сведенные злостью, выдавливаю я. Вижу, как они обижены, готовы меня без соли съесть.

Секунду стоит грозное молчание, потом все ложатся на пол. Спины и плечи мерно поднимаются, слышно тяжелое дыхание трех десятков солдат. Потерпите, ребята, выведу вас из окружения, и наши пути разойдутся.

Минуту наблюдаю за взмокшими спинами и ухожу в боевой отсек, где дежурные не отходят от узких щелей бойниц. Свет проникает сюда тонкими лучами, чуть поддувает, и оттого после жаркой казармы кажется прохладно.

Снег пошел, да такой крупный, густой, за пеленой ничего не видно. Молодец, Таня, святое дитя, вымолила у небес нам отсрочку.

Хочется курить, но нельзя. Опять ожидание, минуты ползут еле-еле, неохотно собираясь в часы. В каземате непривычно тихо: дисциплина налажена, бойцы при деле, даже Аркашка не шумит. Стоп! А где же Аркашка? В казарме его не было, я заглядываю на склад — никого. Черт! Триста тысяч чертей! Неужели удрал? Но как умудрился?

Дежурный испуганно трясет головой.

— Как мальчик сумел проскользнуть мимо? Как сам открыл бронированную дверь?

— Не знаю... — блеет дежурный.

— Не знаю, — передразниваю я, — четыре наряда вне очереди.

С досадой гляжу в бойницу. Искать бесполезно, снегу столько навалило, что легкие следы давно исчезли.

— Господин Райт, — обращается ко мне церемонный Йорих, — разрешите пойти на поиск мальчик.

— Бесполезно, — отмахиваюсь я.

— Я попытаюсь найти след, скоро вернуться.

— Ладно, — неохотно соглашаюсь, — даю тебе час, потом возвращайся.

Йорих кивает, пожимая широкими плечами, он похож на добродушного медведя. Уходит, я притворяю за ним дверь.

Проходит час, другой, темнеет. Я с сожалением понимаю, что ждать бесполезно — Йорих не вернется. Жаль парня, боец был что надо!

— Дан... — дергает меня за рукав Танюшка, — господин командир...

— Чего тебе?

— Аркашка отозвался, он в лагере у папы.

Вот так новости!

— Как отозвался, когда? Ты трогала радиостанцию?! Я же велел никому не трогать!

— Даже мне? — изумилась Таня. — Думаешь, я шпионка?!

— Таня! — я крепко сжимаю ее локти, внутри поднимается бешеное раздражение, — я же сказал, ничего не трогать без разрешения! Зачем ты включала станцию?

— Да не трогала я ее! — пищит девчонка, от обиды по щекам снова текут слезы. — Я по передатчику!

— Какой передатчик? Дай сюда!

Забираю у нее плоскую черную коробочку из пластика, поцарапанную, с одной кнопкой и дырочками.

— Мне Аркашка дал, он сам собрал, у него такая же, — объясняет Таня. — Он сейчас у папы в укрытии, можешь сам спросить.

Я верчу передатчик в руках, брезгливо, как ядовитого жука. Такой собрать любой малыш сможет, не то что Аркашка. Вдали что-то загромыхало. В тихом, полном снега, будто тумана, воздухе несется вибрирующая струна взрыва. С веток падают белые шапки.

Давлю на кнопку, в передатчике раздается какое-то шипение, что-то грохочет и снова шипит. Бросаю его на пол и прикладываю по коробке подошвой, пластик противно хрустит под ногой. Среди черных обломков корпуса блестит что-то округлое, металлическое. Поднимаю, и стон вырывается из груди: у меня в руках стандартный усовершенствованный радиомаячок, какими оснащают спецслужбы.

— Взвод! К оружию! — ору я, и ребята вскакивают с коек, как ошпаренные. — Уходим! Шевелитесь же, динозавры хромоногие!

Начинается суматоха. Танюшка цепляется за меня, как утопающий за спасательный круг. Радиостанция воеет дурным голосом, я переключаю заедающий тумблер.

— Райт! Уходите! — кричит в эфир Сергей. — Имперцы в однодневном переходе от нас! Уходите на Марьин ключ, мы вас прикроем...

Голос тонет в грохоте взрыва над головой, с потолка сыплются крупные комья земли.

Наши орудия с грохотом выплюнули из стального нутра противотанковые ракеты.

— Мне нужно четыре добровольца прикрыть отступление.

Вызвались шестеро, среди них бородач Игорь и Веселков Макс.

— Рядовой Хольд, вы принимаете на себя командование взводом. Приказ командира — отступить до Марьиного ручья навстречу нашим имперским союзникам. Приказ ясен?

— Господин взводный, — пристально глядя мне в глаза, сжимает кулаки Йохан, — разрешите остаться на огневом рубеже.

Он сейчас напоминает мне меня самого, я тоже не отвожу взгляд:

— Рядовой Бобров, принимаете командование, приказ выполнять!

Я сам встаю у амбразуры, готовый прикрыть уходящих пулеметным огнем. У нас есть несколько минут, пока противник не подберется достаточно близко, чтоб открыть пальбу навесными снарядами.

Время истекает очень быстро. В боевом отсеке пыль, пахнет раскаленным металлом, орудийная прислуга, сбиваясь с ног, таскает ящики с боеприпасами. Я уже вижу их в перископ: темные кряжистые «каракурты», с массивной башней и усиленной броней. Два, три, четыре...

— Огонь! — команду я.

Ракета находит один из танков, гусеница в клочья, зато нам в стену врезается снаряд. Часть кладки обрушивается, в полутемную нору врывается слепящий свет. Дьявол! Пора уходить, скоро тут станет очень жарко!

Подтаскиваю к образовавшейся амбразуре гранатомет, оптика шлема облегчает наводку. Слежу за траекторией полета. Плавное падение снега разрывает смертоносный снаряд, красиво, как на учениях, попадает в башню. Зловеще медленно поворачивает пушку «каракурт», что идет левее.

— Ложись! — ору я и падаю на Таню, она придушенно пищит.

Вскакиваю, подхватываю девчонку под пузо, поднимая на ноги.

— Уходим!

Мы успеваем выскочить, как кошки из горящего дома, прежде чем взрыв осколочного снаряда разносит наше убежище. Нас встречают пулеметные очереди. Белый мир ослепляет, но умный сканер за долю секунды создает затемнение, оптика вычисляет цели.

— Вперед, мать вашу! — вместо приказа вырываются нечленораздельные ругательства. Подствольник с рывканьем избавляется от гранаты.

Пригорок вздрагивает от рвущегося фугаса. Ребята ныряют в лес, а я вдруг понимаю, что не мы — главная цель «каракуртов». Отделение Сергея все же пробило к нам. «Мустанги» мятежников, могучие танки М-7, пробираются через овраг. Холм снова дрожит, ударная волна выбивает землю из-под ног. Я вжимаюсь мордой в мягкий снег, поднимаюсь, отплевываюсь уже на бегу и вижу ужас! Иначе и не назовешь: Танюшка летит с криком «папочка», спотыкается и валится в воронку, а над ней величественно и презрительно вздымает пушку «каракурт».

Вскидываю гранатомет на плечо, попискивает оптика. Сердце замерзло, словно комок льда. Выпускаю снаряд, бегу к Тане, проще говоря, к черту в зубы!

Мятежники палят по нарским танкам, те обрушиваются на них поистине смертоносный

огонь. Из горящих «мустангов» выскакивают люди и тут же попадают под косящие очереди пулеметов. Каким-то чудом я живым добегаю до воронки, съезжаю вниз на пятой точке и хватаю Таню. Девчонка вскрикивает, дергается в сторону, будто обезумев от страха.

— Руку! — я уже не могу говорить нормально, только кричу. — Руку давай, дура!

Ползком выбираемся из воронки, и тошнота подкатывает к горлу: едкий черный дым клубится по перелеску, черной копотью оседая на снег.

— Бежим! Скорее!

Она цепенеет на миг, а потом вдруг выдергивает руку, срывается с места — откуда только взялась такая прыть?!

— Стой, бестолочь!

Пускаюсь за ней, прощаясь с жизнью. Спиной чую смерть, затылком — алый луч прицела.

— Папа! Папочка! — Танюшка сдирает горло криком, распластывается в снегу возле горящего танка с распоротым траком. Трясущимися руками ощупывает лицо, руки, бока лежащего командира мятежников, не может сообразить, дуреха, что все, осколок фугаса разворотил всю грудь. Я подхватываю ее под плечи, придаю ускорение легким пинком.

— Идем! Все уже, все!

Она вырывается с такой силой, какой в шестнадцатилетней девочке никогда не было.

— Отпусти, сволочь! Папа мой...

Перекидываю ее через колено и, что есть силы, прикладываю ладонью по ягодицам. Так крепко, что отбитая рука ноет.

— Бегом марш!

Девочку всю колотит, она уже ничего не соображает, а «каракурты» издевательски медленно ползут к нам. Времени препираться нет, хватаю Танюшку за руку и почти волоком, как мешок картошки, тащу в бурелом. Мы долго бежим, потом идем. Грудь разрывает жар, футболка прилипла к телу, пот со лба заливает глаза. Становится темно, и нас, кажется, больше не преследуют.

Сканер выдал направление, до места не больше пяти миль.

— Я устала, — навзрыд кричит Таня, — я больше не могу!

— Минус семнадцать. Мы замерзнем, едва только остановимся.

Она упрямо встает. В темноте только глазищи заплаканные сверкают, да виден клубящийся изо рта пар.

— В чем дело?

— Ты сволочь! — хрипло кричит девочка. — Я тебе верила, а ты! Мой папка там, а ты...

— Твой отец не там, — внятно говорю я, — он мертв.

Таня рыдает в голос, выкручивает руку. Я усиливаю хватку, но девчонка и не думает сдаваться, пытается двинуть коленкой по причинному месту. Бросаю винтовку и с силой притягиваю ее к себе.

— Тихо, милая! Тихо, потом! Все мне потом скажешь, моя хорошая! Не сейчас! — маленький кулачок ударяет мне в бок. Она бьется, как рыбка в сачке, но потихоньку затихает, уставшая, согретая моим жаром.

— Пойдем?

Кивает, слишком обессиленная, чтобы спорить. Мы топаем по сугробам еще два часа, пока не выбираемся к Марьину ручью, где укрыта техника и где нас встречают уцелевшие мятежники. От двух сотен осталась едва ли четверть, из взводных, кроме меня, только

Матвейч. Костя, тяжело раненный осколком фугаса, стонет в землянке. Хотелось бы надеяться на лучшее, но шансов, что парень доживет до утра, почти нет.

Сегодня Алвано сполна рассчитался с мятежниками за дерзкие налеты на рудники.

Колонна потрепанных в бою с нарами «Мустангов» и БТРов ползет по лесным оврагам, переваливаясь через кочки и с трудом объезжая поваленные сосны. Ведет колонну Матвейч, я замыкаю. Экипаж подавленно молчит, танк покачивается на рессорах, Таня рядышком шмыгает носом. Съежилась, как воробушек, слезы плотает, рукой то и дело вытирая покрасневший нос.

Машина, как настоящий мустанг, подпрыгивает на кочке, и девочка вскрикивает.

— Ты чего? Ударилась?

Болезненно морщит нос:

— Сидеть твердо.

Я вспоминаю, как со всей дури приложил девчонку по мягкому месту, чуть руку не отбил, вот идиот!

— Иди сюда, тут мягче.

Танюшка рукавом вытирает глаза и несмело встает. Я тяну ее к себе, устраиваю на коленях и провожу рукой по спине с торчащими даже через куртку лопатками.

— Так лучше?

— Да, — еле слышно отвечает она.

— Все будет хорошо, — говорю, целуя ее кудрявую макушку, — скоро мы будем в безопасности. Ты молодец! Все выдержала!

Мгновение Таня обдумывает мои слова и снова разражается рыданиями. Боль потери может лишь притупляться, но она навсегда засядет в сердце стальной занозой, не даст спать ночами, выпивая по капле силы и терпение. Таня еще ничего этого не знает и просто плачет, а мне пронзительно жаль ее.

— Папочка! — всхлипывает Танюшка, а перед глазами стоит твоя дочь, маленькая гордая Анж. Интересно, Вики сказала детям, что их отца нет в живых? Год прошел, а я не удосужился навестить племянников, пока жил в междумирье. Очень часто, замыкаясь на себе, мы не видим тех, кому еще хуже.

— Не плачь, Танюшка, боль пройдет, — шепчу на ухо девочке, — мы еще будем радоваться мирной жизни.

— Правда? — она поднимает мокрые глаза, такие доверчивые, что неловко обманывать даже во благо.

Таня вздыхает.

— Знаешь, Дан, ведь все вышло, как папа хотел. Он боялся умереть раньше, задохнуться во сне, — ее шепот едва слышен, — не хотел, чтоб я видела, вот и отослал от себя. Он был добрый, папка мой...

Обнимаю ее крепко, Танюшка утыкается лицом мне в плечо, уже не сдерживая рыдания.

— Не обижаешься на меня?

Девочка слабо улыбается, качает головой. Усталость берет свое, Таня прижимается ко мне, как-то устраивается на неудобном панцире брони, сворачиваясь в компактный комочек.

— Поспи, — снова касаюсь губами макушки.

— Угу.

Под мерное гудение двигателя девочка засыпает, сопит тихонько и изредка вздрагивает. Откидываюсь назад, болит голова, а в глаза будто насыпали песка. Дьявол! На душе будто могильная плита лежит. Я, видно, крепко рассорился с головой, когда решил, что могу встретиться в этом бою с командором Алвано. Авангард наргольской армии растоптал наши жалкие огневые рубежи, даже не вспотев. Возможно, мы могли бы пару дней прятаться в лесах, вести партизанскую войну, благо погода позволяет, но нас сдали. Аркашка по ошибке или недоразумению притащил в лагерь передатчик. Кто-то подбросил, а дурачок без раздумий подобрал понравившуюся вещичку, а я думал на Веру.

Сердце сжимается, горло перехватывает от бессильной злости. Ее не нашли, Вера была с группой Федора и, вероятно, погибла при отступлении. Оттуда никто не выбрался. Стыдно признаться, но за Веру я беспокоился меньше всего. У нее была выдержка, какой не встретить у закаленного в боях солдата, она никогда бы не потеряла голову даже в самом горячем бою.

Вспоминаю ее голос, низкий, чуть с хрипотцой, и сквозь сталь — нотка грусти, никому, кроме меня, не заметная... Она так и не стала моей женщиной, сейчас я эгоистично жалею об этом и сам себе противен. Вера...

...Вера, Сергей, Федя, северный медведь Йорих Хольд... Все жертвы бесчеловечной бойни отпечатались в памяти, как раскаленные клейма. Осталась самая малость — добраться до Ромари Алвано.

Прикрываю глаза, заставляя себя хоть немного подремать, но мысли возвращаются к проигранной битве и неопределенному будущему. Как примут меня мои соотечественники? Под Нарголлой остались 3-ий и 6-ой пехотные полки и первая танковая дивизия. Командует гарнизоном полковник Стивенс, хорошо знавший нашего отца. Если информация о моих выходках не просочилась на спутник, мне помогут пробраться в Нарголлу и отыскать Алвано. Но порталы перекрыли после моего бегства (как и кто это сделал, черт побери?), и те двое, подорвавшие себя, охотились за мной не на шутку, так что от бывших сослуживцев стоит ожидать любых сюрпризов. В любом случае выбора нет, надо доставить Танюшку туда, где она будет в безопасности.

Час до рассвета, хоть немного бы подремать, пока не началось. Но тут «Мустанг» подпрыгивает на кочке, ревет двигатель, прибавляя скорость, нас бросает в сторону. Водитель не заметил яму в темноте?

— Дан, нарьяги! — кричит радист в переговорное устройство.

— Дьявол! Ну что за день!

Я спихиваю с колен проснувшуюся Татьяну. Тут же где-то внизу раздается глухой хлопок, танк шарахается в сторону, накренившись влево. Девчонка визжит, пытается подняться. Боковую броню прошивает снаряд, в оружейном отсеке так жутко громыхает, что едва не лопаются барабанные перепонки, по стальному телу «Мустанга» бежит мелкая дрожь.

Я лихорадочно пытаюсь справиться с оптикой, система подавления гасит снаряды, летящие в нас. Помощи ждать неоткуда — вся колонна атакована. Уроды! Потому они нас и не догоняли, что решили устроить засаду. Обездвижили; осталось методично расстрелять. Я матерюсь, разворачивая пушку, отсеки наполняет едкий дым, горит машинное отделение, а экипаж не отзываются.

— Маску надень! — кричу я Тане и сам натягиваю кислородный прибор. Пушка без устали посылает снаряды в укрывшегося в овраге врага, но из-за повреждения башни мы не

можем целиться, как следует.

Я пытаюсь связаться хоть с кем-то из колонны. Все молчат. Еще один снаряд пробивает броню, другой разрывается поблизости, и я остаюсь без пушки.

Поворачиваюсь к Танюшке, она забилась в угол, изо всех сил вдавливая в лицо маску. Тащу ее к выходу почти на ощупь. Девочка обмякла, как тряпичная кукла, видно успела наглотаться дыма прежде, чем сообразила натянуть маску.

В черных едких клубках ничего не видно. Дергаю изо всех сил герметично запаянный люк — не поддается, башню перекосило и крышку люка заклинило. В отчаянии долблю по нему прикладом, из груди рвется крик, похожий на вой — я боюсь замкнутого пространства!

Если есть ад, то он, наверное, такой... Дым, огонь и стенки стальной коробки, которая должна была уберечь от смерти, а стала ловушкой.

В последний раз отчаянно тяну рычаг и отдергиваю руку — пальцы, локоть, а потом и спину стягивает до боли знакомая судорога.

...Никогда еще не видел, как плавится титановая броня: вокруг крышки люка воздух сгущается, матовая поверхность ползет волнами, потом болты просто вытекают из своих гнезд, я едва успеваю шарахнуться в сторону. А я-то думал, что хуже уже не будет! Но если за дело берутся нарьяги, преисподняя кажется курортом.

Композитные сплавы превращаются в странно перекрученную бугристую субстанцию, которая крошится кусками и опадает вниз.

Как просто! Сейчас нас закидают гранатами, и все кончится. Меня разбирает смех. Надо бы проститься с жизнью, поцеловать напоследок губы Танюшки, бессильно повисшей на моем плече, но я удобнее перехватываю винтовку и Татьяну. Держитесь, суки, я иду!

Темно-синие предутренние сумерки сделались красными от пылающих танков, черные стволы сосен расчерчивают футуристическую картину ровными полосами. Среди всей этой сцены — мечты художника-авангардиста Ландкрауза — только одна фигура — нарьяг. Поверх меховой куртки и кожаных, заправленных в сапоги штанов болтаются красные лохмотья, похожие на основательно разодранную тунику. Ветер треплет темно-алую тряпку, в отблесках огня знакомое лицо кажется донельзя вымученным, Шику пытается держаться, но мне кажется, он сейчас упадет.

Вытаскиваю Таню, окончательно сомлевшую, когда люк едва не обрушился на наши головы, укладываю на нетронутый снег под кривой сосенкой.

— Спасибо, Шику, погоди, я сейчас...

Снова запрыгиваю на горящую броню танка.

— Там не быть живые, — говорит он надтреснутым голосом.

Правду говорит? Я пытаюсь понять, кто мне нынешний Шику: друг или враг? Что сейчас творится в его промытых нарьягами мозгах?

— Я сейчас, — говорю с нажимом и прыгаю в люк. Однако мне так и не удается пробиться в машинное отделение, за перегородкой бушует пламя, ясно, что спасать уже некого. Едва покидаю раненого «мустанга», внутри взрывается остаток боезапаса, ударной волной меня швыряет в снег.

Сдергиваю кислородную маску и вдыхаю ледяной дымный воздух, кружится голова. Шику медленно движется ко мне, краем глаза я вижу его, чувствую исходящую от него угрозу, но не могу даже пошевелиться. Что-то внутри не дает мне сопротивляться, я не могу поднять винтовку и попытаться остановить нарьяга прежде, чем он своей странной силой остановит мое сердце.

Со стоном приподнимаюсь на руках. Шику идет, шатаясь, голова его не покрыта, отросшие было волосы снова стали выпадать, и теперь шевелюра мальчика покрыта жуткими проплешинами, как у онкологических больных. Скулы выпирают под тонкой бледной кожей, глаза глубоко запали. Он хрипло, со свистом дышит, но... он никогда еще не был таким сильным.

— Ты похож на загнанную лошадь, дружище, — говорю я и понимаю, что несмотря ни

на что, не боюсь его. Не потому, что мальчик не опасен или слаб, а потому, что мы связаны на всю жизнь чужой смертью.

— Каррихра! — выкрикивает Шику хрипло. — Лжец! Нар-шина запретил ложь. Ты обмануть меня! И умереть за это!

Что тут скажешь, он прав! С трудом встаю на ноги, все тело ломит.

— Убьешь меня? Ну, давай!

Ужас дрожит в зрачках парнишки вместе с отблесками пламени. Он вздергивает подбородок, будто пытается отвернуться, но глаз отвести не может.

— Ты не Нар-одар! Вы оба лжецы, ты и твой брат!

Криво улыбаюсь, глядя на его сомнения.

— Да, я солгал тебе, накажешь меня? Распорешь живот и съешь ррицу?

Шику стискивает худые кулачки, на него больно смотреть: он весь трясется. Что с ним сделали? Снова бесчеловечные эксперименты? Недаром у него теперь такая силища! Мальчика надо лечить.

— Нет, — с надрывом шепчет он, — просто убью. Ты не достоин жизни, посланник Звезды не лжет...

— Он просто молчит, — усмехаюсь я, вспоминая ваши с ним разговоры. Ты молчал, чтоб не солгать, по глазам Шику вижу, что и он это понял.

— Ты не Нар-одар! — кричит он, протягивая вперед дрожащие руки, будто пытаюсь защититься. — Он тоже! Он мертв, он солгал мне и умер!

Темная чаща разносит его крик. Я делаю шаг навстречу и накрываю его ладони своими.

«Ты можешь прийти, когда захочешь».

«Я хочу! Хочу!»

Мой старый дом. Почему же так темно? Все портьеры закрыты. Ах да, сейчас ведь ночь, но в гостиной горит торшер, и мягкий свет очерчивает круг возле кресла.

Кажется, ты даже не удивлен, когда видишь, что я не один, встаешь нам навстречу.

— А, Шику, здравствуй. Привет, Дан. Чай уже готов, пойдете за стол.

Шику удивленно озирается, цепляясь за мою руку. Мы усаживаемся на кухне, ты разливаешь чай по фарфоровым чашкам из старого сервиза. Ты всегда заваривал божественный чай, нигде и никогда я не пробовал ничего подобного. Только у тебя и еще у мамы.

На столе в корзинке зефир и печенье. Ты садишься напротив нас, будто определяя границу, кладешь подбородок на сцепленные пальцы и задумчиво наблюдаешь, как мы пьем чай: я с удовольствием, Шику — с опаской.

— Останешься со мной, Шику? — вдруг спрашиваешь ты. Мальчик переводит растерянный взгляд с меня на тебя и обратно, мучается выбором. Мы с тобой переглядываемся с улыбкой, нам не надо слов, чтобы понять друг друга.

— Почему ты не предлагаешь остаться мне? — спрашиваю.

— Потому что это твой дом, ты и так рано или поздно вернешься сюда.

— Лучше рано, — иронизирую я.

— Лучше поздно, — хмуришься ты.

— Шику, пей чай, он не отравлен. О, зефир! — я хватаю лакомство из корзинки, но ты не бьешь меня по руке, как в детстве. — Шику, попробуй, это тебе не цаква.

Мне, наконец, удается заставить его улыбнуться. Мальчик несмело протягивает руку и пробует незнакомую штуку, кивает, мол, вкусно.

— Ну, так что? Останешься? — спрашивает ты. Мордашка Шику светится от счастья. Мне становится немного грустно.

— Тогда мне пора, — говорю я, вставая, — дела, дела...

В первый момент мне кажется, что все случившееся приснилось: горящий «Мустанг», Шику, чаепитие... Я снова лежу в танке, ощущая спиной каждую кочку.

— Проснулся?

Знакомое лицо склоняется надо мной, круглое, с хитрыми зелеными глазами и угольно-черными бровями. Голос тоже кажется знакомым, но, хоть убей, не могу вспомнить, кому он принадлежит.

— Не узнал, — с притворной грустью констатирует незнакомец, на самом деле он вполне весел, — Райт, дубина, это же я, Жан Веньяр к твоим услугам.

— Богатым будешь, — шепчу, чувствуя, что голос куда-то подевался. Сколько же я провалялся на снегу?

Теперь я его узнал, твой приятель по академии, командир танковой роты, Веньяр. Другого такого шутника и не сыщешь во всех вооруженных силах империи. Рядом с Жаном сидит полусонная Танюшка.

— Жан, как я здесь оказался? — спрашиваю, хватая его за руку.

— Вы попали в засаду. Ты как-то выбрался из танка, девочку вытащил. Ай, какая красивая девочка, сам бы такую вытащил!

— Жан!

— Тут мы подоспели, пугнули их, нары и убрались, они сейчас умные стали, на рожон не лезут, но ты с одним сцепился, не помнишь? — Веньяр задумчиво наморщил нос.

— Помню, — чуть не в крик говорю я, — что было дальше? Куда он делся?

— Он тебя заморозил, — уже серьезно продолжает Жан, — вы оба упали. Мы поостереглись стрелять, и девочка очнулась, закричала нам. Ну, так он потом поднялся, а ты остался лежать.

— Он сказал что-то?

Веньяр странно смотрит на меня, будто врач, прикидывающий, сколько взять с больного за лечение.

— Нет, ничего не сказал. Он... заплакал.

— А потом?

— Потом ушел. Он еле живой был, доходяга, даже патроны тратить не стали.

Жан усмехается и протягивает фляжку. Я делаю глоток и не чувствую вкуса, только аромат крепкого коньяка. Пью, то ли за здоровье, то ли за упокой моего маленького спасителя.

Конец первой части.

=== Часть вторая ===

«Нарголла»

Не хотите по-плохому, по-хорошему будет еще хуже.

Глава 31

Яркий свет слепит глаза. Я шурю, едва сдерживаясь, чтоб не закрыться ладонью. Голос доносится из темноты и кажется бесплотным, хотя с его обладателем мы уже успели познакомиться. Капитан Рэндел взял меня в оборот почти сразу после прибытия в расположение вооруженных частей империи — особый отдел времени зря не теряет.

— Начнем с самого начала. Назови имя и звание.

— Дан Райт. Рядовой запаса с 18 ноября 973 года.

— Рядовой? Странно. Возраст?

— Двадцать семь.

— Когда и как попал в Нарланд?

— Двадцать второго августа 974 года, — я нарочно называю дату на два дня раньше предполагаемого подписания мирного договора, — через портал в междумирье.

— С какой целью?

— Хотел оказать посильную помощь мятежникам в борьбе с наргольской наемнической армией.

— Какая благородная цель!

Я поджимаю губы.

— Чего молчишь?

— Не могу знать, что говорить. Вы не задали никакого вопроса.

— Аэродром обнаружил ты?

— Да, господин капитан.

— На твоём шлеме были камера и микрофон. Свидетели утверждают, что на какой-то момент связь с тобой пропала. Что случилось?

— Меня захватили нарьяги.

— Как же ты сумел выбраться?

— Усыпил внимание и вырубил конвой.

— Конвой? Это были нарьяги?

— Мне кажется, люди.

— Что значит, тебе кажется?

— На них были шлемы с защитным забралом, я не видел лиц.

— Что было дальше?

— Я добрался до скутера и постарался увеличить расстояние до аэродрома.

— Ты везунчик!

Молчу. Лампа палит, как солнце в пустыне, по лицу стекают струйки пота. Я держусь из последних сил.

— Но, полагаю, все было иначе. Недаром Ромари Алвано увел с аэродрома эскадрилью за полчаса до ракетного удара. Как думаешь, почему?

— Не могу знать, господин капитан.

— Ты имел связи с нелюдями?

— Нет, господин капитан.

— Райт, ты осведомлен о том, что тебя ждет за дачу ложных показаний?

— Да, господин капитан.

— Свидетели утверждают, что ты имел связь с недружественными лицами нечеловеческой расы.

— Это был ребенок. Мальчик. Я спас его от локхи.

— Очень порядочно со стороны человека, брата которого растерзали нелюди.

Сжимаю и разжимаю кулаки под столом. Спокойно, Дан!

— По словам свидетелей, ребенок находился с тобой в лагере мятежников больше месяца. А потом ушел. Куда и почему?

— Я полагаю, к своим сородичам.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что он был в числе тех, кто устроил засаду на нашу колонну.

— Капитан Веньяр рассказал, что вы сражались. Это правда?

— Да.

— Тогда почему он тебя не убил?

— Не могу знать, господин капитан.

— Не прикидывайся, Райт. Вы не дрались, а разговаривали. Нарьяг не убивать тебя шел, а спасти. Почему?

Молчу.

— Отвечай!

— Мне нечего ответить, господин капитан.

— А я могу ответить за тебя, Райт, — ехидно говорит Рэндел, — ты нужен им зачем-то. Скажешь, зачем?

— Не могу знать.

— Для чего ты пробрался в Нарланд?

Разговор закольцевался.

— Оказать помощь мятежникам.

— А может, ты сговорился с нарьягами еще в междумирье? Знаешь, что грозит тебе за измену?

— У меня гражданство Штормзвейга. Между Нарголлой и междумирьем подписан договор о прекращении военных действий.

Договор не подписан и не будет. Наверняка, кто-то из мятежников проболтался о бойне в «Грандкарине». Тогда я точно смертник.

— Откуда тебе известно о мировом соглашении? Все держалось под секретом. Ты покинул междумирье за два дня до подписания договора, — голову морочит, проверяет.

— От моей девушки, Аделины Умано.

— Дочери Ринарио Умано?

— Да, господин капитан.

— Где ты сговорился с нарьягами?

— Я не сговаривался с нарьягами.

— С какой целью 15 ноября 973 года Корд Райт прибыл в Штормзвейг?

— Какое это имеет отношение к делу?

— Отвечай!

— Он прибыл... прибыл, чтобы убедить меня вернуться в расположение части, — впервые мой голос дрогнул.

— Как он оказался в Нарланде?

— Его захватили в плен нарьяги.

— Вот как? А у нас другие сведения. Тебе известно, что 5 июня того же года подполковник Райт был в Нарголле?

— Нет, не известно! Какое это имеет значение?

— Тогда ничего не смогли доказать, но есть данные, что Райт имел отношение к поставкам оружия наргольской армии.

Какая мразь! Этого я не могу стерпеть:

— Сукин сын! Не позволю чернить память моего брата!

Вскакиваю и, сбив локтем настольную лампу, перепрыгиваю через стол. Капитан Рэндел шарахается от меня, маленький и сухопарый, но он вовсе не испуган. Напротив, кажется очень довольным, что удалось пробить стену моего самообладания, хитро и насмешливо щурится, дергает верхней губой, обнажая ровные желтые зубы.

Сержант и стенографист оттаскивают меня от следователя. Выворачивают плечи так, что скрипят кости, а я чуть не вою от боли. На запястьях защелкиваются тугие наручники.

— Сядь. Отвечай на вопрос.

С трудом перевожу дыхание.

— Я не помню, какой вопрос вы задали, господин капитан.

Прихожу в себя, понимая, что моя дурацкая вспышка может очень навредить. С особистом лучше не ссориться.

— Светлова Татьяна рассказала, что ты был в близких, дружественных отношениях с нарьягом. Он обучал тебя языку. С какой целью?

Урод! Пока мы с Жаном устраивали раненных мятежников, успел допросить измученную, подавленную горем Таню.

— Я хотел лучше его понимать.

— Повторяю вопрос, с какой целью?

— Мне нечего ответить. Никакой определенной цели не было.

— Тебе лучше ничего не скрывать, Райт, — с угрозой произносит Рэндел, — Слишком уж многое говорит против тебя.

— Я не военнослужащий и нахожусь не под вашей юрисдикцией.

— К сожалению, порталы перекрыты, и мы не можем запросить данных о тебе, а идентификационный номер ты предусмотрительно потерял. Но это не поможет тебе нас обмануть.

— Я не обманываю, господин капитан.

Он улыбается бледной, ничего не значащей улыбкой.

— Нам еще предстоит разобраться в этом. Сержант, уведите его.

Глава 32

Оставшиеся в нарских землях военные части империи заняли городок под названием Крикха в ста милях от Нарголлы. За основательными, сложенными из неотесанного камня стенами скрывалась ошеломляющая нищета. Убогие голодранцы, странные, округлой формы

здания, барханы песка прямо на улицах. Худые облезлые псы. Звонящие бубенчики на единственном двухэтажном здании. Когда-то здесь было что-то вроде духовной семинарии на нарьягский лад, но сейчас его занял начальник гарнизона и военная комендатура. Меня поместили в подвал пристроя, где кельи похожи на камеры в военной тюрьме.

Узкая щель под потолком заменяла окно, необструганное бревно — койку. Два раза в день приносили жидкую баланду, куда сердобольный сержант старался подложить куски мяса. Наручники, правда, сняли. Я провел в каземате двое суток, изнывая от безделья и глухой подсердечной тоски.

На третий день меня снова повели на допрос. Ни в чем не виноватый сержант защелкнул за спиной наручники и втолкнул в уже знакомое помещение с большим столом и слепящей глаза лампой.

Я сощурился, не имея возможности закрыться от яркого света. За столом двое, лиц не видно, но знакомый голос расставляет все по своим местам.

— Господин Райт, как вы себя чувствуете?

Капитан выходит из тени, теперь я отлично вижу его узкое, как у хорька, лицо, поры на носу, уже наметившуюся лысину.

Я едва удерживаюсь от колкости. С чего бы это такая вежливость? Решил сыграть добренького следователя?

— Отлично, господин капитан.

— Выспались, отдохнули?

Теперь я уже ничего не понимаю. Что это с ним?

— Да, господин капитан.

— Ну что ж, вы можете быть свободны.

Сказать, что я удивлен, означает не сказать ничего. Ошеломленный неожиданным поворотом дела, пытаюсь собраться с мыслями. Особист по-своему понимает мое молчание.

— Вы, видимо, ждете извинений? Я готов принести их. К сожалению, от оплошности никто не застрахован. Имела место служебная ошибка, но все выяснилось. Вы можете быть свободны, господин Райт.

Сержант снимает с меня наручники. Я повожу плечами, вывернутые суставы слегка отзываются на движение.

— Могу узнать, кому я обязан свободой? — спрашиваю я.

— Получены новые сведения, — на удивление охотно отзывается Рэндел, — ваш друг Константин Краснов пришел в себя и дал показания. Мы вычислили шпиона Ромари Алвано.

— Кто это был?

— Теперь уже неважно, но если вам так хочется... — пожимает плечами капитан, — вы знали этого человека под именем Вера Строгова. На самом деле ее имя Эльви Крайер, член террористической организации «Лефтхэнд».

Мне кажется, что сердце в груди останавливается, в висках молоточками хрустальный звон. Как все просто оказалось. О моем визите на аэродром знали трое, в их числе и Вера.

— Она мертва?

— По всей видимости. Командор Алвано умеет замечать следы. В каземат, где находилась Крайер, попал осколочный фугас. Никто не выжил.

— Понятно.

Сказать больше нечего.

— Вы можете свободно перемещаться про Крикхе, господин Райт, — предупреждает

Рэндел, — но не покидайте гарнизон до окончания разбирательства. Возможно, от вас потребуется уточнить некоторые детали.

— Хорошо. Я хотел бы... увидеть Костю и Таню Светлову.

— А вот с этим придется повременить, — раздается голос за кругом света, — капитан, мне надо поговорить с господином Райтом наедине.

Капитан и сержант выходят, прикрыв дверь. Щелкает выключатель лампы, и мне кажется, что я оказался в темноте. Перед глазами плавают черно-багровые пятна.

Мой пока невидимый собеседник молчит, его шумное, с признаками одышки, дыхание хорошо мне слышно. Наконец, глаза привыкают к полутьме, и я могу его разглядеть. Это начальник гарнизона Крикхи полковник Стивенс. Он сильно изменился с тех пор, как я видел его в последний раз: в нашем доме, мне было лет пять. Но не настолько, чтобы не узнать крупное лицо с неправильным, бульдожьим прикусом и широко расставленными глазами.

— Будто время повернулось вспять, — молвит начальник гарнизона глухо, тербит портсигар и подвигает пепельницу, — одно лицо с братом, тебе говорили, Дан?

Закуривает сам и протягивает мне. Дорогие сигареты «Лэнд оф дарк», крепкие, с терпким вкусом.

— Говорили, господин Стивенс, — киваю, с удовольствием затягиваясь. После отвратительной «звезды» просто блаженство.

— Откуда ты взялся под Нарголлой? Можешь мне честно, я никому не скажу.

— Помогал мятежникам.

Он стряхивает пепел в глиняную пепельницу, задумчиво трет пальцами кончик носа.

— Не хочешь — не говори. Ко мне девочка пришла, Татьяна, пробилась, ее не пускали. Она мне и рассказала о тебе.

— Спасибо, что помогли, — с чувством говорю я. Танюшку, спасительницу, расцелую, как увижу!

Стивенс рассеяно кивает.

— Мне все равно, что ты там натворил в междумирье прежде, чем удрал, — произносит он с такой уверенностью в своих словах, что мне делается холодно, — ты не мой солдат и можешь быть свободен. Но я надеюсь на некоторую откровенность с твоей стороны.

— Почему вы так уверены, что я сбежал? — напряженно интересуюсь я, запястья еще остро ощущают тугой холод наручников.

— Потому что надо быть полным идиотом, чтобы отказаться от роли зятя лидера Умано ради каких-то повстанцев. После смерти брата прошло больше года, значит нечто иное подвигло тебя покинуть райское место и искать себе приключения на за... мягкое место. Элементарная логика, мой мальчик.

— А если все не так?

— Станешь рассказывать, что поспорил с невестой и в пику ей отправился в Нарголлу? И снова я тебе не поверю. Очень уж удачно совпало подписание мирного договора с твоим бегством.

Он знает. Мне крышка!

— Чего вы хотите от меня?

— Давай просто вместе подумаем. Может быть, вдвоем мы сумеем найти разгадку, — начальник гарнизона перевел дух, — год назад я и наши общие с твоим братом друзья пытались получить его личное дело и документы, касающиеся гибели Корда в Нарланде.

Однако дело об убийстве подполковника Райта оказалось строго засекречено, а после и вовсе исчезло из архива штаба. Исходя из этого, мы сделали два вывода...

— Кто это мы? — подозрительно спрашиваю я.

— Прежде всего, непосредственный начальник твоего брата Мануэль Форка и другие высокие военные чины, — отвечает Стивенс, еще сильнее выдвигая нижнюю челюсть. — Нам дали понять, что дело под контролем самого Рагварна, и те, кто попытается узнать правду, будут незаметно и быстро сняты с занимаемых должностей.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мне нечего сказать. Я тоже не смог дознаться до правды, хотя задействовал даже отца Лины. Твою гибель объявили делом рук бесчеловечной нелицы и воспользовались случаем, чтобы объявить войну Нарголле.

— Я знаю, что вы виделись незадолго до смерти Корда. Он что-нибудь говорил? — Стивенс глядит остро, с ожиданием, странно взволнованный нашим разговором, хоть и пытается скрыть свое беспокойство.

— Нет, — качаю головой. Почему-то мне кажется, если б ты рассказал мне что-то, я и в этом случае не признался бы начальнику гарнизона Крикхи. — Если б я знал, неужели оставил бы все, как есть?

Стивенс давит окурок, исходящий серебристым дымком.

— Прости меня, мальчик. Я знаю, как тебе тяжело. Вы ведь были очень дружны...

Да, очень дружны. В груди горит от злости. Отстаньте от меня, понимающие и сочувствующие! Я больше не хочу слушать утешения и обещания, что все как-нибудь отболит и забудется.

— Господин Стивенс, я могу быть свободен?

— Свободен-то, свободен, конечно. Но куда ты пойдешь?

— Домой, — с рычанием вырвалось у меня.

— Поверь мне, мальчик, я и сам бы убрался из Нарланда домой, — вздыхает начальник гарнизона. — Год уже не видел жену и детей. Но порталы перекрыты, и нам приходится торчать в этой проклятой пустыне.

Я не знаю, что ответить. Да, он прав, как ни противно находиться среди имперских войск и ежеминутно ждать нового обвинения, пока мне некуда идти. И еще надо приглядеть за Таней.

— Пойди к Девории. Он обеспечит тебя всем необходимым. Расположишься в офицерских квартирах пока, а там поглядим.

— Спасибо.

— Райт, — Стивенс окликает меня у порога, — у нас тут работает группа ученых. Честное слово, мы давно уже разнесли бы Нарголлу ядерными боеголовками, но эти всезнайки не дают. Вроде как, загадка природы. Надобно изучить. Похоже, на данный момент ты единственный хоть что-то знаешь о феномене нарьяг. Расскажешь им все, что тебе известно.

— Хорошо, — бессильно опустив плечи, соглашаюсь я. Мне хочется оказаться на улице и глотнуть свежего морозного воздуха.

Военный комендант Крикхи Девория выписал мне пропуск, позволяющий свободно перемещаться по городу, ключ от комнаты в офицерском общежитии и распорядился, чтобы мне выдали личные вещи. Получив все, кроме, разумеется, оружия, я был сопровожден до дверей.

Поземка тут же обвивает ноги. Морозный воздух щиплет разгоряченные щеки. Темно, над крыльцом раскачивается фонарь, круг света смещается под порывами ветра.

Одинокая фигурка, закутанная в огромную солдатскую куртку, кидается навстречу. Продрогшая на холоде Танюшка хватает меня за руки, всовывая ледяные пальцы в мои теплые ладони.

— Наконец-то! — с облегчением вздыхает она. — Как же долго они держали тебя, Дан!

Утыкается мне в грудь покрасневшим носом.

— Я была у генерала, как там его... Стивен?

— Стивенс. Знаю. Спасибо тебе, Таня.

Наклоняюсь и целую мягкие холодные щеки.

— Дан, я так перепугалась, — шепчет она мне на ухо, — ты исчез, а Жан сказал, что ты преступник и тебя теперь расстреляют. Он пошутил, он же такой шутник, но я... тогда его совсем не знала...

— Поближе узнаешь — подальше пошлешь, — ворчу я, — вот идиот! В зуб ему надо за такие шутки. Пойдем скорее, ты замерзла совсем.

Я и сам застыл на ветру, под куртку нещадно задувает, в пропотевшей футболке меня знобит. Мы бредем по узким, запутанным переулкам Крикхи. Танюшка молчит, серьезная, какая-то разом повзрослевшая от пережитых потерь.

— Тебя где устроили? — спрашиваю. Таня пожимает плечами:

— Мне дали комнату при госпитале. Я там помощницей у доктора.

— Получается у тебя?

— Не очень пока, — признается девочка, — но господин Тимонс не сердится. Это же лучше, чем в тыл... Меня хотели отправить, я не согласилась.

Опять двадцать пять! Похоже, головная боль Сергея теперь останется со мной навеки.

Комната моя — клетушка два на два — темная и донельзя казенная. Узкая койка с матрасом и одеялом, без подушки и белья (надо получить на складе), стол, табурет, на гвозде плечики для одежды. Но ничего, в солдатских казармах условия хуже, а мне после мрачной кельи так и вовсе рай. Щелкаю выключателем, тусклая лампа освещает мои новые пенаты.

Таня скидывает куртку, занимает единственный табурет, я стаскиваю ботинки и влезая на койку, поджав ноги. Мы не сразу находим тему для разговора, хотя по дороге болтали обо всем подряд. Танюшка рассказала новости: все раненные выздоравливают, Костю Краснова полковой хирург вытащил буквально с того света. Почти весь мой взвод уцелел, ребята беспокоятся, передают приветы. Жан Венъяр наведывался с утра, поделился офицерским пайком и принес теплую куртку.

— Надо было пойти ко мне, ты ведь, наверное, голоден, — сокрушенно говорит Таня.

— Вовсе нет.

В тепле меня разморило и идти уже никуда неохота. Разговор со Стивенсом оставил ощущение смутной тревоги, какой-то неправильности.

— Танечка, скажи, о чем тебя расспрашивал капитан Рэндел?

— Я ничего им не сказала, — с гордостью отвечает девочка.

— Конечно, а что именно ты им не сказала? — вкрадчиво спрашиваю я.

— Капитан такой добрый, — невпопад сообщает мне Таня, — он меня накормил. Думал, что я разболтаю все твои тайны...

— Танюша!

— Он про Шику спрашивал. Как вы познакомились, почему Шику слушался тебя. И почему потом ушел.

— И что же ты отвечала?

— Я не глупая, Дан. Сказала, что ты взял Шику в плен и пытался понять, как можно бороться с нарьягами. Правильно?

Киваю с одобрением. Действительно, умно придумала.

— Ты молодец!

— Правда? — уточняет ошарашенная Танюшка. — Он спросил еще, как же ты справился с посольством, если не смог одолеть одного шамана? А я сказала, что ты мог бы убить Шику голыми руками, но тебе нужно попасть в Нарголлу и...

— Танюша, а он уточнял, для чего мне нужно попасть в Нарголлу? — осторожно спрашиваю я.

— Ну как же? Чтобы найти убийцу брата... — девочка неуверенно замолкает.

Я откидываюсь назад, заводя руки за голову. Вот так вот! Никакого давления на свидетеля, никаких иголок под ногти. Вовремя заданный уточняющий вопрос, и все сомнения решены.

Можно сказать, моя вина полностью доказана. Почему тогда меня отпустили? Ох, как нехорошо на сердце! Надо убираться из Крикхи и чем быстрее, тем лучше.

— Дан! — Таня садится рядом и заглядывает в лицо. — Я что-то не так сделала? Я подвела тебя?

Весь ее вид выражает такую тревогу и отчаяние, что сердиться невозможно. Ведь девочка сумела пробиться к Стивенсу, наверняка выдержав не одну битву с адъютантами и охраной, чтобы заступиться за меня. А ее слова не навредили мне больше, чем моя собственная глупость.

— Нет, конечно. Ты все правильно сказала...

— Я так рада, — снова сияет Танюшка, — так рада!

Внутри что-то щемит, я вижу, как на ее подвижном личике радость сменяется грустью, она на миг забывает обо мне, задумчиво пощипывает нижнюю губу.

— Мы ведь одни остались. Папа и Вера погибли, Шику ушел... Дан, я не верю до сих пор, — голос срывается на шепот, — мне так пусто. Я не могу уснуть...

Я знаю, что никакие мои слова не помогут. Она держится на последних крупицах мужества. Я протягиваю руки и тяну к себе, легонькую, доверчивую, не сопротивляющуюся. Таня смешно и неумело касается моей небритой щеки губами и холодным носом, фыркает и вертит головой. Повернув ее к себе, уверенно нахожу губами мягкий детский рот, полуоткрытые губы испуганно смыкаются. Я чуть отстраняюсь, ровно настолько, чтобы дать ей отдышаться. Блестящие глаза с такой нежностью смотрят на меня, что жар страсти

накатывает волнами вперемешку с жаром стыда. Она же ребенок совсем! До чего ты дошел, Дан Райт?

Ладонь ложится на затылок девочки, я снова целую ее, на этот раз не давая возможности отступить. Танюшка обвивает руками мою шею, постепенно входя во вкус, подстегивая и без того нестерпимое желание. Мне приходится собрать всю волю, чтобы остановиться. Дыхание Тани обжигает мне щеку, губы покраснели и припухли. Она прикрывает глаза, ресницы дрожат. Это слегка отрезвляет меня.

— Тебе неприятно?

Таня качает головой, смеется.

— Только скажи, если неприятно, я не буду...

Она прижимает пальчик к моим губам.

— Как ты можешь? Ты же — мой любимый. Навеки. На всю жизнь! — шепчет Танюшка тоном, каким произносят страшные клятвы.

Докатились. И что с ней дальше делать? Жар схлынул, я чувствую, как камнем давит на грудь усталость. А девочка ждет ответа, подтверждения своим выдумкам.

К счастью, за дверью раздаются шаги, а затем стук и громогласный вопль возвещают о явлении командира танковой роты:

— Райт! Открывай, бездельник, я знаю, что ты там!

Мы с Таней вскакиваем, поправляя одежду, я отпираю дверь. Жан Веньяр окидывает нас заинтересованным взглядом:

— Времени зря не теряешь, Дан? — вопрошает он с такой ехидцей, что хочется прямо тут его удавить. Но поскольку желание из разряда неосуществимых, приходится впустить его в комнату.

— Вот, — он выкладывает на стол большую жестяную банку тушенки, булку и почему-то картофельные чипсы. — Чтоб не помер с голоду. Завтра с утра тебя приглашают яйцеголовые, пусть они и кормят тебя завтраком. Гы-гы-гы...

— Ничего себе перспективка, — усмехаюсь я.

— Знаешь пословицу? Завтрак съешь сам, на обед сходи к другу, а ужин отбери у врага.

Веньяр еще немного зубоскалит и уносится по своим делам. Я провожаю Таню до госпиталя, заодно мне надо выяснить, как завтра разыскать Костю.

Мы расставались у покатога крыльца госпиталя, под гудение ветра в переулках и бряцанье бубенчиков, отгоняющих злые духи.

— Спокойной ночи, Танюша.

— Спокойной ночи, Дан, — она поднимается на цыпочки и сама касается моих губ. А потом долго не уходит, глядя мне вслед, пока я не скрываюсь за поворотом.

Добравшись обратно, я засыпаю, едва приняв горизонтальное положение.

Глава 34

Танк «М-3» типа «Мустанг» не добрался до цитадели ровно десять миль. Сначала сбились системы топливного контроля, отказали бортовые навигаторы и система наведения. Потом траки гусениц будто срослись. «Мустанг» дернулся и замер, как стреноженный конь. Дорогая и бесполезная игрушка, легкая мишень для гарнизона Нарголлы.

В бой идет пехота. Маленькие фигурки на зеленом поле. Их продвижению ничто не

мешает: нет противопехотных мин и рвов, со стен цитадели не раздаётся ни выстрела. Только при приближении к сложенной из желтоватых камней стене доблестных солдат империи охватывает паника. Строй нарушается. Одни падают замертво, другие начинают беспорядочно палить во все стороны. Попытки командиров наладить взаимодействие для продолжения атаки или хотя бы отступления, оказываются безрезультатны.

Я отворачиваюсь от монитора, где компьютерная модель продолжает разворачивать картину проигранного боя — одного из первых под Нарголлой. Смешные коробочки танков и нелепые фигурки пехоты сложно ассоциировать с живыми людьми, моими соотечественниками, потерявшим в этих сражениях здоровье, рассудок, а некоторые и жизнь.

— Таким образом, мы видим, что оборона цитадели целиком строится на применении неизвестного нам вида излучений, вернее, целой группы излучений, так как воздействие строго избирательно и факторы, наносящие вред нашим войскам и технике, не одинаковы по своим характеристикам.

Радиохимик Лагар, длинный и худой, как щепка, щёлкает мышкой, на мониторе отражается какая-то малопонятная шкала, где виды ионизирующих излучений обозначены различными цветами и буквами.

— При этом мы до сих пор не знаем, где именно расположен генератор излучений; один он или их несколько — для каждого вида, что вероятнее всего. Была гипотеза, что излучение даёт стена цитадели, но она не подтвердилась.

Я внимательно слушаю, стараясь вычленив из обычной ахиней яйцеголовых крупицу истины, которая поможет мне пробраться в Нарголлу.

— Мы делали замеры радиации в пустыне, а так же обследовали наших солдат, подвергшихся облучению, и тела убитых нарьягов. Результат неутешителен: живые ткани под действием лучей подвергаются стремительному разрушению, особенно это касается лёгочной ткани, желудочно-кишечного тракта, клеток кожи и нейронов. Хотя действие на нервные клетки не столь губительно. Иннервация тканей, а так же биохимические и электрические процессы коры вскоре восстанавливаются. Тела нарьягов же содержат критическую дозу облучения, при которой наступает мгновенная смерть.

— Они умирают от облучения? — удивленно переспрашиваю я.

— Вы меня не поняли. Причиной смерти может быть что угодно, но не излучение. Однако обычный человек при таком поражении умер бы мгновенно. Нам кажется, здесь имеет место эволюционный процесс приспособления к среде обитания, заражённой ионными излучениями.

Я чувствую себя учеником в школе. В разговор вступает миловидная женщина-биолог, мисс Джонс, так её называл Лагар:

— Мистер Райт, как давно вы подвергались атаке нарьягов?

— Не припомню. Довольно давно.

Кажется, это было на руднике Кин-Крид, а потом меня случайно зацепило, когда оттаскивал Шику от Геры.

— А четыре дня назад, когда нарьяги напали на колонну? Вы попадали под излучение?

— Не думаю.

— Сознание теряли?

— Да, терял, но...

— Сделаем несколько несложных тестов. Это не займет много времени, — с улыбкой

просит мисс Джонс. Как будто у меня есть выбор, и я могу отказаться.

Она делает забор крови из вены, кардио- и нейрограмму. Прикрепляет к запястью компактный дозиметр. И несказанно радуется мне обещанием, что пункцию костного мозга и анализ семенной жидкости проведет завтра.

Тем временем Лагар снова и снова расспрашивает обо всем, что связано с Шику. Его интересует все: поведение, сон, дыхание, аппетит. Как будто это не мальчик, а редкое чудное животное.

— Мы думаем, что мозг нарьягов устроен несколько иным образом. Зоны, отвечающие за коллективные инстинкты у нелюди атрофированы или вовсе отсутствуют. Таковы генетические особенности, вызванные приспособлением к условиям среды.

Какой бред! Они ничего не знают. Вскрыли десяток черепных коробок, разобрали молекулы на кусочки РНК, но так и не поняли главного: нарьяги — тоже люди. Их делают такими ритуалы старейшин, чтобы, вырастая, они сами отбирали человеческих детей и делали из них машины уничтожения.

— Мы так и не поняли природу «живого изучения», того самого, что умеют продуцировать эти существа. Помогите нам, мистер Райт, я уверен, вы сумеете вспомнить что-то, что даст нам зацепку.

— Ничего, — я качаю головой, — он обычный ребенок. Он был истощенный, очень худой, этакий заморыш. Но потом все пошло на лад. У него хороший аппетит. И сон крепкий, как у всех детей. Его даже кошмары не мучили...

— После какого момента мальчик стал гм... поправляться? — уточняет мисс Джонс, отцепляя дозиметр и тщательно записывая данные в мою девственно чистую карту.

— Да почти сразу. Я заставил его стащить все побрякушки и дурацкие лохмотья. Он стал нормальным ребенком... — я осекаюсь. Только сейчас до меня начинает доходить, что я выпалил, не подумав.

Бусики и бубенчики, в огне из них вытаивали какие-то блестящие капельки, что-то вроде шариков ртути. Вот оно!

Я не остался на завтрак, хотя мисс Джонс настойчиво приглашала. Лишь пообещал зайти завтра. Вместо этого направился в госпиталь — навестить Костю и Танюшку.

Таня кивнула мне на бегу, ласково улыбнулась и исчезла — у нее сейчас самый разгар работы. Зато к Косте Краснову меня пропустили без проволочек, едва я показал специальный пропуск, подписанный Деворией.

Бывший мятежник растягивает бледные губы, увидев меня. Из носа у него торчит катетер, приклеенный к щеке полосой пластыря, руки, лежащие поверх простыни, почти такие же худые и бескровные, как у Шику в нашу первую встречу.

— Привет.

— Тебя выпустили? — шепчет он. — Хорошо.

— Это ты им сказал про Веру?

Он кивает.

— Откуда ты узнал, что она...?

— Ничего я не знаю, — отвечает Костя. — Только имя ее. Псевдоним ей мы с Серегой придумали.

— Но ведь это не она сдала нас! Зачем?

— Чтоб тебя выгородить. Эльви умерла, ты выжил. Если б было наоборот, шпионом стал бы ты.

Слова пропадают, в горле стоит ком. Смешные они, эти мятежники. И их странный, ни на что не похожий, кодекс чести, по которому можно очернить мертвого, чтобы спасти живых. Но меня действительно выпустили. Благодаря или вопреки их абсурдным заявлениям. Вот только опасность не миновала, и я отчетливо понимаю: если за меня возьмутся всерьез, то и моим заступникам несдобровать.

— Дан, — Костя тянет мне руку, — у Матвеича припрятан верин ноут. Он не отдал его имперцам. Никто из нас не разбирается, но тебе он может пригодиться... Возьми.

— Спасибо тебе. Ты это... поправляйся скорей. Я завтра зайду.

Стараясь не выдать волнения, непринужденно прогуливаюсь по унылым улицам Крикхи, навещая уцелевших товарищей. У себя в комнате закрываюсь на защелку и, завернувшись с головой в одеяло, открываю ноут. Здесь должны быть данные, от которых зависит моя жизнь.

Однако меня постигло разочарование. Ноут девственно чист, будто только что куплен в магазине электроники. Вера, разумеется, не оставила врагу ни одного шанса, тщательно удалив все содержимое мощного винчестера. Я долго щелкал по клавиатуре, пытаюсь найти хоть что-то, но вскоре убедился в полном провале своих надежд. Экран мерцает нежно-голубым цветом, в правом верхнем уголке переливается эллипс — значок знаменитой оримской компании по производству компьютерных программ. Странно, на военный холдинг всегда работала не «Альма», а «Ред техникс».

Пока я раздумывал, что делать дальше, экран погас. А когда вспыхнул снова, вышла табличка с требованием пароля. Гм... что это такое? Случайность, или Вера оставила послание для меня? Ведь никто из мятежников не умел пользоваться компьютером. Тогда кодом должно стать нечто, о чем знали только мы двое. Я старательно восстанавливаю в памяти наши ночные разговоры. Ходхольм, Ромари Алвано, оримский футбол, Танькины чувства... Перебираю все возможные варианты кодов. Ничего не подходит. Бьюсь несколько часов, но дело не двигается с мертвой точки. Выходит, я ошибся, послание не для меня, а может, и нет его вовсе. Последний код отбивают пальцы по измученной клавиатуре.

Мой ответ на ее вопрос. Табличка исчезает. В центре экрана плавно кружится блестящий эллипс, а потом в документах появляется одна единственная папка. Открываю и вижу:

«Дан, я знаю, что ты не остановишься и все равно пойдешь в Нарголлу. Чтобы тебе хоть чем-то помочь, я оставляю план сооружений столицы и координаты военных баз нарьягов. Здесь не все, но большего не знает никто — сила нелюдей глушит даже камеры спутника. Тем не менее, надеюсь, что тебе поможет эта информация, и ты сумеешь пойти дальше, чем твой брат. Твой друг (это не шутка) Вера Строгова.»

Офицерский клуб вечером забит под завязку. Но мы с Жаном Веньяром ухитрились занять столик в самом углу, и нас почти никто не тревожит. На сцене под прошлогодний хит популярной певицы Анны Блу вертится девушка, едва вышедшая из подросткового возраста. Обнажаться на сцене ей запрещено, но одежды на гибком теле столь мало, что простора для фантазии не остается вовсе. Все самое интересное и так видно.

Жан, который сел неудобно, постоянно оборачивается, будто боится пропустить что-то важное. На столе перед нами початая бутылка виски и блюдо с мясным ассорти.

Веньяр снова выворачивает голову с риском вывиха шейных позвонков. Причмокивает губами — девица на сцене чуть приподнимает блестящую короткую юбочку. Или это широкий пояс? Представляю, как перекосилась бы бульдожья физиономия Стивенса при виде столь откровенных прелестей «феечки». Начальник гарнизона — примерный семьянин.

Наконец музыка заканчивается, девица убегает со сцены, и Веньяр принимает нормальное положение. Булькает в стакан виски и жизнерадостно заявляет:

— Красотка, а уж как в постели хороша... Да, мой друг, осада — скучная вещь. Даже радости жизни — и те казенные.

Я не слушаю его, отдавая должное нежной ветчине. Радостей осады я хлебнул при

Аргонне, где наш полк торчал больше года. Помню жгучую агроннскую пустыню, ветер с песком, а тамошние «феечки» были до глаз закутаны в шелковые платки и не обнажались даже на сцене офицерского клуба.

— Понравилась тебе мисс Джонс, а, Райт?

— Как бы тебе поделикатнее... Не очень приятно, когда все биологические жидкости твоего организма подвергаются тщательному исследованию, — морщусь я. — Даже если забор делает симпатичная девушка.

— Майра такая, если ушел от нее на своих ногах, значит, она не закончила исследования. Сочувствую тебе, Дан...

— Иди ты...

— Ладно, не дуйся, — Веньяр развязно потрепал меня по плечу, перетянувшись через стол и едва не опрокинув стаканы. Он то и дело оглядывается на опустевшую сцену.

Надо поговорить с ним, пока он совсем не напился, и пока не сцену не выскочила очередная «феечка» с вокальными данными.

— Не пойму я что-то, Жан, чего вы торчите под Нарголлою? Неужели со всеми вашими ракетами и пушками вы не можете одолеть горстку наемников и кучку людоедов?

— Скажите, какие мы умные! — хмурится Веньяр. — А сам-то ты пробовал подойти к цитадели? Вот я пробовал, чуть дуба не дал!

— Так ведь излучатели не могут работать постоянно, — закидываю я удочку.

— С чего это ты взял? — подозрительно вопрошает танкист, на всякий случай понижая голос.

— Мог бы и сам догадаться, — пожимаю плечами. Жан вертится, будто под ним подложили гвоздь.

— Мой кругозор широк лишь в некоторых узких областях, — ворчит он.

— Подумай, — предлагаю я, — в Нарголле армия наемников, людей, судя по всему. И техника у них есть, и даже вертолеты боевые. Не могут они поддерживать излучение постоянно.

— Это еще вилами по воде писано, а жить всем охота.

— Но ведь вскрыть Нарголлу не трудно, — говорю я, — достаточно группы из нескольких человек и пары килограммов пластита. Взрываешь водохранилище, цитадель без воды не выстоит и недели.

— Какой ты умный, — качает головой Веньяр, — как тебе черепушка не жмет? Думаешь, не пытались? Никто не вернулся... Больше дураков нет.

— Я бы попробовал, — будто невзначай кидаю я.

Веньяр тарачит на меня слегка косящие глаза. Все-таки он пьян.

— Интересно девки пляшут по четыре штуки в ряд! — выдает он потрясающую тираду. — Дан, ты точно контуженный!

— Брось, я знаю, что говорю.

Танкист снова оборачивается, но не в ожидании «феечки». Не смотрит ли кто в нашу сторону? Но все заняты своими делами. Большинство офицеров столпились вокруг бильярдного стола, там проходит полковой турнир по бильярду. Седоватый капитан и смутно знакомый мне черноволосый майор мирно беседуют через столик от нас.

— Вот знаю, что у вас, Райтов, шило в одном месте. Но мое дело сторона, я ввязываться в твои игры не намерен, — вполголоса, волнуясь, говорит Веньяр.

— Я не зову тебя с собой. Но твои дозоры каждый день совершают патрули до Нар-Крид

и обратно. Просто подбрось меня к подножию горы, дальше я сам.

Рука Жана тянется к бутылке. Капитан танковой роты так усиленно думает, что на лбу выступили капельки пота. Он наливает себе в стакан, выпивает и оттирает лоб:

— Ты чокнутый! — объявляет он, наконец.

— Нет.

— Да?

— Так ты поможешь мне?

— Нет.

Я невозмутимо подцепляю кончиком вилки ломтик ветчины.

— Чего ты хочешь от меня, искунитель?

— Я хочу, чтобы твое категорическое «нет» превратилось в «может быть».

Тут на сцену выскакивает новая полуголая певичка, и Жан, как на магните, поворачивает голову назад. Я спокойно потягиваю сок. Знаю, что он согласится. Веньяр вечно выпендривается и набивает себе цену, но парень он хороший.

Когда танец заканчивается, умиротворенный танкист с кошачьей улыбкой смотрит на меня.

— Знаешь что, Райт. Раз уж ты такой идиот и притом редкий везунчик, так и быть, подвезу тебя до Нар-Крид. Ребятам надоела пустыня, да и я... домой хочу.

Домой. Это слово сладкой музыкой отзывается в глубине сердца. Я тоже хочу домой.

— Поговорю с Булем, — обещает Жан, поймав мой удивленный взгляд, поясняет, — это мы Стивенсона так зовем. Он не обижается... вроде.

Ага, значит, я угадал с прозвищем. Допиваю свой сок. Мы с Веньяром договариваемся с встрече завтра, и я отправляюсь к Тане. Надо предупредить ее. Конечно, девочка расстроится и даже заплачет. Но оставаться в Крикхе мне нельзя.

Глава 36

Таня не заплакала. Нет: она зажмурилась и громко-громко затопала ногами. Я не знал, что делать и просто присел на стул, пережидая истерику.

— Что же это за беда?! Почему опять ты? — отчаяние и злость Тани прорываются криком. — Почему никто другой не может пойти вместо тебя? Ты что — один в армии Империи?!

Она трет кулачком глаза, кудряшки топорщатся в разные стороны. Топать перестала, зато до крови кусает губы.

— Танюшка, успокойся, — я протягиваю ей руки, она секунду сердито смотрит на меня, потом кидается в объятия, чуть не опрокидывая стул, — ну чего ты расстроилась? Я же скоро вернусь. Ты знаешь, я всегда возвращаюсь.

Она всхлипывает, глядит исподлобья:

— Лучше б ты совсем не уходил...

— Ну, моя дорогая, так не бывает, — говорю с улыбкой, — Я же солдат.

— Угораздило же меня влюбиться в солдата, — нервно смеется Таня.

— В этом-то я уж точно не виноват.

Девочка оббивает руками мне шею, снова заходится рыданиями.

— Дан, Дан, Дан! — как заведенная повторяет Танюшка. — Ой, не могу! Как же так...

У меня сердце разорвется сейчас! Как же ты без меня?

Великая сила женской логики! Видите ли, это я без нее пропаду, а не она без меня. Глажу ее по спине, подыскивая слова утешения. Но, оказывается, они вовсе не нужны. Таня, хоть и расстроена, все понимает сама.

— Ты герой! А любить и ждать героя — честь. Жаль, что я не могу пойти с тобой. Я еще не выбиваю девятку, да и бегать не очень. Но я научилась делать перевязку. Может, все-таки возьмешь меня, а? Вдруг пригожусь?

Прижимаю ее к себе легонько.

— Нет, Таня.

— Понимаю. Я буду только мешать, как тогда... ты же из-за меня чуть не погиб!

— Не вспоминай! — прижимаю ей палец к губам. — Было и прошло. Жди меня, и в случае чего обращайся к Веньяру, он поможет.

Разговор происходит перед отправлением, и в дверь деликатно стучат.

— Мне пора, Танюша.

Касаюсь губами ее виска и тут же отстраняю с колен.

— Просто жди.

Не оглядываясь, выхожу в темное ледяное утро. Оставлять Таню здесь не хочется, но ничего другого не остается. Меня уже ждет патрульная БМД.

Звякают бубенчики, поземка стелется по крыльцу госпиталя. Веньяр вылезает из люка и машет рукой. Распахивается дверь, и простоволосая Танюшка в тулупчике поверх ночной рубашки выскакивает на крыльцо.

— Я буду ждать, Дан! — кричит она. На сердце теплеет. Кто не уходил в бой, тот не поймет, как важно, чтобы тебя кто-то ждал.

Прыгаю в открытый люк. Мотор уже рычит, и едва я оказываюсь внутри пахнущего смазкой и порохом десантного отсека, машина срывается с места. Со мной идут двое — Йохан Хольд и Макс Веселков. Сажусь на лавку рядом с Веньяром, напротив моих ребят, укладывая винтовку на колени — ехать долго.

Жан рассказал мне, как был удивлен разговором с Булем. Стивенс принял мою идею с такой нескрываемой радостью, что Веньяру от зависти захотелось удавиться. Снаряжение нам выдали по высшему разряду: новейшая разработка яйцеголовых — костюм с облегченной противорадиационной броней, шлемы с защитным экраном, не затрудняющим связь между членами группы, навигаторы, дозиметры, светошумовые и газовые гранаты, и прочие радости солдата. В качестве бонуса — форма армии Нарголлы, синяя с желтыми нашивками.

Я тщательно настраиваю связь со шлемами Йохана и Макса, еще раз проверяю загруженную в навигатор карту. Жан заглядывает мне через плечо, примолкший, без навязших на зубах прибауток. Макс дремлет, Йохан мрачно рассматривает руки в боевых перчатках. После смерти Йорика мы стали особенно дружны, как бывают дружны товарищи по несчастью, поэтому на мое предложение Хольд ответил безоговорочным согласием.

— Райт, — локтем в бок пихает Веньяр, — у меня левая пятка зачесалась.

— Ну? — усмехаюсь я.

— Чего ну? Баранки гну! Примета плохая.

Навигатор тихонько пискнул, мы перешли в зону обстрела.

— Не нравится мне, что Стивенс так просто согласился, — ворчит Жан, почесывая подбородок под ремнем шлема, — смотри, сколько выдал. Да я бы у завскладом для своей

роты за год столько не выпросил. С чего тебе эта манна небесная?

— А может, он меня любит, — усмехаюсь я.

— Ага, как шашлык или ветчину, — не соглашается Веньяр, — слушай, может не надо вам идти? Сам помрешь, ребят погубишь...

Я поворачиваюсь и кладу ему ладонь на плечо. У Жана совершенно детские прозрачные глаза, абсолютно не сочетающиеся с острым языком и скабрёзными шутками. Просто удивительно, что Веньяр сумел дослужиться хотя бы до ротного.

— Пригляди за Таней, Жан. Я обещал ее отцу, но вышло все... неудачно. Будешь переправлять людей в тыл, хоть свяжи девчонку, но увези.

— Э, нет, приятель! — возмущается Веньяр. — Я тебе не нянька! Буду еще твою девчонку улаживать... Ну, чего смотришь? Ладно, ладно, отошлю ее в тыл. Так и быть. Но на большее не рассчитывай.

— Спасибо и на том.

Хлопаю по плечу, вернее по бронированному щитку.

Разговор сходит на нет. Жан, удрученный моим упрямством, молча стучит подошвой ботинка по ребристому полу — видно, пятка и правда чешется. Я убираю навигатор и прикрываю глаза. В последнее время выспаться никак не получается.

Едва начинаю уплывать в ласковый мир покоя, машину резко дергает в сторону, слышу, как по броне бряцают, отскакивая, пули. Водитель ловко уходит от пулеметчика, что лениво строчит из-за скалы. Значит, мы почти на месте.

Макс открывает глаза, сладко потягивается. Трет глаза.

— Приехали?

БМД огибает скалу и мчит по бездорожью вдоль гор, переваливаясь гусеницами по валунам. Мотор взбрыкивает, как голодный зверь, гудение под полом прекращается. Кондиционер беззвучно гоняет по отсеку прохладный воздух.

— На выход! — командую я своему маленькому отряду. Макс и Йохан вылезают наружу. Я закидываю на спину ранец, следом за ними выбираюсь из машины. Жан высовывается из люка по пояс.

— Ждем вас здесь через четыре дня, — занудно напоминает он, — если какое ЧП, сигналки у вас есть. Если все нормально, но вернетесь раньше, ждите в условленном месте.

— Есть, командир, — подмигиваю я и отдаю честь сокурснику брата. Жан неожиданно показывает мне язык и ныряет в машину. БМД ревет двигателем, из-под траков летят раздробленные камушки.

Мы трое смотрим вслед машине. Яркое зимнее солнце слепит глаза, по камням рассыпана мелкая, похожая на манную, крупка снега. Над нами величественно вознесся Нар-Крид, божественная гора, к подножию которой примыкает Нарголла.

— Ни фиги себе! — бормочет Макс Веселков, с оторопью разглядывая три сверкающие вершины. — Вот она какая! Давно хотел тут побывать.

— А я не люблю горы, — морщится Йохан, прикрывая глаза ладонью, — мне нравится поле, речка, как у нас в Роденхейме.

Гляжу на часы: время не ждет. Уже полдень, а к вечеру нам надо быть на перевале.

— Ну, чего встали? Вперед!

Остаток дня мы потратили на восхождение. Показания дозиметра указывали на усиление радиационного фона, но уровень еще очень далек от опасного. Опаснее были сторожевые посты и грозящие обвалы. Мы двигались быстро, но с всевозможной осторожностью. Я планировал за неполные двое суток миновать ущелье и выйти к Нарголле с севера.

После скудного обеда — плитка концентрата и витаминный напиток — нас поджидает сюрприз. Сверху на тропе раздаются шаги. Мы — все трое вскидываем винтовки. Кто-то бежит, не таясь, неровным шагом, будто пьяный, камни шуршат под ногами. Рука ложится на пояс, где болтаются гранаты, и в тот же миг Макс кричит:

— Ребята, Дружок! Дружок, ребята!

Мы с Йоханом не спешим опускать дула, и не зря: из-за гряды вылетает здоровенная серовато-черная псина, спотыкаясь на скользкой тропе, со всей дури ломится на нас.

— Не стреляйте! — орет Макс и кидается наперерез.

Локхи врезается огромной, круглой, как пятилитровая кастрюля, головой в пузо Веселкова. Макс отступает, не удерживается на ногах и падает на Йохана. Я выдергиваю десантный нож и кидаюсь в кучу-малу. Но мутант, к моему удивлению, радостно лижет обоих мятежников, поскуливая от избытка чувств, как настоящий пес. Пока мои бойцы поднимаются и приводят себя в порядок, локхи вертится вокруг них, будто юла. Грязный, со свалявшейся в комья шерстью, Дружок совершенно отвратен. Видны гадкие змеиные чешуйки на коже, даже глаза, кажется, вместо век сейчас подернутся мутной пеленой.

Я знал, что, отступая, мятежники выпустили питомцев из загонов, и страшные мутанты попортили крови наемникам Алвано. Потом звери разбрелись по лесам, сейчас они представляют серьезную угрозу одиноким путникам.

Но именно этот пес ведет себя мирно. Макс же чуть не целует зубастую морду, тоже мне, любитель животных. Он бы еще с диким вопрем целовался.

— Твой локхи? — спрашивает Йохан с прохладцей.

— Не, не мой... — похихикивает Макс.

— Откуда ты знать, звать Дружок? — изумляется Хольд.

— Так они все Дружки! Дан, давай возьмем с собой, а? — Веселков заискивающе смотрит на меня. — Пропадет животина, а нам не помешает...

— А кормить чем будем, собой? — морщусь я. Единственный разумный выход — перерезать зверю глотку и забросать труп камнями. Но Макс ноет и убеждает меня, что локхи сам найдет себе жратку в горах, вон тут сколько народу, посты сторожевые.

— Ладно, хватит болтать! Вперед, и так много времени потеряли.

Ребята переглядываются. Наш увеличившийся отряд продолжает взбираться по тропе. Справа опасный обрыв, овраг хоть и неглубокий, но ногу сломать хватит. Слева скала — бурая и растрескавшаяся от корней вьюнов и сползающих по весне ледников — она нависает, закрывая половину ярко-синего неба.

Навигатор выдает карту и наше местонахождение. Мы прошли треть намеченного

расстояния, где-то около двадцати миль.

Неожиданно Дружок прыгает под ноги Макс, тот неловко взмахивает руками. Падает на спину, брэнча амуницией и громко ругаясь:

— Мать твою за хвост и об стену, тварь поганая! Чтоб у тебя, скотина лохматая, все зубы крокодилы повыпадали!

Я уже делаю шаг, чтобы идти вперед, но слышу странное шуршание, потрескивание, будто кто-то перетирает мельничные жернова.

— За мной! — ору я, кидаясь обратно, вниз по тропе. Йохан и успевший вскочить Макс ничего не понимают, но привыкли мне доверять.

Нас оглушает грохот за спиной. Лавина: камни и снег, набирая скорость, несется на нас. Я успеваю заметить, куда рванула черная псина. Прыгаю в обрыв, едва не выворачивая колени. Локхи исчезает за каким-то уступом. Я падаю за ней, плюхаясь на пузо. Сверху обрушиваются ребята, слава богу — оба!

Над нами гремит так, будто три вершины Нар-Крид пытаются соединиться в одну. Камни и глыбы льда то и дело долетают до нас. Здоровенный булыжник врезался в мохнатый бок Дружка. Простому псу перебило бы позвоночник, а локхи хоть бы чихнул.

— Дружок! Умница ты наш! — парни обнимают лохматого мутанта, даже сдержанный Йохан не скрывает чувств, чешет за ушами урчащего пса.

Потом все стихает. Мы выбираемся из укрытия, я с досадой оглядываю заваленную тропу. Вот черт, придется искать обходной путь. Это отнимает еще некоторое время. В целом мы отстаем от плана на два с половиной часа. Но я надеюсь завтра нагнать.

Последние, красные лучи заходящего солнца касаются забрала шлема, умная штука тут же снимает затемнение. Под ногами трещит щебенка, морозец крепчает. Воздух на высоте чистый, хрустящий, но в горле застрекает, как комок снега.

— Привал, — командую я.

— Дан, еще светло, — упрямо набычившись, возражает Йохан.

— Мы не успеем найти другое место для ночлега, а идти в темноте слишком опасно!

Йохан хмуро отступает, но поглядывает на узкий проход между скалами с такой ненавистью, будто все его враги скрываются именно там. Я помню это ощущение звенящей внутри бесплодной ярости, и понимаю, как важно именно сейчас удержать парня от ошибок.

Макс щелкает зажигалкой.

— Убери!

— Ты чего?

— Убери, говорю. Любой отблеск тут же засекут.

— Околеет, — стонет Веселков, — как же мы без огня-то?

Я не отвечаю, распаковывая одеяло и проднабор с концентратом и витаминным комплексом. Макс с горестным видом заворачивается в одеяло, героическая, но уродская псина тычет ему мордой в колени. С оскаленных клыков тянутся нитки слюны, застывают на морозе. Макс треплет скатавшийся загривок локхи:

— Дружок! Дружок, вот ты меня и согреешь!

Меня передергивает от омерзения. Я уже жалею, что взял Макса с собой. Темнота наползает медленно, но вот уже не видно лиц ребят, лишь слышно, как в горной тишине крепкие зубы солдат разгрызают плитки концентрата. Локхи дремлет, растянувшись у ног, не испытывая ни малейшего интереса к ужину людей.

Я развинчиваю фляжку, которую расщедрившийся Веньяр наполнил аргонским ромом,

делаю глоток и передаю Йохану, а тот Макс. Даже Дружок поднимает лохматую башку, принохивается с интересом. Заканчиваем ужин. Тепло от алкоголя плавно растекается от пищевода и желудка к рукам и ногам. Холод становится не таким невыносимым.

Тут Макс спихивает с ботинка голову локхи и встает.

— Ты куда?

— Я это... отлить.

— Поглядите, какие мы стеснительные, — я сердито гляжу в его спину. Взять Макса попросил Матвеич, уж больно непоседливый парень, язык длинный, а ссориться с имперцами мятежникам не с руки.

Веселков исчезает за скалой. Я поднимаю глаза вверх. Вот, кажется, в горах ближе к небу, а звезды кажутся еще мельче и дальше, чем с равнины. Я заворачиваюсь в одеяло, но лечь на холодный камень не решаюсь. Замерзшие руки грею под мышками. Сканер послушно выдает на мой запрос семнадцать градусов ниже нуля. Чую, ночь покажется бесконечной.

Черт, где же этот придурок? Пес, жмущийся к ногам Йохана, поднимает голову, прислушиваясь. Круглые медвежьи уши сдвинулись на макушке.

Чутье локхи уже однажды спасло нас. Я срываюсь с места, забыв о холоде. Движения неловкие, все тело занемело, я скольжу по обледеневшему камню. С глухим рычанием мимо проносится Дружок, едва не сбивая с ног.

Глава 38

Локхи, как торпедный крейсер, с урчанием исчезает в темноте.

— Йохан, за мной!

Скатившись по наледи, мы огибаем скалу. По-правде, я уверен, что мы попали в засаду, и Макса уже нет в живых. На ходу перехватываю винтовку поудобнее. Звезды и снег дают минимальную видимость, но сканер, подумав, с опозданием переключается в режим ночного видения.

Я ошибся. В человеке, рванувшемся нам навстречу, мы с облегчением узнаем нашего товарища. Макс смешно поскользывается на тропе, взмахнув руками, падает на колени. Я подхватываю его под локоть, чуя, как зверь, свежую кровь.

Йохан вырывается вперед, оглядывается, отыскивая невидимого врага.

— Дьявол! — рычу я, ощупываю Макса: руки, ноги, голову — все цело, но перчатки у меня промокли кровью.

— Вставай!

Веселков пытается подняться, но скользит, движения заторможенные, словно парень в стельку пьян.

— Йохан, гляди в оба.

Ташу Макса в лагерь, Хольд прикрывает, весь напряженный, как струна. Локхи так и не вернулся, а мне было бы спокойнее, если б монстр был с нами.

— Макс! Макс, смотри на меня! — тормошу его, включаю фонарик и зажимаю в зубах. — Што шлушилошь?

Макса трясет так, что кажется вместе с ним дрожит вся скала. Куртка на нем расстегнута, одежда порвана и вся грудь и шея сплошная рана, будто живьем содрали кожу.

— Да не понял я, — отвечает Макс, так страшно клацая зубами, что, кажется, вот-вот

откусит себе язык, — кто-то прыгнул на меня сверху... я думал, Дружок... а он, оно... не помню. А тут вы...

Беспокойно шарит руками по груди, животу, где кровь сочится ручейками.

— Что там?

Рву пакеты медпомощи с лихорадочной быстротой. Рану заливаю гемостатиком и бинтую так крепко, что Макс делает большие глаза и сигнализирует, что не может вздохнуть. Чуточку ослабляю и вкатываю ампулу анальгетика. У парня до смерти испуганные глаза.

— Все хорошо! Смотри на меня, Макс! Все будет нормально, понял?

Он трясет головой. Но ужас не уходит. Я замечаю, что лицо у меня перекошено в оскал. Спина мокрая от ледяного пота, по лбу скатываются на глаза холодные капли.

Жуткая догадка, что мучила меня с того момента, как я увидел Макса, превратилась прямо-таки в уверенность. Дан, говорю я себе, у тебя уникальная способность влипать в самое дерьмо.

Укутываю нашего товарища во все три одеяла. Йохан наконец опускает винтовку, устраивается рядом со мной. Из рта выдуваются белые облачка теплого пара, от всех треволнений холод отступил. Я осмеливаюсь закурить, чтоб успокоиться, унять дрожь в руках.

Шорох гравия по тропе, мы снова вскакиваем и тут же опускаемся на место. Локхи вернулся. Длинный, мокрый язык хлещет по морде, облизывает нос. От него несет кровью, и он весь ею вымазан. Я устало откидываюсь, спиной прижимаясь к холодной скале. Хоть одной проблемой стало меньше — Дружок сам обеспечил себя пропитанием. Вот только думать о том, ЧТО стало его обедом, мне не хочется.

— Дан, что это быть? — шепотом, оглядываясь на задремавшего Макса, спрашивает Йохан.

Мне совсем не хочется сейчас обсуждать свои догадки.

— Ложись спать, до утра осталось четыре часа.

— Нет, ты ложись... я не уснуть, — качает головой Хольд.

Но и я не усну сегодня. Уснешь тут, пожалуй, в этих синих равнодушных горах, где смерть, кажется, оживает старухой из дурных сказок.

Дым сигареты отгоняет холод и страх, озноб постепенно сходит на нет, и я примиряюсь с отсутствием одеяла. В конце концов, Максу оно нужнее.

— Ты неправилен... несправеден... не прав, Дан, — Йохан пытается подобрать слова на имперском, — ты знать что-то, но молчать. Ведь мы друзья?

— Друзья, конечно. Мороз крепчает...

Отвинчиваю пробку фляжки, делаю глоток и передаю.

— Будешь?

Хольд берет, не отводя глаз. На сканере подмигивает крошечный алый диодик.

— Ладно, — сдаюсь я, — расскажу о своих догадках. Но, надеюсь, они не имеют отношения к нам. Просто догадки и все. Была одна история, очень давняя. Я только закончил кадетский корпус, вернулся в Ориму...

Воспоминания нахлынули, и сердце снова заныло. Мне было пятнадцать. Это было в другой, сейчас кажется — не моей, жизни.

Орима. 5 июня 962 года.

Ворвался в дом, будто вихрь, будто снаряд семидесяти миллиметрового калибра, едва не выбив дверь. У меня не хватило терпения ждать внизу, так хотелось увидеть брата, поделиться с ним радостью, что пронесся по лестнице и только на втором этаже, в пустой столовой заорал:

— Корд!

Никто не ответил. Мой голос гулко разнесся по дому и затих в конце коридора.

— Корд, ты дома?

Брата не было дома. Он, конечно, вышел бы навстречу. Но почему? Глупая, детская обида горькой желчью хлынула в душу. Ведь он обещал! Мы целый год не виделись. Корд обещал взять отпуск и провести его дома, когда у меня закончится срок подготовки в офицерском корпусе. А брат никогда не обманывал. До сих пор.

Я вошел в спальню. В лучах солнца кружатся фанерные макеты самолетов, подвешенные к потолку. Когда-то Корд отдал мне все свои макеты, сам подвесил к потолку. Тогда он тоже закончил офицерский корпус и проводил каникулы дома. Что это было за лето!

Поджав коленки, я уселся на постель. В танце золотых пылинок гас вечер. На северном фронте, где сейчас брат, не прекращались бои. Должно быть, Рагварн просто не дал отпуск командиру десантного подразделения. Корд, Стальной Сокол имперского флота, на хорошем счету, скоро ему присвоят очередное звание. С гордостью за брата я уснул.

Проснулся в пустом доме. Солнце все так же пронизывало светом пыльные, прибранные комнаты. С портрета на тумбочке улыбался Корд.

В обед посыльный принес телеграмму. «Дан. Корд в госпитале. Мейсон.»

Сердце едва не разорвало грудь, в глазах потемнело, и я ухватился за край стола, чтобы не упасть. Вспомнилось — когда погибли родители, Корд держал в руках такую же телеграмму. А я, маленький, не мог разобрать, что означают сдвинутые брови брата.

В госпитале. Ранен? Наверное, серьезно, иначе сам связался бы со мной. А что, если я больше не увижу его? Увижу, увижу, не могу не увидеть. Напялив куртку, выскочил из дома. Таксисту пришлось приплатить, но зато он гнал, как сумасшедший, отрабатывая тройную плату.

— В чем дело, парень, на пожар спешишь? — усмехнулся он, но лишь увидел мое перекошенное злостью лицо, спрятал улыбку.

За окном мелькали улицы и проспекты, меня колотило, как в ознобе. Страх за Корда сменялся неистойвой надеждой, что все обойдется. Голова слегка кружилась, и перед глазами все расплывалось в длинные блестящие полосы. Только бы он был здесь, только бы он был здесь...

Его не было. Равнодушная тетка в регистратуре, щелкнув клавишами компьютера, сказала, что в списках наземного госпиталя не числится больного по имени Корд Райт. Наверное, он в одном из полевых госпиталей — летающих медицинских крейсеров, которые обслуживают районы боевых действий. Где можно об этом узнать? Во втором блоке, в справочном бюро.

Со всех ног бросился в справочное бюро. Девушка, улыбчивая, с выступающими передними зубками, долго искала брата в списках раненных и убитых. Мне казалось, что сердце сейчас пробьет ребра и выскочит прямо на стойку. Пришлось зажимать его руками, но от тревоги я не мог стоять и все приплясывал на месте. Наконец, девушка улыбнулась,

выставив зубки:

— Второй крейсер, отсек восемнадцать, хирургия.

— Что с ним?

— Такими данными мы не располагаем, — виновато пожала плечами она.

Только бы крейсер был на базе, только бы на базе...

Их не было на базе.

— Второй полевой вернется через два месяца, — сообщил мне хмурый смотритель посадочных площадок.

Через два месяца. Я сжал кулаки, меня захлестывали злость и отчаяние. Как мне хоть что-то узнать о брате? Что предпринять? Не могу же я вернуться домой и ждать, как ни в чем не бывало, два этих проклятых месяца.

— Эй, ты, идиот! — услышал я негромкое шипение. За большим ангаром двое рабочих загружали грузовой шатл.

— Сам идиот, — буркнул другой.

— Неси аккуратней, долбанешь о землю, раньше времени все тут разлетится.

— Да понял я.

Кто-то тронул меня за плечо. Я резко обернулся и чуть не свалился под ноги Джерри Мейсону.

— Дан, а я тебя ищу везде, весь порт обежал!

— Мейсон! — я едва не закричал от облегчения.

— Корд велел забрать тебя к себе. Тебе небось скучно будет одному, вот я и...

— Что с ним? — заорал я.

— Эй, парень, ты чего нервничаешь? Все с твоим братом хорошо. Корд связку порвал на правой руке, ты ж знаешь, не восстановится — комиссуют. Это важно, но не страшно, Дан.

От сердца отлегло. Я разозлился на Джерри:

— Трудно было в телеграмме написать?!

— Какой ты нервный, Дан, — захихикал Мейсон. Вот гад!

За ангаром снова раздались приглушенные голоса. Загудели турбины двигателей.

— Пойдем, перекусим в буфете, — позвал Джерри Мейсон, — потом поедem ко мне. У меня, кстати, кухня гостит, она миленькая...

Его покровительственный тон задел меня, будто Корд велел ему нянчиться со мной.

— Поеду к себе, — буркнул я, нахмурившись.

— Обиделся? — ухмыльнулся Мейсон. — Не дуйся, парень, на обиженных воду возят...

Я развернулся и пошел к мерцающим синеватым блеском воротам порта. Меня обуревали самые разные чувства: досада, грусть и облегчение — мешались в груди причудливым клубком ощущений. Два месяца одному в доме — ужасно! Все мои однокашники разъехались из Оримы, даже Нелли...

Скучно. Но жить в доме Мейсона — увольте. Я искренне не понимаю, как мой брат может дружить с этим тощим самодовольным хлыщом. И все же, какое счастье, что Корд жив и почти здоров. Вот только почему он лечится не здесь, а на военном крейсере? Восстановление после сшивания связки — процесс длительный, на реабилитацию понадобится несколько месяцев. Как брат оказался в полевом госпитале?

Я почти дошел до ворот и уже сунул руку в карман за жетоном пропуска. В открытые ворота въехали грузовые фуры. Знак 2 вырисовывался на их черных блестящих боках. Шальная мысль закралась в голову. А что, если...

Ведь два месяца — это так долго. А если сейчас пробраться на грузовой шатл, через каких-нибудь пару дней я увижу Корда. Брат, конечно, рассердится, но прогнать уже не сможет. Я припустил за фурой и увидел, как она подъезжает к тому самому шатлу. На боку корабля виднелась змейка, обвивающая чашу. Над чашей красовалась двойка.

Спрятавшись за ангаром, я понаблюдал за погрузкой каких-то коробок с цветными этикетками. Не мешкая больше, нырнул в темную пасть ангара и схватил одну из коробок. Она оказалась очень тяжелой, как если бы там лежал мокрый песок или глина. Взвалив на плечо, я понес коробку к шатлу.

— Эй, — окликнул сзади прокуренный голос, — ты кто такой? Откуда взялся?

— Из третьего блока, — с каменным лицом отозвался я, — сами же просили помощников, а теперь недовольны.

Мой экспромт сработал. Я даже не стал оглядываться, просто почувствовал, как исчез колющий спину взгляд. Дотащив коробку до грузового отсека, услышал уже знакомые голоса:

— А если засекут?

— Не успеют. Они уже там.

— Вдруг проверят коробки?

— Вскрыть не решатся. Это кровезаменитель, он упакован в особый герметик, чтобы не нарушались условия хранения.

Я очень тихо отступил в угол, уселся и поставил перед собой коробку. Ребристый металлический пол вибрировал от работающих двигателей. В грузовом отсеке было холодно, и я вдруг вспомнил, что условия здесь не адаптированы для людей. Захотелось выскочить наружу, если б не подслушанный разговор, я так бы и сделал. Но сейчас решил остаться. Переживу как-нибудь. Зато узнаю, что задумали эти типы и увижу брата.

Двое грузчиков вышли и вошли снова, с коробками на плечах.

— А где пацан? — услышал я хриплого.

— Какой пацан?

— Мальчишка тут был, с третьего, акобы отправлен Стариком.

— Нету тут никакого мальчишки.

Воцарилась напряженная тишина. Я сидел, не дыша, поджав колени к груди, чтобы занимать как можно меньше места. Если бы я мог стать маленькой мышкой!

— Ищите его! — заорал хриплый.

По грузовому отсеку затопали ноги. От их грохота и грохота колотящегося сердца я почти ничего не чувствовал. Руки и ноги занемели. Смогу ли я сопротивляться, или меня как котенка за шкурку притащат к начальнику порта. Нет, осенило меня, не притащат. Если действительно что-то скрывают, им легче пристрелить незнакомого парня и припрятать труп. Надо было отправиться к Джерри, запоздало подумал я.

Грузчики энергично и цветисто ругались, с трудом и великой осторожностью ворочая грузы. Кто-то остановился возле моей коробки. Сердце замерло. Я приготовился к яростному сопротивлению, но тут раздался сигнал к отправлению.

— Дьявол с ним, парни, — крикнул хриплый, — даже если прячется тут, идиот, на восьми тысячах его вырубят.

Под полом что-то взревело. Грузчики выскочили наружу, и поднявшийся трап отрезал меня от живого человеческого мира.

Облегченно выдохнув, я устроился поудобнее между твердых коробок. Гул нарастал, уши заложило — первый признак перемены давления. Меня вжало в пол, какая-то сила сдавила виски, стиснула глазные яблоки. Мне казалось, что череп сейчас треснет и разлетится, как гнилая тыква. Как перевернутый краб, я лежал распластанный на жестком холодном полу и мысленно стонал:

— Не могу больше, не могу больше, не могу...

Пожаловаться было некому. Я заперт один в грузовом отсеке, и никто не виноват в этом кроме меня самого. И никто не поможет. Остается только сжимать зубы, которые итак превращаются в крошево, и терпеть. А я больше не могу...

Мир кружился. Меня давила и корежила безликая великанская сила, внутренности были стиснуты и самое трудное в мире дело — заставляя грудную клетку раз за разом подниматься и накачивать воздух. Так продолжалось ужасно долго, я потерял счет времени. Отсек, освещенный тусклой красной лампочкой, превратился в мой персональный ад на одного. Неужели я так и не увижу Корда...

Перед самой посадкой мне стало еще хуже, хотя казалось такое уже невозможно. Весь мой завтрак — сегодняшний? Позавчерашний? — мигом покинул меня. Внутри, казалось, все склеилось, легкие превратились в липкое месиво и больше не хотели принимать воздух. Задыхаясь, ловя ртом так необходимый мне кислород, я распрощался с чудесным миром. Тут турбины заглохли. Тишина навалилась неожиданно, обессиленный борьбой за жизнь, я несколько минут лежал и просто вталкивал воздух в истерзанное тело. По жилам нехотя двигалась, но все больше разгонялась, кровь. Стук в висках становился тише.

Живой. Пальцы еле-еле согнулись, мускулы отказывались сокращаться. Превозмогая сильную слабость, я поднялся, опираясь о коробки. Ноги дрожали, я заставлял их передвигаться. Простучав загадочные коробки, нашел огромный почти пустой короб. Какое-то оборудование — полый ящик со стенками из поливолокна и сложной аппаратурой на передней дверце. Что-то вроде переносного томографа? Не раздумывая — слишком далеко уже зашел — влез в ящик. Скоро сюда придут люди и будет очень трудно объяснить им, как здесь оказался.

Едва я об этом подумал, загудел механизм, опускающий дверцу отсека. Послышались шаги.

— Вот все накладные. Можете разгрузать и сверяться.

— Хорошо.

Зашуршалидвигаемые коробки, в темноте, под их мерный шорох я задремал. Разбудила меня тишина. Непереносимая, давящая тишина, словно мир вокруг вымер, и я остался один. Перепугавшись, выскочил из коробки и зажмурился от яркого света.

Большое помещение с белыми полимерными стенами — скорее всего, склад — освещено десятками ламп. Коробки стоят рядами, этикетками наружу, чтобы быстро найти необходимое. Я медленно прошел по ряду, пытаюсь определить, куда поставили коробки с последнего грузового шатла. В них должны были быть пакеты с плазмой и форменными

элементами крови, и упаковка, судя по всему, особая. Вот только этот склад не обойдешь и за день. А мне нужно найти выход. Расскажу о подслушанном разговоре начальнику госпиталя, пусть он и решает, что делать. Может, еще поблагодарит и поможет отыскать Корда. Судя по размерам склада медикаментов, эта бандура просто огромна.

Побродив по складу, я обнаружил три двери на раздвижных механизмах, увы, наглухо закрытые. Слева от них находились кодовые замки с прорезью для пропуска. Ключ нашелся неожиданно, он просто лежал на полке возле двери, среди каких-то накладных и ордеров. Не веря в свою удачу, я провел им по прорези замка. Дверь дрогнула и с негромким шорохом отъехала в сторону. Я очутился в помещении подобном складу. Выхода не было и здесь. Зато вдоль стен располагались какие-то металлические ящики, а все остальное пространство занимали полки с бельем и всякой ветошью. Решив замаскироваться, я раздобыл себе отличный белый костюм, колпак и даже маску. Так мне легче будет сойти за своего в этом гигантском полевом госпитале. Сотруднику дадут любую информацию и не спросят, откуда он взялся.

Удовлетворившись внешним видом, я провел пропуском по прорези дверного замка. Дверь отползла в сторону, с поразительной легкостью освобождая меня из плена. Увиденное за нею заставило меня замереть от удивления и нерешительности.

Да, я знал, что госпиталь очень большой, но чтобы настолько! Я очутился в шестиугольной комнате размером с центральный стадион Оримы. Кругом суетился народ, сотни людей, словно перед матчем между «Ориматимс» и командой военной федерации. Люди не стояли на месте, они куда-то торопились, шумели, передавали какие-то сводки и глазели на большие табло под потоком. Расположенные по периметру стойки справочных служб безостановочно принимали и выдавали какую-то информацию. Внезапно впереди раскрылись двери. Дюжие санитары в черно-зеленой форме полевой авиации вкатили несколько носилок с ранеными, с грохотом повлекли к противоположной стене, где за прозрачными дверями, должно быть, находился операционный блок.

Я с удивлением обнаружил, что здесь нет никого одетого так, как я. Все люди в военной форме или в штатском, и с замирающим сердцем подумал, что сейчас меня поймают за локти и спросят, как здесь оказался. Стараясь шагать уверенно и непринужденно, я приблизился к стойке справочной и громко спросил:

— Девушка, где тут у вас восемнадцатый блок?

И тут увидел через стекло недоуменную физиономию пожилого усатого мужчины. Он нахмурился, а я почувствовал жжение в щеках. Мне хотелось провалиться сквозь землю.

— Новенький? — спросил он.

Я кивнул.

— На лифте, третий этаж и налево. Спросишь там.

— Спасибо, — с облегчением ответил я и, лишь оказавшись у лифта, вспомнил, что хотел узнать о местонахождении начальника госпиталя.

Ничего, подумал я оптимистично, найду Корда и расскажу ему. Мой брат точно знает, что делать в любой ситуации.

От радости, что скоро увижу Корда, я забыл обо всем. Стыдно сказать, но рядом с ним чувствовал себя глупым мальчишкой, доверяя брату все-все свои тайны и тревоги, перекладывая на его сильные плечи заботы и проблемы. Он не просто брат, Корд — мой самый дорогой, верный друг.

Я вышел из лифта и оказался в большом холле, к счастью, не таком многолюдном. У

дверей, дожидаясь кабины, стояла молоденькая медсестра. Очень хорошенькая, темноглазая, из-под шапочки выбиваются кудряшки. Я сделал шаг навстречу, улыбнулся, и меня вдруг повело в сторону. Лицо девушки размазалось перед глазами, превратилось в уродливую гримасу. Ухватился за стену, пытаюсь отдышаться. В голове понемногу прояснялось. Что это со мной? От голода закружилась голова? Интересно, здесь есть буфет?

Девушка вошла в лифт. Попробовал шагнуть, но колени подогнулись, и я рухнул на стерильно-белый госпитальный пол. Кто-то кинулся ко мне, ухватил за подмышки и потащил. Кружащееся надо мной лицо расплывалось в белесое пятно, в ушах шумело. Я видел шевелящиеся губы, но расслышать слова сквозь монотонный гул не мог. Да что же это? Откуда взялась эта непонятная слабость и дурнота? Мне в лицо ткнули какую-то штуку, я судорожно вздохнул и почувствовал немыслимое облегчение. Черты склонившегося надо мной человека приобрели четкость, и сквозь шум в ушах пробился встревоженный голос:

— Полегчало? Ну и напугал ты нас, парень!

Это была пожилая женщина, строгая, судя по морщинам вокруг плотно сжатых губ. Разглядев нормальное человеческое лицо, я облегченно прикрыл глаза. Неужели мне, как чахоточной барышне, стало дурно от голода? Хорошо, что Корд не видел этого, я не пережил бы позора.

— Ладно, отдыхай, — вздохнув, разрешила женщина-врач, — потом разберемся, кто такой и как сюда попал.

Я остался лежать с закрытыми глазами. Пусть думают, что сплю, пока не придумаю, что отвечать на вопросы.

С кислородной маской дышать на удивление хорошо, воздух в закрытом госпитале особый, разреженный, как в горах, и продезинфицированный чем-то вдобавок. Зато через маску подавался увлажненный кислород, сладкий, как воздух в поместье под Оримой.

Из-под ресниц я наблюдал за женщиной. На ней был черно-зеленый костюм медицинской службы империи, она сидела за столом перед мониторами и что-то негромко говорила в микрофон. Я решил, что она — диспетчер, но вдруг кто-то распахнул дверь и по-военному доложил:

— Полковник Кромвер, прибыли раненные с лучевым поражением. Двое в тяжелом состоянии.

— Вторая и четвертая операционные готовы, — спокойно ответила женщина, — места для всех пострадавших в лучевом отделении.

Дверь захлопнулась. Я остался в замешательстве. Значит, эта Кромвер — начальник восемнадцатого отсека, она наблюдает за эвакуацией раненных и руководит размещением по отделениям. И раз эта женщина обладает властью, можно рассказать ей о случае при погрузке и попросить провести к Корду. Я собрался с духом и уже поднял руку освободиться от маски, как Кромвер удивленно выругалась. Все мониторы перед ней разом погасли.

— Дежурный, дежурный, — громко сказала она в микрофон, — что за безобразие у вас там?

Никто ей не ответил. Я видел напряженную чуть подрагивающую спину полковника Кромвер, голос ее звенел в спертom воздухе:

— Станция! Вызывает отсек восемнадцать! Станция, отвечайте!

Я не знал, что мне делать. Похоже, я единственный на борту госпиталя уже догадался о причине молчания в эфире. Господи, мне надо скорее найти Корда!

Полковник Кромвер вдруг вскочила, лицо ее жутко перекосилось, как будто стекло на шею; щеки, углы глаз, рта — опустились вниз. В расширенных зрачках застыл животный страх. Одним прыжком женщина пересекла комнату и вцепилась в мою кислородную маску обеими руками. Я прижал что было силы пластиковую штуку к лицу, отползая от Кромвер. Она навалилась на меня, я брыкался в битве за маску. Еще не понимая в чем дело, только инстинктивно почуяв, что от нее зависит моя жизнь. Скрюченные пальцы женщины тянулись к моей шее, из кривого рта тянулась нитка слюны. Я отпихнул ее ногой, и полковник Кромвер кулем повалилась на пол.

Унимая колотящееся сердце, я сел на кушетке и прислушался. Царила полная тишина. Ненормальная, парализующая. Страшная. Корд... Я так и не узнал, где его искать.

И как мне теперь идти на поиски? Когда воздух, отвратительный воздух летающего госпиталя, пропитался какой-то смертельной дрянью. Иначе, зачем было отбирать у меня маску с кислородом. Но сидеть на месте нельзя, рано или поздно кислород закончится, а брат, возможно, где-то задыхается ядовитой гадостью. Вдруг среди тишины отчетливо прозвучал топот каблучков по кристаллоиду коридорной плитки. Я откинулся на спину и прикрыл глаза. Дверь осторожно приоткрылась и вошла, судя по фигуре, молодая женщина в костюме имперского десанта, шлем скрывал ее лицо, а нижняя часть закрывалась ионным респиратором. Вошедшая преспокойно перевернула лежащую на полу хозяйку кабинета и ловко обыскала. Я все для себя решил и ждал лишь удобного момента. Когда она склонила голову над Кромвер, моя пятка обрушилась ей на незащищенную шею. Этому удару меня научил Корд, уверяя, что однажды мне непременно пригодится это знание. Брат, как всегда, был прав. Брат!

Лихорадочно трясущимися руками я сдирал с распростертой девицы комбинезон и шлем, натягивал на себя. Дышать в респираторе было тяжелее, в воздухе витал запах гари и чего-то металлического. Костюм пришелся почти впору, только чуть узок в плечах, я с удовольствием подсоединил шлем к батарее костюма и оглянулся на лежащих на полу женщин. Полковник Кромвер дышала, тяжело, с хрипами, но, похоже, яд в воздухе не оказывал смертельного действия. Я поднес к ее лицу кислородную маску в надежде, что женщина все же не умрет.

Девица, с которой я снял костюм, была мертва. Она лежала в белых трусиках и майке, с небольшой торчащей грудкой и казалась трогательной и беззащитной жертвой. В сердце шевельнулось мучительное раскаяние. Что, если я ошибся! Но тут увидел ее глаза. Уставившиеся в потолок, остекленевшие глаза были алыми, и зрачок рассекал их вдоль, будто у дикого зверя. Тошнота подкатила к горлу, я выскочил в коридор и лишь тогда перевел дух.

В коридоре было пусто и тихо. Я заметался по площадке перед лифтом, отыскивая нужный указатель на стенде. Насколько помню, мне нужна хирургия. Вот, второй коридор направо. Дверь из простого белого стеклопластика, за ней длинный ряд прозрачных створок — операционные. И кругом люди — скорченные фигуры на стерильном полу. Я помчался по коридору, перескакивая через лежащих, заглядывая в боксы и боясь узнать в беспмятных или мертвых людях своего брата. С облегчением окидывал взглядом чужие, искаженные ужасом и мукой лица, и бежал дальше, дальше... Еще один бокс и еще. Корда нигде нет, ни живого, ни мертвого. Может быть, девушка в справочной ошиблась, и брата тут нет и не было? Пусть его тут не будет, пусть его не будет, Господи, пожалуйста!

Я влетел в палату интенсивной терапии и замер с колотящимся сердцем. Среди гудящих

приборов, опутанный трубками и датчиками, лежал мой брат. Я глухо застонал и слезы под линзами сканера заполнили мои глаза. Медленно, будто боясь разбудить, приблизился. Корд лежал с закрытыми глазами, аппарат искусственной вентиляции легких мерно вкачивал воздух в его перетянутую бинтами грудь. Джерри Мейсон обманул меня, подумал я горько, брат серьезно ранен, вон какой бледный лежит, под глазами круги. Я растерянно погладил его руку, лежащую поверх простынки. Стоял, кусая губы, чтобы не разреветься, потому что не знал, что делать дальше. Корд — вот он, живой и даже не отравленный ядовитым газом, но как выбраться с ним вместе с госпитальной громады, ставшей нам ловушкой?

Глава 40

Я присел на корточки у постели брата совершенно измученный, испуганный, растерянный. Почти сдавшийся. И сказал себе: не сдавайся! Ты Дан Райт, брат Стального Сокола! И не имеешь права его подвести!

В этот миг рука Корда дернулась к моему горлу и, сжав его железным захватом, подтянула наверх. Я заглянул в широко распахнувшиеся глаза, родные, пронзительно-черные, страхась увидеть в них безумие и пустоту. Но взгляд брата осмыслен, вот только узнать меня в шлеме он не мог.

— Корд, это я! Дан!

Брови его дернулись, рука ослабила захват, и я упал на забинтованную грудь брата. Сердце отплясывало чечетку от немыслимого облегчения. Приподнявшись, взгляделся в его лицо, пытаясь определить, о чем он думает. Взглядом Корд указал в угол бокса, я посмотрел в указанном направлении и, приглядевшись, заметил глазок камеры. Значит, захватчики уже знают о нас и надо немедленно уходить. Брат чуть заметно кивнул, я протянул руку, он ухватился за нее и сел, тяжело дыша. Прижимая рукой маску с кислородом, другой выдернул подключичку, во все стороны брызнула кровь. Спустил босые ноги с постели и рванул со стены кислородный баллон.

— Сможешь идти?

Он снова кивнул. Поднялся, пошатываясь, оперся о стену. Я смотрел на него с болью, но выхода у нас не было. Скорее отыскать грузовой шатл, даже маленький госпитальный скутер вполне подойдет, чтобы убраться подальше от обреченно зависшего в небе крейсера.

Корд первым ринулся к выходу. Он знал госпиталь лучше меня, я же, заплутав, не помнил даже, где выход. Босиком, в пижамных штанах, с кислородным баллоном под мышкой, лейтенант имперской армии шел по коридору, перешагивая через лежащих. Проходя мимо пульта противопожарного обеспечения, он ударил кулаком стекло и дернул рубильник. Из узких щелей в потолке брызнула вода. Дурак, обругал я себя, мог бы и сам догадаться, что вода уменьшит концентрацию ядовитого вещества в воздухе.

Нелюди появились вмиг, будто несколько фигур просочились сквозь стены. Корд среагировал сразу. Прыжком он оказался возле ближайшего существа в таком же, как у меня, костюме имперской службы и с автоматом в руках. Вокруг существа колебалось марево, будто от исходящего жаром предмета. Я снова ощутил легкую дурноту, как тогда, у лифта. Корд же остался нечувствителен к странному излучению и, что есть силы, ударил в грудь противника баллоном, потом еще раз по плечу и, наконец, по шее. Все это произошло так быстро, что ни я, ни пятерка нелюди в предательской черно-зеленой одежде ничего не

успели понять. Лишь услышали хруст костей и звук упавшего тела. Корд дернул меня за плечо, швыряя на пол. Я рухнул на что-то мягкое и замер, слыша ровную автоматную очередь. Подо мной в луже крови лежала нелюдь, красные глаза таращились с неммым укором, а по спине стучали и отскакивали пустые гильзы.

Когда наступила тишина, я поднял голову и огляделся. Корд стоял, опершись плечом о стену, вода хлестала по его лицу, бинты промокли и стали розовыми. Все его противники распластались в лужах попеременно с жертвами странного яда. Где-то в углу валялся покореженный кислородный баллон. Вскочив, я содрал с одного из мертвецов респиратор и протянул брату. Тот прижал маску ко рту и сделал несколько судорожных вдохов, оседая по стене.

— Корд!

— Все... в порядке... — выдавил он, — не теряй времени, обыщи трупы. Надо... уходить.

С готовностью я выполнил его приказ. Мы разжились оружием, бронекостюмом и несколькими пластиковыми ключами. Я увязал все трофеи в куртку и протянул руку брату. Корд уцепился за запястье и поднялся на ноги.

— За мной, — велел он и нырнул какую-то дверь.

За бронированной дверью было холодно, Корд запер ее изнутри и знаком велел следовать за ним. С трепетом я понял, что мы находимся в морге. Вдоль стен тянулись холодильные камеры, запертые на кодовые замки. Посреди стояли три стола, накрытые допотопными клеенками, и маленький столик с жутковатым инструментарием. Брат бестрепетно прошел мимо столов, на задней стене морга нашел рычаг, дернул. Открылась небольшая дверца, которая обнаружила за собой узкий ящик, вроде небольшого грузового лифта. Внутри горела тусклая лампочка.

— Полезай, — скомандовал Корд.

Я попятился. Перемещаться в лифте, который до сих пор возил лишь покойников, — жутковато.

— Живей, — прикрикнул брат, голос из-под респиратора звучал глухо, — если сообразят вырубить питание, нам придется туго.

Как ошпаренный, я прыгнул в ящик, Корд влез следом, прижав меня к ледяной стенке, стало совсем тесно. Лифт утробно загудел и медленно пополз вниз.

— Рассказывай в двух словах, — велел брат, — как ты здесь оказался и что происходит.

В двух словах не получилось, я путался, в тесноте трудно дышалось, а замкнутое пространство действовало угнетающе. Да чего же медленно тащится этот ледяной гроб. Успокаивало только присутствие Корда, его молчаливое спокойствие, с которым выслушивал мои сбивчивые объяснения.

— Этого следовало ожидать, — сказал он, когда я закончил рассказ, — морфоиды нанесли ответный удар, а генерал Форка все на свете проворонил. Ну а ты-то каков, Дан! Чем тебе не угодил Джерри?

— Мейсон солгал мне, — с обидой ответил я, — он сказал, что ты просто порвал сухожилие...

— Так и есть, — фыркнул брат, — и получил пулю под ключицу. Дан, это я попросил Мейсона успокоить тебя.

— Успокоить?! — горько усмехнулся я. — Будто я твоя подружка. Ты что, не доверяешь мне, Корд?

— Конечно, доверяю, братишка. Не заводись.

— Не заводись?

Слезы снова навернулись на глаза, хорошо, что под шлемом не видно. Легко ему говорить, не заводись. Если бы только Корд знал, как я боюсь...

— Перестань, — прикрикнул брат, будто прочитав мои мысли, — не думай сейчас об этом, понял?

— Понял, — сдавленно ответил я.

В этот миг лифт замедлил движение с режущим уши скрипом и встал; мигнув, погасла лампочка. Не успели, обреченно подумал я.

— Дьявол! — выругался Корд, поводя плечом. Как же холодно ему в этом ящике, если у меня футболка примерзла к спине.

— Что нам делать? — спросил я, отчаянно стараясь, чтобы голос прозвучал бодро. Корд всегда знает, что предпринять, всегда, даже когда мне кажется, что все потеряно. Брат найдет выход из железного гроба, подвешенного на тросах в шахте лифта. Найдет, найдет, найдет — стучало сердце. Господи, как я боюсь замкнутого пространства...

Я ждал ответа — Корд долго молчал. Его молчание было похоже на приговор.

— Корд! — я схватил его за руку, в страхе, что он потеряет сознание от раны и тогда уже ничего не сможет придумать.

— Успокойся, — тихо сказал он, — мы выберемся.

В той части, где были наши ноги, что-то загремело. Я понял, что Корд ударил неплотно прикрытую дверцу. От металлического лязга в темноте стало еще страшнее. Брат оттолкнулся ногами от одной стены шахты лифта, ящик слегка качнуло, но я, не сообразив, здорово треснулся головой о стенку. Хотя шлем смягчил удар, перед глазами замелькали разноцветные искорки.

За первым толчком последовал второй, третий, кабина лифта раскачивалась, все сильнее ударяясь о стены шахты.

— Чего ты добиваешься? — не выдержал я, когда от духоты и грохота закружилась голова.

Корд не ответил. Он никогда не отвечал на идиотские вопросы, а этот как раз из разряда таких.

Ящик раскачивался на скрипящих тросах, я больше ничего не спрашивал, хоть и не понимал, что делает Корд. Тросы крепкие, чтобы перетереть их таким образом понадобятся недели, а мы замерзнем здесь уже по прошествии суток.

Корд перестал толкать кабину и замер, стало так тихо, что мне захотелось положить ладонь ему на грудь и убедиться, что сердце бьется. Потом он шевельнулся, потянул из-под меня трофейный сверток. Раздался какой-то лязг.

— Дан, упрись покрепче руками и ногами в стены.

— Зачем?

Корд хмыкнул.

— Будет немного трясти.

Он отодвинул меня к стенке, поудобнее устраиваясь на спине, я что есть силы уперся руками в стены кабины. Грохот выстрелов разорвал барабанные перепонки, дым и запах горячего металла даже сквозь респиратор ворвался в ноздри. Мне по лбу, едва не пробив защитный экран, ударила гильза. Ничего не происходило. Стало тихо. Я боялся пошевелиться, не говоря уж о том, чтобы задать вопрос. Ничего не вышло — это страшно...

Брат тяжело, с хрипами дышал в темноте. В его груди что-то клокотало. Я приподнялся на локте, потянулся к нему, и вдруг с надрывным скрипом кабина наклонилась.

— Не прикуси язык, Дан, — выдавил Корд и снова с силой оттолкнулся от стены шахты. Рвущий нервы скрежет сменился ужасным ощущением — мы падали. Меня бросило к потолку, сильно потрянуло, но, помня предупреждение брата, я стиснул зубы.

Удар выбил сознание из моего онемевшего тела. Чуть погодя я понял, что упал на Корда и теперь лежал на груди брата.

Пошевелился. Казалось, что меня пропустили через мясорубку.

— Корд, — тихонько позвал я не прикушенным языком.

Он не отозвался. Я откатился и испуганно зашарил рукой по его груди. Пальцы нащупали лишь мокрые бинты, сквозь которые сочилась теплая кровь.

Ругаясь сквозь зубы, я вылез из кабины лифта и сменил режим сканера на ночное видение. Помещение, где мы оказались, выполняло функции ангара. В нем было несколько смежных отсеков, оборудованных подъемными механизмами.

Я увидел несколько маленьких санитарных скутеров, на которых поднимали на борт раненных. Это было кстати, теперь понятно, почему брат выбрал именно этот путь. Со всех ног я кинулся к ближайшему скутеру и, лишь дотронувшись до гладкого бока, понял, что вряд ли смогу попасть внутрь без ключа и кода. Выгреб из карманов трофейные ключи, пробуя по очереди все, но дверь не дрогнула.

— Дьявол, дьявол, — повторял я, безнадежно пробуя еще и еще раз. На борту скутера есть лекарства и бинты, то, что нужно Корду. Там есть аккумулятор, чтобы согреться.

Я обошел скутер и попробовал открыть дверцу медицинского отсека, точно так же используя все имеющиеся ключи. Вконец отчаявшись, схватил найденную в углу арматуру, поддел дверцу и что есть силы, надавил. Механик академии, пожилой ворчун часто говаривал: «Что не под силу технологиям, можно сделать простым ломом». С удивлением я понял, что старик был прав. Дверь заскрипела и подалась. Я влез в медицинский отсек — довольно просторный и теплый — и без труда открыл одним из ключей дверцу в кабину пилота. Хотя я и не летал на подобных машинах, панель управления не показалась сложной, и кнопку генератора нашел почти сразу. Яркий свет залил кабину, я едва не ослеп, поспешно переключив сканер в обычный режим.

Довольный собой, помчался к брату.

— Корд! Я нашел скутер! Мы выберемся, брат!

Мне удалось дотащить его до скутера. Я старался не думать о том, что по полу ползет широкий кровавый след. Это же Корд, он не может умереть от такой царапины. Втянув брата в машину и с трудом уложив его на носилки, я принес оружие и форму, снятые с морфоидов. Интересно, что это за твари...

Мне так и не удалось привести Корда в сознание. Я нашел бинты и перевязал брата, но чем еще помочь, не знал. Поэтому потеплее закутал его в одеяло и полез в кабину пилота, чтобы попытаться разобраться в панели управления. Если удастся открыть ворота госпиталя, мне придется вести скутер самому.

В кабине было тепло и уютно. Я устроился в кресле пилота — подогреваемом, между прочим, — и нащупал под сидением термос и бумажный пакет с ванильными булочками. Я был так голоден, что, не задумываясь, слопал чужую еду, запивая горячим какао из термоса. Никогда в жизни булочки не казались мне такими вкусными.

— Дан, — тихий оклик наполнил меня ни с чем несравнимой радостью.

Корд приподнялся на локте и спустил ноги с носилок.

— Дай мне одежду, — потребовал он, откидывая в сторону одеяло. Потом брат облачался в черно-зеленую форму, кривясь, но я не решался помогать.

В кабине Корд уверенно занял место пилота, сразу же вырубил свет, а я, облегченно вздохнув, отдал ему остатки какао. Брат благодарно кивнул и, приподняв респиратор, сделал

осторожный глоток.

— Давненько я не видал морфоидов, — задумчиво сказал он, натянув маску.

— Ты с ними уже встречался?

— Еще бы! В Балканской кампании был удивительный эпизод, когда некая организация заложила динамитные заряды в фундамент Университета... В любом более или менее значимом конфликте рано или поздно вступают в игру эти существа.

— Что они такое?

— Иная раса, чье развитие вышло из-под контроля. Из-за уникальных способностей к мимикрии их используют как идеальных террористов там, где необходима тщательная маскировка. Как бойцы они слабее людей, но этот недостаток компенсируется особым свойством.

— Каким?

— Что-то вроде гипноза. Правда у большинства оно неосознанное и совпадает с изменением физического тела. Воздействуя на органы чувств человека, особенно это касается зрения, они резонируют с той мыслеформой, которая создается объектом. Грубо говоря, если ты ждешь, что в углу будет стоять шкаф, ты примешь морфоида за шкаф. А в том случае, если резонанса с органами чувств не получится, человек ощущает сильное головокружение.

— Ой! — только и смог вымолвить я.

Корд помолчал, о чем-то напряженно размышляя. Я тоже крутил в голове все происшедшее со мной за последние сутки. Значит, та медсестра у лифта была морфоидом, то-то у меня все поплыло перед глазами. И та, которая вошла в кабинет полковника Кромвер, тоже женщина. Я поделился наблюдением с Кордом.

— Они все так выглядят, — объяснил брат, — по природе они гермафродиты, обоеполые существа, как размножаются — до сих пор неизвестно, но самой убедительной кажется гипотеза, что морфоиды используют для деторождения наших, человеческих женщин.

— Фу! — простонал я, чувствуя, что какоа подбирается к горлу. — Ну и гадость! А откуда ты столько о них знаешь, Корд?

— Я работал в этом направлении, говорю же, морфоиды появляются во всех войнах в качестве третьей силы непредсказуемого характера. Неизвестно, как они ударят и на чьей стороне. Мы до сих пор не знаем, где их логово. Но не прекращаем поисков.

— Мне казалось, они — жители того мира, где сейчас идут военные действия, как его?

— Заккар. Здешние земли так называются. Нет, Дан, это не закаррийцы.

Корд помолчал, потом вновь заговорил:

— Не ожидал появления морфоидов на Заккаре. Война почти закончилась, формируется новое правительство. Неужели лидер оппозиции решился на подобную глупость?

— Я ничего не знаю об этом.

— Год назад на Заккаре разгорелось нешуточное восстание против тогдашней власти. По-правде, правительство торгашей и воругов было уже не в состоянии удерживать бразды правления в своих руках. Пропасть между богачами и нищетой на Заккаре была поистине бездонна. А разрешение на употребление алкоголя и наркотиков привело к тому, что единственной твердой валютой в этом мире стал кокаин. А единственным законом — пистолет. Тогда некий Гейман основал организацию под названием Лефтхенд, которая объединила все уличные банды, и начался форменный грабеж, переросший в вооруженное

восстание. Власти Заккара обратились за помощью к правительству Империи в тот момент, когда гражданская война охватила почти всю территорию бывшего государства. Несмотря на это приход имперских войск закаррийцы восприняли как вторжение и ответили ожесточенным сопротивлением.

Я слушал брата с восхищением. Корд отличался тем, что любое дело выполнял с бесконечным терпением и упорством. Ни разу еще в ответ на мой вопрос я не услышал от него: «Не знаю». И сейчас, как в детстве, он разложил по полочкам ту гадкую ситуацию, в которой мы оказались. Страх отступил, мне сразу стало легче.

— Значит, на Заккаре еще сопротивляются?

— А разве ты не слушаешь новости, бездельник? — засмеялся брат. — Сопротивляется горстка сепаратистов во главе с самим Гейманом, остальные давно сложили оружие и ждут формирования нового правительства и принятия конституции.

— Вот как.

Корд обернулся ко мне.

— Кстати, Дан, где твой табель с отметками? Надеюсь, ты не потерял его по пути домой, как в прошлом году?

— Он у нас дома, на столе в гостиной, — ответил я, заливаясь краской.

— И как твои успехи?

Мое молчание заставило брата рассмеяться.

— Ладно, двоечник, — сказал он, — не расстраивайся. Мне теперь все лето болтаться в Ориме, буду подтягивать тебя по всем предметам.

— Я так рад. Корд... — замялся я, — а ты... твоя рана ведь не опасна, да?

— Конечно, нет, — ответил брат, — просто ерунда. Так что не волнуйся... Пристегнись и держись крепче!

— Что?

Но Корд не ответил, а нажал на стартер и рванул на себя штурвал. Меня вжало в кресло. Скутер завертелся волчком, я услышал какие-то сухие щелчки и выглянул в окно.

— Берегись!

Автоматная очередь сухим горошком пробежала по стеклу.

Корд развернул скутер в воздухе боком. Я вытянул шею, в темноте ангара мелькали зеленоватые фигурки.

— Можно я в них постреляю? — хватая автомат, спросил я. С братом в пилотском кресле мне было вовсе не страшно.

— А попадешь?

— Не знаю...

— Тогда не трать патроны.

Внезапно в ангаре вспыхнули все прожектора, яркие лучи отразились от блестящих боков скутеров. Брат вскинул руку к глазам, меняя режим сканера.

Гибкие, вибрирующие фигуры морфоидов, прячась за санитарными машинами, целились в нас.

Корд вертел скутер вокруг своей оси, уходя от пуль, которые сыпались на нас со всех сторон.

В круговерти я вдруг заметил, что ангарные ворота поползли в разные стороны.

— Корд, двери!

— Вижу.

Он развернул машину и бросил на ворота, где щель вот-вот станет достаточной для скутера. Я зажмурился, вцепившись в ручки кресла. Еще мгновение, и мы спасены, ликovalo сердце. Но Корд, едва не врезавшись в ворота, выполнил резкий разворот и боком ударил в панель механизма. Скутер дернулся, меня выбросило из кресла.

— Что за....

Машина тяжело рухнула на пол, бортовой компьютер женским голосом объявил о критических повреждениях.

— Дан! — резко окрикнул Корд, вздергивая меня на ноги за шкуру.

Ничего не понимая, я вскочил, возмущенно сопя. Корд, верно, сошел с ума, если в шаге от спасения сделал такое. Или же просто не справился с управлением. Однако выяснять отношения было некогда. Я схватил автомат и вслед за братом выбрался из умирающего скутера.

Корд уже стрелял, используя для прикрытия обломки нашей машины. Морфоиды огрызались, отступая. Трое из них безуспешно пытались восстановить механизм, но ворота заклинило основательно.

— Что ты наделал, Корд? — возмущенно завопил я, когда брат в очередной раз отступил за борт скутера. Лязгнув, падая на пол, пустой магазин, Корд задвинул новый.

— Думаешь, ворота открыли нам? — сквозь зубы процедил он.

— А кому?

— Хозяевам, Дан, хозяевам. Теперь им придется открывать ворота шестого отсека, а там невозможно принять корабли большого калибра. Так что у нас есть немного времени.

— А как же мы теперь выберемся? — ошеломленно спросил я занемевшим языком. Если на этой проклятой громаде появятся не только жуткие морфоиды, но и их заказчики с Заккара, нам лучше сразу сложить оружие.

— Никак, — отрезал Корд, прекращая разговор. Очередь его автомата нашла незадачливых механиков.

Голова пошла кругом от обилия совершенно дикой информации, я сжал автомат, собираясь подороже продать свою жизнь. Впервые в жизни я стрелял по живым людям... вернее, конечно, нелюди, но... Меня захватило странное ощущение всесильности и неуязвимости. Особенно рядом с Кордом, Стальным Соколом имперского флота. Я нажимал на гашетку, меня била и дергала назад отдача. А те, кто попадал под мой священный огонь, падали, словно скошенная трава.

— Дан, за мной!

Корд нырнул под брюхо скутера и помчался вдоль стены, где удачно располагались какие-то металлические ящики и обломки рельс. Я бежал за ним, не смея послушаться, но где-то в груди появилось и осталось странное томление, не понятное пока мне самому.

Морфоиды вяло отстреливались, их осталось двое или трое. Вдруг Корд замер возле одного из скутеров.

— Дан, мне нужна твоя помощь.

— Конечно, — с готовностью ответил я.

— Беги к двери отсека и создавай иллюзию, что мы вместе.

— Хорошо, но что ты...

Корд хлопнул меня по плечу и полез под скутер. Я обреченно вздохнул. Ладно, потом выскажу брату все, а пока... Я не могу его подвести.

Высунувшись из-за глянцевого бока машины, я нажал на спусковой крючок. Морфоиды

— не идиоты, чтобы подставляться под автоматный огонь, я не видел противника. Перебежал к следующему скутеру и снова немного пошумел. Корда я не видел и не слышал. Врага тоже. Дверь отсека была уже близко. Я вытащил из кармана ключи и внимательно разглядел их: один открывал служебные помещения, другим удалось открыть пилотский отсек скутера. Осталось еще два. В любом случае подойти может каждый из них. Как и не подойти.

Я выждал минутку и бросился к двери. Выстрелы раздались сейчас же, очередь шла за мной по пятам, но я старался не думать, что вот-вот мне в спину вонзится что-то смертоносно-железное. Перехватив поудобнее автомат, нажал на гашетку. Оказывается, стрелять на бегу ужасно трудно. И опасность получить пулю ничуть не меньше. Но вдруг стало тихо. Не в кого стрелять, да и нечем: глухие щелчки без отдачи. И то, магазин же не безразмерный. Я почти спокойно подошел к двери и вставил в прорезь ключ от служебных помещений.

Дверь поползла в сторону, и я замер, раскрыв рот. На меня надвигался отряд: десяток бойцов в черно-зеленых костюмах санитарной службы, в шлемах, но почему-то без респираторов.

— В чем дело? — обратился ко мне самый рослый из них, видимо, командир, судя по ярко-синей повязке на правой руке. По его легкому акценту невозможно было определить принадлежность к конкретному миру.

— Заклинило дверь, — ответил я, вытянувшись. Мне пришлось собрать всю волю, чтобы не впасть в отчаяние.

— Те двое?

— Так точно. Наши потери....

— Плевать на ваши потери! — рявкнул командир. — Где они?

— Ушли.

— Как? Куда?

Я замер, не зная, что отвечать. Можно ли куда-то отсюда сбежать и как?

— Наверняка снова через шахту лифта, — с досадой буркнул черно-зеленый, — двое — остаться тут и все прибрать. Остальные — в шестой. Обеспечить стыковку. Ты чего стоишь?

Глава 42

Двое морфоидов остались в ангаре. А я шел в строю то ли женщин, то ли мужчин, стараясь шагать так же быстро и легко, как они. Шел и лихорадочно соображал, что делать дальше. Где Корд и что делает? Кого встречают в шестом, и чем это грозит нам? И как вести себя мне, чтобы меня не раскусили на первом же вопросе?

Я пытался запоминать дорогу и вести себя как можно естественнее, но меня кидало в дрожь от мысли, что кто-то догадается. Морфоиды похожи на женщин, они по-звериному гибкие и тонкие в кости. Я же за год раздался в плечах и почти сравнялся ростом с братом. Хотел похвастать этим, а вышло вот как...

— Шевелись! — подгонял нас командир. Этот ростом не уступает Корду. Паскуда!

Отряд миновал три этажа по лестнице, мы оказались в том самом помещении, что размером со стадион. Только теперь мне поплохело от количества тел, лежащих на полу. Это же просто гигантское кладбище! Чего же добивается лидер оппозиции, если эту акцию

затеял он? Почему захватил госпиталь, это не военный корабль. На нем нет даже ракет малой дальности.

Двери, что напротив, разъехались. Командир прикрикнул, морфоиды построились в шеренгу у стены. Напрягая, что есть силы зрение, я пытался разглядеть, что творится там, впереди. К нам приближался человек, надежно охраняемый отрядом солдат в странной серой форме. Явно люди, не морфоиды. Возможно те нелюди, с которыми я сейчас стою рядом — последние на корабле. Я вспомнил слова Корда, что пришли хозяева.

Значит, вот этот белообрый — лидер лефтенда Гейман.

Дерганой походкой он приблизился к нам. По лицу, не скрытому шлемом и маской (неужели воздух очистили?), сквозит нескрываемая брезгливость. Тощий, с зеленоватой кожей и мутными полуприкрытыми глазами, он производил отвратное впечатление. Одежда его тоже была странной: узкие, заправленные в сапоги, штаны, обтягивающая костлявое тело водолазка и поверх расстегнутый кожаный плащ.

— Деньги переведены, — хрипло объявил Гейман, — как вы и просили, на счет в банке Лигоны. И точно, Оримский банк вряд ли можно будет назвать надежным всего через пару часов.

— Хорошо, — ответил командир морфоидов, в его голосе тоже явно прозвучала гадливость.

— О, Боже! — вдруг восторженно завопил Гейман, ни к кому конкретно не обращаясь. — Весь мир содрогнется! Всего через пару часов все узнают обо мне! Я — Гейман! Слышите! Гений запредельной войны Артур Гейман!

Он был не в себе. Насквозь прококаиненный, лидер закаррийцев вряд ли понимал, что выглядит нелепо. Но его слова, особенно про банк Оримы, напугали меня до смерти. Неужели они хотят взорвать госпиталь над Оримой? Разрушениям и смертям не будет числа!

— Проводите меня в рубку, Френтон, — велел Гейман командиру.

Тот кивнул и знаком отпустил отряд. Они проследовали к лифту. Я замер, не зная, что делать. Один (одна) из морфоидов мягко взяла меня под локоть.

— Пойдем, мон шер, отдохнем...

— Пара часов у нас есть, — подтвердила ее подруга, облизывая губы длинным узким языком.

Меня повлекли в коридор, шаги гулко разнеслись по пустому, заваленному трупами (?) коридору. От грохота сердца взрывалась голова. Два морфоида не отходили от меня ни на шаг. Неужели догадались? Я усиленно соображал, что делать. Автомат, что висит за спиной, бесполезен. И никакого оружия у меня больше нет. Одна из нелюдей открыла безликую белую дверь, другая втокнула меня в небольшую комнатку для отдыха. Обреченно звякнул замок.

— Отлично, мон шер, — прошептала первая, не отпуская мой локоть, — теперь нам никто не помешает.

— Хей, Алисия, не убивай сразу, оставь и мне! — высказалась вторая, с длинным языком.

Я вырвал локоть. Вот идиот, так по-глупому попасться. Командир не раскусил, а эти стервы запросто. Нелюдь сняла шлем, распуская длинные черные волосы, она смотрела на меня, а обращалась к своей товарке:

— Ладно, Шейн, хватит нам обоим. А потом и второго найдем.

Шейн прыгнула мне на плечи, я рванулся, пытаюсь ее скинуть, но цепкие руки твари

содрали с меня респиратор. Я задержал дыхание, деревенея от напряжения. Шейн висела на мне, как кошка, я ударил ее о дверь, пытаюсь стряхнуть, но сил не хватило. При всем изяществе, морфоиды удивительно сильны и выносливы.

Алисия пришла на помощь подруге, вдвоем они повалили меня и стащили шлем. Я больше не мог задерживать дыхание, голова кружилась. Судорожный вдох. И ничего. Зато нелюди, пока я приходил в себя, навалились и скрутили мне руки. Нечеловеческая сила не оставила мне шансов, я повис на стянутых полосами ткани руках, прикрученных к вешалке для полотенец. Трепыхаясь, как рыба на крючке, я ругался сквозь зубы. Вот идиот! Корд никогда бы не попался так глупо.

Моя злость еще больше развеселила морфоидов. Шейн, посмеиваясь, отошла и села на узкий голубой диванчик. Алисия облизала тонкие губы, ее лицо маячило передо мной, вызывая легкое головокружение и тошноту.

— А я сразу догадалась, что ты милый мальчик, — сообщила она, подмигивая алым, как кровь, глазом, — еще совсем ребенок. Ути-пути! Пришел спасти братика, да? Любишь братика?

— Не твоё дело, нелюдь, — прошипел я, пытаюсь ударить ее коленом.

— Не хочешь, не отвечай, — прикрывая глаза и тяжело дыша от возбуждения, прошептала Алисия. Ее руки потянулись к моей куртке, грязной, слегка влажной еще от крови Корда. Морфоид расстегнула молнию и задрала футболку. Руки ее скользнули по голой коже, я закусил губу. Господи, какое мерзкое существо! Я не хочу!

— Такой юный, такой сладкий, — томно бормотала Алисия, оглаживая мою спину и живот. Пальцы ее вцепились в пряжку ремня. Дрожь отвращения пробежала по телу. Я завертелся, безуспешно сопротивляясь. Мне не верилось, что это происходит со мной. Это сон, всего лишь дурной сон! Я зажмурился, но жадные горячие руки не прекращали гладить мои бока.

Стянув штаны, Алисия отошла. Приоткрыв один глаз, я наблюдал за ней со странной смесью страха, стыда и любопытства. Корд так и не объяснил мне, как устроены морфоиды.

Нелюдь полюбовалась немного и стащила собственную куртку. Под ней была лишь тоненькая маечка, обтягивающая мускулистый, но вполне женский стан. Ее подруга от нетерпения подпрыгивала на диване, ей не терпелось присоединиться.

Я оказался в патовом положении. Они не скрывали, что убьют меня. Я умру, умру самой отвратительной и стыдной смертью, какую можно придумать. «Корд, — взмолился я, — помоги! Самому мне не вырваться от этих тварей».

Сердце стучало, отсчитывая секунды моего позора. Облизав пересохшие губы, я криво улыбнулся:

— Хей, девушки! Что за скучное развлечение вы придумали! Может, развяжете меня, я покажу новую игру имперских кадетов...

— Девушки? — переспросила Алисия.

Нелюдь засмеялась и стянула через голову свою майку. Я не поверил глазам: в кольшущемся знойном мареве плечи морфоида раздвинулись, а грудь сморщилась и обвисла двумя пустыми мешочками. Меня снова затошнило, я поднял глаза к потолку с матово-белыми лампами. Сквозь волны наплывающей дурноты, старался думать о чем угодно, но не о шарящих по моему телу уже четырех (Шейн не выдержала и присоединилась) руках.

— Эй, он мой! — вдруг выверилась на товарку Алисия и ударила ее кулаком в бок. Я мрачно усмехнулся, две красноглазые макаки делят меня, как самца. Это забавно.

Лицо Алисии приблизилось к моему. Я отвернулся, но ужасно сильная рука ухватила за мой подбородок и повернула к себе. Глаза слезились, я жмурился, но все же заметил, как раздалась скулы и укоротился нос, оставляя лишь две продолговатые ноздри. Рот растянулся почти до ушей, в щели мелькали мелкие острые зубы. Змеиный язык прошелся по моим губам влажной тряпкой.

— Как мило, какао, — облизнувшись, сказала Алисия. И снова вцепилась губами в мой рот. Я стиснул зубы и напрягся, дергая руками. Может, удастся освободиться. Лучше смерть, лучше сто смертей, чем эта мерзость.

— Боишься, маленький? — ласково спросила тварь, обнимая меня, пощипывая шею и щеки, действительно как малышу. — Сладкий мальчик из добропорядочной семьи... Интересно, что скажет Стальной Сокол о племянниках морфоидах?

Я закрыл глаза. Отчаяние, черное и давящее, напоздало из самой глубины мозга. Я убью их, я убью их, убью всех до единого.... Больше я не открывал глаз, стараясь не чувствовать, не ощущать, что и как делают морфоиды, о чем говорят между собой и что нашептывают мне на ухо влажными ртами. Не открыл глаз даже тогда, когда Алисия с силой обняла меня за талию, приликая ко мне своей кожей. Лишь дернулся от боли, потому что прикосновение вызвало что-то вроде ожога. Морфоид повис на мне, гулкое дыхание, мое и Алисии, были единственными звуками, которые остались в мире. Сколько длилась эта пытка, не знаю. У меня мутилось в голове, по спине катились крупные капли пота.

Какой-то звук пробился сквозь звон в ушах. Возможно потому, что был намного громче. Я не сразу сообразил, что это общая тревога. Алисия медленно, с противным хлюпаньем, отстранилась. Ноги гудели, мне было жутко холодно. Так холодно, что зуб на зуб не попадал.

— Чертов ублюдок! — шипела Алисия. — Что там у них?

— Не хватало только зависнуть в этой дохлой посудине, когда наши денежки в банке Лигоны, — рявкнула Шейн, — добьем сосунка?

В голосе прозвучало сожаление. Но тут тряхануло так, что пол стал дыбом, а морфоиды оказались в углу. «Все, — подумал я, — корабль упадет, и все кончится». Этот вариант показался даже привлекательным. Я вздохнул и потерял сознание.

Очнулся от холода и ломоты во всем теле. Руки затекли, я не чувствовал пальцев. Бок болел так, словно его ошпарили кипятком. Скосив глаза, я увидел громадный кровоподтек, будто по животу прошлись крупной шкуркой. Кровь сочилась крупными каплями, ручейками катилась вниз.

«Суки, — подумал я, голова нещадно кружилась, — даже не добились».

Дернул руками, еще раз. Сил у меня было, как у новорожденного котенка. Тяжело дыша, я закрыл глаза. Как холодно.

Только бы Корд спасся.

Корабль снова тряхнуло, руки едва не выдернуло из плеч. Раздался треск, меня швырнуло в угол. Я ударился головой о ножку дивана и выругался. Спасение! Вот оно, пришло, когда у меня не осталось сил даже подняться на ноги. Какая ирония!

До гибели госпиталя осталось не так много времени. Возможно, гораздо меньше, чем предполагает Гейман. Корд... А может... я должен разыскать брата.

Негнушимися пальцами я попытался отомкнуть собачку замка. С третьей попытки мне удалось открыть дверь. Еле волоча ноги, я брел по коридору. Свет дневных ламп бил в глаза. Смотреть под ноги я не мог — пол кружился.

Кто-то наткнулся на меня, едва не свалив с ног. Я поглядел вслед шатающейся фигуре, усиленно стараясь сфокусировать взгляд. Обернулся и отшатнулся, увидев прямо перед собой перекошенное лицо: будто стянутое книзу, с безумными глазами и приоткрытым ртом. Человек в черно-зеленой форме упал возле моих ног, став непреодолимым препятствием на пути.

Святые небеса, что творится?! Люди, которые казались безнадежно мертвыми, поднимались и, шатаясь, разбредались по коридорам больничных блоков. Это напоминало дурной фильм ужасов, на которые мы, кадеты, сбегали из казарм вечерами. Падающий корабль, морфоиды, восставшие мертвецы и полный грузовой отсек взрывчатки. Есть от чего прийти в отчаяние.

Но даже на отчаяние у меня не осталось сил. Поэтому, с трудом обойдя распластавшееся на полу тело, я продолжил свое путешествие вдоль стены. Наверное, я не так уж отличался от восставших безумцев, а может просто никого не интересовал, потому что мое путешествие продлилось довольно долго. Потом я выдохся. Одежда насквозь пропиталась не прекращающей сочиться кровью. Ноги подогнулись, я неловко свалился на пол, размазывая по белому красным.

Внутри еще бунтовало что-то. Неужели вот так все кончится? Неужели сдамся? Как плохо. Не верилось, что это я, полный сил и озорства, вернулся пару дней назад в Ориму. Это был другой мальчишка, никогда не выдавший морфоидов и не слыхавший про мирок под названием Заккар.

Кто-то подхватил меня под мышки и потащил. Я зашипел от боли, но сопротивляться сил не было. Меня втащили в узкую комнату, с кафельными стенами и характерным журчанием воды. Лицо, склонившееся надо мной, хоть и расплывалось, но казалось смутно

знакомым. В изнеможении я закрыл глаза.

— Уроды, мать их! Твари кровососущие! — бурчал кто-то, с силой ударяя меня по щекам. — Мальчик! — это уже мне. — Мальчик, открой глаза!

Я покорно поднял веки, хотя больше всего на свете мне хотелось сейчас вздремнуть. Если бы не вымораживающий внутренности холод, я бы точно уснул, так устал. Но резкий голос вырывал меня от сладкого сна.

— Не спи! Сейчас я помогу тебе! Только не закрывай глаза... проклятые кровососы!

Меня хлестали по щекам, а потом разодрали рукав. От треска материи заложило уши. Укол в руку, в локтевую ямку заставил дернуться и заскулить. Раньше я никогда не боялся уколов, но от слабости все чувства обострились.

— Не дергайся! — рывкнули на меня, и потом уже мягко: — Потерпи, сейчас станет легче!

И мне действительно стало легче. В голове прояснилось, слабость отступила, в глазах перестало плыть. Я вспомнил, где видел это лицо: полковник Кромвер.

— Так вы...

— Ты мне, парень, можно сказать, жизнь спас. Расскажи-ка, кто такой и как на борту оказался.

Я кивнул и заговорил, а она ни на секунду не прекращала что-то со мной делать. Я оказался обмотан бинтами так, что невозможно вздохнуть, и укутан принесенным откуда-то одеялом. Кромвер поглядела внимательно мне в лицо и всадила еще два каких-то укола. Наверное, она действительно хороший врач, потому что я стал чувствовать себя довольно сносно. А, учитывая обстановку, хотел даже встать на ноги.

— Морфоиды присасываются всей поверхностью кожи, разрывая капилляры жертвы, и впрыскивают особое вещество, снижающее свертываемость крови, — сквозь зубы бормотала полковник, — никогда не видела, чтобы они выкачали жертву так сильно. Брачный период у них, что ли?

От этих слов меня передернуло.

— Ну вот, — удовлетворенно кивнула женщина, — теперь ты уже не истекаешь кровью. Хотя ее в тебе маловато. Но чтобы сделать полноценную трансфузию, нужно время, а у нас его нет.

Я ничего не понял, но тоже кивнул, соглашаясь, что времени нет.

— Поганки чертовы! — ворчала Кромвер. — В моем отсеке. Как же я их просмотрела?

— Я видел медсестру, у лифта, когда упал...

— Почему не сказал? А, ладно, ничего не исправить. Надо думать, что делать дальше.

— Что мы можем сделать? — удивился я.

— Твой братец, похоже, основательно разозлил этих вырожденков, — сказала Кромвер.

От гордости за Корда я ощутил прилив сил.

— Пока он их отвлекает, надо пробраться в рубку и связаться с базой.

— Это невозможно, — покачал я головой, — Гейман отправился туда с этими своими...

Полковник задумалась, сжав морщинистый рот.

— Тогда можно попытаться установить связь с поста санавиации, на волне медслужбы.

Я надеюсь, в госпитальном комплексе найдется хоть один человек с мозгами, — усмехаясь, сказала женщина.

У нее была потрясающая выдержка.

— Тогда скорее, — с трудом поднимаясь, заторопился я.

Она критически осмотрела меня, шатающегося, в рваной выпачканной одежде, сама себе кивнула и извлекла из белого пластикового ящика под раковиной здоровенный начищенный до блеска автомат.

— Сама я этой штукой не владею. Так что охрана моей персоны на тебе.

— Но вы же... полковник...

— Конечно, но медицинской службы. Держи, ты-то хоть умеешь обращаться с оружием, кадет?

— Умею, — буркнул я, осматривая оттягивающий руки, начищенный автомат.

Кромвер, больше не мешкая, открыла дверь, я последовал за ней, держа оружие наготове. Коридор госпиталя теперь был не менее оживленным, чем тогда, когда я только попал на борт. Люди в форме санавиации и в белых костюмах заполнили больницу. Но неровная походка и бесцельное блуждание не оставляли надежд.

— Что с ними такое? — спросил я, содрогаясь.

— Отравляющее вещество заблокировало центры головного мозга, отвечающие за сознательную деятельность.

— Им можно помочь?

Полковник Кромвер уставилась на меня немигающим змеиным взором. Она ничего не сказала, и мне стало не по себе.

Мы шли по коридору, а глазки телекамер таращились на нас. Я старался не думать, КТО смотрит на меня в эти камеры. Главное дойти.

Свернули на служебную лестницу, два пролета вверх, надпись «посторонним вход воспрещен».

— Смотри в оба, — велела полковник и открыла дверь.

Ничего, пустой коридор, полутемный — в конце все лампы будто перегорели. Я нервно сжал ствол автомата, ладони стали холодными.

— Дан Райт, — услышал я свистящий шепот, в испуге оглянулся, отыскивая источник звука. Никого. Звук везде и нигде.

— Дан Райт... Райт, Райт, Райт....

Мерзкий шепот продирает морозом по коже.

— Спокойно, — резко прозвучал голос Кромвер, — они пугают. Говорят из рубки.

Я выдохнул. Мы пошли дальше. Позади свет мигнул — погас и снова включился. Я резко повернулся — пусто. Мы остановились перед дверью без таблички. Полковник Кромвер вставила ключ в прорезь замка, и тут свет вырубился снова.

— Полковник! — крикнул я. Никто не отозвался. Лампы загудели и зажглись. Я оказался один, женщина-врач исчезла, будто ее здесь и не было. Мне показалось, что я схожу с ума.

— Дан Райт... Райт....

Ключ так и торчал в замке. Я провел им по прорези и толкнул дверь. Внутри был полумрак, мигали светодиоды на допотопном оборудовании, такого нет уже даже на старинных пограничных миноносцах, где я проходил учения.

Не теряя времени, я бросился к аппаратуре. В несколько щелчков включил компьютер и уперся взглядом в монитор. Протер глаза и снова глянул, чувствуя, что внутри все сжимается. Мы вошли в приграничную область империи, путь до Оримы займет немногим больше пятнадцати минут. На что надеялась полковник Кромвер?

Я облизнул пересохшие губы и, оглянувшись на дверь, произнес в микрофон:

— База! База! Вызывает борт 002. База, отвечайте!

В эфире царила мертвая тишина. Я стиснул микрофон и повторил громче. Тишина. Ударил кулаком по столу и заорал:

— База! База, отвечайте! Ради всего святого!

Тут распахнулась дверь. Вскинув автомат, я нажал на гашетку. Очередь прошла по двери, разлетелись куски дерева и пластика.

— Дан Райт.... - шепот заставил меня скрипеть зубами от злости и бессилия, — сладкий мальчик...

Алисия. И тут же голос Шейн:

— База, отвечайте, мы погибаем, SOS! — передразнила нелюдь, поразительно похоже копируя мой голос. Мимикрия, как сказал Корд.

Я ждал, а они все не шли. У них много способов выкурить меня с переговорного пункта, а я один, у меня только автомат и силы на исходе. Меньше чем через пятнадцать минут госпиталь упадет на Ориму, или, если повезет, его собьют ракетой неподалеку от столицы. Я уже ничего не теряю.

Перехватил автомат и вышел. В пустом коридоре все так же мигают лампы. Сзади шорох — поворачиваюсь, стреляю. Отдача отбрасывает меня к стене. Звон, сыплются какие-то осколки, издевательский шепот в ушах:

— Дан Райт... Дан Райт...

Стреляю, уже не соображая во что. Лампы гаснут, бью на шорох. Слышу крик и сразу же сдавленный стон — свой собственный. Кто-то сжимает мое горло, потом перехватывает за шиворот и тащит по полу, как мешок с картошкой. Пытаюсь нажать на курок, но раздаются лишь бесполезные щелчки, я опять потратил патроны впустую. Я никудышный солдат. Надеюсь, Корд не узнает об этом....

Глава 44

Меня втащили в освещенное круглое помещение с окном и множеством мониторов, очевидно в рубку. Бросили под ноги кому-то. Ясно кому — начищенные сапоги Геймана, из которых торчали тощие ноги закарского лидера, я хорошо запомнил. Кроме него здесь были трое: Френтон (он и притащил меня) и двое серых лефтхендов с автоматами наперевес. Рядом с тщедушным лидером они смахивали на два горных пика.

Водянистые глазки Геймана взирали на меня с нескрываемым торжеством. Носком щегольского сапога он поднял мой подбородок, я в бешенстве отдернулся, за что и получил по губам этим же самым сапогом. Стирая кровь рукавом, попытался подняться, но Френтон схватил за волосы и больно дернул на себя.

— Не дергайся, сосунок!

Гейман оскалился и нажал что-то на дисплее, как оказалось, громкую связь.

— Эй ты! Твой братишка у нас. Если не хочешь получить его в виде гуляша, придешь на свидание в рубку. Двигай, двигай ножками, через три минуты будет поздно.

Френтон заржал и сильнее стиснул мои волосы, так что глаза у меня полезли на лоб. Дьявол! Дьявол, они позвали сюда Корда! Пусть он не придет, каким бы ни был мой брат, а я ни на минуту не сомневался в нем, ему не справиться с такой толпой закарских головорезов.

У меня поджилки тряслись и вовсе не от страха за себя. Я тогда и не знал, как пытаются пленных лефтахенды... А Корд знал и пришел.

Он возник в проеме под мой приглушенный стон.

— Брось оружие! — рявкнул Френтон, подтаскивая меня к себе. Двое горных пиков подняли свое оружие: ручной пулемет «винтарс», популярный в окраинных мирах.

Я дернулся, увидев мрачное лицо брата. Поймал его взгляд и почувствовал, как что-то кольнуло шею. Корд сжал губы, отбрасывая автомат. По его рукам стекали струйки крови. Куртка была мокрой насквозь.

— На колени! — приказал Гейман.

Тут корабль потрянуло. Что-то глухо хлопнуло, пол под ногами мелко задрожал.

— На колени!

Корд медленно опустился на одно колено, Гейман пнул его по ноге, и брат свалился на второе. Теперь коротышка был даже чуть выше Стального Сокола.

— Ты сдохнешь с этим поганым госпиталем, завоеватель! — с несказанным удовольствием глядя на униженного врага, проговорил лидер оппозиции. — Сокол... и додумаются же назвать. Вы не соколы, вы стая воронья, налетевшая в чужой огород. И вы все сдохнете за свое вероломство.

Корд молчал. Что-то снова хлопнуло, брови брата сдвинулись на миллиметр. Гейман, разозленный отсутствием реакции, ударил его ногой в бок. Не удовлетворился, вырвал у лефтахенды пулемет и ударил им. Корд упал.

— Убью! — не своим голосом заорал я. Дернулся, уже не обращая внимания на нож у горла. Френтон сжал мою шею, но я ухитрился ударить ему локтем под ложечку.

Он охнул, нож прочертил по моей шее.

— Дан! — услышал я окрик и обмяк в медвежьих объятьях Френтона.

Брат поднялся на колени. Его взгляд прожигал меня, не прося — требуя не вмешиваться. У террористов не так много времени, может, у Корда есть план.

— Все, пора, — будто в ответ на мои мысли сказал Гейман, — если не хотим нарваться на ракету.

Френтон заржал:

— Уходим, так и быть, только сперва покормим девочек.

Гейман безразлично пожал плечами, видимо, даже такому выродку противно было иметь дело с морфоидами. Вот от мести Корду он не удержался и, размахнувшись, ударил брата прикладом по спине. Корд рухнул на пол, но я молчал. Только крепче стискивал зубы. Дюжие лефтахенды подтащили нас друг к другу, а их лидер и сопровождающий его Френтон вышли из рубки. Нам скрутили руки за спиной и бросили в углу. Даже дверь не закрыли. Затопали по коридору, торопясь покинуть обреченный борт.

— Корд, — позвал я, плечом чувствуя тепло брата.

От kloкотания у него в груди мне делалось страшно.

— Все нормально, Дан.

— Ты всегда говоришь, что все нормально, — с укоризной сказал я.

Корд тихонько усмехнулся.

— Да ладно тебе. Есть у тебя пластиковые ключи?

— Ну да, а зачем...?

— Сломай пополам и давай одну половину мне.

Я сделал, как он просил, привычно положившись на его чутье и здравый смысл. Корд

перехватил пальцами обломок пластика и резанул по моим ремням. Ремни были основательные, металлизированные, срезанные с кресел пилотов.

— Ничего не выйдет, — запротестовал я.

— Береги руки.

Резким росчерком он прополосовал ремень, едва не срезав кожу с запястья. Я дернул руками — не вышло.

За этим занятием нас застали морфоиды.

— Теперь моя очередь, — услышал я голос Шейн и тихонько зарычал. Корд еще раз резанул мой ремень.

Шаги по коридору, и вот морфоиды уже здесь, все десять нелюдей. Они больше не маскируются и от их вида можно испытать настоящий шок. Перевитые мускулами тела, лица без выраженных черт с кроваво-красными глазами, гипертрофированные органы воспроизведения. Меня затошнило, сердце зашлось от ярости.

— Корд Райт, — выступила Алисия, — наконец-то мы будем в расчете. Помнишь Буцалло?

Брат не стал вступать в разговоры. Со связанными за спиной руками он мало что мог, так мне казалось. Но я ошибся. Ударом ноги Корд отправил в толпу морфоидов стул. Кто-то упал. Брат воспользовался заминкой и нажал что-то на пульте. Рубка погрузилась во тьму. В этой тьме метался Стальной Сокол имперского небесного флота, я слышал сдавленные крики и шум падающих тел. Отступил в угол, чьи-то грязные руки тянулись ко мне. Напрягая мускулы, я пытался разорвать частично разрезанный ремень. И мне это удалось. Вспомнив метод брата, я подхватил стул, попавший на дороге, и принялся гвоздить им в разные стороны. Очень надеюсь, что Корд не попадется мне под руку. Прижался спиной в стене и вдруг под ногами почувствовал что-то. «Винтарс», которым полоумный Гейман ударил Корда. От удара он отлетел под панель управления, да там и остался.

Задыхаясь от восторга, я взял его в руки. Мне хотелось петь и плакать. Я отступил в угол и ждал, когда брат додумается включить свет. Корд будто слышал мои мысли.

— Ложись! — заорал я ему и нажал спусковой крючок. Хорошо, что стоял у стены, иначе меня бы отбросило, как пушинку. Мощное оружие разносило рубку в пух и прах. Морфоидов раздирало в клочья на моих глазах. От приборной панели почти ничего не осталось. С грохотом взорвался один из мониторов.

Когда все стихло, я понял, что мое лицо перекошено идиотской широкой улыбкой. Медленно-медленно шел по рубке, вглядываясь в мясо, лежащее на полу. Алисия, изуродованная и окровавленная, была еще жива. Я ударил ее прикладом, потом еще, и еще. Пока меня не остановил Корд. Его руки до сих пор были стянуты за спиной, пальцы сжимали осколок ключа, на ладонях — глубокие порезы. Сколько ран он оставил этим осколком врагам, теперь уже не сосчитать.

— А я все ждал, когда ты вспомнишь про «винтягу», — сказал он, подставляя мне руки. Я перерезал ремень.

— Долго же пришлось ждать, — ответил я. Брат поглядел мне в глаза и, ничего не говоря, крепко прижал к груди. Он всегда понимал меня без слов. Потом взъерошил волосы на макушке и оттолкнул.

— Некогда.

Корд занял место пилота, а я пристроился рядом. По-правде, мне было непонятно, что он собирается делать. Брат смахнул осколки панели на пол и что-то переключил в глубине.

— База! База! — громко и отчетливо произнес он. — Борт 002. База, отвечайте!

— База слушает, — вдруг донес мертвый эфир, — кто говорит?

— Говорит лейтенант специального подразделения «V2» Корд Райт. На закаррийскую базу ОВС готовится ракетный удар. Повторяю, на закаррийскую базу оримских вооруженных сил...

Я откинулся на стул, раскрыв рот. Мне показалось, что Корд сошел с ума.

— Принял сообщение, лейтенант, — сообщил голос с базы.

— Корд...

— Помолчи, Дан. Ну и разошелся ты...

Он разглядывал раскуроченную панель управления. Обернулся ко мне и отобрал пулемет.

— Что не под силу технологиям, то можно сделать ломом... — пробормотал Корд крылатую фразу и ударил прикладом в центр панели. Раздалось гудение в динамиках, ожили уцелевшие мониторы, и красивый женский голос тут же сообщил:

— Автоматическое управление отключено, перейдите к ручному управлению.

Брат поддел коленом панель управления, сдвигая куда-то внутрь. Перед ним возник стандартный штурвал, простой, как в истребителе.

— Борт 002 вошел в зону действия приграничной противовоздушной обороны, — объявил голос системы.

Я посмотрел на монитор и увидел, как в сторону портала удаляется пассажирский шатл.

— Уходят, — с горечью простонал я, неотрывно следя глазами за зеленой точкой на радаре.

До портала осталось не больше минуты. Ушли. Но я запомнил и кокаинового лидера Заккара, и Френтона, посредника между людьми и нелюдью. Запомнил и не успокоюсь, пока не найду и не разорву на клочки, как морфоидов.

Что-то мигнуло на радаре. Ракета ближнего полета? Огонек шатла моргнул и погас, не дотянув до портала.

Прямо в точку. Слава Богу!

— Корд...

Он не сказал, а глухо зарычал:

— Держись, Дан!

По лицу брата катились крупные капли пота, челюсти были сжаты, как клещи. Он вцепился в штурвал, руки подрагивали от невыносимого напряжения.

— Что...?

— Из пяти турбин осталось только две, — глухо сказал он, — я попытаюсь посадить, но...

Учитывая количество взрывчатки в трюме, наше приземление в целом виде весьма проблематично. Я сжал плечо Корда, потому что выразить словами все, что чувствовал, было невозможно. Что бы ни случилось, я рад, что оказался на этом корабле вместе с ним. Если нам суждено погибнуть, то только вдвоем.

Над Оримой поднималось солнце. Летающий госпиталь приближался к столице с неотвратимостью рока. Невидимые часы отбивали последние секунды нашей жизни. Корд потянул на себя ручник. Сначала плавно, потом все сильнее. Нас тряхнуло так, что я едва не прикусил язык. Обрезанные лефтьхендовцами ремни сейчас были бы кстати.

Госпиталь стремительно снижался, слишком стремительно. Да что там, с двумя

турбинами мы практически падали, и Корду никак не удавалось выровнять машину. Он никогда не пилотировал такие громады. Я вцепился в подлокотники кресла, не отрывая глаз от дорогого бледного лица. Луч рассветного солнца ворвался в рубку, мониторы замигали. Что-то зудела система корабля. А я смотрел на брата и кусал губы.

Над самой землей полет немного замедлился, руки Корда дрожали, как до предела натянутые канаты. Заваливаясь набок, госпиталь рухнул. Нет, опустился, но трянуло все равно сильно. Я ударился виском о задвинутую панель и поднялся с трудом.

Мы на земле? Уже на земле? И... живы?! Не разбились в тысячу кусочков?

— Корд!

Он замер в кресле с закрытыми глазами. Я кинулся к брату, но кто-то решительно отодвинул меня. Полковник Кромвер выдвинула панель, громко и четко проговорила в эфир:

— База! Борт 002! Квадрат 5, аварийная посадка. Вышлите бригаду саперов и медицинский шаттл. Бригады детоксикации, сколько? Да много, и срочно.

Женщина оглянулась на меня:

— Ты не ранен? Потерпи, сейчас придет помощь.

Помощь действительно пришла быстро. Я устал и обессилел, поэтому, узнав, что с братом все в порядке, просто отключился в кресле. А может тоже потерял сознание. Нас везли в госпитальный комплекс, краем сознания я запоминал короткие четкие рапорты полковника Кромвер и даже успел подумать, как нелепо все вышло. Оказывается, она солгала мне. На борту были ракеты и система наведения, естественно, тоже. Я нужен был для отвлечения внимания. Пока Френтон и морфоиды запугивали меня, Кромвер ухитрилась скрыться из поля видения и сумела навести ракету на удирающий шаттл Геймана. Вот вам и полковник медслужбы.

Нападение на приморскую базу Заккара, где должны были высадиться члены нового правительства, удалось предотвратить. Гейман рассчитывал устроить переполох в Ориме, уронив начиненный тротилом корабль на госпитальный комплекс. А тем временем ракетные удары не оставили бы от порта Заккара камня на камне. Усилиями полковника Кромвер и лейтенанта Райта катастрофу удалось предотвратить. Премировать и представить к награде.

Я улыбнулся и уснул под мерное гудение двигателей шаттла.

Над вершиной Нар-Крид зеленеет небо. Звезды, крошечные, как разрез иглы, светят ярко. Поднимаюсь, разминая плечи, спину, шею, все затекло от долгого сидения. Под кожей будто пробегают муравьи, легкое покалывание сменяется ощущением тепла.

Йохан смешно подпрыгивает и хлопает себя руками по плечам, стараясь согреться. Локхи не нравятся эти танцы, он сдержанно рычит. Я склоняюсь над раненым товарищем.

— Макс, пора двигать.

Он пытается пошевелиться, морщится от боли и стонет:

— Ну, ты и садист, ослабь повязку, чуть не задохнулся, мать твою...

Отлично, ругается — значит идет на поправку. Да и приложили его не сильно, больше испугался, а потом Дружок спугнул кровососа.

— Завтрак, — команду я, — ждите меня здесь.

Сам скатываюсь по наледи и огибаю скалу. Тут удобная ниша для засады, невысокому гибкому существу в самый раз. Стало светло, по кровавым следам иду дальше. Локхи тащил добычу шагов тридцать, пока не нашел укромного уголка для разделки трупа на окорока и ливер. Преодолевая отвращение, склоняюсь над останками в рваной военной форме. Нехорошее подозрение шевелится в груди: те двое, что напали на меня возле портала, были в такой же форме. А это значит: меня ждали. Именно меня. И задание им дали уничтожить врага, а потом и себя. Заматают следы, сволочи.

Алые глаза с узкими зрачками вызывают дрожь ужаса. Будто я снова подросток, столкнувшийся с неведомым. Мерзостные твари, по сравнению с которым нарьяги — милые и дружелюбные ребята, здесь, в Нарланде. Не об этом ли ты узнал, Корд?

Я ощутил себя, как осужденный, которому вслух зачитали смертный приговор. Закидал камнями труп морфоида и вернулся к товарищам. Те вскочили мне навстречу.

— Ребята, — глядя в обветренные лица Макса и Йохана, сказал я, — мы в полнейшей заднице!

— Это они, Дан? — догадался Йохан, хмурил светлые брови. — Морфоиды?

— Что еще за морфоиды? — встречает Макс.

— Кровосос, который напал на тебя, называется морфоидом. Насколько я понимаю, пакости этой тут полно.

— Чего? — затравленно оглядывается Веселков. — В горах полно таких вампирюг?

— Выдвигаемся, — я вскидываю на спину ранец, — смотрите в оба.

Ожидавший сигнала Дружок радостно срывается с места, поистине локхи стал ценным приобретением для нашего отряда. Быстрый, сильный и бесшумный мутант несется по тропе. На душе становится чуточку спокойнее. Мы уверенно следуем за ним.

Ноги сами несли нас вперед. Максу было хуже всех, но и он не отставал, не желая снова стать добычей морфоидов. Я, пожалуй, слегка преувеличил, сказав, что ими кишат горы. Скорее всего, неведомый хозяин кровососущей нелюди выпускает их лишь по необходимости. Морфоиды — это такое дерьмо, которое, если раз не уберешь, завоняет по всему перекрестку миров. Связи с ними означают смертный приговор, будь ты хоть сам

император.

Но зато мои товарищи приободрились и шагали вдвое быстрее прежнего. Приходилось заставлять их присесть отдохнуть, а концентрат они готовы грызть прямо на ходу. Зато локхи повеселел. Брюхо его раздулось и смешно колыхалось при быстром беге.

К вечеру, обойдя сторожевые посты, мы вышли к Нарголле. Вид сверху потрясающий: черные пики Нар-Крида с белыми беретами льдов розовеют в закатных лучах. Резкие темные тени прочерчивают вертикальные полосы. Внизу основания пиков сходятся и образуют естественную впадину, которая со стороны Нарголлы укреплена рукотворной стеной. Весной и летом снега тают и наполняют впадину талой водой. Вот она — цель нашего путешествия — водохранилище Нарголлы.

— Дошли, — выдыхает сквозь зубы Йохан.

— А дальше что?

Я приближаю изображение, сканер увеличивает так, что видно каждую трещинку на стене дамбы. А вон там, напротив, сооружен водосброс, весной, когда воды переполняют хранилище, его поднимают и отводят лишнюю в безопасное место. Сейчас вода колышется не выше средней отметки.

— А дальше вы идете туда и минируете вон ту маленькую стену, — указываю я, — взрыв должен прозвучать завтра, не позднее полудня. Ясно?

Парни озадаченно уставились на меня.

— Неа, — высказывается за двоих Макс, — какой в этом смысл?

— Смысл в том, чтобы дать мне фору. Взрываете перекрытие и ждете меня пять часов. Если я не появлюсь, возвращаетесь, Венъяр подберет вас в условленном месте.

У Макса круглые, как у разбуженного филина, глаза, Йохан наоборот щурится, будто от яркого солнца. Даже Дружок, оценив напряженность момента, притих, не твякает и не колотит хвостом по мерзлой тропе.

— Ты идешь в Нарголлу, Дан? — Хольд хватает меня за рукав. — Но зачем?

— Да, что ты задумал?

Перевожу сканер в обычное положение, давая себе секунду для размышления.

— Полагаю, в Нарголле знают о нас и будут стеречь водохранилище в десять глаз. Вы отвлечете Алвано на себя, а я заминирую дамбу.

— Если командору все известно, это самоубийство. Он может оцепить водохранилище так, что ни одна мышь не проскользнет, — возражает Макс, тревожно оглядываясь, — ты не пройдешь один.

— Втроем у нас точно нет шансов. Гарнизон Нарголлы — тысячи две наемников, не так много, чтобы оцепить дамбу длиной в несколько миль.

Снова молчат. Пока не принялись снова возражать — вон темнеет уже, время дорого — я инструктирую:

— Локхи реагирует на морфоидов лучше, чем таможенные собаки на кокаин. Вряд ли кровососы еще полезут, но на всякий случай помните: твари выглядят, как обычные женщины, такие типа унисекс. Глаза красные, зрачки, как у кошек. Если будете все это представлять, им не удастся задурманить вам сознание. Их точно так же берут и пули, и ножи. Не давайте к себе прикоснуться и все будет в ажуре...

Макса передернуло, Йохан остался спокоен. Я вижу, как ему хочется пойти со мной. Не потому, что мы такие уж друзья. А потому что там, в Нарголле, скрывается Ромари Алвано.

Кладу руку ему на плечо:

— Я оплачу и твой долг, брат. А если не сумею — придет твоя очередь.

Хольд угрюмо кивает.

— Расплатиться с процентом.

— Конечно! Удачи вам, ребята.

Они смотрят на меня неподвижные, подавленные и хмурые. Дружок вскакивает и скулит, не понимая, почему я уйду один. Я же больше не оглядываюсь, только вперед, в Нарголлу. К моему кровному врагу.

До темноты я преодолел пару миль, но свернул не к дамбе, а в сторону тракта, что ведет в Нарголлу. Тут я переделался, стащив с себя все, что может помешать. Я не беспокоился за свою одежду, в которой был еще у мятежников. Но вещи, выданные Деворией и Веньяром, как и те, что побывали в руках имперцев, безжалостно упаковал в ранец. Я оставил все под камнем, не взял даже оружие, только десантный нож, взрывчатку и альпинистское снаряжение. Ужасно жаль сканер, темнота, хоть глаз выколи, но придется обходиться тем, что есть.

А курточка-то легкая для морозной ночи. Не успел задвинуть камень, как меня зазнобило. Холод пробирает до костей. Бегу по горной тропе, что есть мочи. Как ни длинна зимняя ночь, успеть надо много. Без снаряжения легко, я быстро согрелся, но лоб и щеки горят от режущих порывов ветра, кажется, что кожа обожжена и слезает кусками. Глаза щиплет, наворачиваются слезы, густой пар изо рта мешает и без того плохой видимости. Но, тем не менее, дамбы я достигаю довольно скоро.

Арочная громада из железобетона производит впечатление. Могучие контрфорсы сдерживают многие километры ледяной воды. Высота плотины метров сто, в верхней ее части водосбросные конструкции. А внизу лежит проклятая Нарголла, которую если и не смоеет с лица земли потоком, то основательно затопит. С некоторой опаской ступаю на ровную широкую площадку, будто на крышу оримского небоскреба. Внизу перекачивает темные волны запертая вода. Куски льда стайками белеют, выются по поверхности. Вода облизывает опоры дамбы, мечтая однажды разгрызть препятствие, раскрошить, смести с дороги и мчаться вперед вольным потоком, как предназначено от века. От взгляда вниз слегка кружится голова.

Я бегу по плотине, колючий воздух режет горло, в глазах мелькают зеленые и красные звездочки. Стараюсь не думать ни о чем: ни о жаре в груди, ни о холоде снаружи, ни о возможной и близкой опасности. Жар — это хорошо, пластик не замерзнет и лучше скрепится. Мороз — это тоже хорошо, вряд ли патрули будут шататься в такую собачью ночь. Ну а опасность — вечный мой спутник с того дня, как я шагнул в окно портала.

Добираюсь до середины плотины где-то около полуночи. Часы оставил под камнем, но по звездам вижу, что вполне успеваю. Внизу тихо, никаких подозрительных движений, голосов — ничего. Вбиваю клин-распорку в опору плотины, проверяю, чтоб сидел крепко, мои восемьдесят — вес не бараний. Продеваю веревку и, как положено, обвязываюсь ею. Рисковать по-глупому неохота, спускаюсь медленно, упираясь подошвами в стену дамбы, двойной трос плавно скользит в руке. Преодолев метров десять, перевожу дух. Стало жарко, мускулы гудят от нагрузки. «Стареешь, Дан» — не к месту замечаю я.

Как следует закрепившись, расстегиваю куртку. Теплые, обернутые фольгой, бруски СИ-4 послушно мнутся в руках, расползаются по стене, проникая в самые мелкие трещинки плотины. Подсоединяю капсуль-детонатор и таймер. На это у меня уходит не больше десяти минут. Потом минирую опоры: ту, по которой спускался и соседнюю. Дело сделано, можно

уходить с чувством выполненного долга. Подыхай, Нарголла, захлебывайся ледяной водой, я мщу, мщу за тебя, Корд!

Злое ликование наполняет все мое существо до краев, раздирает неистовой, нечеловеческой радостью. Перехватываю веревку и вдруг на миг слепну. В первый момент не могу ничего понять, лишь инстинктивно дергаюсь в сторону, под защиту ребра опоры. Чуть ниже моих ног мелькает луч прожектора. Кажется, он обжигает, по крайней мере, куртка моя промокает в две секунды, словно оказался на пляже в жаркий день. Белые полосы скользят по бетонным перекрытиям плотины, я приникаю к контрфорсу, стремясь слиться с ним, стать бездушным холодным камнем, только бы не обнаружила охрана. Рано, рано ты обрадовался, Дан! Ты по уши в неприятностях.

Глава 46

Я вжимаюсь в ледяной камень, пристываю к нему. Все мои усилия направлены на то, чтобы не трястись от холода. Внизу орудуют прожектора, но, к счастью, уже левее. Мне кажется, что сердце примерзло к ребрам, кровь в жилах остановилась, и, превратившись в сосульку, я сейчас свалюсь вниз. Но стеклянные пальцы намертво вцепились в веревку, и только это помогает держаться на высоте десятиэтажного дома.

Когда лучи перемещаются далеко налево, я начинаю подъем. Ничего в своей жизни не помню сложнее этого мероприятия. Покрытая коркой перчатка скользит по веревке, подошвы ботинок — по бетонному перекрытию. Я несколько раз едва не срываюсь, но медленно ползу вверх. Я, наверное, должен молиться, но все чувства выстыли, и могу думать лишь о том, как замерз.

Назад бегу медленно, хотя хочется убраться с плотины как можно скорее. Но двигаться быстрее я просто не могу, слишком измучен. Оказавшись возле тайника, сдвигаю камень и поспешно, дергано облачаюсь в бронекостюм. Подключаю сканер к батарее и настраиваю обогрев. Волны неживого электрического тепла мягко отогревают меня, расправляют скрученные судорогой пальцы, предплечья, голени. Хотя дрожь еще долго сотрясает тело, постепенно сходит на нет и она. Я без сил приваливаюсь к скале, собираюсь в комок, стараясь сохранить такое долгожданное и живительное тепло. Живот прилип к позвоночнику, поэтому, едва пальцы обретаю чувствительность, достаю и распечатываю концентрат. Ледяные бугристые куски питательного брикета неуютно застревают в пищеводе. Я старательно грызу полезную гадость, потому что не знаю, когда смогу поесть в следующий раз. И смогу ли вообще. Потом глотаю энергетическую пастилку с банановым (ненавижу!) синтетическим вкусом.

Мгновение раздумываю, стоит ли отхлебнуть из фляжки Веньяра. Делаю глоток, другой — и согреваюсь окончательно. Обожженные морозом, опухшие веки тяжелеют. Прикрываю глаза. Я не спал двое суток, мне необходимо хоть чуточку восстановить силы. Меня затягивает куда-то в теплую, блаженную черноту, будто в утробу матери. Там спокойно, защищено и не надо никуда бежать, там отступают страх и сомнения, обиды и радости кажутся никчемными и пустыми. А самое главное наслаждение — покой и темнота.

Лица красится долго и со вкусом. Меня всегда это раздражало, зачем, ведь лучше некуда, а мне невыносимо ждать. Лучше хоть что-то делать, пусть бессмысленное: одеваться, идти на вечеринку, пить шампанское, от которого пучит живот, болтать о чем-то

со всеми подряд, играть с бильярд с юношами-мажорами из высшего общества. Скучно, но все же лучше, чем просто сидеть и ждать непонятно чего.

Но сегодня я пригрелся в кресле, должно быть, я нездоров, раз мне нравится наблюдать, как Линка с художественным профессионализмом раскрашивает себе лицо. Она никогда не разрисовывает себя ярко; интересно, на что тратит час, если косметики на ней не видно. Только чуточку поднимаются уголки глаз, самую капельку блестят губы. На нее приятно смотреть: она наклонилась к большому зеркалу, слегка оттопырив подтянутую попку, халатик едва прикрывает ягодицы. Ноги — не от ушей, а нормальные — так и притягивают взгляд. Не хочу я ни на какую вечеринку!

Лина мурлычет себе под нос веселую песенку, не спеша укладывает волосы, разделив темную копну прямым пробором. Скидывает халатик и тут же ловко ныряет в шелковое платье — скромное, до колена и без лишних блестяшек. Дочь лидера Уmano — лицо междумирья, его гордость и достоинство.

— Дан, ты готов? — не оборачиваясь, спрашивает она.

— Готов, — сдавленно-бархатным голосом отвечаю я, так что она сразу понимает, К ЧЕМУ именно я готов.

Оборачивается, критически оглядывает меня:

— Не пойдет. Нельзя идти к Хамстелам в джинсах и свитере.

Морщусь. Она вынимает из шкафа смокинг, долго копается в поисках рубашки и галстука.

— Не старайся, — говорю я раздраженно, — все равно не надену.

— Милый, ты должен. Там будут нужные люди, я хочу, чтобы ты был красивым парнем.

Даже в смокинге я не избежал презрительно-завистливых взглядов Линкиной тусовки. Слишком я им не ровня. Не пью, не нюхаю, не колюсь. Не имею счета в римском банке с километрами нулей и дряблого брюшка, которое не скроют даже кутюрье. Я чужак без шансов и желания сделаться своим.

— Не собираюсь я быть красивым парнем среди накокаиненных пидоров и пьяных шлюх. Это чревато.

— Не будь вульгарным, — спокойно улыбается Лина, — у Хамстелов никогда не бывает сброда.

— Тогда тем более не вижу необходимости выржаться.

— Почему ты упрямись по самым пустяковым поводам, Дан? — Лина начинает сердиться, но говорит неизменно спокойно и доброжелательно. Это ей посоветовал тот психоаналитик, которого я выгнал взащей.

— Потому что не люблю быть посмешищем.

Она подходит ко мне, наклоняется так, что я ощущаю ее заметный аромат ее духов и теплое дыхание на щеке.

— Мне кажется, дело в другом, — ласково шепчет Лина, протягивает руку к тумбочке и, не глядя, нащупывает трубку телефона, — Мегги, — говорит она в трубку, — у нас появились неотложные дела. Если сможем, приедем позже. В любом случае, начинайте без нас. Ну вот, Дан, нас больше никто не ждет...

Лина запускает ловкие пальцы мне в волосы, массирует, чешет за ушком, усаживается мне на колени.

— Дан, проснись!

Лина отчего-то превращается в Веру:

— Просыпайся, идиот! — она трясет меня за плечи. А потом откуда-то издалека доносится твой голос:

— Дан, подъем!

Вздрагнув, я открываю глаза и сослепу вскидываю винтовку. Очередь отшвыривает то теплое и живое, что только что было возле меня, касалось меня. Ничего не видно, кроме мелькания крошечных огоньков в раскинувшейся внизу Нарголле. Стреляю наугад в темноту, сухие щелчки рассыпаются по ледяным скалам, как горох. Ответные вспышки слепят, что-то трещит, несколько сильных толчков швыряют меня на скалу. Бок прорезала боль, но когда я почувствовал, что мне вот-вот придет крышка, появляется неожиданная подмога. Черная туша Дружка врезается в строй нападающих, по вымерзшей тропе грохочут десантные ботинки, автоматы захлебываются злостью. Приободрившись, я вношу свои десять центов в общее дело. Ну и шуму мы тут наделали!

Ребята, Йохан и Макс, послушались меня, но как же я сейчас этому рад. Красноглазые твари подобрались так неожиданно. Я ж только на минуту закрыл глаза.

Несколько минут мы преследуем отходящих морфоидов. Ловкие, сволочи, прыгают по скалам, как белки. То ли дело мы, в десантной броне, которая, кстати, спасла мне жизнь. Бок саднит, пуля все-таки пролезла между ремнями бронежилета, но не смертельно. До свадьбы точно заживет.

— Дан, ты ранен? — тревожно спрашивает Йохан.

— Пустяки.

Макс треплет за холку героического локхи. Дружок получил две пули, благополучно застрявшие в шкуре и толще кожи, но выглядит довольным, язык выворотил, слюни стекают непрозрачными белыми нитками.

— Откуда вы здесь, я же велел...

— Ты за кого нас держишь? — сердито откликается Веселков. — Дружок забеспокоился, ну мы и поняли, что кровососы рядом.

— Спасибо, ребята.

— Тебе пора, Дан. Мы прикрывать, — говорит Хольд, глядит вдаль. — Скоро восход.

Он прав. Чем быстрее я окажусь в городе, тем безопаснее. Там меня не тронут. Кто угодно: наряды, наемники, но только не морфоиды.

Мы скидываем трупы нелюдей в ущелье и спускаемся вниз. Здесь пролегает ветка рельс, по ним изредка ходят грузовые короткие составы. Дорога ныряет в тоннель. Йохан и Макс провожают до развилки рельс, автоматический семафор подмигивает красным глазом.

— Пока ребята. Возвращайтесь.

Я надеваю поверх одежды камуфляжную куртку наемнической армии, синюю с желтой полосой и ефрейторской нашивкой на погоне. Вскидываю руку, отдавая честь, и ныряю в тоннель.

И снова куда-то бегу. Это становится стилем жизни — рваться куда-то, дуря от ненависти, бежать навстречу опасности и одновременно убегая от нее. Когда ноги подкашиваются от усталости и грудь стягивает от недостатка кислорода, я вызываю перед мысленным взором рожу Алвано и представляю, как убиваю его... медленно-медленно... О нет, эта тварь не должна дожить до нового суда! И он не умрет быстро!

Я ненавижу до тошноты, меня выворачивает наизнанку от ненависти, я давно стал лютой нелюдью, жаждущей только крови врага... За тебя и... Шику. За осиротевшую Таню, погибшую Веру, Йориха и всех-всех, втянутых в хитрую политическую интригу.

Тоннель оказался длинным. Под утро впереди зашипело, дробный стук отозвался дребезжанием рельсового полотна. По узкоколейке мимо меня прополз товарный локомотив, груженный железным ломом. Я переждал его, вжимаясь в выступ стены, перевел дух и помчался дальше. Вскоре впереди забрезжил свет.

Выбираюсь из тоннеля в серых предутренних сумерках. Ботинки грохочут по камням, но я, почти не таясь, иду вперед. Там, возле семафора, будка охранника. Вот и он сам, легок на

помине, выползает навстречу, рожа одутловатая со сна, винтовка в руках, как палка. Зато на нем форма алвановского сброда, болтается мешком на неопрятной фигуре, будто седло на корове.

— Эй, ты! Из бригады Мору?

— Ну, — отзываюсь я, приближаясь. Пошатываюсь, как пьяный. В рукаве нож.

— Я что-то не видел твоей физиономии.

— И что?

Охранник медленно соображает, я успею доковылять и остановиться напротив.

— Новенький что ль?

— И чо?

Он упирает дуло мне в живот. Ну и порядки у них. Имперцы меня уже бы расстреляли. По крайней мере, до будки я бы не дошел. Скользящий шаг в сторону, бью в скулу рукоятью ножа. Что-то, кажется, хрустнуло. Охранник падает навзничь, мордой в снег. Оттаскиваю его за будку и меняюсь одеждой. Старательно прилаживаю к бесчувственному телу идиота щитки брони, оставляю при нем все свои вещи, а забираю винтовку. Осторожно ощупываю рану на боку. Пуля скользнула по ребру, футболка присохла к царапине, остановив кровотечение.

Последний взгляд: ничего ли не забыл. Нет, сменил все, вплоть до термобелья. Еще после первого нападения морфоидов я заподозрил, что мне в амуницию могли сунуть жучка. И оказался прав. Ищите меня теперь, хитрые сволочи, если сможете!

В Нарголлу вошел спокойно. На рассвете. Осталась самая малость — отыскать командора и нанести ему дружеский визит.

Миновав продовольственные и оружейные склады на севере столицы, иду узкими нищами улочками Нарголлы. Кривобокие лачуги ничем не лучше, чем в Крикхе. Такая же грязь и убожество, только улицы замощены булыжником да шаманских колокольчиков как не бывало.

Дальше стоят дома попримечнее, хоть и сложно странные строения связать с жилым помещением. Остроконечные и круглые крыши окрашены в алый цвет, украшены рунами-символами. В лучах поднимающегося солнца панорама выглядит завораживающей и пугающей. Один из символов мне знаком: такое клеймо было у Шику на затылке, мальчишка объяснял мне, что это руна причастности и посвящения высшей воле. Дескать, его отдали на откуп проклятому Нар-шине, и лишь от желания того зависит, будет маленький нарьяг жить или умрет.

Вдали возвышается шпиль главного храма, такой же жуткий, вымазанный красной краской и расписанный письменами. Обиталище верховного Харру.

С блаженной улыбкой я закрываю глаза и вижу, как ледяные волны смывают всю эту гадость, подтачивают фундаменты, врезаются и рушат стены. Город не утонет, но сопротивляться больше не сможет. Нарьягам придется сдать свою последнюю твердыню Стивенсу, особенно если командор отправится к тому времени к праотцам.

За поворотом я едва не налетаю на шумную подвыпившую компанию. Наемники, добродушно косят на меня глазками, похлопывают по плечу. Один полез обниматься, сжал в медвежьих объятьях, обдавая сивушной вонью. Натянуто улыбаюсь и спешу к распахнутой двери кабака. Питейное заведение занимает один из нарьяжьих домов, приземистый, с куполообразной крышей. Внутри просторно, тепло и шумно. Я поискал глазами свободный столик, но все занято. Кто-то дергает за рукав, я, не удержавшись, плюхаюсь на лавку и

оказываюсь в большой компании. Все беспечно, хмельны и плохо друг друга знают:

— Выпей с нами, брат.

Оборачиваюсь. Тот, что дернул меня, краснорожий небритый детина с сержантскими погонами. Во рту гнилые зубы и один золотой, весело блестящий.

— Ты это, не стесняйся, — локтем в бок пихает он меня, — пей, ешь, чай, с мороза. А не по нраву, что на столе, закажи, чего хочешь. Я это, угощаю.

Тут же подскакивает подавальщик.

— Чего тебе, парень?

— Сок апельсин...

Я даже испугался изумленной тишины.

— Шутка, — ухмыляюсь я, — пива.

— Хе, ну ты и остряк, — с одобрением снова пихает меня краснорожий.

Передо мной тут же появляется гигантская кружка пива. Мой новый знакомый выжидательно смотрит на меня. Пена над кружкой колышется, пузырьки лопаются, мутноватая струйка сочится по гладкому боку кружки. Делаю глоток, ощущая горечь на языке: дрянное пиво, да еще и разбавленное... Краснорожий отворачивается, наконец, и я наваливаюсь на закуску. Рву руками жареную курицу на общей тарелке, обгладываю сочное мясо, обсасываю кость, не хуже локхи. И снова тычок в бок:

— Ты из какой бригады, парень?

Вспомнив беседу с охранником, отвечаю:

— Мору.

— Ну и идиот ваш Мору, прости господи! — здоровяк делает глоток — ровно полкружки, льет прям в глотку. — Гоняет парней по горам, на кой? Кого там ищет в такую стужу?

— Да, параноик, — соглашаюсь я.

— Ты ведь оттуда?

— Да.

— Ну, и как там?

— Холодно.

— Ты пей, брат, пей!

— Да я пью...

Время идет. Я цежу пиво и прислушиваюсь к разговорам. Но ни крупицы полезной информации пока не получил. Черт, но не могу же я в лоб спросить, где штаб Алвано!

Надо расспросить хорошенько краснорожего, вот только придумать бы повод. А башка, как назло, отказывается соображать. Тут наемник, что напротив, пьяный, почти мордой в салате, понимает соловый взгляд:

— Ты кто? Я тя не знаю.

— Я тя тоже, — отвечаю в тон.

— Крыса штабная?

— Закрой хлебало, пока язык не отсох! — вступается краснорожий. — Парень из разведки Рутгерта. Только с гор...

— Прям с гор? И чо там?

— Холодно, — пожимаю плечами.

Пьянчуга успокаивается, весело подмигивает, заговорщически гундосит на весь кабак:

— Ух, и ненавижу штабных выползней, особенно того, чернявого...

— Что при командоре принеси-подайка? — охотно включается в разговор краснорожий сержант.

— Ну. И подставляйка, гы-гы! Видал его? — это уже мне. Вот он, момент истины!

— Да я и в штабе то не бывал ни разу. Не знаю даже, где это.

— Да в самой заднице, — беспечно просвещает меня наемник, — возле башни этой, как там, Хари... Хары...

— Харру.

— О!

Глотаю пиво, с тоскливым безразличием прислушиваясь к продолжающемуся разговору. Если б город был занят имперцами, я бы уже кормил собой червей, да и эти двое — тоже. За разглашение военной тайны. Хотя... им и так недолго осталось.

Я улучаю момент, когда обо мне позабыли и встаю из-за стола. Покачиваюсь, как пьяный, выразительно придерживая ремень штанов, чтоб ни у кого не возникло сомнений в моих намерениях.

Я почти дошел до выхода, когда дверь распахнулась. У солдата белое от инея и ужаса лицо и дико расширенные глаза.

— В городе кровососы! — орет он. Раздаются смешки, дескать, допился до белой горячки. Но тут второй спиной вперед втаскивает в освещенный зал что-то мешковатое. По натоптанному полу ползет волнистая красная линия. Отпускает, и все вскакивают, стараясь разглядеть обезображенный труп. Кажется, что с него содрали кожу, отовсюду, даже со щек. На трупе моя одежда. Я едва успеваю выскочить из кабака на светлую уже, снежно-розовую улицу Нарголлы. Пиво, которое мне не пришлось по душе, покидает меня навеки.

Глава 48

Краснорожий вывалился из кабака вслед за мной. И по той же причине. Долг отплевывался, потом закурил дешевую самокрутку, от дыма защипало в носу. Из кабака доносится галдеж и собачий скулеж.

— Дьявольщина! Всегда знал, что в этих поганых горах полно всякой дряни: ловушки, растяжки, твари эти... крокодилы шерстяные! Теперь и упыри полезли, видать, от холода. Тьфу, пакость!

Он смачно плюнул.

— Ты, парень, того... иди-ка к своему Морю и доложи о происшествии. Пусть покумекает, так ли, сяк ли. Виданное ли дело, среди бела дня мужика замочили...

— А может...

— Ты иди-иди, — в голосе сержанта появляется угроза. Я спешу ретироваться.

— Морю не там, парень! — орет мне краснорожий, его качает, как ковыль на ветру.

— Я к Алвано, в штаб, — оборачиваюсь и припускаю бегом, пока кто-нибудь еще не заинтересовался моей персоной.

Вероятно, прежде в здании штаба жил кто-то богатый и влиятельный, может и сам Харру. Теперь же белый приземистый особняк с узорной полукруглой крышей занимает командор Алвано. На входе охрана в тулупах, два, похожих на подушки, наемника держат винтовки с надетыми на дуло штыками.

— Чо надо? — вопрошает одна из подушек.

— Срочное донесение командору! — запыхавшись, выдавливаю я, абсолютно достоверно показывая, что очень, ну прямо очень торопился.

— Ну? — говорит вторая. Рожи не видно за поднятым меховым воротником, только узкие щелки глаз взирают из-под заиндевелых бровей.

— Танки выходят на боевую позицию, — ору я.

— Чо?

Вот дебилы! Хочется завыть и биться о землю в корчах от такой непроходимой тупости.

— Донесение от Рутгерта Мору командору Алвано! — прямо в обмороженную рожу кричу я и тут же добавляю кулаком в зубы: — А ну, пропусти, придурок!

— Да ты... — медленно поворачивается второй тулуп, медленно опускает штык-нож. Мама моя, откуда их таких взяли? Ногой в живот, кулаком в морду, подушка плавно и величественно переваливается через перила.

Путь свободен. Распахиваю дверь и взлетаю по лестнице на второй этаж. Маленькая приемная, за широким столом сидит порученец, угрюмо поворачивая грани кубик-рубика.

— Срочное донесение от Мору ко...

— Тсс! — адъютант прижимает палец к губам и шипит на меня, как змея. Из-за раздвижной двери доносятся характерные звуки: томные вздохи, длинный протяжный стон и резкий скрип кровати. Ромари Алвано развлекается поутру.

— Но Мору...

— Да хоть святая дева! — заговорщически подмигивает адъютант. — Рискни его потревожить — станешь похожим на большой кровавый дуршлаг!

Внизу гроыхает, тулупы, надо полагать, очухались и рвутся в бой. Надо срочно что-то делать! Ору во всю глотку:

— Измена! Танки в городе! — и всаживаю пулю в тонкую дверную перегородку. Адъютант шарахается от меня, нашаривает пистолет в кобуре, я ласково улыбаюсь ему. Удар в скулу, с протяжным стоном штабист валится на пол.

Гранату в лестничный проем, сам под стол. Дом будто подпрыгивает на кочке, трещит по швам, не рассчитанный на подобные потрясения. От грохота уши едва не отвалились, щепки и куски крашеной фанеры осыпались на пол, пылища такая, что ничего не видно.

— Dios mio! Qué es ese ruido? (Боже мой! Что за шум?) — этот голос я уже слышал и отлично запомнил.

Приемную затягивает дымом, лестницы как не бывало. Я поднимаюсь из руин, чумазый, с плеч осыпаются опилки. В пыльном сизом мареве мой враг в белой рубаше и штанах с распущенным ремнем сжимает в руке револьвер.

— Qué pasa aquí? (Что тут творится?)

Я шагаю ему навстречу, передергивая затвор.

— Дьявол! — Алвано стреляет в упор, промахивается. Шарахается от меня.

— Помнишь меня, саго?

Внутри у меня ревет и мечется зверь, я сдерживаю его из последних сил. Просто пристрелить командора будет чересчур гуманно, а потерпеть осталось немного.

Алвано отступает. Бросается в свои покои, где только что трахал какую-то девку. Внизу огонь все больше разгорается. Я кидаюсь следом за ним в спальню, туда уже добрался дым, повис плотной ядовитой пеленой.

Скулы сводит от нервного напряжения, я прыжком сокращаю расстояние до командора, тот словно предугадывает бросок, разворачивается ко мне. Непонимающий взгляд темных,

широко расставленных глаз, подбородок выдается вперед, Алвано скалится:

— Ты... кто такой?

— Твоя смерть.

Вскидываю руку, нажимаю на курок. Отдача катится по предплечью до локтя, командора отбрасывает на перегородку. Что-то обрушивается на меня сзади, перехватывает шею так, что в глазах темнеет моментально. От неожиданности валюсь на спину, пытаюсь разжать яростно стиснутые маленькие ладошки — будто у женщины или ребенка. Шлюха командора, до чего сильна... Локоть под ребра, слышу сдавленный стон, захват ослабевает. Как безумный, я бросаюсь на террасу. На снегу следы и алые капли, сам Алвано удрал. Вой рвется из груди, я перемахиваю через перила и приземляюсь в кучу какого-то хлама. А навстречу уже бегут, и пули горохом рассыпаются по стенам и стеклам. Срываю с пояса лимонку, швыряю в толпу и кидаюсь в проулок. Впереди виднеется темно-красная каменная стена главного храма.

Я ожидал любого ужаса. Самое крупное капище нелюдей-убийц не может быть красивым и благостным местом. Но такого даже не предполагал. В полутемном помещении ковром лежат люди. Нет, нарьяги — мертвые и живые, неподвижные и извивающиеся. Под алой материей просвечивают ребра, ввалившиеся в черные ямы, глаза едва тлеют, на черепахах со всех сторон жуткие гноящиеся раны от клейм. Я не могу их обойти, они лежат кучей, мертвецы страшно скалятся в потолок, живые шевелятся и хрипло дышат. Неужели придется идти по телам, по хрупающим грудным клеткам, красным тряпкам?

Пытаюсь обойти, шарахаясь от тянувшихся ко мне рук. Я как в аду. На неровных, словно оплывший воск, стенах чадят светильники. И тихо, или меня так сильно оглушило. Где же подлец Алвано?

Выбираюсь к алтарному возвышению, словно причаливаю к берегу после моря трупов. Аромат курений перебивает мертвецкую вонь.

— Нар... Нар... — хриплое пение бредящего, бречание бубенчиков на худом хрупком запястье.

Падаю на колени.

— Шику!

— Нар-одар!

Что они... сделали с ним?! Я... я их разорву!!!!

Он почти невесомый и такой хрупкий, что, кажется, рассыплется в моих руках.

— Шику, потерпи, — бережно приподнимая мальчика за плечи, шепчу я, — сейчас вытащу тебя.

— Не волнуйся, Дан, — спокойно отвечает нарьяг, узкие полоски губ чуть растягиваются, — я стал сильным, очень сильным.

— Да, сильным, я вижу, — шепчу обессиленному, умирающему ребенку, — конечно, ты сильный и справишься. А я помогу, ты позволишь?

Шику выдохся, веки опускаются, я вижу, как сердце трепещет под тонкой тканью, хрупкой клетью ребер. Надо срочно доставить его в Крикху, у Майры должны быть стимуляторы и кровь для переливания. Я оставил дозиметр у поста охраны, но здесь он, наверное, зашкалил бы, по крайней мере то, что творится с Шику, очень похоже на проявления лучевой болезни.

Тихие шаги заставляют вскочить. У алтаря возникает низенький нарьяг, скрюченный, с двумя горбами — спереди и сзади. Еще не старый, вижу по глазам, он ужасно морщинистый и усталый. Мне вдруг показалось, что ему хочется лечь с почти сотней своих соплеменников и тихо умереть.

— Уходи, — сипло говорит он, с трудом поднимая мешочки век.

— Где командор?

— Ушел. И ты уходи.

— Ты — Харру?

Нарьяг кивает. Его будто терзает нечто такое ужасное, что меня он воспринимает, как

назойливую муху.

— Что с ними? — спрашиваю я.

— Война, — отвечает он, — вы принесли нам войну, в наш дом...

А вы принесли ее в мой. Войну, смерть, потерю... Не прощаю вас, не могу! Даже увидеть такое — не могу!

Харру молчит, глядя на тела соплеменников.

— Уходи, мы ничего уже не можем! Мы сдаемся, у нас больше нет сил, ты же видишь...

Я вижу. О, да! Все самые сильные маги Нарголлы здесь, в этом капище, мертвые или умирающие. Через несколько часов имперцы беспрепятственно займут беззащитный, полузатопленный город. Через несколько часов Алвано подпишет сдачу и будет взят под стражу генералом Стивенсом. Я скриплю зубами от ненависти. Я бросился бы за ним, если бы... Если бы не Шику, которому вряд ли можно помочь.

— Люди развязали войну. Мы стремимся к миру, а нас убивают... — кажется, Харру говорит сам с собой, — Маррей ри наццерра Нар... Шу лока ри Нар...

«У нас украли звезду... Мы умрем без звезды...» — с напряжением перевел я про себя. Нарьяги дважды пытались избежать бойни, и дважды люди развязали войну. Люди с их машинами и технологиями, с численным преимуществом, против маленького обреченного народца. Сердце щемит. Давай смотреть правде в глаза, Дан, это ты дважды развязал войну. Это из-за тебя они умирают. И среди чужих нелюдей — маленький Шику — случайная жертва твоей глупости и людской подлости.

— Спасайтесь! К вечеру город займут имперские войска!

Харру удивленно смотрит на меня, будто забыл о моем присутствии.

— Некого спасать, в Нарголле больше никто не блещет звездным светом. Мы отдали звезду, и Нар-Шина отвернулся от нас... Шу лока ри Нар, шу лока ри Шина...

Он грохнулся на пол костяными коленями, в голосе столько скорби, что ненависть отступает, и на ее место приходит жгучий стыд: посмотри, что ты наделал, Дан Райт! И что делаешь сейчас? Стоишь тут, а Шику все хуже и хуже. К дьяволу командора, мальчишку надо вытащить.

Наклоняюсь к маленькому нарьягу, и тут раздается глухой хлопок. Водосбросные конструкции разрушены, а у меня есть полчаса.

— Шику! — поднимаю его на руки, страшно легонького и будто уже неживого. Поднимаю и падаю, корчась от жестокой судороги, которая охватила целиком, стянула все тело и вот-вот переломает кости.

— Аааауууу....

Я качусь по полу, дуря от боли, впиваясь зубами в ворот куртки, чтобы не вывернуть челюсть. Что это? Откуда?

— Кхирра на шрига! Ан ёрга Урлисс!

— Ки мару лари, Камфуххир!

— Урн, кимрас! Урн, Харру!

— Камфуххир килейн, маррей ри наццерра Нар. Шу нарра!

Голоса доносятся будто сквозь ватный туман, оба знакомы. Так и не сдохший на аэродроме Камфу, нарьяг-предатель, требует, чтобы Харру выкачал еще немного силы из умирающих здесь людей. Вождь нарьягов спокоен и тверд в собственном решении. Они больше не будут сопротивляться. Странная в таком месте автоматная очередь рассыпается гулким эхом по неровным стенам и альковам, боль чуточку отпускает. Я пытаюсь согнуть

пальцы, упереться в темный, шершавый пол. Еще шаги, Камфу приближается, за ним нарьяги. Как их много!

— Ты! Ханза-курранга! Снова ты... — Камфу склоняется и меня будто охватывает пламя, я выгибаюсь, почти не вижу его — глазные яблоки жжет, словно сыпанули перца.

— Сам ты ханза-курранга! — выплевываю с неистовой злостью самое страшное нарьягское оскорбление. Ну почему я не могу дотянуться до него, задушить, разорвать, разрезать на ремни, нет, на шнурки... И чтоб был при этом живой, живой!

Камфу воев что-то нечленораздельное, я чувствую, что меня горящего в огне еще и пропускают через мясорубку. Миг — темнота, прохлада, тихо, лишь дождь шуршит по кронам вязов. Теперь в Ориме всегда дождь. Снова чудовищная боль, будто живьем сдирают кожу.

Дождь остужает разгоряченный лоб, стекает по щекам. Дверь заперта. Но после тихого стука с готовностью распаивается.

— Дан, — ты отступаешь назад, впуская меня. Давно уже я не видел на твоём лице такого выражения. В последний раз в шестом классе, когда принес двойку по итоговому тесту. Ты изо всех сил стараешься сдерживаться, на щеках надулись и ходят ходуном желваки, губы поджаты, сощурены глаза. Ты страшен в своём контролируемом гневе... уж лучше бы орал.

— Мне надо ненадолго уйти, — говоришь ты, — подожди меня.

— Куда ты? — я цепляюсь за твой рукав, как в детстве. Мне страшно оставаться тут одному. — Не уходи!

— Сядь. И. Жди. — Отрывисто отвечаешь ты и исчезаешь в дождливой тьме. Я растеряно гляжу вслед, но вижу только серебристые дорожки фонарей на мокром асфальте. Захлопываю дверь с грохотом, так что противно дребезжат стекла, приваливаюсь к ней спиной и сползаю на пол. Что творится? Я уже ничего не понимаю, разве можешь ты покидать дом? Разве могу я тут остаться?

Я чувствую себя разбитым. Доползаю до дивана и падаю ничком, лицом в подушку. Меня душит непонятная мне самому тоска, я все делаю неправильно, вот и упираюсь каждый раз лбом в стенку и нигде, нигде не вижу выхода.

Стук ходиков, ветер за окном, перезвон капель по подоконнику. Дом обласкивает меня теплом и тишиной, становится удобно и уютно. Постепенно я успокаиваюсь. Ну, где же ты? Я заждался. Теперь я представляю, как ты ждешь меня: долго, невыносимо долго и так терпеливо... В глаз будто попала соринка, я тру лицо ладонями, потом снова опускаю голову на подушку. Мне хорошо, просто хорошо и все. Только приходи скорее, брат.

Глава 50

Ты выглядишь таким измученным, словно вновь вернулся из плена. Щека глубоко рассечена, бескровная рана алеет, надо бы зашить. О чем я думаю? Ты без сил падаешь в кресло, грудь высоко вздымается под вымокшей рубахой, будто не можешь отдышаться.

— Два раза на одни грабли наступают дураки, — говоришь ты сердито, — но наступить на них трижды может только совершенно безнадежный идиот.

Этот идиот — я! Покаянно опустив голову, сижу и жду дальнейшего разноса. Ты не так часто устраивал головомойки, но всегда мне бывало очень-очень стыдно.

— В первый раз тебя обманули, — ты сверлишь меня взглядом так, что мурашки бегут по коже, — во второй раз ошибся сам. Мне казалось, ты все понял, Дан. И вот опять! Ты что, хочешь, чтобы их окончательно истребили?

— Корд!

— Брат, я стыжусь тебя!

Твои слова обрушиваются будто обвал, лавина, куча булыжников на мою несчастную бестолковую голову. Я всегда хотел... быть достойным тебя. Мне давалось с трудом все, что у тебя получалось с легкостью. Но я равнялся на тебя, тянулся к тебе, жадно впитывал твои слова, копировал поступки. А теперь тебя опозорил.

— Ненависть затмила тебе белый свет, ты ничего не хочешь видеть и понимать. Меня убили не нарьяги. Не они, а политиканы, которые надеются сместить Его Величество императора. Ты же обо всем догадался сам. Дан!

— База террористов, ты все-таки нашел ее, Корд?

— Нам не хватило совсем немного. Но мы сделали главное — напугали их, заставили затаиться... Еще чуть-чуть, и разведка накроет всю сеть.

— Это ничего не изменит. По крайней мере, для меня.

Ты вздыхаешь, ты уже выпустил пар и можешь улыбаться.

— На тебя возложено много надежд, Дан. Помнишь, да нет, не помнишь, на орбиту вышел новый военный крейсер «Дан-1», — твой взгляд становится мечтательным. — И враги империи притихли, такая это была мощь. А ты только родился...

— Только не говори, что родители назвали меня в честь крейсера, — морщусь я, мне так смешно, что щекочет в носу. Ну, надо же, придумали!

Ты легонько ошупываешь кончиками пальцев царапину на скуле.

— Ты хотя бы отдохнул?

— Да, наконец, смог выспаться, — усмехаюсь я.

— Хорошо.

У меня столько вопросов, но я не могу вспомнить ни одного. Они раздирают меня изнутри, а наружу не выходят.

— Зачем ты уходил?

— Уговорить их капитулировать.

— Камфу не позволит...

— Он больше ничего не сможет сделать. К счастью.

Представляю, как гнусный ханза-курранга удивился, когда понял, что на человека, на обычного человека не действует его сила. Как он выл и бесновался, пытаясь вытянуть энергию из своих соплеменников. А потом бросился на тебя (меня?) и упал, как мешок, на ступеньку перед алтарем. Страшно и сухо хрустнул его хребет. А из людского моря медленно и трудно выползал, выбирался маленький мститель Шикю.

— Что же будет дальше, Корд?

— Ничего особенного. Завтра утром подпишут капитуляцию и война, наконец, закончится. Нарланд станет еще одной колонией великой империи, ее сырьевым придатком. Не думаю, что нарьягам будет особенно комфортно под властью оккупантов, но у них появится шанс выжить.

— Что они вообще такое?

Ты трещь подбородок в задумчивости.

— Они — загадка природы, ее тайна и сокровище.

— Но ты же был в Нарголле. Расскажи...

А мне сказал, что поедешь на лечебные озера в Канды. Я тогда два дня не мог дозвониться.

— Несколько веков назад на землю тогда еще не наров упал метеорит. Помнишь, по астрономии ты писал доклад по метеоритным дождям... Погибли почти все, остальные умирали в течение десятка лет. А выжили лишь те, что сумели приспособиться. Нарланд — уникальный мир, в других жизнь была уничтожена или приобрела настолько ужасающие формы, что миры были отсечены от перекрестка. Но Нарланд остался жить.

И его нужно сохранить, как бы нас ни шокировали проявления его эволюции.

— А люди?

— Люди пришли в Нарланд позже. Из миров, где уже невозможно жить. Естественно, обладающие колоссальной мощью, наряды быстро подчинили переселенцев. Хотя теперь все изменится. Местные получают равные права, тебя это должно радовать.

Должно. Но почему-то не радуется. Как не радуется ничего вокруг, даже пребывание под родной крышей.

— Ты доволен, Корд? — спрашиваю я. — Тебя устраивает такой конец?

— Разве мы можем сделать больше?

Я не в силах объяснить тебе пронзившее меня секунду назад озарение. Но знаю, что могу все изменить. Надо только вернуть им звезду. Вернуть их веру!

— Мне пора, — решительно вскакиваю и направляюсь к двери.

— Дан, — мягко окликаешь меня, ты уже совсем не сердись, — я прошу тебя: будь осторожен.

Прихожу в сознание от собственного стога. Я лежу на боку, все тело затекло, но в онемевших мышцах спины будто бы ковыряют зазубренными ножами. Щека саднит от той самой царапины, которая была у тебя, глаз заплыл.

В капище тихо, мертвые — мертвы, живые покинули место боли и поражения. Мерцают и чадят красные лампы. Спиной я прижимаюсь к чему-то... нет, кому-то. Убитый Харру.

Собрав в кулак волю, отползаю. К алтарю, на свет, от смрадной мертвецкой к живому огню. Шатаюсь, как пьяный, встаю на четвереньки и вижу их: лежащего на спине Камфу и нависшего над ним Шику. Оцепеневший, замороженный, я не могу вымолвить ни слова, хотя мускулы постепенно оживают, наполняются живой кровью и силой.

Худая спина мальчика просвечивает сквозь дряхлую линияло-красную материю, он стоит на коленях и деловито совершает какой-то странный обряд. Звенят бубенчики, хрипит, скребет пальцами по полу Камфу, Шику что-то тягуче выпекает.

Я улыбаюсь, глядя на него. Улыбаюсь, как последний идиот, когда это маленькое чудовище, совершенно праведное чудовище, поднимает окровавленные ладошки и произносит:

— Прими мое прощение и будь спокоен в свете Звезды!

Встаю на дрожащие, но уже почуявшие силу ноги, оттаскиваю Шику от трупа врага и прижимаю к себе. За стенами капища что-то грохочет. Продырявленная плотина больше не держит воду, потоки вперемешку с глыбами льда устремляются на беззащитный город.

— Бежим, Шику! Не можешь? Тогда держись крепче. Мы обязательно выберемся, поверь мне!

Мы ушли настолько легко, что я уверовал в своего ангела-хранителя. Трудяга работает без выходных, а в последнее время со сверхурочными. Сегодня он постарался на славу.

У выхода из капища нас никто не ждал. Никому до нас не было дела. В городе началась паника. Где-то что-то горело, судя по периодическим хлопкам, склады с боеприпасами. Крики, плач, стрекот вертолетных винтов. Алвано не собирается гибнуть или сдаваться вместе с потерянным городом. Командор уходит и уводит остатки своей армии из Нарголлы. Но меня это обстоятельство отчего-то вовсе не расстроило. Я знаю, что мы встретимся, и встретимся уже скоро. Сейчас главное — спасти Шику.

С крыльца прыгаю прямо в воду, проваливаюсь по колено. Ледяная, зараза! Шику повис на плече, на другом — винтовка. Мы выбираемся на площадь, откуда только что взлетел вертолет командора. Никакого оцепления. Обезумевшие люди мечутся по городу в поисках спасения. Но мне паниковать некогда. В проулке за особняком командора я видел бронированный джип «хайвер». Влезть и завести минутное дело: всего-то соединить пару проводков. Шику уложить на заднее сидение. Выворачиваю руль и нажимаю газ до упора. Теперь у меня одна забота — не сбить мирных жителей.

Паника усиливается, на юге горит целый квартал.

— Стоооой!

Свист и крики мне вслед. Рычит шестицилиндровый двигатель, колеса буксуют в тяжелом, пропитанном водой снегу. Брызги во все стороны. Ну же, скорее! Только бы не заблудиться в этих закоулках без навигатора.

Узкие, того и гляди оцарапаешь стены боком внедорожника, проулки действуют на меня угнетающе. Одуревшие люди бросаются под колеса, приходится лавировать, из-под колес фонтаны грязи. Я машинально ругаюсь и все сильнее нажимаю на педаль газа.

Впереди проход перегородили. Разжившиеся оружием нарголльцы устроили живую баррикаду. Приняли нас за бегущих наемников? Дьявол! Поднимают ружья, целятся, пули с неприятным лязгом отскакивают от бронированного стекла, оставляя царапины.

Дергаю рычаг переключения скоростей, полный газ. «Хайвер» заливает нападающих грязной водой и мчит назад до первого переулка.

— Чао-какао, ребята!

Вырываюсь из города через пылающие склады. Вокруг что-то рвется, внедорожник швыряет из стороны в сторону. Из-за густого черного дыма ничего не видно, копоть оседает на стекле. Вот застава, где я оставил бедолагу в моем бронекостюме. Ломимся прямо по шпалам узкоколейки, впереди мелькают фонари семафоров. Не рассчитав, сбиваю белый столбик и выворачиваю на тракт. Нас дважды обстреляли на пригородных заставах, но вяло и без огонька, потому и безрезультатно. На серпантине я на миг притормозил и оглянулся. Плотина скалится дырами, как кариозными зубами. Город плавно колышется в серых с белыми крапинками волнах, несколько кварталов снесло напрочь, зато веселой иллюминацией горят деревянные постройки и изредка посверкивают взрывами остатки складов.

Миль через пять подбираю ребят. Макс и Йохан влезают в «Хайвер», устраиваются. Чем они занимались в мое отсутствие неизвестно, но разжились ручным пулеметом и выглядят вполне бодро.

— Где наша псина?

— Удрал Дружок, — сокрушается Макс, — так понравилось упыриное мяско, что на первом же перевале удрал. И не вернулся до сих пор.

Я не то чтобы расстроился, но стало как-то не по себе.

— Дан, а командор? — напряженно спрашивает Йохан.

— Ушел, скотина. Я подранил его, но добить не сумел.

Хольд молчит, стискивая изо всех сил кулаки.

— Мы найдем его, слышишь? Найдем! И засунем его поганый язык в его же задницу!

Йохан кивает. Макс ржет, нежно поглаживая пулемет. На Шику оба даже не глядят, будто мальчишки и нет тут. А я все прибавляю скорость, секунды работают против нас. Скалы бегут назад со скоростью ветра, нас заносит на поворотах. Мотор ревет, как разъяренный слон.

Через три часа мы в условленном месте. Заглушаю двигатель и всовываю в рот протянутую Веселковым сигарету. От нетерпения и навалившегося холода прыгаю на месте, притопываю и дую на руки. Ноги в мокрых ботинках совсем заледенели, штаны покрылись твердой ледяной коркой.

— Наши! — орет остроглазый Макс.

И верно: легко и быстро забирая гусеницами мерзлую землю, мчит навстречу могучий пятнистый «мустанг». Машем руками и винтовками, надо бы белую тряпку, чтоб виднее было, но из белого только кальсоны, ха-ха.

Нет слов, передать, как все мы рады. Скоро будет сытный обед, горячий чай, чистая одежда и сон. Чего еще желать солдату?

Как замороженный я гляжу, как пушка разворачивается в нашу сторону. Что за новую шутку придумал Веньяр?

Ребята еще радуются, а я опускаю винтовку и кидаюсь к машине. Вытягиваю рывком бесчувственного Шику.

— Дан, ты чего?

— Ложись! — ору я, в ту же секунду «Хайвер» подпрыгивает и на глазах превращается в аленький цветочек.

Падаем на лед, в двух шагах тревожит камни пулеметная очередь.

— Огонь!

Йохан, выдернувший из рук онемевшего Макса трофейный пулемет, открывает стрельбу по «мустангу». Хоть один соображает.

— Отходим, отходим за скалу!

Хватаю Шику и бегу. Прыгаем, как зайцы, а пули нас догоняют, вот-вот ударят по ногам.

— Живее, сукины дети!

Прикрывающий отход Йохан едва успевает нырнуть за скалу — большой булыжник на дороге разлетается на мелкие кусочки.

— Чего это хых... они хых...? — кричит запыхавшийся Макс.

— А х... их знает!

Высовываюсь и тут же снова прячусь за скалой. «Мустанг» уже так близко, что можно

разглядеть царапины на дуле пушки. Долго нам тут не высидеть. И уйти некуда. Я бережно укладываю Шику и откидываюсь на спину, приваливаясь к скале. Будем стоять до последнего. Вот только бы знать, кто нам подбросил такую свинью: неужели Жан?

Огонь танкового пулемета подмел площадку возле догорающего скелета нашего «хайвера», в ход пошли тяжелые снаряды. За непрекращающимися грохотом и гудением скал, я не сразу различаю стрекот и гул лопастей. Неведомо откуда появившийся вертолет быстро снижается, будто и не обращая внимания на атаковавшего нас «мустанга», с великолепным презрением хозяина гор вертолет опускается на чистенькую и разогретую площадку. Огонь на мгновение стих: в танке совещаются, чья машина и что с нами делать дальше.

Я замечаю, наконец, что ругался на всех пяти языках, которые знаю.

Открывая дверцу, пилот энергично машет, влезайте, мол. Макс срывается первым, нервы у парня сдали. Я подхватываю Шику, хладнокровный Йохан прикрывает. Едва я с ношей переваливаюсь в кабину, а Хольд со своим пулеметом прыгает на подножку, вертолет резко взмывает вверх. На «мустанге» опомнились, открыли стрельбу, но тут же заговорили и бортовые пулеметы. Пилот, узнать которого со спины удастся с трудом, разворачивает машину. Танк, сверху маленький и забавный, как игрушечный, сиротливо тарашится. Не до конца веря в спасение (уж слишком много всего произошло за одни сутки), прикладываю ладони рупором к стеклу и кричу:

— Чао, Венъяр! Удачной охоты!

Пилот вертолета оборачивается и выразительно крутит пальцем у виска. Вера Строгова воскресла из мертвых, чтобы вновь командовать и распоряжаться.

Глава 52

На беленом потолке яркие прямоугольные лампы. Поворачиваю голову: справа от меня лежит Шику. Медленно-медленно по прозрачной трубке струится глюкоза, портативный реанимационный комплекс попискивает, аппарат искусственной вентиляции легких мерно накачивает кислород в грудь нарьяга. Шику кажется совсем маленьким, младше своих тринадцати, худенький, с бледно-синюшной кожей, где отчетливо виден рисунок тонких вен.

Игла вонзается мне в локтевой сгиб, Вера поправляет пластиковый мешочек с жидкостью и перемещается в изголовье.

— Не вертись, — поправляет под головой подушку. Аккуратно ощупывает распухшую щеку, кончики пальцев прохладные, приятные, хотя прикосновения немного болезненны.

Вера щедро поливает рану перекисью водорода, промачивает сухой салфеткой и заклеивает каким-то хитрым пластырем.

— Шрам будет некрасивый, эх, — вздыхает она.

Я снова поворачиваю голову вправо. Шрамы на лице — это не беда, шрамы на сердце куда хуже.

— Лежи смирно.

— Он поправится?

— Откуда мне знать? — пожимает плечами Вера. — Я не врач, но сделала все, что могла.

— Спасибо тебе, — нахожу ее ладонь, накрываю своей.

— Жизнь длинная, сочтемся.

Она усаживается рядом, подбородок подпирает кулачком. Я закидываю руку под голову, так удобнее смотреть ей в лицо.

— Что это за место?

— Тебе не все равно? Главное, оно вполне безопасно. Едва ли в Нарланде найдется еще одно место, где ты сможешь спокойно передохнуть.

— Так и скажи, что это секрет.

— Это секрет, — чуточку приподнимает уголки губ Вера Строгова, — ты же не хочешь, чтобы я врала?

— Как это у русов говорится? Хрен редьки не слаще? Ну, а как тебя теперь называть? Эльви?

— Как хочешь, — пожимает плечами женщина, — оба имени мне нравятся.

Я понимаю, что она не расскажет ничего, хоть ее режь. Достаточно того, что спасла, увела прямо из-под носа веньяровых служак. Я разглядел на носу геликоптера белую и красную полосы и понял, почему «мустанг» не разнес его в пух и прах. Знак высшего командного состава дает много привилегий. Так кто же такая Вера: лесная женщина, член террористической группировки или боевой офицер? Остается только гадать. Но в одно хочется верить — Вера мой друг, и я могу ей доверять.

— Чего учудил в Нарголле?

Что учудил — вспоминать не хочется.

— Хвастаться нечем.

— Всегда поражалась твоей способности убивать комара дубиной, — качает головой Эльви.

Пожимаю плечами.

— Да лежи ты! — она поправляет иглу и переклеивает пластырь.

— Не пойму, зачем это? Я же не ранен...

— Ты просто утомлен и перевозбужден, вот и не чувствуешь. Тебе досталась изрядная доля облучения и две серьезные...

— Царапины.

Вера нависает надо мной, загоразивая слепящие лампы, и легонько щелкает в лоб.

— Балбес! Признавайся, когда в последний раз обедал?

— Не помню, а ты имеешь в виду банановые пластинки или плитку-концентрат?

Ладошки нежно так разглаживают мой лоб, прежде от Веры пахло сдобой и повидлом, а сейчас машинным маслом. В колючем свитере и джинсах узнать нашу прежнюю хозяйку непросто. Но так мне нравится даже больше.

— Пирогов не обещаю, но каша с тушенкой на ужин будет, — шепчет она, — а ты лежи, отдыхай.

Движения уверенные и скупые, без плавной грации Лины и милой детской неуклюжести Танюшки. Поворачивает ручку двери.

— Ты еще кое-что мне обещала.

— Неужели? Это что же? — оборачивается и приподнимает бровь Вера.

— Челку подстричь. На глаза лезет.

Подстриженные, свежевывмытые волосы торчат в разные стороны. Щедро намазываю

подбородок и щеки пеной для бритья, скребу трехдневную щетину, потом умываюсь горячей водой. Черт, пластырь отклеился! Я поднимаю глаза и вижу в зеркале тебя. Такого, каким видел в последнем сне: до синевы бледное, осунувшееся лицо, глубокий бескровный порез на щеке и совершенно больные глаза.

Шарахаюсь, как припадочный, случайно задев рукой бутылку с зубным полосканием. Звон, стекла разлетаются по кафелю пола, зеленая, едко пахнущая жидкость пузырится, растекаясь.

У ворвавшейся в ванную Веры испуганные глаза, но страх тут же уступает место облегчению.

— Ну и напугал ты меня, Дан!

— Извини, — сконфуженно вздыхаю я, мне правда неловко, — я случайно... Не могу смотреть на зеркало.

Она понимающе кивает, берет за руку.

— Пойдем, заклею снова.

Чувствовать ее пальцы на лице приятно. Вера клеит пластырь и долго старательно разглаживает.

— Шику не очнулся?

Качает головой, избегая смотреть мне в глаза. В груди неприятно ёкает.

— Почему он так долго не приходит в себя?

Эльви сочувственно поджимает губы, на лбу собираются скорбные морщинки.

— Мне жаль огорчать тебя, Дан, но, я думаю, все бесполезно. Мальчик умирает. Вообще чудо, что ты сумел дотащить его...

— Нет! — взрываюсь я, вскакиваю, кулаки до хруста сжимаются. Не знаю, отчего эта мысль вызывает такой протест, ведь я предполагал, что Шику может умереть, и почти смирился. Но после того, что произошло в Нарголле, после пережитого ада, он должен поправиться. Должен жить! Я не отпущу парнишку в столь желанный для него призрачный мир. Он должен...

— Он ребенок и очень сильно облучен. Даже с учетом его особенностей — мальчик слишком истощен. Сердечный ритм слабый и неровный, рефлексy отсутствуют. Он в глубокой коме, Дан.

В груди горячо и больно. Там скопились злые и жалостные, недостойные мужчины, слезы. Вера стискивает мне плечи, заставляет сесть и садится напротив.

— Дан! Скажи мне, что ты намерен делать? Я понимаю, месть и все такое. Но что ты собирался делать дальше?

Что дальше? Меня никогда не заботил этот вопрос. Для меня все кончено, меня держат лишь долги и враги. Зато ты ждешь; я знаю, ты ждешь и скучаешь. Я вернусь домой, и все будет, как раньше. Больше не будет надрывной боли, не проходящей усталости и бессонницы. Все станет хорошо.

— Ты понимаешь, что ни в одном из миров нет места, где вы с Шику могли бы спокойно жить. Он — нарьяг, а ты — преступник, этим все сказано. На что ты надеялся?

— Я думал, мисс Джонс поможет...

— Тю! Майра с радостью заберет мальчика. Для опытов. Даже если вас по какой-то причине не прикончат сразу, в чем лично я сомневаюсь, тебя ждет долгое заключение. А Шику до конца жизни сделается игрушкой ученых.

— Хочешь сказать, смерть для нас — лучший выход? — мрачно усмехаюсь я.

— Для мальчика — да, — Вера больше не прячет взгляда, от ее спокойных рассуждений меня колотит, будто влез в камеру рефрижератора, — и для тебя его смерть будет выходом. Один ты имеешь шанс спастись, с больным ребенком — нет.

— Это значит, что ты отказываешь мне в помощи?

Эльви вздыхает.

— Ты собираешься прятаться всю жизнь? Что ты творишь? Мчишься напролом, как дикий вепрь, крушишь, ломаешь, не думая, к чему приведут твои действия. Нажимаешь на курок и лишь потом задумываешься, кого убил.

Брат говорил мне тоже самое.

— Ты как ребенок. Нет в мире ничего важнее твоего громкого «хочу». Носишься со своей мстью, которая никому уже не поможет. Пора бы повзрослеть, Райт, и начать, наконец, думать.

— Мое имя Дан, а не Корд.

И я никогда не умел думать, только выполнять приказ. Думали другие — ты, командир...

— Теперь ты один, — Вера умеет зацепить нужную струну, — один за двоих.

Ну, хорошо, убедила. Я во многом не прав. Но есть вещи, к которым нельзя с одним только рассудком. Алгеброй гармонию.

— За Шику я буду бороться до конца!

Оглядываюсь на лежащего нарьяга. Глубокая кома — страшнее слов не найти.

— Я поняла, — кивает Вера, — даю тебе неделю собраться с мыслями. Потом тебе придется искать другое прибежище.

Улыбается и взъерошивает уже высохшие волосы. Я не могу не улыбнуться в ответ.

— С паршивой овцы хоть шерсти клок, — усмехаюсь я, — спасибо тебе.

— Пойду, погляжу, что там начудили твои парни. Отдыхай. И не думай о плохом. Принести тебе теплого молока?

В бункере три жилых комнаты, ванна и кухонька. Макс и Йохан обосновались в одной из каморок, узкой, как коридор, с двумя койками. Но зато на тумбочке там имеется телевизор и видеоплеер. Ребята, прежде не видевшие чудес оримской техники, приклеились к экрану, как две липучки. Из номера выходят только поесть.

Вторая комната — моя. Вернее, моя и Шику. Вера, конечно, все медицинские манипуляции выполняет сама, но старается лишней раз к спящему нарьягу не подходить. Возможно, он противен ей так же, как и всем остальным — мальчишка нелюдского рода со страшной силой и горящим клеймом на затылке.

Вечером Вера уходит в свою комнату, я там ни разу не бывал. Но предполагаю, что там так же чисто и безлико, как в ее лесной землянке.

Три дня заточения показались мне вечностью. В бункер не попадает солнечный свет, тут серые стены и постоянно капает из умывальника вода. Шику не приходит в себя. Все такой же маленький и жалобный, он лежит на койке, а безмозглый аппарат вгоняет воздух в легкие мальчика.

Машинально поправляю подушку под его головой, неловко задевая выпуклую дорожку шрама. Мне кажется, что ощущаю под пальцами движение.

— Шику! Проснись, малыш, ты уже давно спишь!

Попискивает реанимационный комплекс, капли воды гулко стучат о жестяную раковину. С глухим отчаянием натягиваю простынку на тонкое тело мальчика — грязные багровые тряпки я сорвал первым делом, сорвал и сжег, чтобы даже памяти об этой пакости не осталось. И бусики, браслеты с бубенцами — все уничтожил. Только это не помогло.

— Имей в виду, нам дали всего неделю. Послезавтра срок истекает. Как ты представляешь себе мои дальнейшие действия? Ну же, не подводи меня! Ты должен встать в строй! — Шику никак не реагирует на чушь, которую я несусь. И правильно делает. Ничем он мне не обязан, а вот я перед ним — по уши в долгу.

— Слышь, Дан, — Макс шепчет, будто заглянул в пещеру с жутким чудовищем и боится его разбудить, — поставь новый диск, мы на том уже все посмотрели.

— Сколько можно в телик пялиться? — ворчу я, но иду за ним, мягко прикрывая за собой дверь.

Меняю диск в плеере, потом Вера зовет нас обедать. Большая кастрюля в центре стола исходит аппетитным густым паром. Хозяйка черпаком выгребает рассыпчатую гречневую кашу с мясом и накладывает в глубокие миски.

— Посуду каждый моет за собой сам, — предупреждает Вера.

Мы стучим ложками, уплетая обед за обе щеки. В первый день, несмотря на волчий голод, кусок не лез в горло. Вера объясняла это действием излучения, а я кусачей тоской, грызущей меня изнутри. Но на другой день Эльви пригрозила, что станет кормить меня с ложечки, и я сдался. Каша у нее — пальчики оближешь. А моя голодовка никому не поможет.

Макс торопливо елозит мочалкой по тарелке, споласкивает и уносится смотреть

очередной боевик. Деликатный Йохан, уверенный, что у нас с Верой роман, тоже убирается восвояси.

— Как там мальчик?

— По-прежнему, — мрачно отзываюсь я, поднимаясь с пустой тарелкой и направляясь к мойке.

— Поставь, я сама, — Вера подходит сзади и кладет руку мне на плечо, — Дан, что с тобой?

— Что со мной? — переспрашиваю я, мгновенно заводясь от ее безмятежно-спокойного тона. — Ничего особенного! Просто мне нечем дышать! Я задыхаюсь... Здесь пыльно и темно, как в чулане, здесь...

— Пойдем, — она мягко тянет меня за рукав.

— Куда?

— Да пойдем же.

Длинный темный коридор, лампы — одна в начале, другая — в конце. Раздвижная дверь в ангар. Вера направляется к геликоптеру и, легко запрыгнув в кабину, заводит винты.

— Дан, — кричит она, — открывай.

Удивленный ее напором, нажимаю на пульте кнопку. Ворота ползут в стороны. Вера машет мне рукой, ветер сбивает с ног, прыгаю на подножку, и вертолет поднимается вверх. Эльви кидает мне шлем, я надеваю, и тут же в наушнике прорезается ее веселый голос:

— Пристегнись, Райт. Хочешь увидеть Нарголлу с высоты птичьего полета?

— Еще бы!

Зимой солнце садится рано. В три часа пополудни небо уже розовеет, снег на верхушках темно-синих гор сиреневатый. Вера обогнула острый, как пика, Нар-Крид. Внизу зияет черной пастью длинное ущелье, про которое говорят, что пропасть там не имеет дна. Его так и зовут — Кир-Зарха, по-нарски «Пасть волка».

— Красиво, правда?

Правда. Красота и там, снаружи, и здесь — внутри кабины пилота. На скулах Эльви нежный закатный румянец, обычно спокойное выражение лица сменилось лукавым. Она рискнула выбраться на прогулку из-за меня, чтобы отвлечь и порадовать. Я понимаю и ценю ее заботу.

Гляжу вниз. Там разрушенная плотина застыла сверкающим каскадом льда, крошечные домики Нарголлы кажутся игрушечными, словно и не постигла их страшная беда. На пике капища, где умирали наряды, повис от безветрия флаг с имперской желтой звездой на синем фоне. Странно смотреть на чужой город сверху и вспоминать свой путь, шаг за шагом. Каждый переулочек, каждый поворот дороги врезался в память намертво. Вон тракт, по которому удирали. А чуть левее стоянка, где на меня напали морфоиды.

— Чего нахмурился, Дан?

— Думаю, какая сука вложила мне в одежду жучок.

— Что?

— Как-то эти твари должны были меня засечь. Ребят они не тронули, значит, пеленговали именно меня. Неужели Веньяр, собака злая?

Вера хохочет. Заливается, аж выступили слезы.

— Ты что? — озадаченно интересуюсь я.

— Твоя неспособность сложить два и два порой ставит меня в тупик.

— Поясни, — набычиваюсь я. По-моему, ничего смешного в моем предположении нет,

морфоиды охотились именно на меня.

— Какой пеленг, Райт? Ты посмотри на приборы!

А я и не заметил лихорадочное подергивание всех стрелок. Навигатор на панели вообще вырубился и лишь подмигивал зеленым огоньком.

— Тут такие волны, что никто не в состоянии засечь кого бы то ни было.

— Но я клянусь, они искали меня...

Вера уже не смеется. Обернулась и глянула с таким сочувствием, что мороз по коже.

— Дан, тебя исследовали в Крикхе? Там есть лаборатория яйцеголовых, ты ведь был у них?

Догадка мелькнула острой молнией.

— Ты думаешь...?

— Они идут на твою кровь, мой милый, — жестко резюмирует Вера, — этим тварям дали твою кровь.

Я прикрываю глаза, алое солнце бьет даже сквозь закрытые веки. Как я раньше не догадался? Макса не убили потому, что он — не я! Тот убитый солдат с поста — на нем была одежда, запачканная моей кровью. Им нужен я.

— Им нужен я, — скрипя зубами от ненависти, поворачиваюсь к Вере, — и я у них буду.

Глава 54

Крики Макса слышны даже сквозь закрытую наглухо переборку.

— Что за... мать твою! Йохан, что делать?!

— Черт! Чего они там опять устроили? — ворчит Вера.

Нетерпеливо притопываю, дожидаясь, когда створка отъедет в сторону. В нос шибает отвратный запах горелого пластика. Макс тут же кидается ко мне, Йохан держится спокойнее, но вжался в стенку, стиснув в руках винтовку.

— Шеф, там этот...

Отпихиваю Макса с дороги, бегу к себе и замираю на пороге. Двери в мою комнату по сути больше нет, на петлях болтается что-то бугристо-оплавленное, похожее на уродливый сталагмит. Весь бункер ходит ходуном, металлические предметы дребезжат, а реанимационный комплекс почернел, обуглился и больше не пищит.

На постели скрючилась обнаженная фигурка, лопатки и цепочка позвонков резко выделяются на согнутой спине. А еще багровый шрам на затылке — знак посвящения злему богу.

— Шику, это я!

Одним прыжком оказываюсь возле него, по телу пробегает короткая судорога, но тут же исчезает. Большие испуганные глаза заставляют меня чувствовать себя виноватым, не надо было оставлять его одного. Он просто испугался, когда пришел в себя в чужом месте.

— Все хорошо, я с тобой, — протягиваю к нему руки, — не бойся...

Губы мальчика трясутся, по худым щекам катятся крупные, как виноградины, слезы. Хватает меня за рукава, цепляется, дрожа от рыданий. С немислимым облегчением усаживаю его на колени, как малыша, заворачиваю в одеяло, чтобы Шику стало тепло и уютно.

— Что вы...? — Эльви вполголоса спрашивает моих ребят о случившемся, — Чего

сделали? Мать вашу, зачем?!

Наступает тишина: ничего не бренчит, никто не кричит — Вера разогнала паникеров по комнатам. Сама вошла, молча и деликатно не глядя на нас, вынесла изувеченный аппарат. Стало совсем тихо.

Шику всхлипывает, уткнувшись носом в мою куртку,

— Тшш, — шепчу я, старательно кутая парнишку, прижимая к себе, — не реви, ты чего? Болит где-нибудь?

— Нет.

— Это главное.

Мальчик обвивает мне шею руками, горячо шепчет:

— Там... темно! И пусто! Там ничего нет... только пустота. И тихо, очень тихо...

— Ну, все, все, хватит! — резко обрываю я истерику. Знать, как у него ТАМ не хочу, для собственного спокойствия. — Тебе полегчало, теперь все пойдет на лад. Есть хочешь?

— Нет.

Он больше ничего не говорит, но успокаивается, я чувствую по ровному биению сердца и тихому дыханию. Пытаюсь расспросить о том, где он был после ухода из поселения мятежников, о страшных событиях в Нарголле, но натываюсь на упрямое молчание. Не хочет — ну и не надо. Главное, жив.

Проходит час, за который Шику успел пригреться и задремать у меня на коленях, а я — обдумать наше улучшившееся положение. Вера права: куда бы мы ни отправились, нас не оставят в покое. Ты прав, Корд: тут все связаны друг с другом. У Наргольской войны единственное предназначение — прикрывать базу морфоидов в Нарланде. Ты много лет работал, чтобы найти и обезвредить синдикат, но не успел и погиб. И вот теперь я здесь, за нас двоих...

Пытаюсь уложить спящего Шику, мальчик инстинктивно стискивает руки. Разжимаю объятья и устраиваю его на постели, подтыкая одеяло, чтоб было теплее. В моем детстве так делала мама, а потом Корд. Теперь и мне приходится учиться мастерству — быть старшим.

Потом долго ворочаюсь в своей холодной койке, но уснуть никак не получается. Из коридора поддувает, свет от лампы слегка разбавляет тьму. Мне захотелось горячего кофе. На цыпочках, чтобы не разбудить остальных, иду на кухню.

— Дан, это ты?

Вера тенью выскальзывает из комнаты, бесшумными шагами минует коридор.

— Да, кофе захотелось.

— Хорошая идея, свари и мне тоже.

Тихо шуршит кофеварка, аромат свежемолотых зерен разливается по бункеру, напоминая о доме. Вера расположилась на твердом и узком, обтянутом дерматином, диване.

— Как себя чувствует мальчик?

— Неплохо. Он просто испугался, оказавшись в незнакомом месте. Да еще эти идиоты заорали.

Бледные губы растягиваются.

— Ты, я вижу, успокоился и как будто даже повеселел.

А глаза черные и глубокие, как два омуты.

— Да, я рад.

Наливаю кофе в большие жестяные кружки со странной эмблемой «Odi». Вера благодарит кивком, обхватывает двумя ладонями и делает глоток.

— Горячий какой! — она дует на кофе, складывая губы трубочкой. Во мне натягивается невидимая, протянутая где-то внутри струна. Воспоминания о лесной избушке, странном танце без музыки и сумбурном разговоре, который постарались забыть.

Мне нравится на нее смотреть. Вера пьет кофе, потом вынимает узкую пачку «Sea Star».

— Угощайся, — вытряхивает сигарету с голубым фильтром.

— Ты куришь? Не замечал.

Эльви лукаво морщит нос.

— Вспомни, какой у них табак. Лучше уж терпеть.

— У тебя сила воли, — одаряю я даму комплиментом. Омуты из-под длинных ухоженных ресниц сверкают электрическими звездами.

— Скажи, ты все-таки решил лезть в драку?

Пожимаю плечами, наслаждаясь одновременно кофе и сигаретой. И женщиной, которая ко мне равнодушна. Хотя бы чуточку.

— А ты предлагаешь искать тепленькую норку и прятаться в ней всю оставшуюся жизнь? Я солдат империи, Вер, брат учил меня драться до конца. Он не поймет.

Она отставляет кружку, наклоняет голову к плечу:

— Ну и что? Будешь снова палить в муравья из дробовика?

— Куда ни пали — попадешь в точку, — усмехаюсь я, — здесь все повязаны. Стивенс, Алвано и неведомый хозяин кровососов — все это одна банда. Их нельзя выпустить из Нарланда.

Эльви демонстративно чешет макушку. Задумчиво вытягивает нижнюю губу.

— И ты намерен сделать это один? — уточняет она. — То есть, извини, один за двоих. Да?

— Не смейся! — фыркаю я, не принимая ее игру. Злой юмор Веры я терплю с трудом.

— Тебя убьют, — она упирает мне в лоб указательный палец, изображая пистолет, и сгибает средний и безымянный, — пиф-паф, Дан Райт!

Я спокойно смотрю ей в глаза, а вижу, как оримский дождь стучит по подоконнику. В нашем доме теперь все так, как нравилось тебе.

На лбу Веры собираются складки.

— Ты пугаешь меня! Что ты задумал? Да что бы ни придумал, у тебя не получится, ты погибнешь!

— Не надо истерик, солдат не боится смерти...

— Дурак! — шепчет будто в крик Эльви. — Это не солдат... Это ты не боишься! Ты хочешь умереть, вот что ты делаешь!

Я обнимаю ее за плечи, стараясь успокоить. Как объяснить ей, что я знаю? Не поверит, покрутит пальцем у виска, в своей обычной манере начнет занудствовать.

— Я не умру, Вера, — уверенно говорю я, поглаживая напряженную под свитером спину.

Она внимательно слушает мой рассказ, не перебивает и не сводит глаз с моего лица. Тяжело вздыхает:

— Бедный мальчик!

— Не веришь мне?

Чуткие кончики пальцев скользят по шее, забираются в непривычно короткие волосы.

— Видимо, травма оказалась серьезнее, чем мы думали.

— Думаешь, я клиент психиатра?

— Ты построил замок на песке, Дан. Скорлупку, в которой сидишь и не видишь, что творится вокруг. Тебя любят женщины, за тобой друзья идут в огонь и воду, тебе предан нелюдь, а ты живешь прошлым и собираешься умирать.

Я отстраняюсь. Так и знал, что Вера не поймет. Как и Лина, она вечно считает себя правой. А я веду себя, как последний идиот!

— Поверь, я очень хорошо понимаю тебя. Сама пыталась сбежать в придуманный мир... В последний момент кто-то позвонил в дверь и сорвалось.

Вот как? Кто бы мог подумать!

— Люди умирают навсегда! На-все-гда! Понимаешь?

Не понимаю! И не хочу понимать!

— Твой брат, если он таков, как ты говоришь, не хотел бы видеть, как ты губишь себя...

Эльви еще что-то говорит, горячо доказывает, крепко обнимая за шею, плечи. А у меня шумит в ушах и со всех сторон наползает чернота, как будто проваливаешься в колодец.

— Скажи правду, Корд, ты призрак или просто проекция моего сознания?

— А тебе какой вариант больше нравится?

— Ну... не знаю. Мне трудно смириться. Невыносимо думать, что тебя нет.

Кружка с кофе опрокидывается на пол, растекается бурой лужицей.

— Там... темно! И пусто! Там ничего нет... только пустота. И тихо, очень тихо...

Неужели... Последствия черепно-мозговой травмы? Не может быть! Как же холодно в этом бункере.

— Надо жить, милый! Только этого хотел бы твой брат!

Я помню все!

Я помню заострившиеся черты родного лица, темную ссадину около упрямо сомкнутых губ.

Помню гордость и одобрение в твоих глазах, когда мне присвоили первое звание.

Помню, как церковный служка бормотал молитву в изголовье гроба.

Помню, как ты читал мне на ночь сказки.

Вера притягивает меня к себе, кладет мою ладонь себе на грудь.

— Обними меня, Дан. Обними и не думай о плохом. Забывай, забывай же... — она хрипло дышит, горячая и напряженная в моих объятьях. Верин свитер колет мне живот, оказывается, я успел уже снять футболку. Мне надо тепла, надо! Я хочу, наконец, согреться!

Конец второй части.

=== Часть третья ===

По краю

*Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно все пусто, все сгорело,
И только воля говорит: «Иди!»*

Глава 55

У нее очень бледное лицо и большие испуганные глаза. Подвижный рот кривится от боли в вывернутых руках. На ней камуфляж и куртка, вроде пилотских в армии Оримы.

— А ну встала, сучка! Шагай, шагай!

Из-за расширенных зрачков глаза кажутся черными и блестящими. Вера поправляет на носу очки и внимательно разглядывает гостью.

— Привяжи вон там, — велит она, — да покрепче. Вот они какие, надо же...

Качает головой.

— А точно...?

— Точно.

Расстегиваю куртку на захваченной нелюди, поднимаю футболку. Кожа на животе шершавая, будто покрыта мелкой шиповатой чешуей. Разглядеть строение кожи можно, пожалуй, только под микроскопом.

— Надень перчатки, Эльви.

— Хорошо, — она и сама приготовилась, вынимает из кармана джинсов латексные перчатки и оглядывается на меня и мнущегося позади Хольда, — отличная работа, ребята. Идите обедать.

— Послушай...

— Допрашивать буду сама, — отрезает она, — все будет записано, потом послушаешь.

— Но ты...

— Не волнуйся, я справлюсь. Кстати, Дан, — она останавливает меня, — мальчик очень тебя ждет. Он... не подумай, что я жалуюсь,... отказывается есть и пить, не дал поставить инъекцию стимулятора. Да и вообще не подпустил меня к себе.

Странно! Что это с Шику? Прежде они с Верой отлично ладили.

— Покорми его, ребенку нельзя голодать, — озабоченно говорит Вера, — все, иди-иди.

Я не стал оглядываться на тварь, похожую на Алисию и Шейн, как их родная сестра.

Макс высунулся нам навстречу. По понятным причинам, я не взял его с собой и ничуть не жалел. Мы с Йоханом справились и одни. Морфоид сам пришел на запах моей крови.

— Идите, поешьте, ребята, — велею я.

Шику сидит на кровати, поджав колени и опустив на них голову. Вера нашла кое-какую одежду, я, как сумел, подогнал штаны и свитер под рост мальчика. Но мешковатый наряд все равно подчеркивает болезненную худобу нарьяга.

Он бросает неприязненный взгляд в мою сторону, но, узнав, вскакивает и бросается навстречу. Я машинально обнимаю его, не зная, как себя вести. После бегства и встречи в

лесу, где Шику отплатил мне долг, вытаскив из горящего танка, наши отношения окончательно зашли в тупик.

— Нар-одар, почему ты не взять с собой? — от имперского он изрядно отвык.

— Вот об этом и поговорим. Ты еще болеешь. Почему не слушаешься Веру?

Шику напрягся, весь оцетинился, но промолчал.

— Она желает тебе добра...

— Гири-ханза, — шипит мальчик неприличное по отношению к женщине слово.

— Опять подслушивал? — укоризненно говорю я. Шику опускает глаза и отстраняется.

— Нар-одар нельзя быть раб... она как маррига... Рыкха!

— Что ты имеешь в виду? — изумляюсь я. — Что Вера командует мной?

— Она сказать — ты иди. Она — хозяин. Она погубить Нар-одар.

— Шику, это бред, — я приседаю на корточки, чтоб заглянуть в опущенные глаза.

Мальчик дергается, но я крепко держу за локти, — Вера не манипулирует мной...

— Ты любить ее? — с чудовищным напряжением в голосе спрашивает нарьяг.

— Кто любит? Я? С ума сошел?! Все, не желаю больше слушать эту ерунду. Ты мне нужен. Здоровым и сильным. Чтобы выздороветь, тебе надо хорошо питаться и принимать лекарства. И даже если будешь сопротивляться, я все равно заставлю тебя есть. Ясно?

Шику кивает, сглатывая слезы. Удовлетворенно хмыкнув, иду на кухню за супом, мы вместе наворачиваем его с большим аппетитом, и я снова поражаюсь ослиному упрямству мальчишки.

Уношу тарелки и, пока мою посуду, из нашей комнаты не доносится ни одного звука. Оставаясь без меня, Шику замирает, как испуганный зверек. Надо как-то приободрить его, но я никогда не умел ладить с детьми. Мои племянники благополучные и веселые ребята, им нравится играть в подвижные игры и слушать истории о войне. С Шику все иначе.

— У тебя ничего не болит?

— Нет, — он качает головой.

— Тогда давай поговорим.

Кивает. Я сажусь напротив, но о чем говорить, не знаю. Глупо извиняться за ложь, и допытывать, что с ним делали нарьяги — тоже. Говорить про Веру, оправдываться — тем более неправильно. Что бы сделал на моем месте Корд?

— Иди сюда.

Шику нерешительно приближается, избегая смотреть в глаза.

— Спасибо, что спас нас с Таней, там, в лесу.

Мальчик поджимает губы, хмурится.

— Поможешь мне с Алвано? Без тебя мне не справиться. Мы же не можем допустить чтобы эта скотина ушла из Нарланда?

— Я помочь, только скорее, пока у меня есть силы... — с готовностью, быстро зашептал Шику, — звезда слабеет. Ты забрал у меня ее осколки, сил у меня все меньше.

— Те побрякушки?

— Да. Без них я скоро потерять...

Вера сохранила браслет и бусы мальчика, они лежат в ангаре, в маленьком свинцовом ящике. В который раз поражаюсь ее предусмотрительности.

— Скажи, Шику, твоя мать может быть жива?

В его глазах мелькает ужас.

— Нар-одар хочет бросить меня? Снова?!

— Нет! — я хватаю его за плечи. — Нет, конечно! Но, если что-то случится со мной, я должен знать, что о тебе позаботятся. Скажи, где твоя семья, и я дам указания Хольду отвезти тебя в родное поселение...

Голос Шику звенит отчаянием:

— Она никогда не примет меня! Она... они... пустые. Все пустые, только ты... Народар не бросить Шику!

— Не брошу! Не брошу, конечно!

Мальчишка жметесь ко мне, слабый, как котенок. Если бы не это чертово посольство, я забрал бы его в Ориму. Лучшая подруга Вики адвокат, она помогла бы мне оформить опеку над мальчиком.

— Но если что-то случится со мной, имперцы заберут тебя для опытов.

— Я умереть вместе с тобой! — клятвенно шепчет он. Ну что ты будешь делать с этим парнишкой. Я притягиваю его к себе.

— Все будет хорошо, — глажу по голове, успокаивая, — мы не умрем. Сдохнут наши враги. А теперь подставляй руку, надо поставить тебе укол.

Шику с готовностью загибает рукав, согласный стерпеть любую боль, лишь бы я не усомнился в его преданности и не оставил здесь. На душе у меня скребет целая свора котов.

Глава 56

— Кто отдал приказ о ликвидации Дана Райта?

— Я не...

Шорох. Вскрик. Хриплое дыхание.

— Кто отдал приказ?

— Распорядитель.

— В какое время?

— В девять часов семнадцать минут дежурный снял фиксатор и кардиодатчики.

— В какое время покинула базу?

Молчание. Глухой хлопок, протяжный вой, растекающийся по венам.

— А-ха... в девять часов тридцать минут...

— Интересно, что происходило в этом временном промежутке? Впрочем, я уже знаю — гемотрансфузия. Тебе ввели кровь донора.

Так?

— Д-да...

— Как вы отыскиваете его? Я имею в виду донора? Что при этом ощущаете?

— Голод, только голод...

— Не ври. Мне — не ври!

— Это невозможно передать... только почувствовать.

— Хорошо. В какое время ты напала на след?

— Не помню точно, часа через два.

— И что сделала?

— Спряталась. Хотела ранить...

— У тебя было оружие?

— Винтовка «АйШи».

— Куда тебе было приказано доставить донора?

Молчание. Надсадное дыхание, стон, затем хриплый вой. Слезы в голосе:

— Не знаю! Я ничего не знаю! Я должна была сообщить и нас бы забрали!

— Врешь.

— Я ничего не зна... аааааю!

Нажимаю кнопку «офф» и долго смотрю на блестящий, похожий на зажигалку, диктофон. Она и правда не знала, куда доставить мой полутруп, но не так сложно рассчитать путь морфоида. При всей выносливости и силе кровососа, путь зимой через горы довольно затруднителен. До того места, где засели мы с Йоханом, вставшая на след нелюдь шла около трех часов с тяжелой винтовкой за плечом. Расстояние вряд ли будет больше пятнадцати-двадцати километров.

Если бы только была возможность прочесать окрестности, мы нашли бы базу в считанные минуты.

Вера подходит сзади, обнимает за шею. Прижимается колючим свитером к щеке.

— О чем задумался мой мальчик?

— Не называй меня так.

— Извини.

— Где ты была?

— Убрала эту гадость.

— Я знаю, где они, Эльви.

— Я тоже знаю. Ты ведь поможешь мне?

Стискиваю зубы и сквозь сжатые челюсти выжимаю:

— Нет! Это ты идешь со мной!

— Хорошо, как скажешь, — покладисто отвечает Вера и целует меня в щеку. Она сегодня удивительно сговорчива.

Но ничто во мне не отзывается на нежные прикосновения. Я хочу слышать не ласковые слова, а стрекот винтов, прижимать к себе не женщину, а приклад «Айши». И совершенно неожиданно мое желание сбывается — в кармане джинсов пищит передатчик и Вера срывается с места. Дверь приглушает звуки, но я все же слышу ее крик:

— Что?! Шутишь? Черт, не может быть! И что теперь делать мне?!

Я врываюсь и вижу, как Эльви сползает спиной по стене, сжимая до треска в руке передатчик. Такая бледная, что впору ее саму принять за голодного кровососа.

— Что тебе сказали?

— Порталы открыты! Дан, это конец!

— Ничего не конец! Спокойно! Заводи винты, мы им покажем!

Вздергиваю ее на ноги и подталкиваю к двери. А сам ору:

— Взвод! С оружием стройсь!

Первым выскакивает Шику. Мальчик будто ждал моего зова. А может... опять подслушивал? Как бы то ни было, он, вытянувшись, стоит передо мной.

Макс и Йохан, сжимая винтовки, выскакивают из комнаты.

— За мной!

Переборка открыта, из-за работающих винтов ничего не слышно. Первым на борт прыгает Йохан, пребывающий в полном восторге, что заточение в бункере наконец заканчивается. Следом я помогаю влезть Шику. Мальчик растягивается на ребристом полу. Макс забирается за нами, и тут же Вера тянет на себя рычаг управления.

Над нами распахивается звездное небо. Странное ощущение — будто в невесомости. Сверху и снизу темнота, верхушки горных пиков синие и звезды — голубые. Далеко впереди сверкают прожектора взятой имперцами Нарголлы.

Надеваю шлем и становится тихо. Встаю за креслом пилота. Вера разворачивает вертолет в сторону столицы. Она хороший пилот, но сейчас ведет машину как-то неуверенно.

— Что с тобой?

Молчит, в наушниках только частое дыхание.

— Беру курс на Нарголлу.

Мы не пройдем. Нас засекут. Вера слишком гордая, чтобы признаться, но ей страшно до дрожи в коленках. Я так усиленно думаю, что трещит голова. В темной кабине от адреналина сгущается воздух.

— Макс, займи кресло наводчика.

— Есть!

— Вера, пусти меня.

— Ты с ума...

— Брысь! — ору я в микрофон, так что звенит в ушах.

Вера резко дергает ремень безопасности и выпрыгивает из кресла так быстро, что я едва успеваю перехватить рычаг управления.

Навигация не работает, высота 560 метров над землей, пик Нар-Крид виднеется справа по курсу.

— Держитесь!

Рычаг вперед до упора. Эльви взвизгивает, падает на спинку кресла. Вертолет ныряет в черноту расщелины. Сердце отбивает чечетку о ребра, но я впился и продолжаю снижаться. Лечу по наитию, на ощупь, ничего не видящий и почти оглушенный.

— Ты сумасшедший! — шепчет Вера.

— Я знаю, зато здесь нас не засекут. Держись крепче!

Еле успеваю увернуться от скального выступа, вертолет чуть заносит, пальцы на рычаге мокрые и ледяные. Выравниваю машину. Спокойно, Дан! Ты сможешь, ты пройдешь это ущелье!

Когда-то я мечтал попасть в спецотряд V2 под твое начало и закончил с отличием летные курсы.

Вертолет месит винтами темноту, я лихорадочно прикидываю расстояние.

— Орудия к бою! Всем держаться!

Тяну рычаг на себя до упора.

— Псих!

Мы выпрыгиваем прямо перед черной громадой боевого АЕ-17М. «Шершень» Технология стеллис, почти незаметный в темноте.

— Огонь, — совершенно спокойно командую я. Макс послушно поливает вертолет из двух пулеметов.

Ухожу вправо, резко разворачивая машину. По обшивке пробегает очередь. Геликоптер вертится, как уж на сковородке. Справа и слева заходят такие же молчаливые темные «шершни», заслоняют звезды и вершину Нар-Крид. Решили зажать в капкан? Не выйдет, гады!

Нырять вниз, в расщелину. Один из «шершней» следует за мной.

— Ракеты к бою! Стрелять по моей команде!

Разворачиваюсь. Дергаю рычаг.

— Огонь!

Нас встряхивает. Ракета летит ярким сигаретным столбиком, красиво, на излете врежется в острую морду «шершня». Я успеваю поднять машину, но мелкая дрожь все равно бежит по корпусу.

Оставшиеся двое не станут церемониться, а значит прочь с линии атаки. Трассеры рассекают темноту, один «шершень» зашел слева и сверху, а второй нырнул вправо вбок. Зажимают в тиски?

Очередь хлестнула по стеклу, неприятный хруст, осколки разошлись искрящимися снежинками, но не выпали.

— Дан, уходит! Этот гад уходит!

— Ракеты к бою!

Нас сильно трясет. Кажется, один из винтов поврежден.

— Огонь! — я нажимаю на педаль, геликоптер нехотя, рывками поворачивается к цели. Пули решают мне стекло, отскакивают, царапая. А потом передо мной расцветает огненный цветок, я прикрываю глаза рукой, отводя машину в сторону.

Нар-Крид приближается так стремительно, что я понимаю — мы падаем. Содержимое желудка замерзло твердым комом, сердце мелко подрагивает между ключиц. С трудом выравниваю геликоптер, по металлическому телу машины пробегает дрожь — мы летим на честном слове.

— Вот он! — Как Вера видит что-то сквозь сплошные трещины? — Левее, Райт!

— Не обещаю.

Впереди огни. Ярко-желтые, обманно-доброжелательные.

— Мы нашли их!

— Оружие наготове! — кричу я.

Беглец оторвался от нас. Скорость снижается, стрелка опасно приближается к нулю.

— Ракеты к бою!

Залп ракет едва не развалил вертолет. Я едва удерживаю его в такой болтанке. Ветер поднялся что ли?

«Шершень» вильнул — пилот настоящий ас. Но ракеты достали до аэродрома, слепящие шары вспыхнули впереди.

— Нам его не поймать.

Вера прикладом винтовки вышибает стекло двери. Становится жутко холодно. Оглядываюсь и едва не выпускаю рычаг управления. Вера подтащила нарыга к дверце, перехватила за пузо. В первый миг показалось, что собирается выкинуть из вертолета. Но Эльви прокричала сквозь вой ветра:

— Заклинь ему винты!

У Шику насмерть перепуганное лицо. Он оглядывается на меня, упираясь руками в дверцу, похожий на котенка. И вдруг обмякает. Я вцепляюсь в рычаг, удерживая машину от падения. А вот «шершень» резко ныряет вниз, туда, где мерцают огни аэродрома.

Посадка показала, что винт, хотя и поврежден, наличествует. Мы жестко сели, но не убились. А вот «шершню» не повезло.

— Вера, осторожнее!

Она не слышит меня, распахивает дверцу и кидается к покалеченной громаде. Я за ней.

— Прикройте меня.

Огни погасли. Только догорают какие-то постройки, куда угодили ракеты.

Вера уже возле «шершня». Разбивает прикладом ветровое стекло, ожесточенно втаптывает, вминает обломки, чтоб легче пролезть. Потом ныряет в дымную глубину. Я замираю и озираюсь, как волк, окруженный красными флажками. Шику, сильно запыхавшийся, прижимается спиной к моему боку. Угрозы не видно — аэродром пустой, кроме нас никого. Темнота, голубой снег под ногами, шумное дыхание... Но и я, и он чувствуем угрозу. Кожей, всеми нейронами и ганглиями ощущаем — враг рядом, идет, и от него не будет пощады...

— Ребята, разойтись! Смотрите в оба! Йохан, за Шику отвечаешь головой.

Сзади раздается натужное сопение, звон осколков.

— Райт, помоги мне!

Спина Эльви показывается из оскаленной дыры. Она рывком вытаскивает какой-то мешок. Хватаюсь за черную скользкую болонью и понимаю, что это человек.

Вместе мы выдергиваем его на снег. Дорожка крови ползет за нами. Вера рычит, как тигрица, кажется, что вцепилась в куртку не руками, а зубами.

Сзади будто лопается гигантский грецкий орех. «Шершень» разлетается на куски, нас швыряет взрывной волной. Снег противной коркой царапает лицо, вскакиваю, отряхиваясь и отплевываясь, злой, как голодный локхи.

Вера поднимается со страдальческим лицом. Шлем слетел, волосы растрепались, и на них налип снег, похоже ее сильно оглушило. Но, настоящая хищница, машинально подтягивает к себе добычу. Я рывком сдергиваю с пилота шлем и перестаю дышать. Это узкое с вороньим клювом лицо, острые скулы, шрам на нижней губе — мне никогда не забыть. Мануэль Форка! Он прилетел в междумирье и лично вручил мне твой орден.

Посмертную награду собственной жертве.

— Дан, надо перетянуть рану. Дай мне...

— Я убью его!

Вера бросается мне навстречу. Грудью встает на защиту убийцы.

— Только после допроса.

— Я не могу...

— Дан, успокойся!

Зубы скрипят так, что можно оглохнуть. Ребята тревожно оглядываются на нас, переминаясь с ноги на ногу. Эльви накладывает жгут на ногу твоему убийце. Твоему бывшему командиру и наставнику. Почему я стою и молчу?

— Надо погрузить его в вертолет. Поможешь мне?

Сжимаю кулаки, скалясь, как цепной пес. От ненависти я плохо соображаю, все силы уходят на то, чтобы сдерживать себя.

Эльви что-то бормочет под нос, снова хватая за ворот окровавленными руками и тащит бесчувственное тело генерала к вертолету.

— Дан, надо немедленно доставить Форку на крейсер. Обещаю, он понесет заслуженное наказание, — Вера хрипит от напряжения, нелегко ворочая взрослого мужчину, — помоги мне, и я сделаю все, чтобы с тебя сняли обвинения...

Отстраняю ее и закидываю тело врага на плечо. Меня передергивает от омерзения, бегу, чтобы скорее избавиться от убийцы и предателя. Снег скрипит под ногами.

Вера прыгает в пилотское кресло и запускает двигатель. Одной лопасти вертолет лишился, винт чуть перекошен, но все работает. Закидываю генерала в салон.

— Нар-одар! — крик Шику перекрывает даже визг покалеченного винта. Оборачиваюсь и цепенею: темные фигуры бегут к нам со всех сторон. Сколько их тут! Не меньше трех десятков. Йохан и Макс уже лупят из своих обоих стволов.

— Черт! Отходим, отходим!

Макс падает и воем, лихорадочно паля в воздух. Бросаюсь вперед, подхватываю раненого под мышки. В спину толкается волна воздуха от поднимающегося вертолета. Колючий снег впивается в шею и щеки. В оцепенении я смотрю, как наша вертушка исчезает в темном небе.

— Ушла, гадина! — навзрыд кричит Макс и бессильно бьется в моих руках.

Глава 58

Давно я не оказывался в такой передрыге. Сколько клялся себе не верить женщинам и снова попался, как последний идиот. Еще и ребят подвел. Но главное Вера увела из-под носа виновника твоей гибели, и я не успел свернуть ему шею.

Нас окружают. И шансов уйти живыми почти нет, но мы повоюем.

Вытягиваю из ослабевших рук Макса винтовку и кидаю ее Шику.

— Ребята, за мной! Йохан, прикрываешь!

Кольцо нападающих стягивается так быстро, что мелькает мысль о ловушке. Я гоню ее, тащу Макса за обломки шершня. Парень уже не кричит, тихонько скулит, а руки у меня по локоть в крови. В груди клокочет злость. Поганые морфоиды даже не станут подходить близко, пальнут из гранатомета. Стоп! Идея!

Пригибаюсь за обломками. Шику уже рядом. Йохан тут же прыгает следом. Воздух над нами распарывают пули.

— Ребята, — стонет Макс, — пристрелите, а...

— Заткнись!

Пальба стихает — подкрадываются? Нет, выжидают. Приподнимаю голову, успеваю заметить, где кто, и тут же ныряю за останки вертолета.

— Шику, вон те, слева.

Мальчик с готовностью кивает. Серьезный и собранный, он поднимается на ноги. Ветер парусом надувает куртку. Только бы у него хватило сил!

Хватило, да еще как! Многоголосый крик наполнил аэродром, а потом от души рвануло в трех местах. Черт возьми, когда-нибудь террористы вместо морфоидов будут использовать нарьягов. Пламя осветило взлетное поле, черные тела на снегу, лица товарищей. Даже Макс перестал стонать. Вот теперь пора!

— Вперед!

Закидываю его на плечо. Ну и тушка, блин! Обломки «шершня» остаются позади, я рвусь вперед, на огонь, туда, где цепь атакующих разорвана. Навстречу отъезжают, распахиваются ворота скрытых в основании Нар-Крид ангаров. Темные тени «шершней» медленно-медленно выползают из своих ульев на белый свет.

Положение патовое. Но волк, которого гонят сразу и псы, и егеря, должен соображать быстро.

— За мной!

Нажимаю на спусковой крючок зажатой под мышкой «АйШи», очередь подрубают некстати высунувшихся механиков. Остальных добивают Йохан и Шику. Нарьяг старается изо всех сил, я спиной ощущаю бешеную волну силы, исходящей от пацана.

Ныряем в опустевший ангар. Теплый воздух с запахами машинной смазки согревает замерзшие щеки. Запинаюсь о какую-то железяку, но не сбавляю темп. Чую, где-то здесь есть ход. База под землей, глубоко в основании Нар-Крид. Снаружи «шершни» поднимаются в воздух, один разворачивается, из его днища вываливается кассета готовых к старту ракет.

— Туда! — кричит Шику и, опережая меня, тянет за рукав. Йохан задерживается, отбиваясь от очнувшихся морфоидов уже прикладом — патроны все вышли. Он успевает прыгнуть в узкий коридор, когда ангар взрывается. Огонь катится за нами, как кипящий апельсиновый кисель, воет голодным псом. Пик звездного бога раздраженно гудит. Лампочки в стенах мигают и щебенка сыплется на шиворот.

Потом все затихает. Но в узком проходе трудно развернуться. Мы сбавляем скорость, чтобы перевести дух. У меня дрожат колени.

— Шику, как ты узнал куда бежать?

Мальчик оборачивается, бледный, как смерть. Глаза мутнеют от наползающего обморока.

— Звезда, — шепчет он еле слышно, приваливаясь к стене, сползая по ней, — я ее чувствую...

— Привал! — команду я, понимая, что тоже сейчас свалюсь.

Голова идет кругом. Укладываю Макса на пол и, пока свет окончательно не погас, пытаюсь осмотреть рану. Раздираю пропитавшуюся кровью и оттого жесткую штанину. Дьявол! Пуля раздробила колено, но не это плохо — задета берцовая артерия, кровь слабыми толчками выплескивается на грязный пол.

— Йохан, ремень!

— Бесполезно, Дан. — Хольд опускается рядом на колени.

— Давай!

Накладываю жгут, хоть и сам все понимаю.

— Макс, держись! — трясусь за плечи, его голова безвольно мотается.

— Бросьте... — шепчет умирающий серыми губами.

— Десант своих не бросает!

Йохан скрипит зубами, сжимает мои локти. Все кончено. Идиотская царапина, можно было спасти, но нам не дали времени.

— Сука, — уныло сплюнул Хольд. Я знаю, о ком он!

Окровавленной рукой натягиваю веки на распахнутые глаза погибшего товарища. Покойся с миром, друг! Мы отомстим за тебя поганым нелюдям.

— Шику, — поднимаю обессилевшего мальчишку на ноги, заглядываю в глаза, — потерпи. Найду я твою звезду! Ты только скажи, где она, я отнесу тебя.

Отдаю винтовку Йохану и поднимаю Шику, как ребенка, на руки. Господи, какой легонький! Надо двигаться, пока наше присутствие не обнаружили морфоиды, напоенные моей кровью.

Мы идем. Моргают лампы. Шику хрипло дышит, прикрыв глаза. Всегда спокойный, как танк, Хольд шепотом молится. Коридор не думает ни расширяться, ни заканчиваться. А время выходит, течет, как вода сквозь решето.

Странно чувствовать себя преданным. Не я назвал Веру другом, она сама. Спасала меня, целовала, вызывала на откровенность, но о себе говорила скупой. Радистка в штабе, убитый муж, неудавшееся самоубийство. В разговоре о собственных намерениях Вера всегда копала немного сбоку. Что она делала в Нарланде? Кто стоит за ней?

— Уже близко, — шепчет Шику, — Нар-одар, это же звезда, тебе нельзя к ней! Ты умрешь от ее лучей...

— Я понял тебя, береги силы.

Мы очень долго идем. Мне кажется, Шику ошибся насчет близости этого дурацкого куса метеорита. Кому понадобилось долбить в недрах горы бесконечные извилистые переходы?

Первым не выдержал Йохан:

— Дан, я думать, лучше вернуться.

— Выход скорее всего завален.

— Попробовать разобрать. Это... это... путаница!

— Лабиринт? Я знаю. Но времени у нас нет. Скоро базу ликвидируют, и нас вместе с ней. Счет идет на минуты.

Йохан соглашается и больше не спорит. Но через час от моего терпения не остается даже воспоминаний, я готов бросаться на стены или кого-нибудь загрызть.

— Нар-одар! — крик Шику будто оголенный провод по нервам. Сердце подпрыгивает. Мальчик выскальзывает из моих рук.

В проеме впереди виднеется фигура. Очень странная фигура.

— Йохан! — ору я и пригибаюсь.

Умный Хольд без задержки поливает вражину из «АйШи». Гильзы прыгают, лампы мигают. Пули рвут пространство. Фигура стоит, оперев руки в стены, и не шевелится.

И вот тут мне становится страшно — пули не долетают до странного существа, не

похожего на нарьяга из Наргоклы.

Существо, бросившееся на меня, без сомнения победило бы в номинации «Самая страшная женщина года». Лысая башка, алые глаза и безгубый рот с острыми зубами. Морфоид в трансформе, но выше ростом, шире в плечах, с длинными руками и ногами. С этой нелюдью мы в одной весовой категории. Вот только на ее стороне явное преимущество.

Она сжала меня в могучем захвате, не шевельнешься. Да еще размеры коридора не позволяют осуществить бросок. Рука потянулась к моему горлу, шершавая ладонь ползет по коже.

— Аххххах...

Десантный нож почти по рукоять входит в бедро твари. Стараясь перехватить руки морфоида, разрываю ослабевший захват. Толкаю воющую нелюдь вперед, и тут меня накрывает волна парализующего излучения. Судорога скручивает ноги, я падаю, и за моей спиной падает и кричит от невыносимой боли Йохан. В строю остается только Шику, но от него мало толку.

Я пытаюсь отрешиться от боли, сделать так, чтобы она мне не мешала. Странный морфоид не так силен, как настоящие нарьяги, а я уже справлялся с последствиями излучения. В бункере я много думал. Если все мои видения — последствия удара по голове, значит, я сам справился с Камфу на аэродроме и подавил атаку нарьяг в капище. Организм каким-то образом блокирует негативное силовое поле. Осталось только вспомнить, как я это делал.

Что-то шепчет Шику, слов разобрать не могу — в ушах шумит. Йохан стонет. Я пытаюсь подняться, упираюсь руками, растягивая скрученные мускулы спины. Смогу! Сумею!

Бросок, и я оказываюсь в просторном безликом, как любое служебное, помещении. Вниз ведет лестница, кровавый след тянется к ступенькам. Я оглядываюсь по сторонам в поисках чего-нибудь — без оружия чувствую себя голым. На стене щиток, кулаком сбиваю замок и выдергиваю огнетушитель. Прыжком оказываюсь на лестнице, счет идет на доли секунды.

— Ахххах!

Тварь атакует меня моим собственным ножом. Рану успела перетянуть, пока я валялся и скулил, пытаюсь подняться. Едва успеваю отклониться. Она очень, очень быстрая, видно, что над выучкой экспериментального мутанта успели поработать. Нож чиркает по рукаву куртки. Удар ногой в грудь, одновременно дергаю рычаг огнетушителя.

Морфоид красиво отлетает в клубах белой пены, пытается зацепиться за перила, но я не даю опомниться, бью в челюсть — и нелюдь скатывается с лестницы.

Мы оказываемся в лаборатории, именно с этим словом у меня ассоциируются белые стены, яркие лампы, длинные столы с пробирками и микроскопами. Огнетушитель пустеет, пена тонкой струйкой сочится на пол. Тварь отплевывается, пытаюсь подняться, кровавые глаза дико вращаются, язык свешивается изо рта.

— Получила, поганка?

— Аххха...

— Надо же, разговаривать не научили, — усмехаюсь я.

— Убьюууу! Ххххаааа...

— Размечталась.

Она жутко скалится и снова высвобождает излучение. Устоять на ногах не получается, свалившись, я поскользываюсь и въезжаю затылком в перила. Тварь прыгает на меня, упираясь в грудь руками. Отголоски боли мечутся по телу, но одновременно нападать и генерировать излучение мутант не умеет. К счастью для меня!

— Ахххааа...

Нелюдь фиксирует меня, распластанного на полу, коленом давит в живот, локтем прижимает шею. Тяжеленная — не шелохнуться. Слюни капают мне на щеку, тварь тяжело дышит, пытаюсь справиться с застежками бронежилета. Похоже, жажда крови полностью затмила ее сознание.

Ну, уж нет! Больше у них не выйдет! Скованность понемногу исчезает, дотягиваюсь до валяющегося огнетушителя и долбаю им по голове морфоида. Баллон гнется с громким «пффф», нелюдь падает на меня. Страхиваю с себя мерзкую бабу и спешу занять удобную для обороны позицию. Похоже, я основательно ее разозлил. Господи, что это за мутант? Как ее ухайдакать? В этой лаборатории вывели поистине совершенное оружие.

Нелюдь вскакивает разъяренная, как тигрица, снова кидается с ножом. Но между нами стол, а я вооружен тяжелым микроскопом. Наш поединок напоминает дурную комедию.

Одним рывком морфоид отшвыривает с дороги стол. Я успеваю укрыться за следующим. Швыряю в тварь пробирками. Нелюдь очень сердится, облитая какой-то гадостью. Прыгает через стол и снова пытается парализовать меня, однако за мгновение до атаки ей в лоб летит микроскоп.

Тварь уклоняется, рычит от злости. Я хватаю стул и кидаю в морфоида. Черт! Долго мне еще скакать по лаборатории, удирая от рассерженного мутанта? Надо ее вырубить, но как? Близо не подойти... Упираюсь спиной в центрифугу, нащупываю рукой провод. А если?

— Ну же, моя красавица! Иди сюда!

Приподнимаю куртку и футболку (бронежилет болтается на двух ремнях). Изголодавшаяся тварь кидается ко мне с такой прытью, что сердце подскакивает до гланд. Хватает меня за плечи. Уродливая рожа с синеватым высунутым языком так близко, что меня сейчас вывернет наизнанку. Что есть силы дергаю провод и втыкаю нелюди в лицо.

Басовитый крик срывается на истошный пороссячий визг, морфоид корчится, дергается на полу. Пахнет паленым. Руки тянутся ко мне, скрюченные трясущиеся пальцы вот-вот дотянутся до моего лица. Но я не могу отнять провод, пока поганка не сдохнет.

Мои мучения обрываются неожиданно. Гнутый пустой баллон огнетушителя со всей мощи опускается на лысую башку морфоида. Я выпускаю провод, падая рядом с неподвижным уже телом мутанта.

Йохан протягивает мне руку, бережно поднимает и ощупывает. С тревогой заглядывает в лицо.

— Как ты, Дан?

— Все... в порядке. Что с Шиду?

— Он жить. Дышать. Но не хорошо, очень не хорошо.

— Скорее, надо обыскать лабораторию.

Ноги дрожат, опираюсь обеими руками о стол, стараясь не смотреть в сторону мертвого морфоида. Создателям такого монстра мало открутить дурные головы.

Йохан исчезает и возвращается с Шику на руках. Мальчик в сознании, протягивает мне руки:

— Нар-одар! Живой!

— Где твоя звезда, Шику?

Шику выскальзывает из рук Хольда, я пытаюсь его придержать, но мальчик вырывается.

— Здесь. Звезда здесь... Уходи. Нар-одар, уходи!

Я понимаю, что мальчик прав. Только нарьяги могут подойти к своей звезде и не умереть. У нас с Хольдом нет никаких шансов.

— Нар-одар Дан! — в глазах Шику стоят слезы.

Я делаю шаг, но он отступает, не позволяя обнять себя. Вытягивает вперед руки, будто защищается от чего-то.

— Уходи далеко.

— Я буду ждать тебя, Шику, — киваю я. Сейчас с ним лучше не спорить.

Шарю глазами по уцелевшим столам, хватаю красный маркер.

— Иди за мной по меткам, понял? И не задерживайся! Хольд, пошли.

Глава 60

Рисую на стене жирную красную стрелку. Оглядываюсь назад и не могу оторвать глаз от пустой длинной кишки коридора. Где же ты, Шику?

— Дан, где мы есть? — Хольд дергает плечами, стряхивая нападавшие сверху камушки.

— База террористов, Йохан. Тут они сидели много лет, выводили этих поганых кровососов и прикрывали свои делишки войной. Выродки!

Идем дальше. Узкие коридоры действуют на нервы. Снова лестница вниз. Рисую очередную стрелку.

— Надо подниматься на земля, а мы вниз и вниз, — говорит Йохан с тревогой. Хладнокровие изменяет медведю.

Спускаемся по лестнице, от беспокойства меня колотит, я готов рисовать стрелки через каждый шаг. Идиот! Оставить там ребенка, одного! Ну почему его нет так долго?

Снова длинный проход с тысячей закоулков.

— Дан, я слышать шаги! — шепчет Йохан, его голос эхом разносится по коридорам.

— Где? Это Шику?

— Нет, — Хольд качает головой. Я напрягаю слух до боли в затылке. Ничего не слышу... нет, слышу. Шаги, будто когти скребут по плитке пола.

— Где оно? — Впереди, сзади? Звук заполняет все ответвления коридоров, становится громче.

— Дан, надо бежать, — Йохан ждет приказа с нетерпением, едва не подпрыгивая, подбородок его дрожит. Хольд очень храбрый парень, но неведомая угроза страшнее видимого врага.

Чуть прибавляя шаг, выходим в большое полутемное помещение. Здесь несколько дверей. На дальней стене два грузовых лифта. Неужели спасение? Я кидаюсь к ним, нажимаю кнопку, и дверцы разъезжаются. Глазам не верю! Выдох облегчения издает Йохан, с надеждой смотрит на меня. Мне и самому хочется прыгнуть в кабину лифта и поскорее выбраться на поверхность. Даже не знаю, чего я страшусь больше: что база с минуты на

минуту отправится в тар-тарары или того, кто стучит по полу когтями за углом.

— Ждем мальчика, — сдерживая дрожь в голосе, говорю я, — оружие наготове.

Хольд с укоризной смотрит на меня, патронов в его винтовке осталось только нам застрелиться. Я вооружен ножом.

— Мы не успеть. Мы долго шли, не быстро шли, мальчик не догнал... Он был плох, очень плох.

— Мы будем ждать Шику, — сквозь зубы повторяю я. Дыхание рвется, по спине мурашки табунами носятся туда-сюда.

— База взорвать, а ты не убил командор, — на щеках Йохана вздуваются желваки. Шорохи, шаги, а потом и топот становятся громче. Гнетущее ожидание становится невыносимым, и я срываюсь на того, кто подворачивается под руку.

Хватаю Хольда за горло, прижимаю спиной к стенке и рычу:

— Страшно тебе? Убирайся! Вон отсюда!

Йохан хватается ртом воздух, вцепился в мою руку, пытаюсь освободиться.

— Вон лифт, — толкаю его к открытой дверце, — езжай, спасайся! Никто тебя не держит!

Хольд перехватывает мою руку. На лице нет злости, только осуждение.

— Ты — мой командир и друг! Я не уйду!

— А я не последняя паскуда, чтоб бросить тут мальчишку! — выдыхаю я, пристыженный товарищем. Зря только обидел хорошего парня.

— Тогда надо вернуться... он слаб и мочь упасть на дорога, — задумчиво отвечает Йохан и вдруг вскидывает винтовку.

Короткая очередь подкашивает кого-то в проеме. Я оборачиваюсь и застываю на миг: морфоиды. Двое возникли из бокового коридора, двое — оттуда, откуда мы пришли. Значит, Шику уже нет в живых. Твари! В черных комбинезонах, вооруженные обрезам и «АйШами», они двигаются легко и бесстрашно, как хозяева. Настоящие хозяева оставили базу, выпустив своих питомцев.

— Прикрой меня! — кричу Хольду, и кидаюсь в проем, на ходу выдергивая нож.

Мой бросок ошеломляет морфоидов. Пока они соображают спустить курок, одна из тварей падает с перерезанным горлом. «Вепрь» хоть и не V2, но спецподразделение имперской армии. Начинается пальба. Нелюди прибывают, а нас с Йоханом только двое.

Нет! Я уже один. Мой товарищ падает на пол, бьется с простреленным горлом, я подхватываю обрез убитой нелюди и разряжаю в зарешеченный светильник. Темнота накрывает вестибюль перед лифтами, лишь из коридоров льется слабый свет.

Морфоиды — хоть и нелюди, но не кошки и не совы. А я помню, где видел каждую из них. Тело само находит жертву. Одно скользкое движение — и убитая тварь падает на пол.

Снова стрельба. Похоже, морфоиды опомнились, их гляделки привыкли к темноте. Выхватываю из рук трупа «АйШу», две ярких вспышки пронзают полумрак. Что-то больно бьет меня в бок — бронежилет снова спас от пули, летящей по касательной. В упор — щиток бы не выдержал.

— Аааа! — детский крик где-то далеко. Шику! Жив, маленький!

Прикладом сшибая подвернувшуюся под руку тварь, рвусь в коридор. Все на свете отдам, лишь бы добраться до него, живого.

— Шику! — ору во всю силу своих легких. — Держись, я иду!

Уворачиваясь от удара по голове, давлю на спусковой курок так, будто это звонок в рай.

Они падают, но как их много: гадких, липких, жадных кровососов, что так часто снились мне в кошмарах. Сколько же их!

Впереди пустой коридор, бегу по нему, что есть сил. Лестница. В меня стреляют, но не попадают, пули отскакивают от перил. Меня встречают дула винтовок. Твари скалятся, им хочется теплой крови, живой плоти. Они не столько метят в меня, сколько пытаются задавить массой, ведь винтовка уже разряжена и оружия больше нет.

Удар, удар, прикладом в плечо морфоида, ногой в грудь. Жадные лапы тянутся к горлу, выдергивают из рук разряженную винтовку. Я больше не слышу Шику, только оглушительный стук собственного сердца.

На плечи мне прыгает очередной кровосос, ладони прилепляются к щекам. Жжение, как от ожога, я рычу и бросаю тварь через плечо. Меня хватают, обвивают коконом. Я не могу ни вздохнуть, ни вырваться, горло перехватывает так, что темнеет в глазах.

Только бы не потерять сознание, иначе ничего уже не смогу сделать. А Шику, может быть, еще жив, ждет меня.

— Аааа, мрази! — рычу я. Уже ничего не вижу кроме липучих рук, голых тел с шершавой кожей.

Ожог на шее, яд впрыскивается под кожу прежде, чем успеваю оторвать тварь от себя. Ту, что повисла на плечах, бросаю на перила. Морфоиды визжат и шипят, хватают за руки, сбивают с ног. Падаю на четвереньки, сжимаюсь, защищая шею и голову. Пусть помянутся с одеждой и броней, пить кровь через ткань морфоиды еще не научились.

Снова далекий крик. Я расслышал свое имя. Но уже ничего не могу сделать, на меня навалились кровососы, а силы тают и только инстинктивное омерзение не дает рухнуть на железные ступеньки. И тут живой ком распадается. Меня обдает чем-то горячим. Рычание, выстрелы, многоголосый визг — какая-то какофония. Но я чую спасение, стряхиваю с себя морфоидов и вскакиваю, зажимая ладонью рану на шее.

— Дружок! — радостно кричу я, вырываясь из кучи-малы.

Пристрастившийся к крови морфоидов, локти не обращает на меня ни малейшего внимания. Пули застревают в скатанной шкуре, в толстой коже с жировой прослойкой, одна попала в глаз. Зверюга истошно завизжала и окончательно остервенела.

Решив не дожидаться окончания обеда, подхватываю брошенную «АйШу» и кидаюсь на помощь Шику.

Путь обратно показался вечностью, хотя собственные стрелки словно летели мне навстречу. Куртка пропиталась кровью, можно отжимать, меня шатало, бросало на стены, но я бежал изо всех сил.

Как оказалось, зря. Торопиться было незачем. Но увиденная в лаборатории картина ошеломила меня. Навстречу мне вынырнул, пригнув голову, человек в серой имперской форме, с нашивкой разведуправления на груди.

— Капитан, у нас тут человек. Живой.

Двигаю его локтем и врываюсь в разгромленное помещение. Тут уже работает бригада яйцоголовых под надежной охраной «V4». Впрочем, угрозы им не предвидится: морфоиды, не меньше десятка, жутко изогнутые, с выпученными алыми глазами и раскрытыми ртами, валяются на полу. Скорчившийся у стенки, Шику без сознания, голова свешена набок, тонкие руки безвольно раскинуты. В ладони маленький комочек блестящего металла, вроде тех, что были запрятаны в бусики. Нарьяг сумел вывернуть толстенную дверцу сейфа, звезды там не оказалось, лишь кусочки. Но и их хватило бы мальчишке, чтоб восстановить силы. И тут напали морфоиды.

Кидаюсь к нему, отпихиваю кого-то из яйцоголовых. Мне что-то кричат, но в голове шумит, и я не могу различить слова. Прикладываю два пальца к сонной артерии Шику и облегченно выдыхаю — живой.

— Что тут у нас?

Чьи-то руки хватают меня за локти. Я не сопротивляюсь, у меня просто не осталось сил. Вот сейчас на запястьях щелкнут наручники. Оглядываюсь назад: Шику я, скорее всего, вижу в последний раз.

— Как ты тут оказался?

Командир «V4», мой ровесник, худощавый, жилистый, под умными глазами круги от недосыпания.

— Парень, слышишь меня? — его лицо расплывается перед глазами. — Марк, перевяжи его.

И в рацию кому-то:

— У нас двое, человек и нелюдь. Нет, тот, из Нарголлы. Куда его?

— Это мой ребенок, — вырываюсь из сильных, но пока дружественных рук. Выворачиваю голову, посмотреть, что делают с Шику, — попробуйте только ему...

Меня крепко удерживают, что-то влажное прижимают к шее. Командир внимательно смотрит на меня.

— Нарьяг? Ты про нарьяга?

— Не смейте его обижать! — плохо соображая, что происходит, кричу я. — Он ребенок и он болен!

— Спокойно. Никто его не обидит. Что мы, звери?

Он говорит убедительно, а я очень устал.

— Как зовут-то тебя?

— Райт. Дан Райт.

Я то ли уснул, то ли потерял сознание, а очнулся в кабине вертолета. Шея аккуратно перевязана, щеки стягивает пластырь. На груди кардиодатчик. В кабине никого нет и свет выключен.

Надо бы узнать, что происходит и где Шику. Встаю и снова падаю в кресло, да что со мной? Неужели потерял так много крови, что не могу подняться на ноги? Голова кружится, и в ушах шумит. Дьявол!

Прикрываю глаза, так гораздо терпимее, но тут дверца вертолета открывается и в кабину влезает мой знакомец, капитан «V4». Нажимает кнопку, салон заливают яркий свет, который до боли режет глаза. Я щурюсь, прикрываю лицо ладонью. Командир «V4» садится в пилотское кресло и совсем по-мальчишески сдвигает вязаную шапочку, чешет затылок.

— У меня к тебе несколько вопросов, Райт.

— У меня, как ни странно, тоже.

— Я первый. Кровью ты не истек, так что прекрати разыгрывать припадочную барышню и отвечай, как оказался в Нарланде и конкретно здесь, под Нар-Крид.

Я прокручиваю в голове варианты. Откровенного разговора тет-а-тет не ожидал, ждал заломленных рук и холодного карцера. Но в любом случае придется молчать, даже если меня будут резать на куски. Если бы только не Шику! Что станет с мальчиком дальше?

Перевожу дыхание и завожу шарманку:

— В Нарланд попал из междумирья, чтобы оказать помощь мятежникам...

— Тут на базе тоже помощь мятежникам оказывал? — усмехается капитан.

— Базу случайно обнаружил, летел тут мимо, а эти гаденыши вылезли, подбили...

Командир «V4» трясет головой, судорожно пытаюсь сдержать зевок.

— Ладно, вижу, что все бесполезно. Хочешь молчать, молчи. Сам Знаешь Где все равно вытянут. Доставим тебя на крейсер, там пусть с тобой разбираются, Дан Райт, брат Стального Сокола.

Хватаю его за руку.

— Погоди. Я расскажу...

— Яном меня зовут, Ян Кейтер.

— Ты знал моего брата, Ян?

— Только заочно, я пришел в «ви», когда майор Райт ушел на повышение. Но слышал много хорошего.

Перевожу дыхание.

— Помоги, Ян! Мне нужно найти Алвано прежде, чем за меня возьмется особый отдел.

Ян присвистнул, изумленно глядя на меня.

— Нарголла взята под контроль имперских сил. Командор удрал и прячется где-то, возможно, уже далеко от Нарланда.

— Отпусти меня!

— Не могу, Дан, — качает головой Кейтер, — рад бы помочь, но не могу.

Отпускаю его руку. Устало тру лоб ладонью. Надежды нет, теперь я попался по-настоящему. Увяз по самую шею.

— Могу я увидеть Шику? Мальчика...

— Нарьяга?

Ян снова чешет затылок.

— Отчего ж нет, можно. Если его еще не подняли на борт.

Капитан распахнул передо мной дверцу вертолета, придержал за локоть, иначе я бы рухнул на снег. Тот самый кровавый аэродром теперь ярко освещен прожекторами. Нар-Крид с величественным презрением поглядывает на копошащихся у его подножия людишек. На ослепительно белом снегу трупы в черных комбинезонах и куртках, алые пятна крови, снег истоптан множеством ног.

Ян оглядывается в поисках команды медпомощи.

— Ребят, притормозите, — машет кому-то и оглядывается на меня, — иди за мной.

Нам преграждают дорогу труповозы, в черных пластиковых мешках вывозят и грузят в вертолеты мертвых нелюдей. И моих ребят, погибших в неравной схватке с морфоидами.

А вот на каталке везут Шику. Укутали одеялами так, что видно только нос и рот со вставленным воздуховодом. Я отодвигаю Кейтера, санитаря с красной нашивкой, и хватаю за край носилок.

— Шику! Ты слышишь меня? Шику, держись!

Кто-то оттирает меня от мальчика, на глаза наворачиваются слезы, когда гляжу ему вслед. Мимо тащат черный мешок. Я не могу сдвинуться с места, будто ноги примерзли к полю аэродрома. Хрупкая фигурка в зеленом камуфляже службы биологической защиты оборачивается, раздраженно выговаривает одному из носильщиков.

Я протираю глаза и едва не ору от радости. Кидаюсь вперед прежде, чем Ян успевает меня остановить, и хватаю за руки маленькую тоненькую женщину-биолога.

— Мэри! Мэри Сантаро, как же я рад тебя видеть!

Глава 62

Небо за Нар-Крид начинает светлеть. Ленивый рассвет после долгой зимней ночи. Снег из синего становится голубым, а горизонт зеленоватым.

Закутанный в шерстяной плед, в пилотском кресле санитарного вертолета пью кофе из термоса. Мэри кладет мне на колени промасленный бумажный кулек с пирожками.

— Ты ешь, ешь, не стесняйся...

Ее профиль с острым носиком, подбородком и скулами выделяется в темноте кабины. Старый друг, наш с тобой, ксенобиолог при разведуправлении, она часто бывала у нас в Ориме. Помню, впервые увидев ее на пороге нашего дома, принял мисс Сантаро за твою невесту. Жутко разозлился... Смешная вышла история.

— Мэри, только не забудь, его зовут Шику... Не позволяй забрать малыша для опытов! Ради нашей дружбы...

— Не волнуйся, — голос у нее всегда очень спокойный, без эмоций, но это особенность характера. В душе Мэри добрый и сердечный человек, — никому не отдам твоего мальчишку. Да и не заберут его у меня. Подписан акт о капитуляции, Нарголла занята нашими войсками, так что ребенок попадает под международную конвенцию жертв военных действий.

— Шпашибо тебе, — с набитым ртом отвечаю я, полностью уверенный, что Шику отныне в безопасности.

— Ты ешь, ешь, не отвлекайся.

Дожевываю последний пирожок и облизываю пальцы, Мэри фыркает, протягивает мне салфетку.

— Вот значит, как вышло, — тихо говорит она, отрешенно глядя в светлеющее далёко, — бедные вы, бедные. Мы все, друзья Корда по «Ви» и РУ, просили командование держать тебя подальше от Нарланда. Год прошел, я думала, ты успокоился.

Пик Звездного Бога окутывается золотыми лучами, черный исполин над проданной землей. Будет ли еще существовать странный народ, поклоняющийся отнятой звезде? Не исчезнут ли нарьяги вместе со своим сокровищем?

— Вики звонила мне. Незадолго до того, как пропала связь. Зовет летом к ним на дачу.

— Как у нее дела?

— Она держится. Вики — умница, и у нее дети...

Я давно не видел невестку. Иногда она звонила нам с Линой, посылала по электронной почте фотографии племянников. Пыталась сохранить связь, которую я так старательно рвал. Мне просто было стыдно глядеть ей в глаза.

— А как ты поживаешь, Мэри? — спрашиваю просто из вежливости. Вот уже восемь лет в ее жизни ничего не меняется. С того злосчастного дня, когда командир «V3» Мэтью Кифрат погиб в Гатти.

— Хорошо поживаю, — улыбается она, — весной, если выберемся из этого проклятушего Нарланда, буду защищать докторскую. Только бы там, — она смешно морщит нос и указывает пальцем в небо, — устроили нам отпуск.

Мы невесело смеемся, Мэри ободряюще сжимает мне плечо.

— Что же нам делать, Дан? — осунувшееся личико становится серьезным.

— Если они дорвутся до такой информации... ты же знаешь нашу судебную систему, меня перемелют в муку. Не оставят даже памяти. Неизвестно, сколько высших офицеров империи вовлечено в заговор. Скорее всего, я не доживу даже до первого слушанья.

Сжимаю холодные ладошки Мэри:

— Отпусти меня, — шепчу с надеждой, — помоги выбраться...

— И куда ты пойдешь?

— Я знаю несколько логовищ Ромари Алвано. Мне бы только добраться до этой погани!

— Он убьет тебя, как Корда!

Что я могу на это ответить? Наша с Алвано гипотетическая встреча может стать для меня роковой. Но лучше иметь хоть какой-то шанс отомстить убийце брата, чем сдаться сейчас и смиренно дожидаться расстрела.

Мэри отнимает руки, складывает на груди. По расстроенному лицу с поджатыми губами скользит золотистый рассветный луч. Раньше она казалась мне дурнушкой, а ведь Мэри почти красавица.

— Желтеют в полях одуванчики, в лазури ласточки вьются, уходят куда-то мальчики, а девочки остаются... Куда же вы уходите, мальчики? В какие дали? Где вас искать?

Сердце сдавила тоска. Я думал, что знаю, где искать свое спокойствие и радость... но все это осколки в песке. Смерть — она навсегда.

— Нигде, Мэри, — отвечаю я, — не ищите нас. Живите и не печальтесь.

В обращенных на меня глазах блестят слезы.

— Ты отдохни пока, Дан, — сдавленно просит она, — я сейчас.

Взвизгивает дверца и глухо хлопает, отрезая меня от холодного чудовищно-чужого мира. Я пригрелся, глаза слипаются, сон наползает сладкими, радужными грезами. Я давно понял, что по-настоящему хорошо мне становится только во сне. Милостиво позволяю себе прикрыть глаза и задремать, наслаждаясь теплом и отсутствием привычной боли.

— Дан Райт!

Дверца распаивается, знакомый голос громко зовет, рассеивая такой нежный, долгожданный сон. Ян Кейтер нетерпеливо приплясывает, замерзший на морозе, изо рта вырываются облачка пара.

— Вставай, вставай, тебе пора!

Нехотя выбираюсь из кокона пледа, с сожалением покидаю уютное кресло. С непривычки сильно знобит, поспешно прячу руки в карманы и притопываю ногами. Аэродром пуст, несколько вертолетов РУ дремлют с будто бы поникшими винтами.

— Холодно-то как! За мной прилетели?

— Нет еще. Держи.

Капитан вкладывает в мою руку пластиковый ключ. Значок «V» ярко блестит розовым. Я с изумлением гляжу на пластинку в ладони.

— Вон тот, — коротко кивает Ян. — И имей в виду, если попадешься, будешь отвечать за кражу боевой техники по всей строгости закона.

Я делаю шаг вперед и крепко сжимаю в объятьях командира спецотряда РУ. Слова тут излишни. Если мы будем предавать друг друга, от силы и доблести имперской армии не останется даже памяти.

— У тебя пять минут, чтобы убраться отсюда, брат Стального Сокола. Ребята закроют глаза. Но уже через полчаса тебя будут искать по всему Нарланду.

— Полчаса — это очень много.

— Пристрели эту гадину!

— Обещаю.

Сжимаю его плечо и, не оглядываясь, бегу к вертолету с белой полосой на носу. Вставляю ключ в прорезь замка, не выдержав, оборачиваюсь. На летном поле никого нет, лишь ветер подхватывает и кружит сухую искрящуюся поземку.

Влезаю в кабину, пристегиваю ремни и отключаю ничего не соображающий навигатор. Нарголла к западу от Нар-Крид, я буду там через пятнадцать минут. Очень, очень хочется задать пару вопросов Стивенсу.

Нарголла, сверкающая, скользкая, как огромный коток, встречает меня гарнизонной тишиной и черными дулами винтовок. По случайности или нет, здание штаба соседствует с основательно обгоревшей бывшей резиденцией Ромари Алвано. Мой старый знакомец капитан Рэндел скалится, увидев меня, вылезавшего из вертолета разведуправления. В его ласковой улыбке явно читается: «Попался, голубчик!» Я невозмутимо интересуюсь, на месте ли полковник Стивенс, скотина-особист отвечает утвердительно и отправляется доложить. Глядя в отутюженную прямую спину особиста, я не сомневаюсь, что за покушением на меня стоит именно Рэндел.

Полковник, несмотря на ранний час, восседает за длинным столом.

— Дан, мой мальчик!

Стивенс по-отечески обнимает меня, похлопывает по плечам и внимательно оглядывает. Отмечает и повязку на шее, и небритую рожу, залепленную пластырями.

— Садись, садись, сейчас налью тебе выпить.

— Не надо... — протестую я.

— Надо, еще как надо. За твой подвиг, мой мальчик, и за окончание этой проклятой войны. Ты поставил в ней жирную точку, империя этого не забудет!

Сажусь на колченогий стул, пребывая в замешательстве. Не ожидал я такого ласкового приема, теперь везде мерещится предательство. Станешь недоверчивым после встречи с такими оборотнями, как Эльви и Форка.

Буль из переносного холодильника щипчиками вытаскивает кусочки льда, разливает по стаканам виски. Недурно он тут устроился. Темная жидкость распространяет острый запах, неприятно щекочет ноздри.

— Господин полковник, кто стрелял в нас у подножия Нар-Крид?

Рука Стивенса вздрагивает, виски течет из бутылки на стол, заливая какие-то бумаги. Буль вздыхает так тяжело, словно на плечах у него лежит бетонная плита.

— К сожалению, ты стал жертвой заговора, мой мальчик. Заговора, в котором замешаны многие наши офицеры. Я проглядел, у меня под носом, в моем родном полку созрел бунт... Капитан Рэндел нашел неопровержимые доказательства преступления против империи и вооруженных сил.

Он выглядит таким сокрушенным, таким разбитым и сломленным. Сжимает пузатый стакан и залпом выпивает половину. Крякая, отирает рот рукавом, лицо его мгновенно багровеет, на лбу проступают капельки пота.

— Они все в карцере, ждут суда, — глухо молвит Стивенс, — Гилберн, Стаут, Веньяр...

— Веньяр?!

Чего я ждал? Это же его «мустанг» расстреливал нас из пулеметов в упор.

— Капитан Веньяр игнорировал приказ преследовать отступающего врага. Ты понимаешь, что это значит? Мы могли раз и навсегда прижучить бандитов Алвано, а теперь придется годами гоняться за этими отбросами по мирам перекрестка. Эх!

Что это если не предательство? Вот только в тот момент, когда его люди поливали нас

свинцом, Жан был под стенами затопленной Нарголлы.

Буль вынимает портсигар и закуривает. Отчаявшийся старик, разуверившийся в совести и доблести. Я решительно встаю:

— Господин полковник, я знаю о заговоре куда больше вашего. Дайте приказ привести капитана Веньяра.

— Дан, постой...

Он вскакивает с такой прытью, какой нельзя было ожидать от полного одышливого человека. Но я моложе и быстрее, опережаю его и распахиваю дверь. Так и есть, Рэндел собственной персоной торчит в приемной.

— Господин капитан, у меня есть информация, которая вас заинтересует. Но я буду говорить только в присутствии Жана Веньяра.

На лице особиста совершенно нечитаемое выражение. Зато Стивенс заметно взволнован. Они встречаются взглядами, и я словно воочию вижу проскочившую искру острой неприязни. Наверное, так же они сверлили друг друга глазами перед тем, как Рэндел выпустил меня из карцера в Крикхе.

Особист чуть заметно кивает и отдает дежурному приказ привести Веньяра.

Стивенс с таким грохотом захлопывает дверь, что косяк жалобно трещит. Толкает меня на стул.

— Ты что творишь, мальчишка? Это же лиса, он заодно с ними, все тут заодно. Ты им как кость в горле. Ты и твой брат, который рассказал тебе эту чушь!

— Спокойно, господин полковник, — ровным голосом отвечаю я, не глядя в его сторону, — я просто хочу рассказать правду, глядя в глаза изменникам родины.

— Ты с ума сошел! — хватается за голову Буль, щеки его трясутся, живот над ремнем форменных брюк ходит ходуном.

— Все, что я знал, уже известно в РУ, — объявляю я, протягиваю руку к стакану с виски, — мы с вами выпьем за победу. Осталось только вывести на чистую воду пре...

Дверь сдается под напором снаружи. Многострадальный косяк теперь выломан окончательно. Рэнделу тоже не удалось сохранить спокойствие, маленький капитан сощурился, в опущенной руке зажат пистолет.

— Господин Райт, я не советовал бы вам что-либо пить и употреблять в пищу в кабинете полковника Стивенса. В противном случае вы не успеете ничего мне рассказать. А ведь вы жаждете поделиться информацией, не так ли?

В воцарившейся тишине слышно натужное дыхание Буля, скрип перил, на которые опирается поднимающийся в сопровождении конвойного Жан Веньяр. Танкист, увидев нашу честную компанию, изумленно округлил глаза и, кажется, даже тихонько присвистнул.

— Ну вот, все и в сборе, — удовлетворенно говорю я, — пришло время прояснить некоторые вопросы, касающиеся не больше, не меньше безопасности империи. Восемнадцатого июля прошлого года подполковник Райт прибыл в Нарголлу, чтобы лично проверить оперативные данные, полученные от одного из осведомителей. Дело касалось поставок оружия в Нарланд, якобы для внутренних нужд государства Нарголлы...

Не знаю, кто первым начинает движение: Стивенс или Рэндел, но мой бросок опережает обоих офицеров. Выхватываю из напряженной руки особиста табельный «брэггерс», Рэндел — штабная крыса, выучки его хватается только увернуться от моего удара. Веньяр обрушивает скованные наручниками руки на капитанскую голову.

Я перемещаюсь за спину Стивенса и удобненько прижимаю длинный ствол к седому

виску полковника.

— Попробуйте шевельнуться, вышибу ему мозги!

Рэндел и двое ошеломленных конвойных все схватывают на лету и отступают. Не отпуская Буля, минуя крутые ступеньки, залитую солнечными лучами, искрящуюся до боли в глазах площадь. Жан уже возле вертолета.

— В левом кармане ключ.

— Хороший мальчик, — радуется Веньяр, нащупав карту «V4» в моем кармане.

Распахивает дверцу, без малейшего промедления дергает рычаги, запуская двигатели. Площадь оскаливается десятками винтовочных дул. Стивенс хрипит у меня под рукой, я слишком крепко сжал толстую шею. Втаскиваю полковника в кабину вертолета и перевожу дух. Жан медленно поднимает машину над празднично красивой Нарголлой. Я отпускаю Стивенса, раздраженно трясую занемевшей от напряжения рукой.

— Ну, — перекрикивая работающие двигатели, возмущается Веньяр, — и чего ради ты вытащил меня из теплого уютного карцера?

Глава 64

— Ну что ты за скотина, Райт? В кои-то веки выдался отпуск, теплое местечко, горячие харчи, с мясом, между прочим! И тут являешься ты!

— Ага, и наручники с мехом и стразами, — огрызаюсь я, — извини, что испортил отдых.

— Ни за что! Ты мне теперь по гроб жизни должен будешь!

— Вот еще! Не нравится, можешь сойти. Эй! Смотри, куда прешь, давай налево!

— Не указывай! Без сопливых скользко!

Нарланд раскинулся внизу огромный и снежный. Черные пики, древние ели и лиственницы: все оделось в толстые белые шубы. Жан щурится от яркого, почти весеннего солнца, мы беззлобно переругиваемся, оттягивая момент, когда придется составить план дальнейших действий.

С замиранием сердца поглядываю на приборы, но локатор показывает чистое небо. Никто не догоняет, предоставив и нас, и полковника собственной судьбе. Стивенс сидит мрачный, связанный срезанными с кресла ремнями.

Когда Нарголла остается далеко позади, я подбираюсь к нему с ножом. Буль презрительно усмехается, мол, не боюсь я вас, сопляки. Решил видно, что собираюсь добить. Как бы ни так.

С трудом пилю металлизированный ремень. Лицо полковника совсем близко, достаточно протянуть руку и стиснуть его горло. Снова и окончательно, чтобы сломать адамово яблоко — хрящик, одинаково хрупкий у интеллигента и боевого офицера. Но я не делаю этого, а встаю, ухватившись за поручень, и кидаю ему сумку с парашютом.

— Надевай.

Стивенс оторопело глядит на меня, инстинктивно обхватив руками тугой мешок.

— Надевай, а то прыгнешь без парашюта!

Буль поспешно развязывает мешок, угадав по моему тону, что угроза вполне реальна. Пугается в завязках, рвет с остервенением, как могут только люди, борющиеся за собственную жизнь. Неловко продевает руки в лямки, слишком для него тесные, застегивает

на пузе карабин. Смешон и жалок, но мне его не жаль. Я ничего не чувствую. Моих сил уже не хватает ненавидеть всех подряд. Ну, разве я виноват, что каждый второй встречный в Нарланде оказывается последней сволочью? Я устал и выдохся.

— Вставай, скотина!

Ноги Стивенса дрожат, он упирается, я резко дергаю дверь.

— Чего ты там копаешься, Райт? — брюзгливо спрашивает Жан, оглядываясь.

— Да вот никак не попрощаемся.

— Вы еще поплатитесь, щенки!

— Поплатимся, поплатимся, но не тебе и не на этом свете.

Придаю ускорение пинком под зад, полковник вываливается из вертолета, как большая подушка. Его мотаает в воздухе, ветряные потоки вырывают друг у друга добычу, а потом белым куполом распахивается парашют.

— Закрой дверь, дует, — ворчит неугомонный Жан.

— Какой ты неженка, Веньяр!

— А ты изверг, Райт!

Прыгаю в кресло, с досадой вспоминая про отсутствие ремней. На экране локатора все чисто, можно немного расслабиться и все обдумать, пока жизнь снова не взяла за горло.

— Скажи, ты знал, когда возвращался в Нарголлу, что Стивенс — оборотень? — неожиданно серьезно спрашивает Веньяр.

— Нет. Подозрения были, но я думал на Рэндела, уж больно он на меня напирал в первую встречу.

— Думаю, особист давно догадывался, что Стивенс темнит. Когда перекрыли порталы, от него покоя не стало. Ходил: вынюхивал, выпрашивал. В тебя и твоих мятежников вцепился, клещ собачий. А после штурма Нарголлы вдруг притих... Надо полагать, ждал открытия порталов.

— Кстати, о моих мятежниках, где теперь Таня Светлова?

— Дан... — голос Веньяра звучит глухо, — не знаю, как тебе сказать...

— Что?! — я кричу так, что в наушниках звенят помехи.

— Их отправили в Левинку, это большое поселение в диких землях. Стивенс выделил взвод для охраны.

Жан вздыхает, с трудом переводя дух, будто поднимался в гору.

— На них напали головорезы Алвано, их сейчас много на дорогах... Мародерствуют, суки, грабят села...

— Они... все?

Веньяр кивает. Я опускаю голову, все-таки не уберег дочку Сергея. Никого не сберег: тебя, Таню, Шиду. Грош цена солдату, который не может защитить даже близких. Горько!

Жан решается нарушить молчание только по причине необходимости.

— Куда мы теперь тащимся, Райт?

— Добивать недобитого тобой Алвано.

— А что бы ты сделал на моем месте, если б получил приказ стрелять по мирному городу? Войска его уже покинули, остались мародеры и обезумевшие горожане. Да, они бросали бульжники в танки, стоя по колено в ледяной воде. Наверное, надо было открыть по ним огонь, как думаешь?

Мне в очередной раз становится стыдно и мерзко.

— Слышь, Жано, ты извини, что втянул тебя. Давай, высажу поближе к людям, там,

глядишь, доберешься до своих.

Веньяр оглядывается с непривычно строгим, даже суровым лицом. Оказывается, он умеет быть несмешным.

— Ты по уши в нарьей заднице, Райт! И каждое твое трепыхание способствует дальнейшему погружению. По-хорошему, тебя бы связать и сдать Рэнделу, как опасного для общества субъекта.

— Спасибо за откровенность, — усмехаюсь я.

— Один ты к командору не полетишь. Видел я хроники Ходхольма, а в Буцалло был. Таких, как Алвано, судить нельзя. Их надо отстреливать, как бешеных псов. Мы с Кордом не были такими уж закадычными друзьями, просто приятельствовали. Но убийство офицера империи бросает тень на тех, кто его допустил.

Те, кто допустил, кто прикрылся моим братом, все равно вывернутся. Это не люди, а скользкие угри, которые везде пролезут. Как бы я ни хотел, мне не добраться до оборотней в золотых погонах. Слишком коротка жизнь, слишком мало осталось сил и ненависти.

— Где ты намерен искать командора?

— Первым делом в Лиш-Крид, мы как раз туда летим.

Веньяр поджимает губы, загружая в навигатор нужный курс. Больше мы не разговариваем. Меня охватывает чувство, что все движется по спирали, и так будет веки вечные. Потери, ненависть, дороги, война и снова потери... Господи, как же я хочу домой!

То ли хрустальный звон сосулек, то ли девичий смех доносится из-за белых и мохнатых от инея деревьев. Тону в сугробах по пояс, знакомые тропы, которыми ходили с Шику на стрельбище, давно замело. Помогаю себе, разгребая снег руками. Пушистый, легкий, как перышки, в таком сумасшедшем количестве он кажется непреодолимой преградой. Я продвигаюсь по чаще с большим трудом.

Отяжелевшая от белой шубы ель встряхнулась, растревоженная крупной лесной птицей. За шиворот попало холодное, мокро растеклось по спине.

Снова странный звук. Это точно человеческие голоса. Голоса там, где не ждал встретить людей.

Мы с Веньяром обыскали все возможные схроны командора Алвано, но ничего не нашли. То ли гад счел их ненадежными, то ли Эльви Крайер в очередной раз зло пошутила. Горючее почти на нуле. Я предложил Жану уйти, танкист отказался, пообещав дотащить меня до портала и самолично пнуть под зад, чтоб не мешался под ногами в Нарланде. Остановились мы на компромиссном решении — я прячусь в надежном месте, Веньяр возвращается в Нарголлу, чтобы оценить обстановку.

Места надежнее старого поселения мятежников, я не знаю, потому и направил стопы к лесной базе Сергея Светлова. И вот незадача: люди. Мне бы уйти, не оглядываясь, но я подхожу ближе, развожу руками пушистые веточки, и дыхание застревает в груди.

На полянке двое: юноша и девушка, почти дети. Кормят снегирей крошками, залиvisto смеются, запрокидывая головы в меховых шапках. Мне кажется, я схожу с ума. Нет, я, наконец, окончательно помешался. Таня хохочет, щеки ее покраснелись, как грудки тех самых снегирей. Рядом с ней невысокий юноша, в котором с удивлением узнаю Аркашку. Прижимаю ладони к глазам, пережидаю пару секунд и отнимаю. Ничего не меняется, хоть караул кричи.

Делаю шаг из своего снежного укрытия, снег за спиной тяжелыми кучами падает с ветвей. Двое на поляне оглядываются на меня с испугом, будто на медведя шатуна. Но страх тут же сменяется восторгом. Танюшка пронзительно визжит, кидаясь навстречу, путается в сугробах. Наконец падает, прямо в снег лицом, но хохочет, аж заливается радостью. И я тоже улыбаюсь, подхватывая ее на руки, расцеловывая в ледяные мягкие щечки.

— Жив!

— Жива!

Некоторое время восторги не смолкают, Таня виснет на мне, трогая со всех сторон. Замечает повязки и пластыри, охает, ахает и бесполезно убеждать, что я не при смерти. Аркашка третя рядом, но я замечаю его краем глаза, хотя удивлен ему еще больше, чем Танюшке. Мальчишка одет слишком уж хорошо, куртка на меху, походные утепленные штаны, кожаные перчатки на руках, лепящих снежки.

— Дан! Ты представляешь, это было ужасно! На нас напали самые настоящие бандиты, я так испугалась! Они стреляли, а я заползла под колесо и боялась пошевелиться.

Таня тарахтит и тарахтит, я машинально оглаживаю ее спину, прижимая девочку к себе.

— Дон такой замечательный человек. Это дядя Аркашки, представляешь? Он спас меня и привез сюда. Я, конечно, немного трусила вначале. Но все оказалось так прекрасно, а теперь будет еще лучше!

Я слушаю ее болтовню и понимаю, что не успел. Еще минуту назад мог подхватить Танюшку на руки и нырнуть в чашу, но я, как всегда, догадался поздно. Прав был Веньяр насчет погружения, теперь вот и уши не торчат.

Что-то твердое красноречиво упирается мне в левый бок, Таня еще трещит, а секунды уже отсчитывают нашу смерть.

— Что, правда, дядя твой? — оборачиваюсь к Аркашке, тот удивленно моргает. И как я сразу не заметил: глазки-то больше не косят.

Губы подростка растягиваются в презрительной усмешке, я думал, он ровесник Шику, но теперь кажется значительно старше. Тычет пистолет мне в подреберье, молча кивает на избушку Матвеича. Там всегда бывало весело и хлебосольно. А теперь там засел мой враг.

Оглядываюсь в поисках решения. Кругом заснеженный лес, тишина, нарушаемая лишь птицами и мелким зверьем. Пока шел, не видел следов, похожих на человечьи. Но это не значит, что в чаще не прячется рота наемников. Меня обложили, как и тебя, и лишили возможности сопротивляться: не знаю, кого ты здесь защищал, а мне придется быть предельно осторожным ради безопасности Тани.

— Дядя будет рад видеть вас в своем доме, мистер Райт, — голос Аркашки заметно отличается от прежнего аристократической плавностью и нотками вселенского презрения. Надо же, а как играл, поганец!

— Проводи меня... Педро.

Короткое мгновение он кажется ошеломленным, но быстро берет себя в руки.

— Танечка, — ласково говорю я, отстраняя девочку, — ты подожди меня здесь, ладно? Нам с дядей Аркашки надо поговорить наедине.

— О чем? — удивленно поднимает белые от инея бровки Таня.

— Это мужской разговор, я скоро вернусь.

— Ты заберешь меня отсюда? Ты ведь больше не отдашь меня чужим, правда?

Холодок пробегает по спине.

— Конечно, нет. Я поговорю с доном, и заберу тебя.

— Я должна его поблагодарить...

— В другой раз, Таня, — немного жестче отвечаю я. Провожу ладонями по ее щечкам, запоминая бархатную кожу и плавные очертания. Что делают люди, когда знают, что идут на смерть? Солдат привыкает смотреть смерти в глаза и знает, что в любой миг может расстаться с жизнью. Но умереть в бою и под пытками — разные вещи. Возможно, я буду умирать долго. И тогда мне пригодятся крупинцы светлых воспоминаний.

Наклоняюсь и касаюсь губами лба девочки.

— Жди меня здесь.

Аркашка в нетерпении тычет мне пистолетом в бок, но со стороны кажется, что мы идем к землянке, как два закадычных друга.

На крыльце натоптано, в центре большого сугроба над крышей темная воронка — внутри топят печь. Хватаюсь за поручень, чтоб не поскользнуться. Аркашка-Педро нервно дергается в мою сторону:

— Осторожней, дядя Дан. Ступеньки.

— Я помню.

— Ты много чего помнишь. Брось здесь все оружие, какое у тебя есть.

Разумная просьба. Я отстегиваю пояс с гранатным подсумком, кобуру с трофейным ТТ, вынимаю нож, все это бросаю под ноги Аркашки. Племянничек Алвано глядит на оружие, как на ядовитых змей. Одной рукой паршивец ощупывает меня в поисках еще чего-нибудь.

Наконец, удовлетворенный досмотром, с видимым трудом распахивает скрипучую дверь. Снова толчок дулом в бок. Пригибаю голову и вхожу в полутемное помещение. Знакомые очертания мебели не дают налететь на широкий, стоящий посреди комнаты, стол. Глаза, как всегда, очень медленно привыкают к полумраку после яркого зимнего дня.

Оглядываюсь в поисках командора, сильно щурясь, от напряжения глаза слезятся. Вижу большую чадающую печь, длинные массивные лавки, в углу грубо сколоченный открытый шкаф с полками — хозяйка Матвеича называла его сервантом.

— Входи, — велит Аркашка, мягко толкая меня в спину.

Глухо хлопает за нашими спинами, обитая войлоком, дверь, предатель задвигает надежный засов. А мне, наконец, удается разглядеть Алвано. Он стоит буквально в двух шагах, в темном проеме, где гости всегда сбрасывали куртки и шубы. Сложив руки на груди, пристально глядит, как я глупо озираюсь. В черном свитере и джинсах, со спокойным благообразным лицом он выглядит школьным учителем, а не кровавым командором. Злость вскипает во мне с новой силой, я сжимаю кулаки и шагаю к своему врагу.

— Buenos días, дон Райт, — насмешливо произносит Ромари Алвано, — присядь, отдохни с дороги.

— Ублюдок! — рычу я, делая еще шаг.

Путь перегораживает Педро, упирает дуло пистолета мне в горло, да так сильно, что перехватывает дыхание.

— Niño, зачем же так грубо? — укоризненно говорит командор. — Ты же воспитанный юноша из хорошей семьи. Что велит этикет?

Педро убирает пистолет.

— Присаживайтесь, дон Райт, — с легким поклоном предлагает он. Мне все происходящее напоминает дурную комедию.

Глава 66

— Вот так и уверуешь в переселение душ. До чего ж похож!

Алвано подходит так близко, что достаточно протянуть руки, чтобы раздавить его, как мокрицу. И ведь не боится, скотина.

Я бросаюсь на него. Удар кулаком в холеную морду командор легко блокирует, уходит в сторону, сильно прикладывая ребром ладони мне по локтю. С шипением я падаю и, перекатившись, вскакиваю еще более разъяренный, чем был. Рука ниже локтя онемела, холодные мурашки ползут по предплечью, но кость не сломана.

— Вот только характер подкачал. Из нервов твоего брата можно было отливать танковую броню.

— Ты нелюдь!

— Я? Вовсе нет, но если еще раз так сделаешь, останешься без почек! — Алвано говорит тихо, но очень, очень убедительно.

— Чего тебе надо?

— Мне? — снова переспрашивает он. — Это же ты искал меня, саро?

И до того спокойно и безмятежно звучит его голос, что в душе скребут сомнения.

— Долго и упорно ты ищешь меня, только не пойму, зачем?

— Ты еще спрашиваешь, убийца?

— *Dios mio!* Присядь, так будет удобнее беседовать, — велит Ромари Алвано и сам садится за стол на лавку, чуть помедлив, я принимаю предложение. Педро встает у меня за спиной, упирая пистолет под лопатку. Я с легкостью мог бы сломать его цыплячье крылышко, но преимущество в неожиданности по глупости упустил, и приходится выжидать удобного момента для атаки. А командор-то непрост, еще как непрост. С первого мгновения нашей встречи он беспрестанно удивляет меня.

— Ты, конечно, считаешь меня убийцей Стального Сокола? Отчасти это верно — мне не за что благодарить твоего братца. Он оболгал меня в Ходхольме, группа офицеров во главе с ним подтасовала факты и вынесла мне и моим друзьям необоснованный вердикт. Потому, когда мой уважаемый наниматель, верховный Харру приказал найти подполковника, который занимается поставками оружия мятежникам и выбить из него информацию о сети сообщников, я, как командор наргольской армии, приложил все усилия для выполнения приказа.

Я слушаю, внутри у меня все горит. Ромари Алвано не зря был преподавателем описательных дисциплин, речь у него поставлена, как у хорошего оратора.

— Но ненависть не помешала мне отнестись с уважением к чувствам пленника. Тем более такого пленника, как господин Райт. Я изложил ему требования, в которых пообещал, что в обмен на информацию о сообщниках, отпущу подполковника на все четыре стороны. Но Райт уперся. О, это ваше оримское упрямство! Он молчал, а наши соратники нарьяги начали нервничать. Возможно, нар-хитер Камфу получил иной приказ, отличный от моего. Три дня я пытался выжать информацию из упряма, сдерживая натиск алчущих крови и жертв нарьягов. Но пришел приказ покинуть капище и вернуться в Нарголлу, и мне пришлось уступить. Нарьяги истязали пленника, а потом зверски убили, но я даже не видел этого.

Алвано разливается соловьем, такой искренний и убедительный, глядя на меня бархатными печальными глазами. Я молчу и не шевелюсь, внимательно слушая его.

— Я не имею отношения ни к пыткам, ни к глумлению над телом. Я честный христианин, для меня, как и для тебя, мерзостны обряды бывших союзников. И от всей души я сочувствовал несчастным пленникам...

— Как же гладко ты врешь, — наконец прерываю я словоразлив командора, подозревая, что говорить он может часами. Я даже, может быть, поверил бы ему, если б не знал правду от Шику.

— Не веришь?

Качаю головой, пристально глядя ему в глаза, теперь мое время раскрывать карты.

— Помнишь мальчика-нарьяга, который присматривал за моим братом? — по движению зрачков вижу — помнит.

— Там было много нарьягов, — не задумываясь, отвечает Алвано, — они же все на одно лицо, как новокитайцы...

— Хорошо, это неважно. В Ходхольме тоже все свидетели были на одно лицо, всего лишь хиллаты и лийцы. Кто им поверит, даже если у них в руках видеокамеры?

Снова движение зрачков.

— Значит, поверил нарскому ублюдку и пришел мстить? — ровным голосом выводит Ромари Алвано.

Я медленно встаю, ощущая прижатый к лопатке ствол револьвера.

— Нет. Я пришел привести в действие приговор военного суда. Ромари Алвано, ты приговариваешься к расстрелу. Твое последнее слово, собака!

Мне потребовалось мгновение, чтобы выкрутить руку Педро и завладеть револьвером — шестизарядным магнумом. Узкое вороненое дуло упирается в широкий умный лоб командора. Он улыбается, глядит с прищуром, довольный, будто удачно меня разыграл. Над столом торчит его револьвер, направленный мне в живот.

— Ну, так вот, Райт, у нас в кварталах Пале-Монти есть традиция. Если обвиненный общим судом толпы не признает себя виновным, ему предлагается монтийская рулетка. Я себя виновным не считаю, а потому стреляю первым.

Глотаю застрявший в горле комок. Алвано встает и, держа меня под прицелом, перемещается в центр комнаты к печке. Думаешь, обхитрил меня, гад? Подсунул мальчишку с револьвером, а в барабане-то всего один патрон!

— Как несправедливо обвиненный, стреляю я, — зло прищуриваясь, резюмирует Алвано.

Я сжимаю в ладони ребристую рукоять магнума, выбирая момент для броска. Педро деликатно отступает к стене, складывая руки на груди. Я не понимаю, как этот лоцень, красивый юноша с длинными до плеч, темными волосами мог казаться мне подростком дурачком. На мраморно-спокойном лице племянника командора отсутствующее выражение.

Черный глаз револьвера смотрит мне в лоб. Все мысли сконцентрированы на броске: удар по руке, сбивающий прицел, кулаком в живот, локтем в челюсть, потом схватить за горло и сломать гортань.

И тут раздаются шаги на крыльце, Танюшка барабанит в дверь, ставя жирный крест на моем намерении решить проблему малой кровью.

— Дон Ромари, Дан, почему вы так долго?

Она налегает на дверь, потом дергает, засов дребезжит.

— Открой ей, — кивает Алвано племяннику.

Нельзя допустить, чтобы Танюшка вошла.

— Таня, я скоро! — кричу я намеренно бодрым голосом. — Подожди меня на улице!

— Я замерзла, — отвечает девочка жалобно, — ну, пожалуйста, впустите меня!

Педро отодвигает засов. Таня влетает в дом с тучей снежинок.

— А чего вы тут...

Она замирает, с ужасом глядя на нас, целящихся друг в друга из револьверов.

— А... — слово застрекает в горле девочки.

— Таня, беги! — ору я, кидаясь к двери. Выстрел оглушает, больно отдается в ушах и висках.

— Стоять!

Пороховой дым развеивается, из балки на потолке, куда попала пуля, сыплется труха.

— Сеньорита Татьяна, *es solo un juego, mi bella*, (это всего лишь игра, моя красавица) — улыбается Алвано, — как говорите вы, русы, чтобы пощекотать нервы и показать удаль, так?

— Та-так, — натянуто улыбается Танюшка, но в глазах все еще пелена ужаса, — это была игра... А я-то уж подумала!

— Сядьте в уголке у печки, там теплее...

Я надвигаюсь на командора.

— Она совсем ребенок, Алвано! Отпусти девочку.

Таня растерянно моргает, не понимая, чего от нее хотят.

— Ну что вы, дон Райт, сеньорита доверяет мне, в отличие от вас. Она-то знает, что я не обижу и мухи. Усаживайтесь поудобнее, сеньорита Татьяна. Вы увидите, что такое монтийская рулетка.

— Я уже ничего не понимаю, — всхлипывает Танюшка.

До боли закусываю губу. Таня теперь в двух шагах от командора, и чтобы ее спасти, надо застрелить его.

— Мой ход, Алвано.

Рука дрожит от напряжения. Господи, пусть попадет боевой патрон! Я больше ничего никогда не попрошу, только пусть сейчас будет боевой. Сощуриваюсь и нажимаю курок. Сухой щелчок звучит, как первый удар молотком в крышку гроба.

Убийца ласково улыбается мне и поднимает револьвер. Сердце отсчитывает мгновения до броска...

— Дон... слышу что-то, — вдруг вскакивает, присевший было Педро.

— Разберись и не мешай, — коротко велит тот. Азарт полыхает в глазах командора.

Педро проходит мимо меня не спеша, будто прогуливается по парку, задевает локтем. Я напряжен так, что, кажется, все нервы сейчас не выдержат и сгорят. От легкого прикосновения меня пронзает чуть ли не боль.

— Полегче! — рычу я, пот катится по вискам.

Гаденыш скалится, повернувшись влоборота. Подходит к двери, касается засова, и раздается громкий треск. Дверь слетает с петель, мои и без того надсаженные нервы рвет кошмарный вой, резкий свет бьет в глаза. От неожиданности я шарахаюсь к стене, замедленно соображая, что сработала светошумовая граната. Лихорадочно пытаюсь сориентироваться, где стоял Алвано перед взрывом светошумовухи. Бросаю тело в центр избы, хватая врага за плечи, сбиваю с ног. В сумасшедшем вое гранаты едва слышен тихий хлопок выстрела. Я падаю на командора, прижимая его к полу; слепой, глухой и оттого окончательно озверевший, тянусь к горлу врага, но командор с чудовищной силой сбрасывает меня. Скула онемела так, будто дантист без наркоза выдернул пару зубов.

А потом вдруг режущий глаза свет гаснет, хотя дикий звук не прекращается. Так бывает, если на светошумовуху набросить куртку.

Я трясусь головой и озираюсь. Алвано что-то кричит, я вижу брызжущую из его рта слюну, злые глаза, растрепавшиеся волосы. Танюшка у печки сжалась в комочек, зажав ладонями уши; лицо сметанно-белое, а глаза подернуты пеленой близкого обморока. Возле лавки ярким факелом полыхает куртка Педро. От двери сильно дует, по избе кружат снежинки. С трудом поворачиваю голову, и бешеный рык рвется из груди: из дверного проема торчат такие знакомые ботинки на рифленой подошве — имперского образца, выпускаемые специально для танковых частей. Не помня себя, кидаюсь к двери — Жан Веньяр лежит поперек порога, головой на заснеженной ступеньке. Рядом с безвольной рукой ярким пятнышком светится прямоугольничек «V4». Грудь капитана еще неровно дергается, кровь выплескивается из крошечного отверстия, растекается по куртке темным пятном. В попытках сделать вдох его лицо мучительно перекошено, губы дергаются, на них пузырится пена, розовая струйка ползет от уголка рта.

— Жано, — беззвучно кричу я в жутком вое светошумовухи.

«Так и знал, что ты вляпаешься!» — сказал бы он, если б не умирал.

Выпрямляюсь с судорожно стиснутыми челюстями. Зубы скрежещут так, что заглушают звон гранаты. И вдруг какофония прекращается. Мир наполняется звуками терпимыми и разнообразными. Педро затаптывает полыхающую костром куртку, Алвано с раздражением морщит нос, но дуло магнума снова смотрит мне в лоб.

— Niño, идиот! Почему так долго?!

— Простите, дон, — смиренно отвечает юноша.

Внезапная мысль-догадка возникает при взгляде на изящного Педро, его маленькие, будто детские ладони. Помню, как эти ладошки умеют душить. Вот ты какой, «niño»!

— Вот досада! — сокрушается командор, который прежде был преподавателем. — Нашему развлечению так и норовят помешать...

Мне больше нельзя ошибаться! Алвано не шутник, а сумасшедший маньяк. У него все просчитано. Я в его руках. Скотина знает, что начни он мучить Таню, я сам себя разрежу на куски, чтоб это прекратить. Но, кажется, я тоже нащупал его слабое место.

— Мой ход, гаденыш.

Шаг в сторону Педро, тонкую шею в жесткий захват (лишь бы не задушить), быстро выхватываю из-за пояса маленький дамский револьвер — как раз под ручонку такого сосунка.

— Только шевельнись, и ему конец!

Алвано дергается, я вижу, как дрожит его рука. Испугался, придурок? То ли еще будет!

— Брось ствол, руки за голову.

В глазах командора полыхают ярость и страх, он медленно опускает на пол магнум и так же осторожно поднимает руки за голову.

— Встать к стене. К стене, скотина!

Алвано выполняет и этот приказ. Педро в моих руках обмяк, испуганный, я чувствую, как дрожат его колени.

— Таня, — окликаю я девочку, — марш на крыльцо.

Танюшка вся дрожит, белые губы трясутся. Похоже, дочь командира Светлова совершенно потеряла самообладание. Плохо! Нам еще далеко до победы.

— Таня! Быстрее!

— Даааан, — пищит она, бессмысленные глаза наполняются слезами, — а ты?

— Марш! — ору я.

Она делает неуверенный шаг к двери, еще один. Мне кажется, это никогда не закончится.

— Иди же, дуреха!

Движение командора не застаёт меня врасплох, так и знал, что выкинет какую-нибудь штуку. Стреляю, и снова раздается сухой щелчок. Дьявол побери эту мразь! Танюшка слабо дергается в могучих руках убийцы, к виску девочки прижато дуло магнума.

Алвано широко и по-детски счастливо улыбается:

— Я же сказал, у тебя один патрон, саго.

Смертельная ненависть перехлестывает, от нее кружится голова и не хватает кислорода.

— Я все равно убью тебя, гадина! — цежу я сквозь зубы.

— Как же вы горазды обещать, — усмехается командор, — с исполнением обещаний уже проблема...

Умоляющие глаза Танюшки безмолвно кричат: «Спаси меня!». А я ничего не могу! Убийца твой и Веньяра оказался сильнее. Много дней я искал его с наивной верой, что смогу сделать то, чего не смог ты. Идиот!

— По лицу вижу, что ты все понял. А значит, продолжаем игру...

Глава 68

— Думал, переиграл меня?

Алвано откровенно забавляется, держа Танюшку под прицелом. Ее распушившиеся волосы лезут ему в лицо, липнут к небритым щекам. Из широко распахнутых глаз непрекращающимися ручейками текут слезы.

— Ты еще глупее, чем я думал.

— Отпусти девочку, иначе твоему *nino* конец.

Воздух в избе искрится от напряжения. Педро в моем захвате бьет мелкая дрожь. Боится, подстилка командорская!

— *Nino*, — Алвано больше не смотрит на меня, только с нежностью на плененного юношу, — бедный мой *nino*! Как же так?

— Дон... — хрипит парень.

— Как же так, мой *nino*, как ты мог!

Я снова не понимаю смысла разыгрываемой убийцей сцены. Как это бесит! С самой первой минуты Алвано держит меня в напряжении, сам оставаясь хладнокровно-расчетливым. А ведь ты, по словам Шику, смог его разозлить.

— *Nino*, ты скажешь мне хоть что-нибудь? Мне, своему благодетелю, который любил тебя и верил тебе, маленький гаденыш!

— Дон! *Por favor!* — Педро дергается в моих руках. Он боится Алвано даже больше, чем меня.

— Что, мой *nino*? Думал, я ничего не знаю? Почему, почему все считают дона Алвано идиотом? От Стивенса с его красноглазыми обезьянами до моего родного племянника. *Nino*! А я ведь верил, что ты исправился, что больше не будешь играть в эти взрослые игрушки.

Я уже ничего не понимаю, но несчастного Педро приходится держать, чтобы не упал, так его колотит озноб. На смуглом лице юноши выступила испарина.

— Я увез бы тебя на пляжи Пансиллии, в отель «Фантазия», мы могли жить, как

короли... Помнишь, мы мечтали поплавать с аквалангом? На коралловых рифах, где живут рыбы-клоуны. Хотел найти жемчужину и подарить матери? Матери, у которой семеро детей и ни одного лишнего песика на пластмассовые сережки!

— Дон Ромари!

Печальная улыбка на губах кровавого командора, лицо кривится от душевной муки.

— Как они заставили тебя предать меня, піно? Напугали, подкупили? Что они сделали с моим светлым, добрым ангелом? Я ни в чем тебе не отказывал, все, чего бы ты ни пожелал, было у тебя. Почему ты снова предал своего донна проклятым оккупантам? Что же ты молчишь, мой піно? — голос Алвано звучит надломлено и страшно.

Педро вдруг начинает вырываться, руками разжимая мой захват. Неожиданно сильный, как человек, охваченный смертельным страхом.

— Я все знаю, мой мальчик. Мерседес писала мне: ты попал в дурную компанию, стал играть на скачках и в казино, нюхать кокаин. В одном из притонов тебя и нашел тогда еще майор Райт. Проклятые ориманы! Собаки, не стыдящиеся использовать в своих грязных играх детей. Тебя долго лечили от наркотической и игровой зависимости, а потом натаскивали в РУ, как предать своего дядю...

Ошеломленный свалившейся на меня правдой, я не знаю, как поступить. Только сейчас я, наконец, понял, для чего ты отправился в Нарланд и кого защищал своим молчанием. Твоей целью было наладить агентурную сеть, и ценой твоей жизни она работала до самого конца войны. Благодаря Педро имперские войска накрыли почти все военные базы Нарголлы, а сбежавший Ромари Алвано сидит в лесной землянке без надежды выбраться живым.

Локоть Педро врезается мне в солнечное сплетение неожиданно сильно. Юноша выворачивается из захвата и тут же раздается выстрел.

Все происходит так быстро, что я ничего не успеваю сделать. Ноги Танюшки подгибаются, Алвано толкает девочку на пол, она падает мешком, безвольная и, кажется, уже не живая. Снова грохот выстрела; командир так близко, что я чувствую его горячее дыхание на своей щеке. Тонкое тело подростка вздрагивает и бьется в моих руках. Пронзительный крик переходит в жалобный стон, чуть ли не плач. И воцаряется тишина. Я опускаю скрюченное тело Педро на пол, и поднимаюсь рывками, будто у меня не суставы, а металлические шарниры. Больше, кроме нас, в землянке не осталось живых. Больше у меня в душе не осталось ничего живого.

Убитые дети переполнили чашу грехов командора Нарголлы. Пусть свершится не месть, но суд!

Алвано стоит напротив. Он похож на демона, запертого по недоразумению в тело человека: на жутко перекошенном бледном лице живут лишь черные угли глаз. Не надеясь ни на что, спускаю курок и вздрагиваю от звука двойного выстрела. Пороховой дым резко бьет в ноздри, Алвано, лишь на мгновение замедлившийся, чтобы оттолкнуться от стола, обрушивается на меня. Я падаю, здорово прикладываясь затылком, а он, чудовищно тяжелый, валится на меня сверху. Я судорожно пытаюсь вдохнуть, в голове шумит, перед глазами кружится оскаленное лицо моего убийцы. Губы Алвано шевелятся, будто в замедленной съемке. Я попал в него, почему он не умирает?

Я силюсь скинуть его, но силы утекают куда-то, руки, упирающиеся в грудь командора, слабы, как лапки котенка.

— Райт, — хрипит Алвано, страшно выкаченные глаза стекленеют, рука с револьвером

медленно-медленно тянется к моему лицу.

— Ве-рнись от-куда при-шел...

Дуло упирается мне в правый глаз, я судорожно дергаюсь, но горстки собранных сил не хватает, чтобы стряхнуть с себя врага. Вот и все.

Нет, жизнь не проносится перед моим мысленным взором, и ни о чем не жалею, и страх смерти атрофировался за ненужностью. Я вспоминаю лица тех, кого не сумел защитить: Танюшку, за которую поручился перед Сергеем; Макса и Йохана, поверивших мне, Веньяра, помогавшего изгоя просто за спасибо, и Шику, который отныне остается один в жестоком чужом мире, маленький, беззащитный и дико гордый.

Алвано спускает курок и... ничего не происходит. Командор рычит, в груди его клокочет кровь вперемешку с яростью. Белое, как тарелка, лицо кружится перед глазами, словно раскрученный руками хулигана глобус. Неожиданно сильная боль пронзает внутренности и не дает сделать ни вдоха, ни выдоха.

Ромари Алвано тянется, стискивает мне горло, пальцы сжимаются на моей шее, и в этот миг его голова тяжело падает лбом мне по носу. Мой враг всем весом наваливается на меня. И сквозь искры в глазах я понимаю, что все, наконец, закончилось. Командор Алвано больше никогда никого не убьет.

Некоторое время я не шевелюсь и лежу с закрытыми глазами. Я точно ранен. Мне больно, но не так чтобы нельзя было стерпеть. Так бывает, если прострелят руку или ногу. Но пуля в живот — это почти всегда смертельно. Прислушиваюсь к своим ощущениям: боль затихает, но крови так много, что куртка промокла насквозь, выдохнуть легче, чем делать вдох. Интересно, сколько у меня остается времени: пять минут, семь... надо успеть.

Не в силах сбросить с себя мертвого врага, потихоньку выползаю из-под него. Башка Алвано со стуком падает на пол, потом сдвигаю плечи, и дышать становится легче. Зато боль вцепляется в живот, будто расвирепевший питбуль. Прижав к ране ладонь, поворачиваюсь на бок и долго отдыхаю, пережидая темноту в глазах и мелкую заячью дрожь в груди. Когда немного проясняется, ползу к выходу. Правая нога действовать отказывается, легонько толкаюсь левой, морщусь от боли, что стала невыносимой, но продвигаюсь с упорством обреченного.

Дальняя дорога
Вьется на закат
Потерпи немного
Раненный солдат...

Ветер бросает в лицо горсть снежинок, я почти возле рифленых ботинок Веньяра. Только бы я не ошибся в расчетах. Пока ощупываю куртку танкиста, прижимаю голову к его груди. Мне чудится биение сердца, но, может, это шум в ушах от потери крови. Подношу к губам вожделенный передатчик:

— Ба-за, ба-за, — онемевший язык не желает слушаться, — квад-рат семь три-над-цать, квад-рат семь три-над-цать...

Может быть, хоть кого-то успеют спасти.

Силы иссякли, теперь уже окончательно. Сворачиваюсь в комочек, трясущийся от холода. Корд, я во всем — твой брат, и тоже умираю в занюханном Нарланде с дыркой в

животе.

Далека дорога
Под стальным огнем
Потерпи немного
Скоро отдохнем.

На крыльце большая лужа, дождь льет, не переставая, уже сутки. Хотя для Оримы это скорее закономерность, чем исключение. Дверь отчего-то приоткрыта, в щель из дома вытекает струйками тепло. Я хватаюсь за мокрую ручку, толкаю и замираю, едва не оглушенный жутким скрипом петель. Такое ощущение, что их не смазывали столетиями.

— Корд!

Мне никто не отвечает. Уснул ты что ли? А почему бы, собственно говоря, и нет.

В доме полумрак, зябко повожу плечами — даже снаружи не так холодно, а здесь, как в склепе. Ну конечно: окна на кухне и в гостиной распахнуты настежь. Дождь стучит по подоконникам, брызжет на пол, сквозняк гуляет по комнатам, вздувая шторы парусами.

— Корд, ты зачем окна открыл? Холодно же.

Я с детства не терпел духоты и любил спать с открытыми окнами. Но за тобой этого не замечал. Странно, что ты ушел наверх, не закрыв створки. Ну и потоп тут теперь!

Включаю торшер, теплый свет обнаруживает плачевную картину полного разгрома: лужи на полу, ковер со стороны окна основательно намок, старый пожелтевший номер «Ориматаймс», видимо, долго мотало ветром по комнате. Там и здесь валяются отдельные листочки газеты. Спешу накрепко закрыть окна, подумав, расправляю портьеры, иначе рискую получить выговор от миссис Смит, нашей экономки.

От электрического камина в гостиной довольно быстро становится тепло. Я с облегченным вздохом падаю на диван, чувствуя приятную расслабленность. Теперь-то мне точно не надо никуда уходить, я вернулся домой, и дом принял меня. Рассеянный взгляд скользит по шелковым обоям с крупными цветами, по светлым легким занавесям, у окна старое кресло, которое принадлежало деду, следом отцу и, наконец, тебе. Плюшевая обивка обтерлась и потускнела, но массивное кресло, словно символ власти главы семьи, все также стоит у окна.

Не знаю, что на меня вдруг находит, но я вскакиваю с дивана и занимаю кресло, будто чужой трон. Руки удобно устраиваются на широких подлокотниках, сидеть немного неловко, наверное, из-за неудобной спинки, которая заставляет держать спину прямой. Кресло плавно покачивается вперед-назад, вид с этого места непривычен мне: отлично просматривается вся гостиная, холл и даже угол столовой. Это место настоящего хозяина особняка. Но ты, конечно, не обидишься, что я ненадолго занял твое место.

Яркое, детское ликование охватывает все мое существо от предвкушения встречи, за которой не последует неизбежное расставание. Будто все страшное и горькое произошло не с нами и не имеет к нам никакого отношения. Будто мы можем вернуться назад в детство, где были спокойны и счастливы.

Воспоминания, еще довольно четкие и болезненные, начинают мутнеть, будто пейзаж за запотевшим окном. Я забываю, как поднимался в ледяное черное небо «Шершень», увозящий Эльви Крайер и спасенного ею генерала Форку. Забываю полное мертвецов капище Нарголлы, ледяные пики Нар-Крид и идущих за моей кровью морфоидов. Забываю как, тоненько всхлипнув, Танюшка упала на грязный пол землянки. Как меня оторвали от

бесчувственного Шикю и погрузили носилки с мальчиком в санитарный вертолет разведуправления. Жаркая пустыня и снежные вершины, дружба и предательство — все осталось немислимо далеко, в мире живых. А я покачиваюсь в кресле, тихо млея от уюта и тепла.

Но где же ты? Пора бы тебе проснуться. Я встаю и не спеша поднимаюсь по лестнице, с наслаждением касаясь ладонью полированных перил. У двери в твою спальню на миг замираю, как в детстве: не помешаю ли?

— Корд.

Дверь скрипит, я вхожу и изумленно озираюсь. Комната выглядит странно: чисто прибранная и нежилая. Сняты портьеры и постельное белье с кровати. На письменном столе тонкий слой пыли.

— Корд, где ты? Что за шутки?

Мой голос разносится эхом. Нехорошее подозрение закрадывается в душу. Я кидаюсь к двери в душ, распахиваю и, обнаружив пустое помещение, бегу дальше. Моя комната, спальня родителей, комната экономки и чулан. Я распахиваю даже шкафы. Тебя нигде нет.

— Кооооорд!

Руки трясутся, когда я пытаюсь справиться с балконной перегородкой. Стекла дребезжат от резкого рывка. Капли дождя в лицо, я беспомощно оглядываюсь, но и тут пусто.

— Брат, — кричу я, — не играй со мной! Я знаю, что ты не можешь отсюда уйти!

Уйти, — ти, — ти — повторяет эхо. В отчаянии я хлопаю дверью так, что осколки, звеня, осыпаются на пол. Упираясь руками в пустую раму, тяжело дышу, пытаюсь справиться с чернотой, наползающей изнутри, из самой подсердечной глубины. В оставшихся кусках стекла я вижу твоё отражение... мое собственное отражение! Я больше не могу с этим бороться: срываю портьеру, под ноги подворачивается пуфик для ног — швыряю его в зияющую дыру окна. Крушу и ломаю все, что только попадает мне под руку: посуду, картины, вазы; в своей комнате срываю и топчу ногами макеты самолетов. Дом больше не кажется мне уютным и теплым убежищем, куда я так стремился, устав от невзгод. Пустой он мне не нужен. Он стал моей могилой!

— Неужели ты спасся, Корд?

— Не обманывай себя, Дан. Конечно же, нет.

— Но почему я тебя вижу?

— Наверное, потому что хотел меня увидеть.

Ты был здесь, потому что я верил в тебя.

— Бедный мальчик!

— Не веришь мне?

— Видимо, травма оказалась серьезнее, чем мы думали.

— Думаешь, я клиент психиатра?

— Ты построил замок на песке, Дан.

Ты был здесь, пока я верил в тебя.

В изумлении гляжу на саднящие ладони. Руки и все, чего ими касался: стены, покрывала — в крови. Медленно трезвею, безразличие и усталость завладевают мной. Спускаюсь в гостиную, а там снова сумерки и холод, в раскрытые окна хлещет дождь. На подгибающихся ногах тащусь к креслу, почти падаю на семейный трон. Все равно теперь, кроме меня, его некому занять. Я тут один.

Прости, Корд, я выдумал тебя, потому что очень скучаю.

Глава 70

Просыпаюсь от назойливого механического писка. Веки поднимаю с таким трудом, словно это бетонные плиты. Надо мной серый в разводах потолок. Бело-голубые галогенные лампы кружатся, двоятся и троятся в глазах и вообще ведут себя странно. Некоторое время наблюдаю за их причудливым танцем, ибо ничего бессмысленнее в жизни не видел. Замечаю даже определенную закономерность движений: три круга влево, потом четыре вправо и странное дрожание на месте... Скорость вращения нарастает, я устаю, будто вручную разгрузил вагон угля, и закрываю глаза.

Во второй раз просыпаюсь от неприятного ощущения ледяных мурашек, бегущих от пальцев вверх, к сердцу. Так бывает, если отлежишь руку или ногу. Только я, видимо, отлежал все тело. Пытаюсь пошевелить пальцами правой руки, но совершенно их не чувствую, ни правой руки, ни левой. Такое ощущение, что кроме мозга, от меня ничего не осталось. Нет, еще что-то трепещет в груди от нахлынувшего страха. Я не могу даже открыть глаз и с радостью чувствую, что теряю сознание.

На третий раз все происходит совсем по-другому. Сквозь сон чувствую чей-то пристальный взгляд. Кто-то буквально пожирает меня глазами, оставляя на коже ожоги. Такое посягательство на мое личное пространство отчего-то возмущает меня. Настолько, что я открываю глаза. Надо мной все тот же потолок с лампами, правда, сейчас они смиренно висят там, где прикручены. Попытка повернуть голову терпит неудачу по непонятной причине. Что-то мешает мне сделать это, хотя на сей раз в глазах не двоится, и я чувствую себя полным сил.

— Джон, он очнулся, — слышу приглушенный голос, кто-то наклоняется надо мной, закрывая яркий свет. Женское лицо в первый миг кажется невероятно уродливым: толстые щеки и ноздри, сильно накрашенные тушью глаза и густые сросшиеся брови, из-под медицинской шапочки вылезает на лоб светлая челка.

Женщина светит мне в глаза фонариком, зачем-то ощупывает лицо и отходит. Я снова пытаюсь повернуть голову, чтобы увидеть хоть что-то кроме этих проклятых ламп.

— Не двигайтесь, Райт, — звучит мужской голос, такой приторно-ласковый, что сводит скулы, — иначе катетер повредит вам носоглотку.

Я послушно замираю, прислушиваясь к ощущениям. Все тело ноет от долгого отдыха, попытка глубоко вдохнуть вызвала резкую боль, но в целом вполне терпимо. Я в любом случае не умираю, а значит надо по возможности установить с врачами контакт и выяснить, где меня держат.

Пытаюсь разомкнуть пересохшие губы, они тут же трескаются.

— Пить, — слово вырвалось помимо воли, я хотел спросить о чем-то, но есть вещи, которые неизменны для всех больных.

— Нельзя, — участливо говорит доктор Джон, склоняясь ко мне, так что прямо перед глазами оказывается большой блестящий нос и серые глаза с белесыми ресницами, — жидкость поступает в организм в достаточном количестве, а пить после полостной операции абсолютно противопоказано.

Его голова исчезает из поля зрения, кто-то смачивает мне рот влажной губкой. Капли

вождеденной влаги проникают между губ. Потом становится тихо, слышно лишь, как пищит реанимационный комплекс. Да еще за дверью кто-то переговаривается вполголоса.

— ...да, пришел в сознание. Состояние стабильно тяжелое, но в любой момент возможно ухудшение. Нет, это исключено, только наблюдение...

Услышанный разговор подтверждает мои самые худшие подозрения. Скашиваю глаза, и подозрения превращаются в уверенность: на узком окне решетка. Значит я в Гурверсте, на тюремной госпитальной базе.

Несколько дней я лежал беспомощный, как никогда. Весь утыканный трубками и катетерами, увешанный какими-то датчиками. В меня, не переставая, что-то вливали и что-то выкачивали. Ни разу в жизни еще мне не было так плохо. Что-то внутри болело столь невыносимо, что я умолял медсестру поставить мне укол. Но по тому, как неважно помогали лекарства, я мог сделать вывод, что болит во мне та самая пресловутая грешная душа.

Мне мучительно хотелось остаться одному, но едва сиделка по имени Джейн покидала палату, меня сковывал ужас. Казалось, стены моей тюрьмы сближаются, норовя раздавить в своих бетонных тисках. Дважды в день меня осматривал доктор Джон, от его вечно ледяных рук и сладкого голоса мне делалось особенно мерзко. Я пытался расспросить его о том, где нахожусь и насколько тяжело ранение, но неизменно получал в ответ какую-нибудь чушь вроде: «все будет хорошо» или «не стоит беспокоиться, мистер Райт».

Через два дня ко мне впустили первого посетителя. Это был мой старый знакомый капитан Рэндел. Я обрадовался ему, как родному. К этому моменту я уже научился самостоятельно дышать, и катетер из носа вынули, поэтому маленького особиста сумел разглядеть очень хорошо.

— Только пять минут, — предупредил его из коридора доктор Джон.

Рэндел выглядит таким довольным, словно пришел на свидание с невестой, а не с раненым преступником.

— Доброе утро, — приветствует меня особист, поправляя накинутый на плечи белый халат, — Рад, что ты очнулся, Райт.

— Здравствуйте... господин... капитан, — на длинные фразы у меня еще не хватает дыхания.

Он садится на табурет, и мне приходится скосить глаза, чтобы по-прежнему смотреть ему в лицо. От этого голова немедленно начинает кружиться.

— Поскольку я ограничен во времени, задам всего пару вопросов. Надеюсь, вскоре мы сможем посвящать нашим беседам намного больше времени.

Мне становится холодно от его намеков.

— Итак, в Нарголле ты собирался рассказать мне что-то важное. Это касается убежища в Нар-Крид? Как вы там оказались?

Отрицать бесполезно, наверняка в кармане у него рапорт Кейтера об угоне вертолета.

— По... воздуху...

— Это понятно, как вычислили базу?

— По... повадкам... морфоидов... они... охотились... на меня, а я... на них, — на этой фразе я совершенно выдыхаюсь и долго лежу, судорожно хватая ртом воздух.

— Наш пострел везде поспел, — бурчит Рэндел, — а где сейчас твоя сообщница Эльви Крайер?

— Не... знаю... — честно признаюсь я.

— Куда она могла вывезти бывшего командующего южным флотом? Есть предположения?

Качаю головой, мол, понятия не имею.

— Райт, я хочу, чтобы ты усвоил накрепко: от твоей откровенности зависит, пойдешь ты на суде соучастником Крайер или свидетелем.

— Я... правда... ничего... не знаю...

— Капитан, время вышло, — в дверях появляется доктор Джон, и вовремя — у меня уже начинает темнеть в глазах.

— Я еще не закончил, — рявкает, подскакивая с места, особист и нагибается ко мне.

Доктор отступает и прикрывает дверь.

— Райт, я все равно выведу тебя на чистую воду! — Рэндел нависает надо мной. — Твой друг Веньяр уже дает показания, и ты у меня, как миленький...

Хватаюсь за эти слова, как утопающий за соломинку:

— Он... жив? А Таня... Светлова?

— Это информацией я не располагаю...

Значит, не спасли... Прикрываю глаза, сердце гулко и часто колотится в груди. Перед внутренним взором встает озорная белокурая девчушка, которая прыгала на меня с разбега, как белка, ни на миг не переставая при этом трещать обо всем на свете. В ее кудряшки было так приятно запускать пальцы. И она любила меня, любила, пожалуй, как ни одна женщина. Горячая, нежная боль растекается по истерзанному, утыканному трубками телу. Не сберег. И никогда уже никто не назовет меня смешным именем «Даня».

Сквозь шум в ушах слышу голос доктора:

— ...семнадцать дней выводили из комы. Вы хотите повторения? Об этом не может быть речи!

— Вы хотите, чтобы все здесь...

— Хорошо, но не ручаюсь, что он перенесет перелет...

Я с усилием поднимаю веки, и совершенно зря, потому что лампы на потолке снова пускаются в пляс. Спор мгновенно прекращается, к лицу мне прижимают кислородную маску, над ухом монотонно пищит реанимационный комплекс.

— Джейн, адреналин! Капитан Рэндел, покиньте палату реанимации!

Это было забавно: с отстраненным любопытством я наблюдал за суетой вокруг моей персоны. Они очень старались вернуть ценного свидетеля, очень... Если бы я по-прежнему верил, что ты меня ждешь, то плюнул бы на все и ушел. Но воспоминания о пустом холодном доме были слишком мучительны.

В конце концов, длинный монотонный писк реанимационного комплекса сменился частым и ритмичным, и мне пришлось вернуться.

В другой раз я прихожу в себя нескоро и уже не в Гурверсте. Светлая просторная палата светится от ярких солнечных лучей, они проникают сквозь большие окна без решеток. Трубок уже нет, кроме подключичного катетера, в который поступает из пластикового пакета какое-то лекарство.

— Он очень слаб. Во время транспортировки в Ориму сердце дважды останавливалось, — раздается в отдалении голос сиделки Джейн.

— О, Боже!

— Ни о чем его не спрашивайте, говорите только о приятном. Постарайтесь взбодрить, пробудить волю к жизни...

— Да-да, хорошо, — второй женский голос тоже мне знаком, — я все понимаю.

Я озадачен. После встречи с Рэнделом не ожидал от властей такой милости, как позволение повидаться с родственниками. Все это пахнет провокацией, но чего от меня хотят?

От усиленного мыслительного процесса голова начинает раскалываться, и я бросаю бесплодные попытки.

По кафельному полу стучат каблучки, Вики садится возле меня и осторожно касается руки.

— Здравствуй, Дан.

— При... вет... — с немыслимым трудом выдавливаю я.

Она ласково гладит мою ладонь:

— Не говори ничего, тебе нельзя. Господи, сколько же ты перенес, бедненький!

Я не очень четко вижу ее лицо, но прекрасно помню, как выглядит невестка. В свои тридцать жена Корда похожа на девочку: маленькая ростом (пониже Танюшки), тонкая, как статуэтка. У нее гладкая кожа, копна непослушных темных волос, фиалковые глаза и нежный рот.

— Я прилетела в Ориму, как только узнала, что ты здесь. Ты был без сознания, мы не находили себе места от тревоги. Дан, почему ты скрыл от нас все?

— Что... все?

— Что тебе настолько плохо. Пойми, несмотря на то, что случилось... с Кордом, несмотря ни на что, мы — твоя семья. Мы тебя любим и очень переживаем.

От слов Вики на душе теплеет, я благодарно сжимаю ее ладонь. Мы никогда не были особенно дружны, но сейчас я чувствую поддержку действительно родного человека. С особой нежностью вспоминаю зимние праздники, которые проводил под Оримой с твоей

семьей. Мы с тобой жарили мясо на углях, Вики тазиками делала неоригинальные салаты, а Анж и Ким прыгали вокруг, измазанные в креме, приготовленном для торта. После все вместе бежали на улицу, валялись и дурачились в снегу, лепили крепости и, разделившись на две команды, играли в снежки. А вечером зажигали рождественские огни и загадывали самые сокровенные желания.

— Анж учится рисовать, — вдохновенно продолжает Вики, — у нее хорошо получается, в прошлом месяце одну из работ даже забрали на оримскую выставку детских рисунков. Знаешь, Дан, с тех пор, как мы узнали, что ты здесь... она рисует тебе каждый день, уже целая пачка скопилась.

Как это похоже на Анж! У малышки твое упорство. Едва научившись писать, она ежедневно строчила тебе длинные корявые опусы. А когда я учил ее кататься на горных лыжах, Анж вставала затемно и прекращала тренировки, когда я уже шатался от усталости.

— Я бы... хотел... взглянуть.

— Тишш, — Вики кладет ладошку мне на лоб, — когда ты поправишься, мы приедем все вместе. Анж сама покажет тебе рисунки. А Ким сильно подрос, ты будешь удивлен.

— Они... знают?

Вики пару мгновений медлит с ответом.

— Да. Они уже достаточно большие, чтобы все понять. Я возила их в Штормзвейг на могилу отца. Знаешь, Дан, я горжусь своими детьми. Анж смогла не заплакать, представляешь?

— Она... умница...

Если бы я не остался в междумирье, а вернулся в Ориму и поговорил с этой спокойной мудрой женщиной. Многих ошибок можно было избежать.

— Ты нужен нам, Дан. Ты — глава семьи и пример для своих племянников.

Вики наклоняется, ее блестящие от слез глаза теперь прямо надо мной.

— Дан, — шепчет она, — я все знаю. Я не могла уснуть ночами от мысли, что его убийца ходит по земле. Спасибо тебе, родной! Для меня и детей ты — настоящий герой! И не бойся ничего! Ты больше не один.

Горячее дыхание касается моего лба.

— У нас много влиятельных друзей, отец уже задействовал связи. Мы отстоим тебя. Только поправляйся скорее.

Я гляжу в фиалковые глаза и чувствую, что действительно больше не одинок. Пусть мое положение далеко от благополучного, но есть люди, которые ждут меня, те, кому нужна моя помощь. Это стоит того, чтобы бороться.

С усилием поднимаю руку, касаясь кончиками пальцев бледной щеки твоей жены.

— Спасибо... Вики...

— Кстати, может быть тебе интересно: Лина тоже в Ориме и извелась от тревоги...

Качаю головой. Я уже не тот, что прежде, и встречи с Аделиной мне не вынести. Возможно, когда-нибудь потом, но не теперь.

— Скажи,... чтобы... уезжала.

— Хорошо, — быстро соглашается Вики, — все будет, как ты захочешь. Отдыхай.

Губы Вики нежно касаются моего лба. После ее ухода я долго лежу в блаженном бездумном состоянии, по телу волнами катится тепло. Боль отступает, я качаюсь в солнечных лучах, как в невесомости, впервые поверивший, что все может закончиться хорошо. С этого момента начинается мое выздоровление.

Опираюсь на руку Джейн и делаю шаг. Я слаб, как новорожденный ребенок, но чертовое упорство заставляет передвигать ноги. Еще один шаг — вперед, к широкому окну, за которым сияет по-весеннему яркое солнце — остается миновать совсем немного.

— Вы умница, мистер Райт, — ободряет меня сиделка, крепко придерживая за локоть.

Вот! Упираюсь ладонями в прохладный пластиковый подоконник и облегченно выдыхаю. Четыре шага, первые шаги новой после воскрешения жизни. Необычное для оримской весны яркое солнце слепит глаза, я шурюсь, как кот. Земля и сады еще укрыты снегом, но в окно уже весело и звонко стучит капель, брызги разлетаются во все стороны. Внутри щекочет, рвется наружу странное глупое ликование, причин для которого вовсе нет. Может быть, я просто стал воспринимать все несколько иначе, ярко и красочно, как в детстве.

Стою и молча смотрю на капли, разбивающиеся о подоконник, в форточку поддувает влажный ветер, остро пахнувший весной. Я до сих пор не знаю, что это за место, где меня лечат. Вики на мои вопросы только пожимает плечами: ее привозят и увозят люди в форме без опознавательных знаков. Она ничего не знает. А может быть, ей пригрозили запретить свидания при попытке рассказать мне правду.

Вики навещает меня через день. Мы подолгу болтаем, вспоминая прошлое: разные веселые случаи, мелочи, от которых теплеет на душе. Потеря удивительным образом сблизила нас, сделала понятнее друг для друга. Вики постоянно пытается связаться с Мэри Сантаро, своей близкой подругой, которой я доверил заботиться о Шику. Но новостей о «V4» и судьбе мальчика пока нет.

— Мистер Райт, — отвлекает меня от раздумий Джейн, — вам пора принимать лекарства.

— Проводите меня до постели, — прошу я, и сиделка послушно берет под локоть.

Четыре шага назад отнимают у меня последние силы. Дьявол, ну почему я выздоравливаю так медленно! С таким же наслаждением, с каким смотрел в окно, опускаю голову на подушку. Джейн поправляет одеяло, набирает в шприц лекарство из большой ампулы и вводит в подключичный катетер.

Потом распаивается дверь. Широко улыбающийся доктор объявляет мне с порога:

— Мистер Райт, у вас сегодня гость.

Приподнимаюсь, упираясь на локти, ожидал увидеть Вики, но входит не она, а незнакомая молодая женщина с кожаной папкой для бумаг. В халатике поверх серого делового костюма, на носу очки в изящной оправе. Она чем-то неуловимо напоминает мне Веру. Такая же РэУшная крыса, хитрая и изворотливая.

Благой настрой сразу пропал. Я опускаю голову на подушку и отворачиваюсь к окну. Незваная гостья садится у постели, шуршит бумажками, а я смотрю на капель за окном и настраиваюсь на упорную борьбу. Я ничего им не скажу! До суда из меня не вытянут ни слова.

— Мистер Райт, — говорит гостья, голос у нее тонкий и немного простуженный, — давайте знакомиться. Меня зовут Элизабет Гарден. А я, если позволите, буду звать вас Даном.

— Чего вам надо?

— Я в некотором роде врач, меня пригласили потому, что лечащим докторам ваше состояние внушает опасение.

Я фыркаю, продолжая смотреть в окно.

— Для начала я задам несколько вопросов, прошу ответить на них предельно честно. Договорились?

Не дождавшись моего ответа, мисс Гарден продолжает:

— Скажите, Дан, вам часто снятся кошмары?

— Нет.

— У вас есть вредные привычки?

— Нет.

— Неправда, вы курите. Прошу вас отвечать честно. Были у вас травмы головы?

— С какой стати я должен отвечать?

— Это в ваших интересах. Вы хотите выйти отсюда?

— Смотря куда.

Бэтти возмущенно шуршит бумажками.

— Вы просто не хотите отвечать? Я угадала? — уточняет она.

— Не трудно было догадаться, — я поворачиваюсь к ней и с ненавистью смотрю в глаза сквозь очки.

— Чего вы боитесь, Дан? — в голосе звучит такое участие — трудно не поверить. Но меня уже столько раз предавали, что истребили веру под корень.

— Я ничего не боюсь.

— Тогда просто ответьте на мои вопросы, это не займет много времени, — терпеливо уговаривает меня мисс Гарден.

— Вы так думаете?

Некоторое время она не знает, что сказать и просто молчит.

— С вами трудно разговаривать, — наконец признается она.

— Ну и не разговаривайте, — огрызаюсь я, — зачем вы вообще пришли? Уходите и передайте тем, кто вас послал: Дан Райт не скажет ни слова.

Бэтти шумно вздыхает, нервным жестом поправляя очки на переносице. До артистизма Эльви ей далековато, та умела держать эмоции под контролем и ловко манипулировала чужими чувствами.

— Дан, — с отчаянием произносит мисс Гарден, — пожалуйста, выслушайте меня, я пришла помочь!

— Ну-ну, — невозмутимо отзываюсь я, — честное слово, у Рэндела лучше получалось. Верните его обратно.

— Успокойтесь, мистер Райт! Иначе...

— Иначе что? Договоривайте, раз уж начали. Отправите меня в дурдом, вы ведь психиатр, не так ли? Думаете, я псих, и мои показания на суде не зачтутся...

— Да успокойтесь вы! — прикрикивает она.

Я снова отворачиваюсь к окну и мрачно наблюдаю за капелью. Бэтти Гарден молчит, то ли опять роется в своих бумажках, то ли раздумывает, что со мной делать. Протягиваю руку нажать кнопку в изголовье кровати. Через двадцать секунд здесь появится доктор Джон и выставит назойливую гостью.

— Не делайте этого, — уже спокойным голосом говорит мисс Гарден, — обещаю, я уйду. И даже не буду ни о чем спрашивать. Только выполните маленькое условие.

— Какое?

Она вынимает мобильник, быстро набирает номер и подносит к моему уху. Я напряженно жду ответа, гудки звучат с невыносимо длинными промежутками. Наконец, на том конце берут трубку, женский голос кажется мне знакомым:

— Бэт? Бэт, это ты?

Сердце подпрыгивает и в груди разливается боль.

— Мэри, это я, Райт.

— Дан! — голос Мэри Сантаро в трубке звучит глухо. — Я так и знала, что ты упрешься.

Прошу тебя, расскажи Бэт обо всем, чего я не знаю. Это очень-очень важно!

— Мэри! — кричу я. — Как там Шику?

— Не беспокойся, — мягко и спокойно отвечает она, — твой мальчик пришел в себя.

Он даже заговорил со мной. Хочешь знать, какой был его первый вопрос?

— Я знаю, — сдавленным голосом говорю я, — «Вир сахирра Нар-одар?»»

Мисс Гарден интересовали мои встречи с нарьягами. Она расспрашивала так долго и подробно, что у меня разболелась голова. Я будто снова прошел путь от встречи с Шику до базы, где разводили морфоидов. Не заметить очевидного было сложно: каждое следующее попадание под концентрированное боевое поле нарьягов давалось мне легче предыдущего. Мне казалось, этот факт как-то связан с маленьким нарьягом, будто у меня выработалось нечто вроде иммунитета. Единственным, о чем я умолчал, были видения, где я встречался с тобой. Казаться психом не хотелось. Я и сам уже убедился, что все наши встречи происходили у меня в голове. Как бы ни был сладок плод моей фантазии, он не перестает быть таковым.

Дни тянулись за днями, снег таял, и от капли звенело в ушах. С каждым днем я делал все больше шагов. К концу недели после визита мисс Гарден я уже мог прогуливаться до зимнего сада, расстояние до которого составляло ровно два длинных коридора. Известие о том, что Шику пришел в себя, обрадовало меня даже больше, чем я ожидал. Я желал нашей встречи так же сильно, как и мальчик-нарьяг. И еще мне было страшно. Что станет с ним, если меня все-таки осудят? Ничего хорошего парнишку точно не ждет. Лучшее, на что он может рассчитывать — приют для детей сирот. Наивному, неприспособленному к жизни в империи, среди «пустых», ему будет очень тяжело.

Я выбирался из болезни с тем же остервенением, с каким искал по всему Нарланду твоих убийц. Здоровым у меня больше шансов сделать хоть что-то для Шику, да и для самого себя. Поэтому я упражнялся, не жалея сил, до потемнения в глазах. Рано или поздно РУ вспомнит про меня, и к этому моменту я должен быть в приемлемой физической форме.

Но вспомнили обо мне раньше, чем я ожидал. В один прекрасный день не пришла Вики. Я ждал до вечера, начиная тревожиться всерьез.

— Наверное, у миссис Райт появились неотложные дела, — Джейн, видя мое беспокойство, накапала в стаканчик успокаивающих капель, — могло такое случиться?

— Конечно, могло, — рывкаю я, продолжая метаться по палате. За окном сгущаются розовые сумерки, тени на снегу становятся все темнее.

В этот момент дверь распаивается, и входят два мордатых субъекта в камуфляжной форме без знаков отличия. Ни слова не говоря, они делают шаг и хватают меня под руки. Я слабо дергаюсь в крепких захватах, но ничего не могу сделать. Судя по абсолютному спокойствию моей сиделки — визит запланирован и обсуждался с лечащим врачом. Я позволяю защелкнуть на запястьях сенсорные наручники и презрительно говорю:

— Отпустите, не калека, сам пойду.

Меня отпускают. В сенсорных наручниках из неизвестной тюрьмы-больницы не так просто сбежать. Тем более, после ранения.

— Следуйте за мной, — произносит один мордатый, я послушно иду за ним, а второй замыкает шествие.

Мы спускаемся на лифте в просторный безлюдный холл, над головами голубоватые дневные лампы, по углам кадки с пальмами — обычная больница, вроде госпитальной базы,

только намного меньше.

— Сюда, — ведущий сворачивает в неприметный коридор и открывает дверь. Я вхожу за ним, небольшое помещение не похоже на больничное. В полумраке виднеются кресла и стол с открытым ноутбуком. Пока глаза привыкали к темноте, мордатый негромко о чем-то инструктировал напарника.

— Установи связь. Знаю, что помехи со спутника, вывернись, но дай нормальную связь. Понял?

Я оборачиваюсь на них, вопросительно поднимая брови, мол, чего вы меня сюда притащили. Мордатые смотрят на меня с удивленным выражением нашкодивших щенков.

— Садитесь, мистер Райт, — наконец выдает старший, — и ведите себя смирно.

— Зачем меня сюда притащили?

Они не достаивают ответом, и я окончательно убеждаюсь, что дело нечисто. Впихнув меня в глубокое неудобное кресло, мордатые покидают комнату, и я остаюсь один. Нервы во мне трепещут, как перетянутые струны, руки слегка подрагивают от волнения, и ладони ледяные. Едва заставляю себя сидеть смирно, хочется кинуться к ноуту и посмотреть, что за связь устанавливали мордатые. Наручники жгут руки, будто раскаленные.

Наконец в коридоре раздаются тяжелые, чуть шаркающие шаги. Затихают перед дверью. Я слышу тихий разговор, потом дверь с силой распаивается, и на пороге возникает высокий плечистый человек: про таких говорят поперек себя шире. Но, едва он делает шаг, я замечаю увечную неловкость. Он подволакивает левую ногу, плечо как-то странно изогнуто, будто на спине растет горб, а рука скрючена. И лицо...

Все холодеет у меня внутри, кровь стынет в жилах, капилляры трещат и ломаются с хрустальным звоном. Мертвые не возвращаются! Я знаю это твердо, но все-таки... Командора Рагварна невозможно не узнать. Даже теперь, с изуродованным лицом: левая половина — нижнее веко, угол рта — обвисла, на щеке мятые желтоватые шрамы от ожогов. На шее толстый багровый рубец от осколочной раны, на виске такая же звездочка.

Тяжелые шаркающие шаги приближаются, мне хочется зажмуриться, но я не могу оторвать глаз от лица командора. За его спиной хлопает дверь, а Рагварн приближается ко мне вплотную. Ни слова не говоря, отодвигает стул возле стола и садится, мощной спиной обрушиваясь на жалобно скрипнувшую спинку.

— Удивлен? — громыхает Рагварн так, что закладывает уши. Он славится такой силой голоса, что его могут слышать в поле несколько полков.

Я глотаю застрявший в горле ком. Удивлен — мягко сказано. Я убит! Теперь от меня точно не оставят мокрого места. Интересно, начнут прямо здесь?

Командор обрывает бешеный бег моих мыслей:

— Виктория уехала к детям, — сообщает он, — младший приболел.

Он задумчиво смотрит на меня, будто старается проникнуть под черепную коробку и прочесть мысли. А раньше я считал его в большей степени воякой. Что-то в Рагварне изменилось, что-то помимо внешности. Если бы он желал поквитаться со мной, мне было бы спокойнее.

— Ну что, сынок, — ласково спрашивает командор, болезненно кривя лицо, — повеселился в Нарланде? Чего молчишь? Язык проглотил?

— Не трогайте Вики, — сдавлено прошу я, — она ни в чем не виновата.

— Миссис Райт в полном порядке, — Рагварн удивленно косится на меня, — семья Стального Сокола под защитой госбезопасности, можешь не волноваться.

Я перевожу дух — кажется, не врет. Действительно, зачем ему трогать Вики и племянников, если я и так в его руках.

— Видел ребят, девчушка на Корда похожа, как две капли...

Провоцирует. И провокация срабатывает. Я так и не выпил чудо-капель Джейн, а нервы натянуты до предела.

— Это вы лишили их отца!

Рагварн хмурится, на его лице это выглядит устрашающе.

— Сынок, ты кое-что позабыл: за кем прилетел подполковник Райт в Штормзвейг?

— А вы хотели, чтобы он полетел за мной! — с клокочущей внутри злостью шепчу я. — Вам было на руку, чтоб героя Оримы растерзали нелюди! И вы его не остановили. Ведь после такого вопиющего случая можно было со спокойной совестью объявить Нарголле войну и упрятать в ней все концы.

Шрамы командора наливаются краснотой, он сжимает кулаки, но тут же выпускает пар. Еще одному он научился с последней нашей встречи — отменно держать себя в руках.

— Корда можно было спасти, — продолжаю обличать я, — если бы вы сразу вошли в Нарланд. Но поквитаться с дезертиром было важнее, чем спасти героя!

— Все простить не можешь сорванные погоны?

Да что он понимает!

— Идите к дьяволу!

Рагварн в упор смотрит на меня, один глаз его сощурен.

— Мальчишка, как есть мальчишка! — усмехается он. — Райт сам пришел ко мне. Потому что заподозрил своего командира, Форку, в связи с террористами. Много лет мы пытались вычислить местонахождение базы, где выращивают этих тварей, и твой брат сумел нащупать ниточку и подобраться к ним. Я позволил ему действовать на свой страх и риск.

— Ну-ну, — мрачно поддакиваю я, — загребать жар чужими руками вы умеете.

— Корд нашел выход, который устроил всех. Нам удалось внедрить разведчика в стан Ромари Алвано...

— Не верю! Корд уже не может оправдаться, но вы не убедите меня, что он придумал послать к этому маньяку подростка...

— Он не только придумал, но и сделал это, — отвечает командор.

— Ложь! — уже не в силах сдерживаться ору я. — После Ходхольма он не мог... не мог...

— Это было необходимостью.

— Вы что, с ума сошли?! Он был ребенком...

— Педро Алвано пошел на подвиг совершенно осознанно, — спокойно говорит Рагварн. Чурка, колода бесчувственная! Кому он пытается врать, как будто я не знаю собственного брата!

— Подполковник Райт служил империи жизнью и кровью, — неожиданно жестко произносит командор, — пора бы уяснить для себя, что служение империи не только в том, чтобы идти под пули. Оно требует большего!

Я выдыхаю, как проколотый воздушный шарик — долго и со свистом.

— Чего вам надо?

Рагварн выпрямляет плечи.

— Сынок, давай забудем прошлое: ты мне сорванные погоны, а я тебе — брошенную в лицо гранату. Империи нужна твоя служба.

Его заявление повергает меня в ступор. После всего?! После убийства посольства, затопленного Нарланда, угона вертолета — они хотят призвать на службу меня, бледную тень Стального Сокола? Мир катится в тартарары!

Глава 74

Он понял, о чем я думаю.

— За все твои художества тебе положен не один смертный приговор, — произносит командор, — но, на твоё счастье, Аделина Умано подтвердила, что всю ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое августа прошлого года ты провел с ней, а в «Грандкарине» не нашлось ни одного человека, способного опознать тебя в лицо.

— Кроме вас.

— Естественно, кроме меня.

— Я не намерен отказываться от совершенных преступлений, — хмыкаю я.

— И подпишешь этим себе приговор! — сверлит меня взглядом Рагварн.

— Зато никто не скажет, что Дан Райт ползал на брюхе, — дерзко отвечаю я, ожидая реакции. Я хочу понять, что им от меня надо.

Командор выпрямляется на стуле, выражение его лица не предвещает ничего хорошего.

— Никто не может безнаказанно убивать иностранных послов и имперских солдат! Никто не может рассчитывать, что это сойдет ему с рук!

Я тоже выпрямляюсь в кресле, насколько это возможно в неудобном положении. Он не пугает меня, я же вижу — разговор затеян не просто так. И от моего поведения сейчас, чувствую, зависит вся дальнейшая жизнь.

— Однако твоя дурость предотвратила гибель многих десятков людей. После нападения на «Грандкарину» из-под здания посольства извлекли не активированные заряды тротила. Так что воспоминание об этом останется только здесь, — командор тычет пальцем в звездчатый шрам на виске.

Вот как! Если бы не я, на другой день посольство в Штормзвейге взлетело бы в воздух. Мир все равно бы не состоялся, слишком многие были заинтересованы в продолжение военных действий в Нарланде.

— Генерал Логерфильд, полковники Стивенс и Девория арестованы. Твои показания очень понадобятся следствию. Но я здесь сейчас не за этим. Когда операция по поимке оборотней-офицеров вступила в завершающую стадию, РУ воспользовалось данным императором правом и перекрыло доступ в Нарланд через порталы. Однако нам не удалось накрыть всю сеть. Новое поколение супер-морфоидов, выведенное в недрах Нар-Крид, как оказалось, вывезено за пределы этого мира ранее. Глава операции «супер-морф» тоже ускользнул от правосудия. При твоём, между прочим, непосредственном участии.

Тихо рычу от злости. Я сам провел вертолет Крайер через кольцо охраны и собственными руками погрузил генерала Форку в кабину. Вот идиот!

Рагварн отворачивается к ноуту, медленно, будто с непривычки, нажимает несколько клавиш. На экране появляется дерганое изображение, сразу видно, снимали любительской камерой. Комнату наполнил уличный шум, гул голосов. Командор разворачивает ко мне ноутбук.

Аэровокзал. Похож на Буцалльский, я был там однажды. Большие табло с алыми

цифрами, высокие металло-пластиковые стойки. Много народа, как обычно бывает в аэропортах, длинная ровная очередь таможенного досмотра. Некоторое время царит обычная суета, потом очередь вдруг перемещивается, площадка перед будкой таможенного осмотра вмиг оказывается пустой. И раздается взрыв. В динамиках слышится треск — камера дешевая и не в состоянии передать звуки такой силы. Впрочем, вскоре в объектив попадает осколок пластика от обшивки, и изображение тоже пропадает.

— Видел?

Качаю головой. Рагварн, хмурясь, нажимает на повторный просмотр. Я вглядываюсь в то же помещение аэровокзала: табло, очередь, сухопарый таможенник, проверяющий документы.

— Вот она, смотри!

Я пытаюсь разглядеть то, что видит командор. Она — значит нужно искать женщину. Вот на переднем плане дама с крошечной сумочкой в руках, а чуть дальше — в широкополой шляпе, будто только с пляжа. И вот еще, высокая, с густой темной шевелюрой, плечи, как у морпеха, но сложена хорошо.

— Мать твою!

Рагварн немедленно останавливает запись, не дожидаясь давно случившегося взрыва.

— Взрыв в Буцалло прогремел три недели назад. Вчера террорист-смертник проник в здание посольства в Цехиме. Служба безопасности оказалась бессильна, несмотря на принятые меры, счет жертв пошел на сотни.

Я молчу, ожидая продолжения. Но командор снова нажимает клавиши и выводит на ноут новый ролик. Сначала я не понимаю, что за действие происходит на экране, но спустя пару мгновений узнаю лабораторию в Нар-Крид. Длинные столы в два ряда, пробирки, микроскопы, центрифуги и горелки. В кадре стационарной камеры возникает морфоид, потом мелькает знакомая фигура — я сам, собственной персоной, удирающий от чудовища, будто кролик от борзой. Неужели я выглядел так жалко? А мне-то казалось — сражался, как лев.

— Яйцеголовые назвали их супер-морфоидами, или суморфами. Мы пока не нашли способ, как остановить их. Пули задерживает концентрированное поле, а генетическая способность к мимикрии делает невозможными попытки вычислить их при досмотре. Теперь понимаешь, почему ты до сих пор жив?

Понимаю, еще как понимаю.

— Твоя феноменальная устойчивость к излучению нарьягов привлекла внимание еще в Крикхе. Боевое поле нелюди не оказывает разрушающего влияния на твои органы и ткани. После посещения капища в Нарголле на тебе не должно было остаться живого места, но ты вырвался оттуда целым и невредимым.

Вот оно что! Пока я валялся в беспомощности, меня наверняка изучили вдоль и поперек, но так и не нашли того фактора, который делает меня неуязвимым для излучения нарьягов. Я и сам могу только догадываться, в чем дело.

— Дан Райт, Империя призывает тебя на службу.

Оттягиваю ворот, неожиданно ставший мне слишком тугим.

— А не боитесь?

— На тебя наденут сенсорный браслет. Знаешь, что это такое?

Еще бы не знать. Снять его невозможно. При любом неверном движении в кожу вводится крошечная иголочка с парализующим веществом, буквально через секунду

ослушник падает без сознания. Ты как-то рассказывал, что подобные штуки начали применять для осужденных на каторжные работы и домашнее заключение.

— А если я откажусь? — сощуриваюсь я. Внутри все смерзается в твердый скользкий комок. Я снова, как зверь в клетке, и хочется завывать от нестерпимой тоски.

— Чтобы у тебя не возникло такого желания, посмотри еще кое-что, — невозмутимо отвечает Рагварн.

Что еще они придумали? Новый фокус для Дана Райта.

Гляжу в экран ноутбука с нетерпением, мне даже интересно, что приготовили для меня в РУ. Но увиденное превосходит все мои ожидания.

Для этого они и устанавливали связь. Изображение дается с портативной камеры на другом таком же ноутбуке, картинка в реальном времени. Унылые кафельные стены, железная койка с высокой спинкой и сбитым одеялом. На краешке вполоборота сидит человек, девочка, которую я узнаю с немислимым трудом.

— Танечка, — вырывается у меня стон.

Веселые кудряшки ее обвисли безжизненными спутанными прядями, лицо серое, а может, дело в недостатке света. Заострившиеся скулы и подбородок делают шестнадцатилетнюю Таню старше лет на десять. Плечи опущены, пальчики сжимают край больничной сорочки. Что с ней сделали?

Внутри горит от радости, смешанной с горькой и колючей виной. Я забирал у Сергея озорного ребенка, а теперь это сломленное запуганное существо.

— Что вы с ней сделали? — гневно кричу я Рагварну.

Оказывается, связь установлена не только визуальная. Танюшка резко оборачивается и с экрана смотрит прямо мне в лицо. Глазищи на осунувшемся личике мгновенно наполняются слезами.

Командор встает со стула и нависает надо мной.

— Нет, это ты сделал!

— Дан! — кричит Танюшка так пронзительно, что из динамиков несется звон. — Родненький мой!

Ее пальцы вцепляются в спинку кровати, губы дрожат, а слезы катятся по щекам двумя ручейками.

— Таня, где ты? Где ты находишься?

— Я... в госпитале, а ты... Мне сказали, ты... у тебя... сердце остановилось...

Она отерла мокрые щеки рукавом, голос хрипит от слез:

— Дан, я думала, у меня остановится сердце! Забери меня отсюда, пожалуйста! Я больше не могу так...

— Танюша, успокойся, — стараюсь говорить уверенно и бодро, — скоро, совсем скоро я приеду за тобой.

— Ты забереешь меня? Забереешь к себе, в Ориму? — как заведенная, шепчет Танюшка, нос у нее уже распух и под глазами красные пятнышки.

— Да, заберу в Ориму. К себе.

— Мне не верится, — навзрыд жалуется она, — а если меня опять дурачат, вдруг это какие-то фокусы?

Сердце сжимается так больно, что становится страшно. Значит, ее обманывали, расспрашивая обо мне. Лгали, что я мертв, а теперь, когда девчушка почти смирилась, снова расковыряли затянувшуюся рану. А залечить ее мне не дадут...

— Дан, — Танюшка шмыгает носом, чуточку успокаиваясь, — ты когда приедешь за мной?

Заведомая ложь жжет мне горло.

— На днях, постараюсь на днях.

— Ты постарайся, Дан! Я тут совсем одна.

От этого простодушного признания и вынужденного обмана на душе скребут уже не

кошки, а аргоннские тигры. Я пытаюсь улыбнуться, но вижу уже темный экран. Я обливаюсь холодным потом, чувствуя себя пойманным в капкан.

— Где радость на лице, сынок?

Мне хочется шипеть и кусаться.

— Что с ней теперь будет?

Рагварн возвышается надо мной с видом победителя.

— Юристы уже подготовили пакет документов на опеку, ведь Татьяна Светлова не достигла совершеннолетия и не имеет подданства империи. У нее больше нет родных, не так ли?

— Так, — подтверждаю я, от обилия свалившейся на меня информации голова идет кругом.

— В таком случае все предельно просто. Мировое соглашение уже вступило в силу, Нарголла отныне называется свободной областью Нар-ланд, и законы Империи распространяются на всей ее территории. С мальчиком дело обстоит хуже, чем с девушкой. Мы оформим попечительство, но тебе его не отдадут, пока медики не докажут, что ребенок больше не в состоянии генерировать боевое поле.

Смотрю ему в лицо, не отводя глаз, даже не в глаза, а в желтоватый шрам на щеке. Я не ослышался? Мне их отдадут? Я смогу забрать Таню и Шику в Ориму, домой?

— Чего ты молчишь?

— Не знаю, что сказать, — с трудом выдавливаю я, — все так... неожиданно.

— Решение за тобой.

Они все рассчитали. Если я сейчас откажусь, юным нарландцам грозит приют для сирот войны, а меня сгноят на имперской каторге где-нибудь на краю света. Однако стоит только сказать «да», у меня снова будет дом и семья. Так ли обременит меня сенсорный браслет на запястье?

— Дан Райт, — возвещает командор Рагварн.

Я поднимаюсь из кресла, мы теперь одного роста и можем глядеть друг другу в глаза.

— Империя призывает тебя на службу и дает возможность искупить вину с оружием в руках. Что скажешь?

Все уже решено. Корд, я во всем твой брат, и буду служить империи жизнью и кровью, не жалея сил.

— Служу Империи!

Эпилог

В Ориму пришли и надолго обосновались дожди. Стою на крыльце, сунув руки в карманы куртки, все-таки еще ранняя весна. Ветер доносит запах влажной земли, с хвойной горчинкой — из парка, где растут лиственницы.

Асфальт блестит от луж, в вышине лениво ворочается сердитый гром. Начинаю замерзать, привычно вытягиваю из пачки сигарету и хлопаю себя по карманам в поисках зажигалки. Сенсорный браслет непривычно крепко облегает запястье.

На крыльце появляется доктор Джон, тоже съездившийся от холода.

— Дай прикурить.

Он протягивает зажигалку, с удовольствием угощается из моей пачки. Курим, глядя в серую хмарь госпитального парка.

— Не попадай к нам больше, Дан.

— Постараюсь.

Жизнь начинается с чистого листа. Можно сделать вид, что до сих пор пачкал черновик, и начать, наконец, писать начисто. Жаль только, память у меня не отшибло, и сердце все в шрамах. Но сейчас я спокойно жду начала нового пути.

— Детишек когда тебе вернут? — допытывает доктор. Он ничего не знает, слышал краем уха. — Сколько их у тебя?

— Двое, — отвечаю я, не вдаваясь в подробности.

— Двое — это хорошо, — говорит Джон, хлопая меня по плечу, — ну, удачи тебе.

Уходит. Я остаюсь на крыльце один. Впрочем, уже через минуту подкатывает серебристый седан Вики. Невестка приоткрывает дверь и машет мне.

— Помочь тебе?

— Не надо, я сам, — улыбаюсь во весь рот ее трогательной заботе, — здравствуй.

Она целует меня в обе щеки.

— Привет. А у нас Ким приболел, пришлось уехать. Ты же знаешь мою маму, она всегда так беспокоится, — смеется Вики.

— Все обошлось?

— Конечно.

Она минует ворота госпиталя и выруливает на загородное шоссе. Я прожил в Ориме всю жизнь, но здесь никогда не бывал. Вероятно, о существовании этой госпитальной базы не знают даже в правительстве.

Автомобиль мчит по загородной трассе, из приемника доносится негромкая музыка, за окном мелькает лесополоса.

— Я попросила миссис Смит прийти и привести дом в порядок. Помыть полы, чехлы снять, приготовить обед. Думаю, она уже управилась.

С запоздалым раскаянием думаю о тех, на ком отразились мои подвиги. После моего бегства в Нарланд, банковские счета заблокировали, и экономка осталась без работы. Бедная миссис Смит!

Мы въезжаем на высокий мост, отсюда видна почти вся Орима: дворец Его императорского величества, вещательный комплекс, знаменитый оримский стадион. Я не был дома почти два года, а кажется, прошли века, и все разительно изменилось, оставшись при этом таким же родным.

Вики сворачивает на кольцевую. Наш дом в старом квартале, до него чуть больше пяти миль. С детским любопытством смотрю в окно на те места, которые хорошо знаю: булочная на углу, торговый центр, парк, где мы с тобой бегали детьми. Наш дом: могучий, приземистый, с красной черепичной крышей и разросшимися кустами терна в саду.

— Вот ты и дома, Дан, — тихо говорит Вики, очень остро чувствуя мое состояние. Я прошел долгий путь, чтобы вернуться сюда.

Вики отпирает входную дверь и пропускает меня внутрь. Я отважно шагаю в прихожую и замираю. Пусто, чисто, тихо. Скрип половиц и шелест штор от сквозняка. Чехлы сняты, пыль вытерта, но вид все равно нежилой.

Не тревожа меня, Вики уходит на кухню, я слышу, как она открывает шкафчики в поисках кофе и сахара. Иду в гостиную, на ощупь привычно нахожу выключатель, яркий свет заливают комнату. Кресло у окна слегка покачивается, будто тот, кто в нем сидел, встал минутой назад. Я чувствую себя гостем в родном доме. Осторожно поднимаюсь по лестнице наверх и заглядываю в комнаты, где все знакомо до мелочей. Макеты самолетов в моей спальне, старое мамино зеркало и книжный стеллаж у тебя.

Вдруг вспоминаю, что надо приготовить комнаты для Шику и Тани. Я мог бы занять твою спальню и отдать свою старую Шику, а Танюшке придется отделать гостевую комнату. Впору схватиться за голову, столько всего надо успеть сделать. И я совершенно не представляю, за что браться в первую очередь.

— Дан, — Вики поднимается по лестнице, — я сварила кофе и сделала тосты. Ты, наверное, проголодался.

— Да, порядком.

— Скучал по дому? — вдруг спрашивает она, прижимаясь к косяку.

— Не знаю. Уж больно тут тихо. Вики, мне нужна будет твоя помощь.

— Конечно, что нужно сделать?

— Я не очень хорошо понимаю, что требуется детям. Нужно будет приготовить комнаты и нанять няню... ну и кого там еще надо? Психолога, репетитора?

Вики с ласковой улыбкой смотрит на меня:

— Ты так изменился, Дан.

Только тут до меня доходит, что я делаю что-то не так:

— Извини, ради бога, Вики! Ведь это и твой дом. Я даже не спросил, можно ли мне поселить здесь ребят. Если нет, ты только скажи, я подыщу другое жилье...

— Дан! — она мягко берет меня за руку. — Это твой дом. Тебе не нужно ничего подыскивать. И спрашивать ни у кого не надо.

Я открываю рот, чтобы возразить, но Вики продолжает:

— Знаешь, я боялась этого дома. Только вот с тобой решилась войти. Жаль было, что он пустует, но... я не могла заставить себя. Осенью привозила Анж в Ориму, в глазную клинику. Анж попросилась домой, я ей открыла... и сама осталась на пороге...

Сердце будто сдавило невидимой рукой.

— Анж делали операцию на глаза?

— Да, а откуда ты знаешь? Дан... что с тобой? Ты так побледнел...

— Все... в порядке... — вымученно улыбаюсь я, пытаюсь протолкнуть воздух в легкие.

— Погоди, я сейчас, — Вики усаживает меня на постель и бежит вниз за каким-то лекарством. Каблочки громко стучат по лестнице, потом хлопает входная дверь.

Когда становится тихо, я подхожу к зеркалу, касаюсь темного серебра кончиками

пальцев. Кого я вижу в туманной глубине старинного стекла?

— Здравствуй, Корд, — говорю я. И мне чудится ответ:

— Здравствуй, Дан.

Больше книг на сайте - Knigolub.net